П. А. Смирновъ.

Жизнь и ученіе

Преосвященнаго

ѲЕОФАНА,

Вышенскаго Затворника.

Въ память десятилѣтія со дня блаженной кончины Святителя.

г. Шацкъ.
Типографія Н. П. Купленскаго и Е. И. Рогачева.
—1905—

Въ
3.14

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется
Москва. Марта 14 дня. 1905 года.

Цензоръ, Протоіерей Александръ Гиляревскій.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1265
66

ЕПИСКОПЪ ѲЕОФАНЪ

(затворникъ)

Скончался 6-го Января 1894 г. въ Вышинской пустыни Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

I Глава. Стран.

Время домашняго воспитанія и школьнаго образованія . . . . . .—10—19

II Глава.

Учебно-воспитательная служба.

Практическая учебно-воспитательная дѣятельность стр. 20. Педагогическія воззрѣнія. Взглядъ на задачи христіанскаго воспитанія и личность воспитателя—22. Первоначальное воспитаніе ребенка въ христіанской семьѣ—25. Воспитаніе юноши—31. Взглядъ на школьное образованіе—37. Ученіе о прогрессѣ—42.

III Глава.

Служба въ заграничныхъ миссіяхъ . . . .—50—54

IV Глава.

Служба въ санѣ епископа.

Главная задача пастырской дѣятельности—55. Образецъ исповѣданія православной вѣры—57. Ученіе о домашней и церковной молитвѣ—60. Взглядъ на расколъ—68. Дѣятельность во время пожаровъ въ Тамбовской епархіи—73. Частная жизнь и отношеніе къ подчиненнымъ—77. Рѣшеніе оставить каѳедру и прощаніе съ Владимірскою паствою—80.

V Глава.

Жизнь въ затворѣ.

Причины удаленія въ затворъ—83. Внѣшняя обстановка затвора—85. Подробное изложеніе содержанія сочиненія «Путь ко спасенію», служащаго ключемъ къ пониманію жизни автора въ затворѣ—86. Труды и подвиги затворника. Его молитва— 120. Духовное писательство и занятія рукодѣліемъ—129. Нестяжательность—131. Дѣла милосердія затворника и ученіе его о христіанской милостынѣ—132. Отношеніе затворника къ оставленному міру и отклики на современность—140. Смиреніе его—148.

VI Глава.

Литературные труды. Сочиненія нравоучительныя.

Ученіе объ устройствѣ человѣческой природы—154. Ученіе о совѣсти—158. Философское міровоззрѣніе святителя, какъ основаніе его нравоученія—169. Понятіе объ истинно-христіанской жизни—176. Побужденія стремиться къ ней. Наличное содержаніе внутренняго міра человѣка въ его настоящемъ, поврежденномъ состояніи—180. Присутствіе и явленіе благодати Божіей въ его жизни—189. Ученіе о средствахъ и путяхъ къ истинно-христіанской жизни—192. Ступени восхожденія по ней—199. Частное наставленіе о томъ, какъ христіанину располагать свой день—205. Ученіе о томъ, какъ сподобиться человѣку мирной, христіанской кончины—206.

VII Глава.

Проповѣди.

Общая характеристика ихъ—211. Проповѣди въ недѣли говѣнія. Понятіе о говѣніи и какъ слѣдуетъ проходить его—223. Какъ нужно готовиться къ исповѣди и покаянію и въ чемъ существо ихъ—229. Какъ слѣдуетъ проводить канунъ дня причащенія и съ какими мыслями и чувствами приступать къ таинству—233. Плоды достойнаго причащенія—238. Что потребно покаявшемуся и причастившемуся—241.

VIII Глава.

Письма.

Общая характеристика переписки—245. Письмо о томъ, что православное иконопочитаніе не есть идолопоклонство—249. Письма: о вѣчности мученій грѣшниковъ—253, о необходимости для человѣка принадлежать и имѣть живой союзъ съ церковію для спасенія—255, о церковной обрядности—263. Православный взглядъ на праздники—270. Ученіе о свободѣ воли и объ отношеніи предопредѣленія Божія къ свободѣ—271. Утѣшеніе богача, потерявшаго состояніе—276.

IX Глава.

Истолковательныя сочиненія.

Общая характеристика ихъ—277. Толкованія догматическаго содержанія. Ученіе о Священномъ Преданіи, какъ источникѣ

божественнаго откровенія и о значеніи его въ жизни церкви—282. Образцы нравоучительныхъ толкованій—290. Образецъ толкованія по предметамъ христіанской психологіи—296.

X Глава.

Переводныя сочиненія.

Содержаніе и значеніе «Добротолюбія»—299. Ученіе св. отцевъ по «Добротолюбію» о различныхъ ступеняхъ истинно-христіанской жизни—307, о страхѣ Божіемъ—317, о смерти—319.

XI Глава.

Послѣднее время жизни, смерть и погребеніе преосв. Θеофана. Необычайныя знаменія памяти о немъ въ православномъ мірѣ —323—335.

XII Глава.

Общественно-историческое значеніе жизненнаго подвига преосв. Θеофана—335—349.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша Вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. XIII—7).

Покойный святитель—преосв. Ѳеофанъ—Затворникъ принадлежитъ именно къ тѣмъ немногимъ нашимъ духовнымъ наставникамъ, хранить благодарную память о которыхъ заповѣдуетъ апостолъ; ибо онъ всю жизнь проповѣдывалъ намъ слово Божіе и самая жизнь его представляетъ собою величайшій образецъ для подражанія. Въ настоящее время является и внѣшній поводъ къ этому поминовенію, такъ какъ 6 января будущаго 1904 г. исполнятся десять лѣтъ со дня блаженной кончины святителя *). Историческіе поминки и юбилеи выдающихся общественныхъ дѣятелей у насъ принято праздновать особыми, часто торжественными собраніями въ память ихъ. Послѣднія имѣютъ очень важное нравственно—общественное значеніе. Конечно, не самимъ юбилярамъ нужны подобные праздники, ибо они уже стоятъ предъ лицемъ Божіимъ во всей совокупности своихъ дѣлъ, своей жизни и нуждаются только въ молитвахъ церкви. Но эти праздники крайне необходимы самому обществу и народу, изъ котораго вышли чествуемые дѣятели. Тогда оно торжественно свидѣтельствуетъ, что помнитъ и умѣетъ цѣнить значеніе духовныхъ благъ, завѣщанныхъ ему великими людьми. Тутъ особенно дорого то, что вся масса обыкновенныхъ—среднихъ и малыхъ людей, оторвавшись отъ узкихъ интересовъ будничной жизни и сбросивъ съ себя иго житейскихъ заботъ, хоть на нѣсколько часовъ становится лучшею, входя въ соприкосновеніе съ идеями великаго человѣка и переживая возвышеннѣйшіе, облагораживающіе моменты жизни. На памяти дорогого лица общество припоминаетъ свою исторію, ростъ своей внутренней жизни, невольно сравниваетъ и провѣряетъ настоящее опытами прошлаго, можетъ находить и указанія для лучшаго будущаго. И для почившаго святителя Ѳеофана наступаетъ время первыхъ историческихъ поминокъ, когда на собраніяхъ

*) Писано въ концѣ 1903 г.

въ память его будутъ воспроизведены и представлены общественному вниманію важнѣйшія свѣдѣнія о его личности и дѣятельности. Десять лѣтъ слишкомъ незначительный періодъ для полнаго изображенія жизни и общественнаго служенія такого крупнаго историческаго дѣятеля, какъ преосв. Θеофанъ, но вполнѣ достаточный для того, чтобы отмѣтить общій характеръ и направленіе, разъяснить главнѣйшіе и болѣе существенные моменты развитія и проявленія ея. Въ настоящее время уже немало сдѣлано для безсмертія имени святителя. Изданы его сочиненія и напечатано десять книгъ писемъ, особенно важныхъ для характеристики его личности. Спеціалисты и теперь уже широко пользуются обильными плодами жизненнаго подвига святителя. Такъ современный экзегетъ слова Божія не можетъ обойтись безъ его, по истинѣ классическихъ, истолковательныхъ сочиненій; для учителя богословія стала настольною книгою—«начертаніе христіанскаго нравоученія»; аскетъ имѣетъ незамѣнимое руководство въ его многочисленныхъ аскетическихъ твореніяхъ и т. д. Но общественной христіанской массѣ, такъ называемой широкой публикѣ преосвящ. Θеофанъ слишкомъ мало извѣстенъ. Для неяже онъ долженъ быть особенно дорогъ, какъ великій и авторитетнѣйшій учитель духовной жизни и нравственности, въ чемъ состоитъ важнѣйшая историческая заслуга его предъ русскимъ православнымъ обществомъ. Послѣднему существенно необходимо ознакомиться съ личностью и дѣятельностью преосв. Θеофана, какъ учителя христіанской жизни. Но какой удобнѣйшій способъ къ тому? Конечно, лучшее средство знакомства съ писателемъ—его сочиненія. Никто и ничто не можетъ дать болѣе полнаго и правильнаго понятія о немъ, какъ онъ самъ. Въ особенности нужно сказать это по отношенію къ такому глубоко искреннему и убѣжденному писателю, какъ преосв. Θеофанъ. Каждая строка его твореній есть свидѣтельство о его личности. Но тутъ является нѣкоторое важное затрудненіе. Вся масса литературныхъ трудовъ святителя, даже одни нравоучительныя сочиненія, недоступна большинству публики, какъ по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ и по трудности составить полное собраніе ихъ. Издаваемыя же въ послѣднее время небольшія книжки и брашуры изъ его сочиненій—о молитвѣ, о храмахъ, о покаяніи и причащеніи и др., даютъ только отрывочныя свѣдѣнія по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ и далеко не достаточны для выясненія общаго представленія о дѣятельности его, какъ учи-

теля христіанской жизни. Намъ кажется, что существенныя извлеченія изъ твореній преосвящ. Θеофана по важнѣйшимъ вопросамъ христіанской нравственности, изложенныя въ связи съ главными событіями его жизни и собранныя въ одну книгу, явились бы при настоящихъ условіяхъ болѣе другихъ подходящимъ и на первыхъ порахъ достаточнымъ средствомъ къ удовлетворенію сказанной потребности нашего общества по ознакомленіи съ ихъ авторомъ. Такъ возникла мысль о предлагаемомъ изданіи и въ этомъ его существенная задача. Оно есть слабая, посильная дань нашего глубочайшаго благоговѣнія къ памяти великаго христіанскаго учителя и подвижника. Если у просмотрѣвшаго настоящую книжку явится стремленіе ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ замѣчательною личностью и богатою духовною сокровищницею твореній святителя, то мы почтемъ себя вполнѣ нравственно удовлетворенными и цѣль достигнутою.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія двѣ оговорки. Во первыхъ, ученіе преосв. Θеофана о важнѣйшихъ предметахъ христіанской жизни изложено въ книгѣ въ большинствѣ буквально, дабы сохранить и дать читателю истинное понятіе о глубинѣ содержанія и художественной простотѣ внѣшняго выраженія его. Святитель былъ настолько самобытный и оригинальный мыслитель, и самая рѣчь его такъ характерна и своеобразна, что его ученіе крайне затруднительно передать чужими словами; никакое воспроизведеніе не можетъ дать дѣйствительнаго представленія о воспроизводимомъ. Во вторыхъ, всѣ фактическія свѣдѣнія о жизни подвижника тщательно провѣрены нами подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по указаніямъ лица, ближе всѣхъ стоявшаго и лучше другихъ знавшаго его. Мы говоримъ о тогдашнемъ (и нынѣшнемъ) настоятелѣ Вышенской обители почтенномъ о. архимандритѣ Аркадіи, этомъ въ настоящее время единственномъ свидѣтелѣ пустынныхъ подвиговъ почившаго владыки, которому послѣдній въ теченіе своего 28 лѣтняго пребыванія на Вышѣ не разъ пересказывалъ важнѣйшія событія своей жизни. Маститый старецъ былъ настолько внимателенъ къ нашей работѣ, что не отказалъ сообщить не мало свѣдѣній о жизни святителя, еще не бывшихъ въ печати, а также просмотрѣть и сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ напечатанномъ уже матеріалѣ, за что мы считаемъ своимъ долгомъ принести ему глубокую признательность.

Декабрь 1903 г.

Жизнь и ученіе преосвящ. Θеофана, Вышенскаго Затворника.

„Не тяготѣйте къ землѣ. Все тлѣнно —только одно счастье загробное вѣчно, неизмѣнно, вѣрно. И это счастье зависитъ отъ того, какъ мы проживемъ эту нашу жизнь“.

„Не собирай другихъ сокровищъ кромѣ мудрости, добродѣтели и благочестія. Это—единственное благо, которое не отниметъ никакая перемѣна счастья.“
Преосвящ. Θеофанъ.

Въ жизни христіанской Церкви, какъ въ жизни и всякаго человѣческаго общества, въ каждый, извѣстный періодъ ея историческаго существованія выдвигались изъ окружающей среды личности, которые являлись носителями и выразителями лучшихъ идей и стремленій своего времени, къ авторитетному голосу которыхъ всѣ прислушивались и потому они неизбѣжно становились общественными руководителями духовной жизни. Вліяніе подобныхъ личностей въ большинствѣ ограничивалось предѣлами своего отечества и своего времени. Но были періоды, когда значеніе ихъ переступало эти границы, и тогда они являлись вселенскими учителями. Каждая изъ древнихъ христіанскихъ церквей имѣла своего духовнаго главу—Карѳагенская Кипріана, Ліонская—Иринея, Миланская—Амвросія и пр. Но были и такія духовныя свѣтила, свѣтъ которыхъ ярко сіялъ на всю тогдашнюю вселенную и своимъ отблескомъ озарилъ всю послѣдующую жизнь церкви. Таковы имена вселенскихъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Наша русская церковь, принявшая православную вѣру отъ вселенской церкви, также никогда не имѣла недостатка въ истинныхъ духовныхъ руководителяхъ. Преп. Антоній и Θеодосій Кіевскіе, Св. Сергій Радонежскій—эти великіе молитвенники и печальники за нашу родину въ періодъ ея политическаго рожденія и въ критическій моментъ татарскаго ига; блаженные московскіе святители—Петръ, Алексѣй, Іона—эти истинные

собиратели земли русской и первоначальники ея будущаго могущества и славы; Свв. Филиппъ и Гермогенъ—крѣпкіе духомъ ратоборцы—защитники попранной людми правды Божіей на землѣ и мученники за свои идеи; наконецъ, гигантъ реформаторъ—патріархъ Никонъ, по своему горячему протесту противъ общественной косности и застоя, дѣйствительный предшественникъ геніальнаго преобразователя Россіи Петра—все это такіе столпы древней русской жизни, на которыхъ твердо держалась не только церковь, но нерѣдко и само государство. Теперь уже съ несомнѣнностью установлено, что въ первой половинѣ послѣдняго 19 столѣтія приснопамятный Московскій святитель Филаретъ былъ такимъ великимъ нравственнымъ авторитетомъ, голосъ котораго имѣлъ рѣшающее значеніе не въ однихъ дѣлахъ церкви, но къ нему внимательно прислушивались и по многимъ государственнымъ вопросамъ первостепенной важности. Исторія церковной жизни нашего отечества второй половины истекшаго столѣтія еще не написана, для нея пока только собираются и разработываются матеріалы. Но безъ всякаго сомнѣнія напередъ можно сказать, что будущій историкъ этого періода назоветъ имя преосвящ. Ѳеофана, какъ самаго полнаго и совершеннаго носителя, какъ самаго глубокаго, съ непререкаемымъ авторитетомъ учителя духовно-нравственной христіанской жизни, въ ея первоначальной евангельской чистотѣ, въ пониманіи и изъясненіи обнаруженій ея по духу первыхъ вѣковъ христіанства.

Жизнь и дѣятельность преосвящ. Ѳеофана представляетъ рѣдкое, исключительное явленіе въ исторіи христіанской церкви послѣдняго времени. Во второй половинѣ пресловутаго девятнадцатаго, матеріалистическаго и эгоистическаго вѣка, въ православной Россіи явился подвижникъ и истинный отшельникъ въ духѣ первыхъ временъ христіанства. Нашелся человѣкъ, который рѣшительно не думалъ о матеріи, совершенно забылъ себя и всѣ свои силы отдалъ на служеніе Богу и ближнему. И это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ученнѣйшій богословъ своего времени и полновластный іерархъ церкви. И подвигъ его особенный, чрезвычайный. Совершенно уединившись отъ внѣшняго міра тѣлесно и затворившись въ тѣсной келіи скромной обители, онъ однако не порвалъ съ міромъ духовной связи. Напротивъ. Кажется, для того онъ и удалился отъ міра, чтобы съ высоты своего подвига яснѣе видѣть насущныя нужды и недуги нашего времени и, по возможности, полнѣе оказать

необходимую помощь. Въ подвигѣ святителя предъ нашимъ взоромъ прежде всего является высоко благочестивая личная жизнь его, служащая живымъ, высоко поучительнымъ образцомъ для христіанъ нынѣшняго времени. 28 лѣтъ своего затвора онъ беззавѣтно отдалъ на служеніе Богу молитвою и богомысліемъ и на пользу ближняго неустанными трудами богомудрыхъ духовныхъ писаній. Воскресивъ своею жизнію съ 19 столѣт. идеалъ истиннаго подвижника древней церкви и показавъ нетлѣнную красоту его, преосв. Ѳеофанъ по справедливости былъ яркимъ свѣточемъ духовнымъ, указующимъ правый путь современному обществу къ истинѣ и добру. И одного этого было достаточно для безсмертія имени святителя. Но онъ сдѣлалъ гораздо больше. Въ цѣлой библіотекѣ своихъ вдохновенныхъ твореній онъ является великимъ христіанскимъ учителемъ. О чемъ же именно говорятъ эти творенія? О многихъ важныхъ предметахъ нашего внутренняго міра, но главная и существенная мысль, проходящая красною нитью по всему цѣлому одна—рѣшеніе основнаго вопроса христіанской нравственности *о единомъ на потребу,* указаніе и разъясненіе пути къ благочестію и спасенію. Въ рѣшеніи этого вопроса весь смыслъ личнаго подвига и литературной дѣятельности святителя—затворника. Всю свою жизнь носилъ въ душѣ и лелѣялъ онъ этотъ идеалъ и вотъ какъ однажды высказался о немъ. «Сколько разъ приходится жалѣть, что не умѣю такъ писать, чтобъ всѣхъ затрогивать. Когда бы умѣлъ, составилъ бы такую книгу, что всякій читающій рѣшился бы содѣвать свое спасеніе» *) И Господь судилъ скромному отшельнику осуществить свою завѣтную думу. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ преосвящ. Ѳеофана духовная жизнь раскрыта всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностію и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ до мельчайшихъ проявленій и подробностей, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности. Святитель по справедливости можетъ быть названъ величайшимъ учителемъ христіанской нравственности за послѣднія столѣтія. Его сочиненія—безцѣнное руководство для каждаго христіанина, желающаго устроить свою жизнь согласно ея высокому назначенію.

Въ появившихся по смерти преосв. Ѳеофана немногихъ жизне-описаніяхъ и характеристикахъ онъ сравнивался съ Св. Тихономъ Задонскимъ по направленію своихъ сочиненій и

*) Воскресное чтеніе 1894 г. № 35—36.

личной жизни, и съ св. Златоустомъ по характеру толкованій Слова Божія. Но есть еще въ древней христіанской церкви подвижникъ, къ которому очень близко стоитъ святитель по духу своихъ твореній, по внутреннему складу и внѣшнему теченію жизни, писанія котораго онъ охотно изучалъ и перелагалъ на русскій яз. Мы говоримъ о св. Іоаннѣ Лѣствичникѣ. Послѣдній въ своей божественной «Лѣствицѣ» начерталъ путь постепеннаго восхожденія христіанина до высшихъ ступеней духовнаго совершенства и свое ученіе запечатлѣлъ 40 лѣтнимъ уединеннымъ подвигомъ въ Синайской пустынѣ. Преосвящ. Ѳеофанъ въ своемъ замѣчательномъ и важнѣйшемъ сочиненіи «Путь ко спасенію» всесторонне раскрылъ величайшій идеалъ христіанской нравственности, указалъ путь добродѣтелей, ведущихъ къ достиженію идеала, а въ духовныхъ подвигахъ 28 лѣтняго затвора наглядно воплотилъ его въ своей жизни.

Чаще всего мы цѣнимъ по истинному достоинству человѣка тогда, когда теряемъ его. По смерти святителя съ особенною ясностію обнаружилось, какую огромную и невознаградимую потерю понесла въ лицѣ его православная церковь и русское общество. Глубокая скорбь сказалась тогда во всемъ русскомъ православномъ мірѣ, сколько-нибудь знавшемъ почившаго. Подъ живымъ впечатлѣніемъ кончины преосвященнаго, вотъ что, между прочимъ, писалъ десять лѣтъ тому назадъ одинъ изъ современниковъ и почитателей его, изъ среды авторитетной профессорской корпораціи. «Въ лицѣ этого извѣтнаго многимъ аскета—епископа, который въ теченіе двадцати восьми лѣтъ пребывалъ въ пустыни, предпочитая бесѣду съ Господомъ всѣмъ благамъ міра сего, по истинѣ угасъ для земной жизни великій свѣтильникъ церкви. И этотъ свѣтильникъ горѣлъ на всю православную Россію самымъ чистымъ, всеозаряющимъ духовнымъ свѣтомъ. Онъ былъ ученый мужъ, постигшій всю мудрость академическаго знанія: былъ архіерей, которому ввѣрена была широкая власть и представлены высокія почести. Но не въ этой учености и не въ этой власти и чести полагалъ онъ смыслъ и назначеніе жизни. Свою ученую мудрость и архіерейскую честь онъ смѣнялъ на смиренную долю отшельника, удалился въ пустынь, чтобы тамъ похоронить все, что было въ немъ мірского, похоронить и ученость и архіерейство, похоронить наконецъ самого себя—для здѣшней мірской жизни. Но какъ нельзя сокрыть отъ міра солнца, такъ не могла и пустынь сокрыть отъ св. Руси истиннаго свѣтильника православной жизни, и если онъ сталъ

безвѣстенъ для большинства тѣхъ, которые живутъ лишь міромъ и суетой его, то тѣмъ болѣе близокъ сталъ онъ къ тѣмъ, кто живетъ истинною духовною жизнью и стремится къ ней. Вышенская пустынь, куда удалился на покой преосв. Ѳеофанъ, сдѣлалась источникомъ высокаго духовнаго просвѣщенія,—просвѣщенія, которое неизмѣримо выше того, которое дается высшими школами, потому что это просвѣщеніе исходило не только отъ ученаго ума, но и отъ глубокочувствующаго сердца. Изъ этой пустыни, гдѣ смолкъ живой голосъ Ѳеофана, по всей Россіи стали распространяться книги и письма, въ которыхъ говорила сама духовная мудрость и любовь, говорила отъ глубины духовно-просвѣщеннаго ума и отъ чистоты истинно христіанскаго сердца. Въ его замѣчательной личности поразительно сочетались тѣ элементы, которые дѣлаютъ въ полномъ смыслѣ православнаго человѣка,—человѣка съ такою цѣльностью нравственнаго бытія, при которой всѣ противорѣчія, неразлучныя съ земною жизнью, уступаютъ мѣсто дивной гармоніи, и бренный, немощный и грѣшный человѣкъ становится существомъ, истинно воплощающимъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе. О немъ съ правомъ можно сказать, что онъ дѣйствительно воплотилъ въ себѣ весь смыслъ православной церкви, и потому-то каждое его слово находило такой живой отголосокъ въ сердцѣ православныхъ людей и каждое его письмо проливало въ сердцѣ истинную сладость. Не даромъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Вышенскую пустынь летѣли письма—съ выраженіемъ тѣлесныхъ и духовныхъ скорбей, съ жалобами на душевное томленіе и на торжество суеты мірской, и многіе получили цѣлительный бальзамъ для своихъ настрадавшихся душъ, когда преосвящ. Ѳеофанъ отвѣчалъ имъ письменно-же. Каждое его письмо было достаточно глубокимъ источникомъ, чтобы назиданіе и утѣшеніе въ немъ могли почерпнуть не только тѣ, къ кому оно было направлено, но и множество другихъ, испытавшихъ тоже томленіе духа. Истинно русскіе православные люди своимъ чуткимъ сердцемъ познали въ немъ дѣйствительно неизсякаемый источникъ книжной сладости, и она обильно изливалась изъ него. Въ немъ православная церковь нашла себѣ высокаго выразителя того духа жизни, который составляетъ ея собственную сущность и который служитъ изобличеніемъ лжи и неправды, распространяемой невѣгласами и злопамѣренными людьми, будто православная церковь безжизненна и скована узами бездушной обрядности. Церковь, способная производить такихъ личностей,

какою былъ преосвященный Θеофанъ, очевидно имѣетъ въ себѣ достаточно жизненности и силы, чтобы совершать свою святую миссію на землѣ» *).

I.

Время домашняго воспитанія и школьнаго образованія.

„Я съ молодыхъ дней этого просилъ и искалъ, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ пребывать непрестанно съ Богомъ“.
Преосвящ. Θеофанъ.

Преосв. Θеофанъ, въ мірѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ, родился 10 января 1815 года въ селѣ Чернавскѣ, Елецкаго уѣзда Орловской губерніи. Отецъ его, священникъ этого села, отъ природы человѣкъ очень способный получилъ хорошее образованіе и отличался строго благочестивою жизнію. Онъ кончилъ курсъ родной семинаріи съ званіемъ студента и оставленъ былъ при ней въ должности воспитателя юношества, такъ называемаго «сеніора». Какъ выдающійся среди духовенства дѣятель, онъ скоро былъ замѣченъ епархіальною властью и назначенъ на важную и отвѣтственную должность благочиннаго, каковую съ честью проходилъ въ теченіе 30 лѣтъ, заслуживъ одобреніе начальства, любовь и уваженіе подчиненныхъ. Мать преосвященнаго была женщина глубоко религіозная, въ высшей степени скромная и трудолюбивая; отличительною чертою ея характера была мягкость и доброта сердца, особенно ярко выражавшіяся въ ея сострадательности и всегдашней готовности придти на помощь всякаго рода нуждающимся. Получивъ отъ отца въ наслѣдство сильный и глубокій умъ, Преосв. Θеофанъ отъ матери унаслѣдовалъ весь свой нравственный складъ вмѣстѣ съ наружностью. Будучи отъ природы очень живой, впечатлительный и рѣзвый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще съ ранняго дѣтства отличался нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ и вообще имѣлъ много женственнаго въ своей природѣ. Въ кругу столь счастливо составленной семьи прошли первые годы жизни мальчика, и здѣсь же началось его книжное обученіе. Нѣсколько механичное, не всегда достаточное въ отношеніи умственнаго развитія, наше старинное элементарное об-

*) Церковный Вѣстникъ 1894 г. № 3.

разованіе имѣло неоцѣненное нравственное качество въ его церковномъ направленіи. Молебномъ начиналось оно, по церковнымъ книгамъ совершалось, а храмъ Божій и богослуженіе, подъ обильнымъ воздѣйствіемъ которыхъ всегда находилось дитя, благотворно заканчивали и закрѣпляли его, имѣя самую благопріятную окружающую среду въ благочестивомъ семействѣ. Таково именно было обученіе преосв. Ѳеофана въ кругу многочисленной, религіозно-настроенной семьи сельскаго священника. Ближайшимъ образомъ его вели двѣ женщины-мать и тетка, подъ руководствомъ отца, по своей службѣ не имѣвшаго достаточнаго досуга для постоянныхъ непосредственныхъ занятій съ сыномъ. Благочестивый священникъ часто бралъ съ собою мальчика въ храмъ Божій, гдѣ онъ становился на клиросѣ или прислуживалъ въ алтарѣ. При этихъ посѣщеніяхъ живой и рѣзвый ребенокъ не прочь былъ иногда пробраться къ церковнымъ колоколамъ и позвонить. Однажды послѣ вечерни онъ былъ запертъ на колокольнѣ сторожемъ, не замѣтившимъ его. Чтобы избѣжать непріятности дожидаться тутъ другого дня, мальчикъ не задумался спуститься по веревкѣ, протянутой отъ колокола къ землѣ. Была серьезная опасность для жизни, но видимо Господь хранилъ своего избранника. Первыя жизненныя впечатлѣнія человѣка являются обычно наболѣе глубокими и сильными, а потому и подобное семейное воспитаніе несомнѣнно имѣло большое нравственное значеніе, безсознательно, но прочно заложивъ въ душѣ ребенка истинное зерно будущей жизни великаго христіанскаго подвижника. Въ особенности важно, что зерно это было насаждено нѣжною рукою любящей матери. Счастливая пора дѣтства святителя съ этой стороны очень напоминаетъ подобный же періодъ въ жизни вселенскихъ учителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, когда древнія матери—христіанки въ добромъ семейномъ воспитаніи полагали начало будущей славы своихъ великихъ дѣтей.

Способный, хорошо подготовленный мальчикъ въ 1823 году былъ помѣщенъ въ Ливенское духовное училище, курсъ котораго онъ прошелъ очень легко, живя среди самыхъ благопріятныхъ нравственныхъ условій, въ семьѣ одного изъ наставниковъ заведенія. Въ 1829 г. Говоровъ, въ числѣ лучшихъ учениковъ, перешелъ въ Орловскую семинарію. Теперь мальчикъ сталъ юношею, и тутъ началась первая работа его сознательной мысли. Тогда же впервые сказались и ясно об-

наружились нѣкоторыя основныя нравственныя склонности его души, которымъ онъ остался вѣренъ до конца жизни. Старая духовная школа несомнѣнно имѣла много недостатковъ. Темныя стороны нашей бурсы всѣмъ извѣстны. Но ей нельзя было отказать въ одномъ важномъ преимуществѣ: въ единствѣ и цѣльности направленія, въ серьезномъ закалѣ мысли и характера, которые давались лучшимъ ея питомцамъ. Учебное дѣло въ духовныхъ училищахъ того времени было поставлено на твердыхъ началахъ классическаго образованія и значительнаго развитія дѣла письменныхъ упражненій. Такъ называемымъ сочиненіямъ придавалось важное, развивающее значеніе, успѣхи въ нихъ особенно поощрялись и считались мѣриломъ умственной зрѣлости. Въ воспитательномъ отношеніи школа носила строго церковный характеръ. Вчастности, однимъ изъ самыхъ дорогихъ педагогическихъ качествъ являлось отсутствіе въ ея программѣ многопредметности, столь вредной въ современной школьной жизни. Въ каждомъ классѣ вниманіе учащихся было сосредоточено на одномъ главномъ предметѣ, а другіе считались второстепенными, при чемъ главными признавались науки, важнѣйшія для умственнаго развитія юноши—въ низшемъ классѣ—словесность (реторика), въ среднемъ—философія и въ высшемъ богословіе. Не обширенъ былъ кругъ знаній стараго семинариста, но, какъ добытый самостоятельнымъ усидчивымъ трудомъ онъ носилъ характеръ серьезности и прочности. Non multa, sed multum *)—вотъ основное начало и вмѣстѣ плодъ учебнаго строя старой школы. Сосредоточиваясь на изученіи немногихъ предметовъ, лучшіе воспитанники достигали замѣчательныхъ успѣховъ, особенно въ отношеніи письменныхъ работъ. Не даромъ прежніе семинаристы мастерствомъ писать столь выгодно отличались отъ питомцевъ другихъ типовъ тогдашней русской школы и значительно опередили позднѣйшихъ и современныхъ учениковъ духовно-учебныхъ заведеній.

И на юношу Говорова школа оказала самое доброе вліяніе, какъ по своему направленію, такъ и со стороны дѣятелей ея. Во главѣ Орловской семинаріи стоялъ тогда архимандритъ Исидоръ, впослѣдствіи извѣстный, замѣчательный іерархъ—митрополитъ С.-Петербургскій; словесность преподавалъ іеромонахъ Платонъ, будущій Кіевскій митрополитъ. Но красу заведенія составлялъ учитель философіи Остромыленскій, увлекавшій юныхъ семинаристовъ своими замѣчательными лекціями

*) Въ немногомъ многое.

и имѣвшій большое развивающее вліяніе на нихъ. Съ первыхъ же дней вступленія въ семинарію Говоровъ показалъ отличные успѣхи и примѣрное поведеніе. Онъ былъ очень любознателенъ, учился съ большою охотою и интересомъ. Преимущественною любовью его пользовались философскія науки и между ними особенно важная наука о человѣческомъ духѣ—психологія. Яркимъ доказательствомъ этого интереса служитъ то обстоятельство, что, будучи всегда въ числѣ самыхъ лучшихъ учениковъ, юноша по собственному желанію остался на повторительный курсъ въ философскомъ классѣ, дабы лишнее время заняться любимымъ предметомъ и изъ-за одного его намѣренно увеличилъ на цѣлыхъ два года и безъ того не краткій курсъ духовной школы, проведя въ семинаріи вмѣсто шести восемь лѣтъ. На рѣшеніе ученика несомнѣнно оказала значительное вліянія обязательная личность наставника философіи, тѣмъ болѣе, что послѣдній высоко цѣнилъ способности его и приблизилъ къ себѣ. Читая сочиненія преосвящ. Ѳеофана, мы удивляемся глубинѣ психологическаго анализа духовныхъ явленій и съ несомнѣнностію можемъ сказать, что основы тому были положены еще на семинарской скамьѣ. Не менѣе замѣчательны въ твореніяхъ святителя обширныя знанія въ области св. писанія, и въ этомъ отношеніи семинарское образованіе послужило фундаментомъ. Въ старшемъ, такъ называемомъ богословскомъ классѣ, познанія Говорова въ Словѣ Божіемъ были настолько значительны и основательны, что на экзаменѣ обратили вниманіе тогдашняго Орловскаго преосвящ. Никодима, замѣчательнаго знатока библейскаго текста. Послѣднее, по видимому чисто случайное обстоятельство, однако имѣло очень важное, даже рѣшающее значеніе въ судьбѣ молодого семинариста. Очень скромный юноша, уже занятый при окончаніи курса (1837 г.) мыслію о подысканіи подходящаго сельскаго прихода и хотя въ глубинѣ сердца мечтавшій о высшей школѣ, но не надѣявшійся на подобное счастье, неожиданно, по личному распоряженію епархіальнаго архіерея, получаетъ назначеніе въ Кіевскую Академію, хотя тогдашній ректоръ семинаріи арх. Софонія, цѣнившій въ своихъ ученикахъ больше всего твердое заучиваніе учебника, чѣмъ не отличался Говоровъ, не имѣлъ его въ виду и даже былъ противъ [*]).

[1]) И. Крутикова. Святит. Ѳеофанъ затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. Стр. 11—15.

Въ поведеніи Говорова рѣзкою, характерною чертою уже тогда сказалась любовь къ уединенію, это истинное сѣмя будущей жизни отшельника. Такъ уже на первомъ году семинарскаго обученія онъ отмѣченъ въ вѣдомости о поведеніи, какъ «отличающійся склонностью къ уединенію и трудолюбію», какъ «назидательный въ обращеніи съ товарищами и подающій собою примѣръ трудолюбія и благонравія». Въ слѣдующемъ году имѣетъ аттестацію: «склоненъ къ уединенію, кротокъ и молчаливъ». [1]) И это стремленіе ко внутреннему сосредоточенію замѣчалось въ юношѣ не только въ стѣнахъ школы, но и на полной свободѣ, во время каникулярнаго отдыха въ домѣ родителя, при чемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ носило религіозный характеръ. Онъ бѣгалъ отъ общества людей, чтобы безпрепятственно предаваться молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ. Отличаясь отъ природы большою общительностью и веселымъ нравомъ, юный семинаристъ, по отзыву родственниковъ, во время каникулъ нерѣдко «любилъ уединяться, видѣли его погруженнымъ въ какія-то думы, видѣли его въ полночь усердно молящимся и долго простаивающимъ на молитвѣ» [2]). Въ семинаріи же у Говорова впервые обнаружилась необыкновенныя любовь и благоговѣніе къ памяти св. Тихона Задонскаго, неизмѣнно сохранившіяся до конца жизни. Въ обществѣ своихъ родныхъ юноша предпринялъ и совершилъ стоверстное пѣшее путешествіе ко гробу св. угодника Божія въ Задонскъ.

Въ академіи завершилось умственное образованіе и ясно опредѣлилось общее направленіе нравственной жизни Говорова. Высшая школа оказала еще большее вліяніе, чѣмъ средняя. Во время студенчества Говорова Кіевская академія переживала самую блестящую эпоху своей исторіи, такъ называемый иннокентьевскій періодъ, когда во главѣ ея стоялъ знаменитый Иннокентій, впослѣдствіи архіеп. Херсонскій. Это было по истинѣ цвѣтущее время какъ по доброму нравственному направленію школьной жизни, такъ и по обилію талантовъ въ профессорской корпораціи. Кромѣ ректора въ академіи въ то время состояли на службѣ—инспекторъ и преподаватель богословія архиман. Дмитрій (Муретовъ), впослѣдствіи извѣстный святитель Херсонскій, профессоръ гомплетики—Амфитеатровъ, философіи Скворцовъ и др. Это были замѣчательные дѣятели

[1]) Статья о преосв Θеофанѣ В Рыбинскаго. Труды Кіев Акад. 1894 г. № 3.
[2]) Крутпковъ—стр. 16.

и каждый изъ нихъ оставилъ глубокій слѣдъ въ области своей науки. Самъ ректоръ обладалъ необычайною способностью неотразимо вліять и воздѣйствовать на всѣхъ окружающихъ его и высоко поднималъ духъ своихъ воспитанниковъ. Какъ образцовый профессоръ и церковный витія своими вдохновенными импровизаціями онъ увлекалъ и восторгалъ слушателей. Каждая его лекція, каждая проповѣдь въ студенческой семьѣ были цѣлымъ событіемъ, вызывавшимъ не мало толковъ и наводившимъ на многія думы Отъ природы живой и энергичный онъ внимательно слѣдилъ за занятіями студентовъ и постоянно возбуждалъ ихъ. Заботясь прежде всего о возможно болѣе основательномъ, философско-богословскомъ образованіи студентовъ, ректоръ затѣмъ обращалъ особенное вниманіе на развитіе среди нихъ любви къ проповѣдничеству и искусства въ немъ, самъ перечитывалъ студенческія проповѣди, призывалъ къ себѣ авторовъ лучшихъ изъ нихъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовамъ о томъ, какъ нужно писать и произносить поученія, и этою наглядною, живою гомилистикой достигалъ прекрасныхъ результатовъ. Замѣчательна для того времени та особенность въ воззрѣніяхъ Иннокентія на образованіе, что онъ самъ человѣкъ всесторонне образованный желалъ, чтобъ и студенты духовной академіи не замыкались въ узкій кругъ своего спеціальнаго знанія, неизбѣжно отчуждающій отъ живой дѣйствительности. Онъ настойчиво совѣтывалъ имъ, не ограничиваясь курсомъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, расширять свое образованіе чрезъ знакомство съ лучшими сочиненіями по другимъ отраслямъ человѣческаго знанія напр., астрономіи, естественной исторіи и др. Послѣдній взглядъ настолько опередилъ свое время, что и въ настоящую пору еще не нашелъ полнаго примѣненія въ духовной школѣ. Трудолюбіе своихъ питомцевъ ректоръ больше всего возбуждалъ примѣромъ собственной чрезвычайной дѣятельности. «Я удивляюсь, сказалъ онъ однажды студентамъ при обычномъ посѣщеніе ихъ комнатъ, какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете! въ прошедшую сырную и первую недѣли великаго поста я написалъ около 80 листовъ» *). Примѣръ ректора, особенно въ соединеніи со всею его обаятельною личностью, неотразимо глубоко вліялъ на юношей. Самый трудъ казался не такъ тяжелъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Студенты

*) Ѳ. Титовъ. Макарій Митроп. Москов. Т. 1. стр. 57.

работали безъ устали и ропота, хорошо зная, что самъ требовательный начальникъ трудится гораздо больше ихъ.

Инспекторъ архимандритъ Димитрій также принадлежалъ къ выдающимся дѣятелямъ. Его лекціи по догматическому богословію, глубоко содержательныя и проникнутыя христіанской любовью, производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Послѣдніе были самого высокаго мнѣнія о своемъ профессорѣ. На этой почвѣ сложилась извѣстная, продолжительное время существовавшая въ академической средѣ, легенда о томъ, что догматическое богословіе митрополита Макарія представляетъ собою ничто иное, какъ воспроизведеніе лекцій его учителя Димитрія. Архим. Димитрій былъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Къ нему особенно располагала и невольно влекла юношей голубиная чистота и безконечная доброта его сердца, полная и совершенная христіанская нестяжательность. Это былъ по истинѣ человѣкъ не отъ міра сего. Изъ его жизни извѣстенъ слѣдующій характерный фактъ. Служа въ Тулѣ, преосвящ. Димитрій все свое архіерейское содержаніе раздавалъ бѣднымъ, такъ что по назначеніи въ Одессу не имѣлъ съ чѣмъ выѣхать изъ города. Почитатели его немедленно собрали нужныя средства, но, къ изумленію ихъ, онъ и послѣдня раздалъ нуждающимся. По необходимости пришлось сдѣлать повторный сборъ. Преосвящ. Ѳеофанъ сохранилъ о Димитріи самыя свѣтлыя воспоминанія. Живя на Вышѣ и однажды разговорившись про современныхъ нашихъ іерарховъ, высказался, что самымъ даровитымъ по уму, широкому образованію и лучшимъ по жизни онъ считаетъ преосвящ. Димитрія Херсонскаго.

Кромѣ академическаго начальства и тогдашніе профессора оказывали большое вліяніе на студентовъ. Нѣкоторые изъ нихъ стояли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и принимали живое участіе въ жизни юношей, руководя и развивая ихъ не только въ аудиторіи, но и путемъ частныхъ бесѣдъ. На Говорова имѣлъ особенно сильное воздѣйствіе профессоръ церковнаго краснорѣчія Я. К. Амфитеатровъ, авторъ первой знаменитой православной русской гомилетики. Послѣдній былъ землякомъ Говорова, нерѣдко приглашалъ его къ себѣ въ домъ и подолгу гулялъ съ нимъ. Ученикъ дорожилъ близостью любимаго наставника и широко пользовался ею для своего умственнаго и нравственнаго обогащенія, не пропуская случая черпать изъ богатой духовной сокровищницы. Очень характерно для тогдашней академической среды, что вниманіе свѣтскаго профессора

и студента было занято религіозными вопросами даже въ минуты отдыха, во время прогулокъ. Вотъ какъ впослѣдствіи преосвящ. Ѳеофанъ вспоминалъ объ этихъ прогулкахъ. «Случилось мнѣ ходить съ нимъ (Амфитеатровымъ) по рощѣ. Я будто мимоходомъ спросилъ: зачѣмъ это есть такія неровности между предметами природы и воздушными явленіями и неровности непріятныя. Вотъ пріятный цвѣтъ, а съ боку крапива или дурманъ... и на небѣ то свѣтло, то пасмурно?—Экой ты чудакъ! отвѣчалъ онъ. Эти неравности—великое дѣло въ экономіи промышленія Божія о нашемъ спасеніи. Милосердый Богъ говоритъ тебѣ Самъ: слѣдовало бы, чтобы потъ никогда не стирался съ лица твоего, изможденнаго и утомленнаго, но я даю тебѣ иногда вкусить радость жизни, позволяю просвѣтиться очамъ твоимъ, открыту быть челу твоему и являться улыбкѣ на устахъ твоихъ, чтобъ не потерялъ ты надежды и не палъ въ отчаяніе; слѣдовало бы, чтобы земля только тернія и волчцы произращала тебѣ, но вотъ я повелѣваю иногда землѣ давать тебѣ все обильно въ наслажденіе, чтобы ты не потерялъ увѣренности, что есть еще возможность возвратить потерянное блаженство» *).

Амфитеатровъ отличался необыкновенною добротою и всегда сочувственно относился къ нуждамъ учащейся молодежи, иногда простирая свои заботы въ этомъ отношеніи до полнаго устройства судьбы нуждающихся. Въ воспоминаніяхъ преосвящ. Ѳеофана сохранился слѣдующій фактъ. Однажды гуляя по городскимъ улицамъ, профессоръ встрѣтилъ группу слѣпыхъ нищихъ. Среди послѣдней ему бросился въ глаза своею бойкостью и умною физіономіей мальчикъ-поводырь. Изъ разспросовъ выяснилось, что послѣдній сынъ бѣднаго дьячка Черниговской губерніи. Амфитеатровъ взялъ его къ себѣ въ домъ и помѣстилъ для обученія въ духовное училище. Мальчикъ оказался очень способнымъ, съ успѣхомъ прошелъ низшую и среднюю школу, закончивъ образованіе въ академіи, гдѣ и принялъ монашество. Это былъ впослѣдствіи Ставропольскій святитель—преосвящ. Евгеній.

Подъ вліяніемъ столь замѣчательныхъ наставниковъ умственныя способности молодого Говорова сильно развились, у него образовался значительный интересъ къ богословскимъ наукамъ и особенно любовь къ писательству. Въ послѣднемъ отношеніи онъ достигъ блестящихъ результатовъ. Объ этомъ ясно свидѣ-

*) Еписк. Ѳеофанъ. Письма о христіанск. жизни вып. 2, стр. 116—118.

тельствуютъ его магистерское сочиненіе и студенческія проповѣди, особенно проповѣдь на Вознесеніе Господне. «Никто лучше его не писалъ, говорилъ впослѣдствіи о. преосв. Ѳеофанѣ его товарищъ по академіи Макарій, митрополитъ Московскій, только по скромности своей онъ не могъ читать громко своего сочиненія» [1]).

Параллельно съ умственнымъ шло и нравственное преуспѣяніе студента. Въ особенности нашла себѣ благопріятную почву и развилась въ академіи его природная склонность къ уединенію. Тогдашняя академическая жизнь, при строго церковномъ направленіи, отличалась какою-то особенною любовью, можно сказать, увлеченіемъ иночествомъ какъ идеальнымъ общественнымъ служеніемъ. Ученое монашество по истинѣ процвѣтало. Его насили лучшіе профессора и начальники— какъ Иннокентій и Димитрій. Его охотно принимали первые, даровитѣйшіе студенты. Къ тому же располагали самыя святыни Кіева съ таинственнымъ мракомъ ихъ пещеръ, этихъ безмолвныхъ, но краснорѣчивыхъ свидѣтелей великихъ подвиговъ православнаго иночества. Несомнѣнно, что юный студентъ нерѣдко посѣщалъ Кіевскую Лавру, въ глубинѣ пещеръ которой и переживалъ возвышенныя религіозныя настроенія. Впечатлѣнія отъ подобныхъ посѣщеній были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца своей жизни съ восторгомъ вспоминалъ о нихъ. «Кіевская Лавра—неземная обитель. Какъ пройдешь брешь, бывало, такъ и чуешь, что зашелъ въ другой міръ. А тамъ-то внутри—чего, чего нѣтъ, Господь мой, батюшка! Я почасту переношусь (писано въ 1890 г.) туда мыслью... такъ и полетѣлъ бы тѣломъ» [2]) Все это вмѣстѣ взятое незамѣтно и постепенно подогрѣвало природную склонность, неотразимо влекло и, наконецъ, привело впечатлительнаго юношу къ принятію монашества. Впрочемъ, столь серьезный шагъ въ жизни сдѣлать было не легко. Молодой студентъ смотрѣлъ на иночество, какъ на трудный подвигъ служенія Церкви и окончательно рѣшился на него только послѣ долговременнаго глубокаго размышленія, переживъ тяжелую душевную борьбу. По свидѣтельству родственниковъ, Говоровъ, во время каникулъ, по переходѣ на старшій курсъ, казался замкнутымъ, сосредоточеннымъ, повидимому рѣшающимся на какой-то важный шагъ въ жизни, хотя

[1]) Церковныя Вѣдомости 1894 г. № 8. [2]) Собраніе писемъ Преосв. Ѳеофана. Изд. Рус. Афонскаго Пантелеимонова монастыря. Москва 1899 г вып. 3, стр. 33.

никому этого и не высказывалъ. Прежде очень общительный, веселый онъ теперь удалялся въ поле, гулялъ въ уединеніи и казался серьезнымъ и мрачнымъ. [1]) Наконецъ, эта душевная борьба закончилась побѣдою идеальныхъ стремленій.

По возвращеніи съ каникулъ въ академію, Говоровъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему принять монашество, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Имѣя постоянное усердіе къ занятію богословскими предметами и къ уединенной жизни, я, чтобы соединить и то и другое на предлежащемъ мнѣ служеніи Церкви, положилъ обѣтъ посвятить жизнь свою монашескому званію» [2]). 15 февраля 1841 г. студентъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеофана. Обрядъ совершилъ тогдашній ректоръ академіи—архимандритъ Іеремія, самъ истинный аскетъ и подвижникъ, любившій юношу и оказавшій сильное вліяніе на него въ послѣднее время академической жизни. Около того же времени приняли монашество три товарища Говорова и между ними впослѣдствіи знаменитый Макарій Московскій. Юные иноки отправились въ Лавру къ славившемуся своими подвигами іеросхимонаху Парфенію, чтобы испросить благословенія и совѣта на новую жизнь. «Вотъ вы ученые монахи, сказалъ имъ старецъ, набравши себѣ правилъ, помните, что одно нужнѣе всего—молиться и молиться непрестанно умомъ въ сердцѣ Богу—вотъ чего добивайтесь» [3]). Глубоко запали въ душу Ѳеофана слова подвижника. Они явились для него истиннымъ завѣщаніемъ, которое онъ такъ дивно исполнилъ въ своей жизни. По окончаніи академическаго курса однимъ изъ первыхъ магистровъ іеромонахъ Ѳеофанъ въ августѣ того-же года (1841 г.) былъ назначенъ на должность смотрителя Кіево-Софійскаго духовнаго училища.

[1]) Крутиковъ. Стр. 24. [2]) Статья о преосвящ. Ѳеофанѣ В. Рыбинскаго. Труды Кіев. духовн. Академіи. 1894 г. № 3. [3]) Душеполѣзн. Чтеніе. 1894 г. № 3, стр. 521.

II.

Учебно-воспитательная служба.

„Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дѣти“. *Преосв. Ѳеофанъ.*

„Полюбите дѣтей и они васъ полюбятъ“.

«Вотъ программа начальствующихъ всѣхъ родовъ: растворяй строгость власти кротостью, старайся любовію заслужить любовь, и бойся быть страшилищемъ для другихъ. Истинная доброта не чуждается, гдѣ должно, строгаго слова, но оно въ устахъ ея никогда не имѣетъ горечи обличенія и укора“. *Преосв. Ѳеофанъ.*

Изъ первыхъ восемнадцати лѣтъ общественной службы преосвящ. Ѳеофана большая часть была посвящена педагогической дѣятельности, съ нѣкоторымъ перерывомъ пребыванія въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ Палестины и Константинополя. Онъ служилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и во всѣхъ типахъ духовной школы отъ низшей до высшей, прошелъ въ нихъ административныя должности, начиная съ начальника духовнаго училища до ректора Академіи. Изъ смотрителей Кіево-Софійскаго училища въ декабрѣ 1842 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ логики и психологіи въ Новгородскую семинарію, черезъ два года переведенъ въ С.-Петербургскую Академію на должность баккалавра нравственнаго богословія. Въ 1855 г. былъ назначенъ ректоромъ Олонецкой семинаріи и, наконецъ, 13 іюня 1857 г. занялъ высшій учебный постъ-- ректора С.-Петербургской Академіи. Немного имѣется положительныхъ свѣдѣній объ учебно-воспитательной службѣ преосв. Ѳеофана, но судя по этимъ свѣдѣніямъ, а главное по его педагогическимъ взглядамъ и сочиненіямъ, ясно видно, насколько она была высока и плодотворна. Въ своей воспитательной дѣя-

тельности святитель является истиннымъ христіанскимъ педагогомъ—идеалистомъ, съ самыми возвышенными взглядами на дѣло, съ самыми широкими требованіями къ своему долгу. Христіанскую любовь онъ считалъ основнымъ началомъ воспитательныхъ мѣръ, а храмъ Божій и богослуженіе—лучшею средою и средствомъ добраго воспитанія. Инокъ-педагогъ не былъ сторонникомъ формальныхъ, механическихъ мѣропріятій, вѣрилъ только въ силу, придавалъ значеніе только нравственнымъ воздѣйствіямъ воспитателя на питомца. «Полюбите дѣтей и они васъ полюбятъ»—говорилъ онъ въ отвѣтъ всѣмъ вопрошающимъ о лучшихъ способахъ воспитанія». «Вотъ программа начальствующихъ всѣхъ родовъ—растворяй строгость власти кротостію, старайся любовію заслужить любовь, и бойся быть страшилищемъ для другихъ. Истинная доброта не чуждается, гдѣ должно, строгаго слова, но оно въ устахъ ея никогда не имѣетъ горечи обличенія и укора» [1]). Безусловно правильнымъ, соотвѣтствующимъ природѣ человѣка, по ученію святителя, нужно считать только религіозно-нравственное воспитаніе, а развитіе духа церковности лучшимъ средствомъ къ тому. «Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, ради тишины и теплоты не могутъ лучше напечатлѣться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы—первые, изящнѣйшіе предметы по содержанію и по силѣ» [2]). Подобными возвышенными взглядами преосвящ. Ѳеофанъ руководился въ своей педагогической практикѣ. По воспоминаніямъ лицъ, знавшихъ его инспекторскую службу въ Новгородской семинаріи, послѣдняя представляется въ слѣдующемъ видѣ. Молодой инокъ, убѣжденный, что православная церковь со своими возвышенными и умилительными священнодѣйствіями есть лучшая воспитательница, старался держать духовное юношество вблизи церкви и подъ ея благодатнымъ вліяніемъ. Онъ неопустительно присутствовалъ на домашнихъ молитвахъ учениковъ, въ праздничные дни совершалъ богослуженіе, при чемъ своею горячею молитвою и проповѣдью Слова Божія располагалъ ихъ къ храму и воспитывалъ любовь къ богослуженію. Онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ юношами о правильномъ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей, а чаще всего

[1]) Еп. Ѳеофанъ. Мысли на каждый день года [2]) Путь ко спасенію Преосвящ. Ѳеофана. Стр. 48.

о душѣ, какъ ее поставить въ общеніе съ Богомъ и сохранить чистоту совѣсти и сердца. Для духовнаго развитія настоятельно рекомендовалъ чтеніе нравственно-религіозныхъ книгъ, особенно Слова Божія и твореній Св. Отцевъ съ назидательными жизнеописаніями ихъ. Изъ свѣтской литературы указывалъ только на книги съ добрымъ нравственнымъ направленіемъ, не противныя христіанству. Чтобы разумно наполнить досугъ воспитанниковъ и предохранить отъ праздности, инспекторъ располагалъ ихъ къ физическимъ трудамъ—къ столярному и переплетному ремеслу, а также къ занятіямъ живописью. Послѣднюю онъ самъ особенно любилъ и былъ довольно искуснымъ художникомъ. Въ лѣтнее время иногда предпринималъ съ юношами продолжительныя загородныя прогулки съ цѣлью физическаго освѣженія отъ утомительныхъ умственныхъ занятій и предоставленія имъ здоровыхъ и невинныхъ развлеченій. *).

Какъ преподаватель нравственнаго богословія въ столичной академіи преосвященный былъ выдающимся профессоромъ своего времени. Освободивъ эту науку отъ стараго схоластическаго метода и давъ новое жизненное направленіе, онъ тѣмъ самымъ поставилъ ее изъ тогдашнихъ второстепенныхъ предметовъ въ кругу богословскихъ знаній на видное, соотвѣтствующее ея важному значенію мѣсто. Взамѣнъ прежняго сухаго сборника правилъ христіанскаго поведенія нравственное богословіе со времени Ѳеофана стало дѣйствительнымъ руководствомъ духовной жизни. Яркимъ выраженіемъ блестящей профессорской дѣятельности его является «Начертаніе христіанскаго нравоученія», представляющее сводъ академическихъ чтеній и выходившее въ печати въ началѣ подъ названіемъ «писемъ о христіанской жизни». Написанная съ одной стороны на основаніи глубокаго знанія душевныхъ явленій и собственнаго внутренняго опыта автора, а съ другой стороны на основаніи не менѣе глубокаго изученія Слова Божія и святоотеческихъ писаній, книга создала цѣлую эпоху въ развитіи русской богословской мысли и разъ навсегда положила конецъ господству схоластики въ области христіанскаго нравоученія. Преосвящ. Ѳеофанъ первый изъ православныхъ богослововъ далъ нравственнымъ явленіямъ психологическое обоснованіе и законы нравственнаго порядка вывелъ изъ устройства человѣческой природы. Такъ какъ науки христіанской психологіи у насъ и до настоящаго времени еще не существуетъ, то автору, при

*) Крутиковъ. Преосвящ. Ѳеофанъ. Стр. 50—51.

составленіи своего труда, по необходимости пришлось пользоваться одними собственными наблюденіями надъ духовнымъ міромъ. Насколько были широки и плодотворны эти наблюденія, показала послѣдующая судьба книги. Намъ лично приходилось неоднократно слышать отъ семинарскихъ преподавателей богословія, что «Начертаніе» для нихъ является безусловно лучшимъ, незамѣнимымъ руководствомъ. Для читателя, впервые знакомящагося съ книгою, открывается цѣлый міръ новыхъ идей, а извѣстныя явленія освѣщаются съ такихъ сторонъ, съ какихъ не предполагаешь и какого пониманія не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Всѣ положенія автора и доказательства въ пользу ихъ обладаютъ замѣчательною силою убѣдительности, ибо они не есть только плодъ отвлеченной умственной работы, но и явно носятъ печать глубоко чувствующаго сердца и пережитого внутренняго духовнаго опыта.

Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ личная учебно-воспитательная дѣятельность святителя имѣютъ для насъ его педагогическіе взгляды по вопросамъ христіанскаго воспитанія и образованія, встрѣчающіеся во многихъ его произведеніяхъ и сгруппированные главнымъ образомъ въ сочиненіи «Путь ко спасенію». Преосвщ. Ѳеофанъ представляетъ рѣдкую, исключительную личность истинно христіанскаго, православнаго педагога. Онъ оставилъ намъ цѣлую науку о воспитаніи, въ которой съ поразительною глубиною психологическаго наблюденія и замѣчательною широтою жизненнаго опыта раскрыты всѣ важнѣйшіе вопросы христіанской педагогики. Въ ней яркими чертами нарисованъ истинный идеалъ воспитанія и образованія и въ соотвѣтствіе ему указаны требованія отъ личности учителя и воспитателя; съ точки зрѣнія этого идеала разсмотрѣно наше современное воспитаніе, отмѣчены его существенные недостатки и указаны средства къ улучшенію какъ общія, такъ и частныя, примѣнительно къ возрасту и развитію питомца, наконецъ, изображены плоды добраго воспитанія и пр. Взгляды эти настолько возвышены и цѣлесообразны, что ихъ необходимо усвоить и принять въ руководство всѣмъ, желающимъ воспитывать своихъ дѣтей и учениковъ въ духѣ христіанской вѣры и благочестія. Для знакомства съ ними мы считаемъ за лучшее важнѣйшіе и болѣе существенные пункты выписать подлинными словами, дабы не утратить глубины содержанія, замѣчательной простоты и вмѣстѣ художественности ихъ внѣшняго выраженія.

Святитель-педагогъ высоко ставитъ великое дѣло христіанскаго воспитанія дѣтей и въ этомъ важномъ предметѣ первостепенное значеніе придаетъ выясненію вопроса о задачахъ и цѣляхъ его. «Воспитаніе изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ, говоритъ онъ, самое святое... Надобно такъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугожденіе, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными... У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподаютъ науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность или ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука—двѣ области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ науки, и напитывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру и проникается ею. Какъ же можно, чтобы они не приходили въ благопріятное или непріятное соприкосновеніе здѣсь?.. Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія и по духу преподаванія, то нѣтъ сомнѣнія, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возвысятся, укрѣпятся и придутъ въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благодѣтельно!» [1]).

Соотвѣтственно возвышенному взгляду на задачи воспитанія велики требованія и къ личности христіанскаго воспитателя. «Воспитатель долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впослѣдствіи въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ и святыхъ» [2]).

Обращаясь къ нашему современному воспитанію, преосв. Ѳеофанъ находитъ въ немъ много существенныхъ недостатковъ, важнѣйшимъ источникомъ которыхъ признаетъ слѣдующія причины: «а) отдаленіе отъ церкви и благодатныхъ ея средствъ. Это заморяетъ ростокъ христіанской жизни, разобщая ее съ источниками и она увядаетъ, какъ увядаетъ цвѣтъ, поставленный въ темномъ мѣстѣ. б) Невниманіе къ отправленіямъ

[1]) Путь ко спасенію. Стр. 51—52. [2]) Тамъ же. Стр. 73.

тѣлеснымъ. Думаютъ, что тѣло можетъ всячески развиться безъ вреда для души: между тѣмъ, въ его отправленіяхъ сѣдалища страстей, кои вмѣстѣ съ его развитіемъ развиваются, коренятся и овладѣваютъ душею. Проникая тѣлесныя отправленія, страсти получаютъ въ нихъ себѣ осѣдлость, или устрояютъ изъ нихъ неприступную нѣкоторую крѣпость и тѣмъ упрочиваютъ за собою власть на все послѣдующее время. в) Безобразное, не направленное къ одной цѣли развитіе силъ души. Не видятъ цѣли впереди,—не видятъ пути къ ней. Отсюда, при всей заботѣ о современнѣйшемъ образованіи, ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ только раздуваютъ пытливость, своеволіе и жажду наслажденій. г) Совершенное забвеніе о духѣ. [1]) Молитва, страхъ Божій, совѣсть рѣдко берутся во вниманіе. Была бы исправность видимая, а тѣ внутреннѣйшія состоянія всегда предполагаются и всегда потому оставляются сами себѣ. д) Во время—обученія—закрытіе главнѣйшаго дѣла побочными, заслоненіе сего *единаго*—множествомъ другихъ» [2]).

Въ цѣляхъ улучшенія современнаго христіанскаго воспитанія, необходимо принять въ руководство слѣдующія общія педагогическія мѣры: 1) «Хорошо понять и усвоить начала истиннаго христіанскаго воспитанія и дѣйствовать по нимъ прежде всего дома. Домашнее воспитаніе есть корень и основаніе всему послѣдующему. Хорошо воспитаннаго и заправленнаго дома, превратное школьное воспитаніе не такъ легко собьетъ съ прямого пути. 2) Вслѣдъ за тѣмъ, перестроить по новымъ, истиннымъ началамъ школьное воспитаніе, внести въ него христіанскіе элементы, неисправное исправить; главное—держать во все время воспитанія воспитываемаго подъ обильнѣйшимъ вліяніемъ Св. Церкви, которая всѣмъ своимъ устроеніемъ спасительно дѣйствуетъ на созиданіе духа. 3) Нужнѣе всего воспитывать *воспитателей,* подъ руководствомъ такихъ лицъ, кои знаютъ истинное воспитаніе не по теоріи, а по опыту. Образуясь подъ надзоромъ опытнѣйшихъ воспитателей, они опять передадутъ свое искусство другимъ, послѣдующимъ и т. д.» [4]).

Чѣмъ ни раньше положить начало практическому примѣненію этихъ общихъ воспитательныхъ средствъ, тѣмъ лучше. Семейное воспитаніе возможно и необходимо начать съ самаго

---

[1]) Преосв. Ѳеофанъ дѣлитъ всѣ наши внутреннія явленія на два рода—душевныя—низшія и духовныя—высшія. (Подробн. объ этомъ см. 181 стр). [2]) Тамъ-же. Стр. 69—70. [3]) Тамъ-же. Стр. 72—73.

ранняго младенчества. Церковность и благочестіе родителей лучшіе и незамѣнимыя способы воздѣйствія на ребенка въ этомъ періодѣ. Создать во кругъ колыбели младенца христіанскую атмосферу, окружить священными предметами и путемъ примѣра жизни благочестиво настроенныхъ родителей открыть доступъ религіознымъ впечатлѣніямъ къ душѣ его, значить безсознательно, но прочно заложить основы истинно христіанской жизни.

«Здѣсь прежде всего вниманіе останавливается на младенцѣ въ колыбели, до пробужденія въ немъ какихъ либо способностей. Младенецъ живетъ, слѣдовательно можно вліять на его жизнь. Здѣсь приложимы св. тайны, за ними вся церковность; и съ ними вмѣстѣ вѣра и благочестіе родителей.

Все сіе, въ совокупности, составитъ спасительную во кругъ младенца атмосферу. Всѣмъ симъ таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая въ младенцѣ.

Частое причащеніе св. Христовыхъ Таинъ живо и дѣйственно соединяетъ съ Господомъ новаго члена Его, чрезъ пречистое тѣло и кровь Его, освящаетъ его, умиротворяетъ въ себѣ и дѣлаетъ непреступнымъ для темныхъ силъ. Поступающіе такимъ образомъ замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащаютъ дитя, оно бываетъ погружено въ глубокій покой, безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей, даже тѣхъ, кои въ дѣтяхъ сильнѣе дѣйствуютъ. Иногда оно исполняется радостію и играніемъ духа, въ коемъ готово всякаго обнимать, какъ своего. Нерѣдко св. причащеніе сопровождается и чудодѣйствіями. Св. Андрей Критскій въ дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители обратились къ молитвѣ и благодатнымъ средствамъ, то во время причащенія Господь благодатію своею разрѣшилъ узы языка, послѣ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и премудрости. Одинъ докторъ по своимъ наблюденіямъ свидѣтельствовалъ, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней слѣдуетъ носить дѣтей къ св. причащенію, и очень рѣдко имѣлъ нужду употреблять потомъ медицинскіе пособія».

«Большое вліяніе имѣетъ на дѣтей частое ношеніе въ церковь, прикладываніе къ св. кресту, евангелію, иконамъ, накрываніе воздухами; также и дома—частое поднесеніе подъ иконы, частое осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, окропленіе св. водою, куреніе ладономъ, осѣненіе крестомъ колыбели, пищи и всего прикосающагося къ нимъ, благословеніе священника,

приношеніе въ домы иконъ изъ церкви и молебны; вообще—все церковное чуднымъ образомъ возгрѣваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда отъ покушенія невидимыхъ темныхъ силъ, которыя всюду готовы проникнуть въ развивающейся только душѣ, чтобы своимъ дыханіемъ заразить ее!»

«Подъ этимъ видимымъ охраненіемъ есть невидимое: Ангелъ Хранитель, Господомъ приставленный къ младенцу съ самой минуты крещенія. Онъ блюдетъ его, своимъ присутствіемъ невидимо вліяетъ на него и въ нужныхъ случаяхъ внушаетъ родителямъ, что надо сдѣлать съ находящимся въ крайности дѣтищемъ.»

«Но всѣ эти столь крѣпкіе ограды, эти сильныя и дѣйствительныя наптія можетъ раззорить и лишить плода невѣріе, небрежность, нечестіе и недобрая жизнь родителей. Есть непостижимая для насъ связь души родителей съ душею дѣтей, и мы не можемъ опредѣлить, до какой степени простирается вліяніе первыхъ на послѣднихъ. Духъ вѣры и благочестія родителей должно почитать могущественнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію, воспитанію и укрѣпленію благодатной жизни въ дѣтяхъ.»

«Духъ младенца какъ бы не имѣетъ еще движенія въ первые дни, мѣсяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоенія обычнымъ путемъ нельзя. Но можно дѣйствовать на него посредственно.

Есть нѣкоторый особенный путь общенія душъ чрезъ сердце. Одинъ духъ вліяетъ на другой чувствомъ. Такое вліяніе на душу младенца тѣмъ удобнѣе, чѣмъ полнѣе и глубже родители сердцемъ своимъ обращены на младенца. Отецъ и мать исчезаютъ въ дитяти и, какъ говорятъ, не чаютъ души. И если ихъ духъ проникнутъ благочестіемъ, то быть не можетъ, чтобы оно по своему роду не дѣйствовало на душу дитяти. Лучшій внѣшній проводникъ при этомъ—взоръ. Тогда какъ въ другихъ чувствахъ душа остается сокрытою, глазъ открываетъ ее взору другимъ. Это точка встрѣчи одной души съ другою. Пусть же чрезъ сіе отверстіе проходятъ до души дитяти души матери и отца съ чувствами святыми. Онѣ не могутъ не намощать ея этимъ святымъ елеемъ. Надобно, чтобы во взорѣ ихъ свѣтилось не одна любовь, которая такъ естественна, но и вѣра, что на рукахъ у нихъ болѣе, чѣмъ простое дитя, и надежда, что Тотъ, Кто далъ имъ подъ надзоръ сіе сокровище,

какъ нѣкоторый сосудъ благодати, снабдитъ ихъ и достаточными силами къ тому, чтобы сохранять его.»

«Когда такимъ образомъ родители оградятъ колыбель своего дитяти духомъ искренняго благочестія, то этимъ составится вокругъ зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельетъ въ нее и свой характеръ, подобно тому, какъ и кровь, начало жизни животной, въ свойствахъ своихъ много зависитъ отъ окружающаго воздуха. Говорятъ, что вновь устроенный сосудъ хранитъ долго, если не всегда, запахъ того вещества, которое вольютъ въ него въ ту пору. Тоже должно сказать и о показанномъ устроеніи около дѣтей Оно благодатноспасительно проникнетъ въ установляющіяся формы жизни дитяти и будетъ полагать на нихъ печать свою. Здѣсь же и непроходимая преграда вліянію духовъ злобы.

Начавши такое устроеніе отъ колыбели, должно уже продолжать его потомъ и во все время воспитанія: и въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ, и въ юношествѣ.» *)

Съ возрастомъ и раскрытіемъ душевныхъ силъ ребенка родители должны систематически и всесторонне развивать способности его. Истинно доброе и нравственное настроеніе дѣтей надобно созидать положительнымъ дѣйствіемъ на всѣ ихъ силы: умъ, волю и сердце.

На умъ. «Главное, что должно имѣть въ виду, это здравыя понятія и сужденія по началамъ христіанскимъ о всемъ встрѣчающемся или подлежащемъ вниманію дѣтей, что добро и зло, что хорошо и худо. Это сдѣлать очень легко посредствомъ разговоровъ и вопросовъ. Родители сами говорятъ между собою, дѣти прислушиваются и почти всегда усвояютъ себѣ не только мысли, но даже обороты ихъ рѣчи и манеры. Пусть родители, когда говорятъ, называютъ вещи собственными ихъ именами. Наприм.: что значитъ настоящая жизнь, чѣмъ она кончится, отъ кого все получается, что такое—удовольствія, какое достоинство имѣютъ тѣ или другіе обычаи и пр. Въ непродолжительномъ времени этимъ простымъ средствомъ можно передать здравыя начала для сужденій о вещахъ, кои потомъ не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ будетъ подавлено мірское мудрованіе и пытливость злая, ненасытная. Истина доступна всякому. Что малое христіанское дитя премудрѣе философовъ—показалъ опытъ. Онъ и теперь повторяется, но прежде онъ былъ повсюду.

*) Путь ко спасенію. Стр 29—33.

Напримѣръ: во время мученичества, малыя дѣти разумно разсуждали о Господѣ Спасителѣ, о безуміи идолопоклонства, о будущей жизни; это оттого, что мать или отецъ натолковали имъ о томъ въ простой бесѣдѣ.»

На волю. «Дитя многожелательно: все его занимаетъ, все влечетъ къ себѣ и рождаетъ желанія. Не умѣя различать добраго отъ злаго, оно всего желаетъ и все, что желаетъ, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себѣ, дѣлается неукротимо своевольнымъ. Потому родителямъ строго должно блюсти эту отрасль душевной дѣятельности. Самое простое средство къ заключенію ея въ должные предѣлы состоитъ въ томъ, чтобы расположить дѣтей ничего не дѣлать безъ позволенія. Пусть со всякимъ желаніемъ прибѣгаютъ къ родителямъ и спрашиваютъ: можно ли сдѣлать то или другое? Естественнымъ слѣдствіемъ такого настроенія будетъ полное послушаніе и покорность во всемъ волѣ родителей, наперекоръ своей, расположеніе во многомъ отказывать себѣ и навыкъ къ этому, или умѣнье, а главное, опытное убѣжденіе въ томъ, что не должно слушать во всемъ себя. Это всего понятнѣе для дѣтей изъ ихъ же опытовъ, что они многое желаютъ, а между тѣмъ это желаемое вредно для ихъ тѣла и души. Отучая отъ своей воли, надо пріучать дитя дѣлать добро. Для этого пусть родители сами представятъ истинный примѣръ доброй жизни и знакомятъ дѣтей съ тѣми, у коихъ главныя заботы не о наслажденіяхъ и отличіяхъ, а о спасеніи души. Дѣти любоподражательны. Какъ рано они умѣютъ копировать мать и отца! Вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ дѣтей надо вызывать на добрыя дѣла, и сначала приказывать имъ дѣлать ихъ, а потомъ наводить, чтобы сами дѣлали. Самыя обыкновенныя при этомъ дѣла суть: милостыня, состраданіе, милосердіе, уступчивость и терпѣніе. Всему этому весьма не трудно пріучить. Случаи поминутны, стоитъ взяться. Отсюда выйдетъ воля съ настроеніемъ на разныя добрыя дѣла и вообще съ тяготѣніемъ къ добру. И добродѣланію надобно научить, какъ и всему другому.»

На сердце: «Подъ такимъ дѣйствованіемъ ума, воли и низшихъ силъ, само собою и сердце будетъ настроиваться къ тому, чтобы имѣть чувства здравыя, истинныя, пріобрѣтать навыкъ услаждаться тѣмъ, что дѣйствительно истинно услаждаетъ, и нисколько не сочувствовать тому, что, подъ прикрытіемъ сладости, вливаетъ ядъ въ душу и тѣло. Сердце—способность вкушать и чувствовать насыщеніе. Самое дѣйст-

вительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердце есть церковность.»

Родители должны быть особенно бдительны при раскрытіи въ ребенкѣ высшихъ способностей человѣка—обнаруженій его духа, къ которому относятся—страхъ Божій, совѣсть и молитва. «Страхъ Божій рождаетъ молитву и освѣжаетъ совѣсть. Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному, невидимому міру. У дѣтей есть къ тому предрасположеніе, и они скоро усвоиваютъ себѣ эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и дѣйствуетъ не языкомъ, а сердцемъ. Оттого они охотно и безъ устали участвуютъ и рады этому. Потому не должно лишать ихъ этой части образованія, а мало по малу вводить ихъ въ сіе святилище нашего существа. Чѣмъ раньше напечатлѣется страхъ Божій и возбудится молитва, тѣмъ прочнѣе будетъ благочестіе во все послѣдующее время. Ближайшаго руководства требуетъ совѣсть. Здравыя понятія, съ добрымъ примѣромъ родителей и другими способами обученія добру, и молитва освятятъ ее и напечатлѣются достаточныя основанія для послѣдующей доброй дѣятельности. Но главное, въ нихъ должно образовать настроеніе въ совѣстливости и сознательности. Сознательность есть дѣло чрезвычайной важности въ жизни; но какъ трудно ее образовать, такъ легко и заглушить въ дѣтяхъ. Воля родителей для малыхъ дѣтей есть законъ совѣсти и Божій. Сколько есть у родителей благоразумія, пусть такъ распоряжаются своими повелѣніями, чтобы не поставлять дѣтей въ необходимость быть преступниками ихъ воли; а если уже сдѣлались такими—сколько можно располагать ихъ къ раскаянію. Что морозъ для цвѣтовъ, то и отступленіе отъ родительской воли для дитяти; оно не смѣетъ смотрѣть въ глаза, не желаетъ пользоваться ласками, хочетъ убѣжать и быть одно, а между тѣмъ душа грубѣетъ, дитя начинаетъ дичать. Какъ хорошо предварительно расположить его къ раскаянію, сдѣлать, чтобы безъ боязни, съ довѣріемъ и со слезами пришло и сказало: «вотъ я то и то сдѣлалъ худо.» Само собою что все это будетъ касаться однихъ обыкновенныхъ предметовъ; но хорошо и то, что здѣсь положится основаніе будущему постоянному истинно-религіозному характеру—тотчасъ вставать по паденіи, образуется умѣнье скораго покаянія и очищенія себя или обновленія слезами *).

Не однѣ душевныя и духовныя, но и тѣлесныя силы

*) Тамъ же. Стр. 44—50.

ребенка требуютъ тщательнаго ухода и развитія. Преосвященный-педагогъ разсматриваетъ главныя отправленія человѣческаго тѣла—питаніе, движеніе и чувствительность или дѣятельность нервовъ и даетъ руководственные совѣты къ образованію добрыхъ привычекъ въ отношеніи каждаго изъ нихъ. Слѣдуетъ пріучать дѣтей—въ питаніи къ умѣренности и воздержанію, въ движеніяхъ—къ трудамъ, живости и степенности, въ отношеніи чувствительности—безболѣзненно переносить перемѣны температуры—воды, воздуха, ушибы и боли и пр. Естественное назначеніе тѣла служить орудіемъ духа, а потому съ раннихъ лѣтъ его нужно воспитать такъ, чтобы оно содѣйствовало и помогало, а не тормозило и препятствовало развитію нашей духовной дѣятельности. Все, возбуждающее нашу чувственность и питающее страсти, должно настойчиво устранять изъ дѣтской жизни.

«Кто пріобрѣлъ такой навыкъ, тотъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Душа въ такомъ человѣкѣ является владычицею тѣла, съ другой стороны заграждается въ нее входъ непотребному зелью чувственныхъ наслажденій, своеволія, тѣлолюбія или саможалѣнія. А это очень важно въ жизни христіанской, по самому существу своему отрѣшенной отъ чувственности и всякаго угодія плоти. Итакъ, не должно оставлять на произволъ развитіе тѣла дитяти, а надо держать его подъ строгою дисциплиною съ самаго начала, чтобы потомъ передать его въ руки самого воспитываемаго уже приспособленнымъ къ жизни христіанской, а не враждебной ей. Истинно любящи дѣтей родители—христіане не должны жалѣть ничего, даже своего родительскаго сердца, чтобы доставить сіе благо дѣтямъ; ибо иначе всѣ послѣдующія дѣла ихъ любви и попеченія будутъ или малоплодны, или даже безплодны. Тѣло—сѣдалище страстей, и большею частью самыхъ свирѣпыхъ, каковы похоть и гнѣвъ. Оно же и органъ, чрезъ который демоны проникаютъ въ душу.» *)

Переходя отъ дѣтскаго воспитанія къ воспитанію юноши, существенно необходимо установить требованіе, чтобы послѣднее, будетъ ли оно въ семьѣ или внѣ ея, неизмѣнно велось въ полномъ соотвѣтствіи съ первымъ, т. е., насило религіозно-нравственный характеръ. Иначе будетъ разорено все, что съ такимъ трудомъ созидалось въ началѣ. Такъ какъ съ развитіемъ дѣтей начинаютъ замѣтно сказываться ихъ индивидуаль-

*) Тамъ-же. Стр 38.

ныя духовныя способности, а также особенности возраста, имѣющія важное значеніе въ воспитательномъ отношеніи, то наставники и руководители должны внимательно изучать эти явленія и въ своей дѣятельности сообразоваться съ ними. Желая дать руководственныя указанія по этому предмету, преосв. Ѳеофанъ прежде всего изображетъ типическія черты періодовъ обученія и воспитанія. Особенно подробно онъ останавливается на характеристикѣ юности, какъ возраста болѣе другихъ подверженнаго опасностямъ и потому болѣе другихъ представляющаго затрудненій для воспитательнаго воздѣйствія. Юность по преимуществу неровный, волнистый періодъ человѣческой жизни, когда всѣ потребности природы въ живомъ, сильномъ возбужденіи и каждая требуетъ своего удовлетворенія. Ужъ одна порывистость и безпорядочность движеній опасна сама по себѣ, ибо легко можетъ увлечь за предѣлы дозволеннаго и полезнаго. Эта опасность значительно увеличивается отъ присутствія нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ, спеціально свойственныхъ юности, каковы—жажда впечатлѣній, склонность къ общенію, желаніе все критиковать и др. Первое во внѣшнемъ поведеніи характеризуется нѣкоторою стремительностью и большимъ разнообразіемъ дѣйствій юноши. Онъ обычно ищетъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Не довольствуясь своимъ наличнымъ духовнымъ содержаніемъ, нерѣдко выражаетъ намѣреніе перечувствовать и пережить предметы и явленія жизненнаго опыта другихъ. Чтобы удовлетворить этой потребности, юноша набрасывается на книги, которыя читаетъ съ жадностью, увлеченіемъ и часто безъ всякаго разбора. Отсюда свободно можетъ образоваться вредная въ нравственномъ отношеніи склонность къ легкому, поверхностному и безпорядочному чтенію. Нерѣдко также юноша не удовлетворяется окружающею его дѣйствительностью и настойчиво стремится проникнуть и открыть завѣсу будущаго. И вотъ онъ безъ конца начинаетъ фантазировать и строить обширные, несбыточные планы на лучшее будущее, на свою выдающуюся роль въ немъ и пр. Часто повторяясь, подобныя настроенія легко могутъ развиться въ болѣзненную мечтательность и фантазерство. Прекрасная сама по себѣ черта—склонность къ общенію иногда становится для юноши источникомъ важныхъ жизненныхъ затрудненій и даже большихъ бѣдъ. Она обычно влечетъ молодого человѣка въ среду своихъ сверстниковъ и товарищей. Конечно, каждый стремится найти лучшее общество, но нерѣдко по неопытности и незнанію жизни чело-

вѣкъ попадаетъ въ такіе кружки, которые безсознательно, а то и намѣренно создали превратное направленіе и преслѣдуютъ дурныя цѣли. Подобныя товарищества сильно заражаютъ, а иногда прямо развращаютъ чистаго юношу, по выраженію Слова Божія, *тлятъ обычаи благи бесѣды злы*. Особенно опасно для христіанской вѣры присущее молодости стремленіе все подвергать сомнѣнію и своей критикѣ. Тогда человѣкъ впервые начинаетъ пользоваться своими собственными пробудившимися силами. Онъ обычно преувеличиваетъ ихъ значеніе, становится самонадѣянъ и склоненъ къ отрицанію всякой сторонней опеки, всякаго авторитета, хотя бы и общепризнаннаго. Юноша создаетъ собственные идеалы жизни или вычитываетъ ихъ изъ книжныхъ теорій, которыя иногда не только не соотвѣтствуютъ истинѣ, но и противны здравому смыслу. Воспроизведемъ высоко художественное изображеніе преосвящ. Ѳеофаномъ юности и ея опасностей.

«Рѣка жизни нашей пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрокъ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнію. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ. Самая безпорядочность и порывистость движеній опасна. Начинаются первыя его собственныя движенія—начатки пробужденія его силъ, и имѣютъ для него всю прелесть: силою своего вліянія они вытѣсняютъ все, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее для него станетъ мечтой, предразсудкомъ. Только настоящія чувства истинны, только они имѣютъ дѣйствительность и значеніе.»

«Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это тоже, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ водѣ!! Что броженіе вскисающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юноши. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подаетъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстройство, такъ и совокупность этихъ голосовъ тоже, что безпорядочные крики шумной толпы.»

«И сама по себѣ юность опасна; но къ этому присоединяются еще два, свойственныя этому возрасту, влеченія, отъ которыхъ юношескія возбужденія сильнѣе разгораются и пріобрѣтаютъ большую силу и опасность. Это: а) жажда впечатлѣній, и б) склонность къ общенію.»

«*Жажда впечатлѣній* сообщаютъ нѣкоторую стремительность, непрерывность и разнообразіе дѣйствіямъ юноши. Ему хочется все испытать самому, все видѣть, все слышать, вездѣ побывать. Ищите его тамъ, гдѣ есть блескъ для очей, гармонія для слуха, просторъ для движенія. Онъ хочетъ быть подъ безпрерывнымъ потокомъ впечатлѣній, всегда новыхъ и потому разнообразныхъ. Ему не сидится дома, не стоится на одномъ мѣстѣ, не внимается къ одному предмету. Его стихія—развлеченія. Но этого для него мало; онъ не довольствуется дѣйствительнымъ, личнымъ испытаніемъ, а хочетъ усвоить и какъ бы перенесть на себя впечатлѣнія другихъ, извѣдать, что чувствовали, какъ дѣйствовали другіе сами по себѣ, или въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Затѣмъ онъ кидается на книги и начинаетъ читать; перебираетъ одну книгу за другою, часто не разбирая содержанія ихъ; у него главное—найти такъ называемый эффектъ, изъ какого бы рода вещей онъ ни былъ и чего бы не касался. Ново, изобразительно, остро-самая лучшая для него рекомендація книгъ. Здѣсь обнаруживается и образуется склонность къ легкому чтенію—та же жажда впечатлѣній, только въ другомъ видѣ. Но и здѣсь еще не все. Юноша часто наскучиваетъ дѣйствительностью потому, что какъ бы ее навязываютъ ему со стороны: это связываетъ его и заключаетъ слишкомъ въ опредѣленныхъ границахъ, а онъ ищетъ нѣкоторой свободы. Затѣмъ онъ часто отрывается отъ дѣйствительнаго, уходитъ въ свой созданный міръ и тамъ начинаетъ дѣйствовать на славу. Фантазія строитъ ему цѣлыя исторія, гдѣ большею частію герой—его собственное лице. Юноша только вступаетъ въ жизнь. Предъ нимъ обольстительное, заманчивое будущее. Со временемъ и ему такимъ надобно быть: что же онъ будетъ? Нельзя ли какъ приподнять эту завѣсу и посмотрѣть? Фантазія, очень подвижная въ эти лѣта, не медлитъ удовлетвореніемъ. Здѣсь обнаруживается и въ такомъ родѣ дѣйствій воспитывается мечтательность. Мечты, легкое чтеніе, развлеченія, все это одно почти по духу—дѣти жажды впечатлѣній, жажды новаго, разнообразнаго. И вредъ отъ нихъ одинаковъ. Ничѣмъ нельзя лучше заморить добрыхъ сѣмянъ, положенныхъ прежде на сердцѣ юноши, какъ ими.»

«Юношескій возрастъ есть время живыхъ чувствъ. Они у его сердца—какъ приливъ и отливъ у береговъ моря. Его все занимаетъ, все удивляетъ. Природа и общество открыли предъ нимъ свои сокровища. Но чувства не любятъ быть скрытыми въ себѣ, и юноша хочетъ дѣлиться ими. Потребность благо-

родная, но она можетъ быть и опасною! Кому ввѣряешь свои чувства, тому даешь нѣкоторымъ образомъ власть надъ собою. Какъ же надобно быть осторожнымъ въ выборѣ близкаго лица! Встрѣтишь такого, который далеко, далеко можетъ завести отъ прямого пути. Само собою разумѣется, что добрый естественно стремится къ доброму, а отклоняется отъ недобраго. Есть на это нѣкоторый вкусъ у сердца. Но, опять, какъ часто случается просто-сердечію быть завлеченнымъ хитростію! Не столько, впрочемъ, опасности въ дружбѣ, сколько въ товариществѣ. Рѣдко видимъ друзей, но больше знакомыхъ и пріятелей. А здѣсь сколько возможно и сколько бываетъ зла? Есть кружки пріятельскіе съ очень недобрыми правилами. Склонившись къ нимъ, не замѣтишь, какъ объединишься съ ними въ духѣ, подобно тому, какъ незамѣтно наполнишься смрадомъ въ смрадномъ мѣстѣ. Они сами часто теряютъ сознаніе непотребства своего поведенія, и спокойно грубѣютъ въ немъ. Если и пробуждается въ комъ это сознаніе, онъ не имѣетъ силъ отстать. Каждый опасается объявить о томъ, ожидая, что его послѣ всюду будутъ преслѣдовать колкостями, и говоритъ: «такъ и быть, можетъ быть пройдетъ» *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы.*

«Самый верхъ опасностей для юноши—отъ обращенія съ другимъ поломъ. Тогда какъ въ первыхъ соблазнахъ юноша сбивается съ прямого пути, здѣсь онъ кромѣ того теряетъ себя.»

«Кромѣ этихъ опасностей, вытекающихъ изъ свойствъ юношескаго возраста, есть, еще двѣ: во 1-хъ—настроеніе, по которому до небесъ возносится знаніе разсудочное, или своеличное постиженіе. Юноша считаетъ преимуществомъ— на все налагать тѣнь сомнѣнія, и все то ставить въ сторонѣ, что не совпадаетъ съ мѣркою его пониманія. Этимъ однимъ онъ отсѣкаетъ отъ сердца все настроеніе вѣры и церкви, слѣдовательно, отпадаетъ изъ нея и остается одинъ. Ища замѣны оставленному, кидается на теоріи, построенныя безъ соображенія съ откровенною истинною, опутываетъ себя ими, и изгоняетъ изъ своего ума всѣ истины вѣры. Еще больше бѣды, если поводъ къ тому подаетъ преподаваніе наукъ въ училищахъ и если подобный духъ становится тамъ преобладающимъ. Думаютъ обладать истинною, а набираются туманныхъ идей, пустыхъ, мечтательныхъ, большею частію противныхъ даже здравому смыслу, которыя, однако-же, увлекаютъ неопытныхъ и становятся идоломъ для юноши любознательнаго. Во 2-хъ—свѣтскость. Пусть она можетъ представлять нѣчто полезное, но преобладаніе ея

въ юношѣ пагубно. Она знаменуется жизнію по впечатлѣніямъ чувствъ, такимъ состояніемъ, въ коемъ человѣкъ мало бываетъ въ себѣ, а все почти вовнѣ, или дѣломъ, или мечтою. Съ такимъ настроеніемъ ненавидятъ внутреннюю жизнь и тѣхъ, кои говорятъ о ней и живутъ ею. Истинные христіане для нихъ мистики, запутавшіеся въ понятіяхъ, или лицемѣры и проч. Разумѣть истину мѣшаетъ имъ духъ міра, качествующій въ кругу свѣтской жизни, соприкасаться которой невозбранно позволяютъ и даже совѣтуютъ юношамъ. Этимъ соприкосновеніемъ міръ, со всѣми своими растлѣнными понятіями и обычаями, набивается въ воспріимчивую душу юноши, не предвареннаго, не настроеннаго противно тому, а еще только принимающаго настроеніе, и отпечатлѣвается на ней, какъ на воскѣ,—и онъ невольно становится чадомъ его. А это чадство противно чадству Божію во Христѣ Іисусѣ.

Вотъ опасности для юношей отъ юности. И какъ трудно устоять!» [1])

Всѣ эти особенности юношескаго возраста и его опасности воспитатель долженъ имѣть въ виду, основательно изучить и соотвѣтственно тому располагать свою дѣятельность. Не входя въ подробное разсмотрѣніе воспитательныхъ мѣръ и правилъ, преосвящ. Ѳеофанъ съ своей стороны рекомендуетъ какъ самое надежное общее руководственное начало—строго выдержанную дисциплину и авторитетъ воспитателя. «По истинѣ благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей» неоднократно повторяетъ онъ. «Какъ хорошо подчинить себя въ этомъ случаѣ (говорится объ умственномъ броженіи юноши) строгой и престрогой дисциплинѣ и быть во все время юношества подъ руководительствомъ. Тѣхъ юношей, коимъ не позволяютъ распоряжаться самимъ своимъ поведеніемъ до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юношѣ надобно радоваться, если онъ поставленъ въ такихъ обстоятельствахъ. Самъ юноша, очевидно, дойти до этого едва ли можетъ; но онъ покажетъ много ума, если повѣритъ совѣту быть больше дома за дѣломъ, не мечтать и не читать пустаго. Развлеченіе пусть отклонитъ трудолюбіемъ, мечтательность—серьезными занятіями подъ руководствомъ, которому особенно должно быть подчинено чтеніе, и въ выборѣ книгъ, и въ образѣ чтенія. Какъ бы, впрочемъ, это кто ни сдѣлалъ, пусть только сдѣлаетъ. Страсти, сомнѣнія, увлеченія разгораются именно въ этомъ, такъ сказать, шаткомъ броженіи ума юноши.» [2])

[1]) Тамъ же. Стр. 56—69. [2]) Тамъ же. Стр. 62.

Успѣхъ и вліяніе воспитательныхъ мѣръ на юношу въ значительной степени опредѣляется характеромъ первоначальнаго семейнаго воспитанія. Какимъ человѣкъ выходитъ изъ юношескаго возраста, чаще всего зависитъ отъ того, какимъ онъ вступаетъ въ него.

«Что сказать о томъ, кто не только не любилъ христіанской жизни и истины, и даже никогда не слышалъ о нихъ?» «Въ этомъ случаѣ онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію, или сухой хворостъ, преданный горѣнію въ огнѣ. Когда своеволіе юношеской мысли на все кидаетъ тѣнь сомнѣнія, когда сильно тревожатъ его возбужденія страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движеніями,—юноша въ огнѣ. Кто дастъ ему каплю росы для прохлады, или подастъ руку помощи, если изъ сердца не выйдетъ голосъ за истину, за добро и чистоту? А онъ не выйдетъ, если любовь къ нимъ не поселена прежде. Даже совѣты въ этомъ случаѣ, не помогутъ. Ихъ тогда не къ чему привить. Силенъ совѣтъ и убѣжденіе, если, сходя чрезъ слухъ въ сердце, они пробудятъ тамъ чувства, кои есть и имѣютъ для насъ цѣну, но только въ настоящій моментъ отстранены другими, а сами мы не найдемся, какъ ихъ высвободить и сообщить имъ свойственную силу. Въ этомъ случѣ совѣтъ—драгоцѣнный даръ юношѣ отъ совѣтника. Но если въ сердцѣ нѣтъ начатковъ чистой жизни, онъ безполезенъ.» «Что будетъ съ юношею, если онъ на передъ не пріученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ. Если сіи начала глубоко напечатлѣны въ сердцѣ, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности переходно, не сдвигая основанія, не колебля души.» *)

На ряду съ ученіемъ о домашнемъ и семейномъ воспитаніи мы находимъ въ сочиненіяхъ преосв. Ѳеофана не мало указаній по постановкѣ нашего школьнаго образованія и въ этомъ отношеніи онъ является педагогомъ-новаторомъ, далеко опередившимъ свое время. Извѣстно, что послѣднимъ словомъ современной педагогики признается идея воспитывающаго обученія, стремленіе, чтобы школа не только давала знанія и обогащала умъ, но и гармонически развивала всѣ душевныя способности ученика, нравственно воспитывала и облагороживала его. Идея эта впервые была высказана лучшими представите-

*) Тамъ же. Стр. 57—58.

лями нашего педагогическаго міра во второй половинѣ прошлаго столѣтія и особенно подробно развита въ послѣдней четверти его, между тѣмъ преосв. Θеофанъ еще въ сороковыхъ годахъ того-же 19 вѣка настойчиво проводилъ туже мысль въ своихъ лекціяхъ на каѳедрѣ профессора столичной академіи. Вся его педагогическая система коренится именно въ идеѣ нравственно воспитывающаго обученія. Онъ признаетъ плодотворнымъ только то образованіе, которое развиваетъ не одинъ умъ, но и главнымъ образомъ облагораживаетъ сердце. Эта мысль красною нитью проходитъ по всѣмъ его сочиненіямъ, затрогивающимъ педагогическіе вопросы. Авторъ не однократно повторяетъ ее, подробно развиваетъ и авторитетно доказываетъ. Видимо, что эта идея дорога, близка его сердцу и онъ страстно стремится осуществить ее въ жизни. Характеризуя состояніе нашего новѣйшаго школьнаго обученія, на практикѣ почти исключительно занятаго обогащеніемъ и дрессировкою одного ума, преосвящ. Θеофанъ съ грустью остроумно замѣчаетъ, что человѣкъ, получившій его, подобенъ бездушной и холодной статуѣ съ огромною головою, сидящей на короткомъ, тощемъ туловищѣ и на микроскопическихъ, хрупкихъ ногахъ. Чтобы парализовать эту односторонность, святитель настойчиво рекомендовалъ поднять и усилить въ школахъ значеніе нравственно-воспиталельнаго элемента и въ частности христіанскихъ началъ. По его глубокому убѣжденію, всякая здоровая русская школа, къ какому бы типу она ни принадлежала и какія бы въ ней науки не преподавались, должна неизмѣнно имѣть въ своей основѣ начала религіи и нравственности. Это не значитъ, чтобы всѣ науки, даже математику необходимо преподавать съ религіозной точки зрѣнія, какъ того требовали въ своемъ увлеченіи ревнители и руководители отечественнаго просвѣщенія во времена господства нашего мистицизма—Магницкіе, Руничи и др. Нѣтъ, святитель желалъ только отмѣтить, что на ряду, а еще лучше прежде сообщенія юношѣ какихъ-либо научныхъ знаній существенно необходимо дать ему здравыя понятія о важнѣйшихъ христіанскихъ истинахъ—о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и пр. Сначала нужно прочно напечатлѣть въ сознаніи и сердцѣ основныя нравственныя истины, а уже затѣмъ на подобномъ крѣпкомъ фундаментѣ строить всю систему научнаго образованія, при чемъ при постепенномъ, поступательномъ развитіи послѣдняго нравственныя идеи должны имѣть значеніе высшихъ, руководительныхъ началъ. Говоря въ частности о томъ, что можетъ сдѣлать школа для

духовнаго блага своего питомца, преосв. Θеофанъ останавливается своимъ руководственнымъ указаніемъ на просвѣщеніи ума и воспитаніи сердца, этого истиннаго центра духовной жизни человѣка. «Чего хотятъ воспитывающіе? говорилъ онъ въ одной средней школѣ *) въ назиданіе учителей и воспитателей ея. Хатятъ просвѣтить умъ и образовать сердце? Гдѣ-же найти прочныя основы и дѣйствительныя орудія къ тому и другому? Нигдѣ, какъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (Кор. I гл. 30 ст.): т. е. во святой вѣрѣ, Имъ дарованной со всѣми спасительными ея учрежденіями. Ибо.

«Что значитъ просвѣтить умъ? Значитъ напечатлѣть въ немъ здравыя понятія о всемъ сущемъ и бывающемъ, именно, понятія о томъ, что есть Богъ, какія Его свойства, въ какое отношеніе благоволилъ Онъ поставить Себя къ міру и къ намъ? Что такое міръ сей, откуда онъ, чѣмъ держится и куда ведется? Что мы сами; зачѣмъ мы здѣсь—на сей землѣ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ и проч.? Совокупность такихъ понятій и составляетъ мудрость, которой всегда такъ дѣятельно искалъ и ищетъ человѣкъ. И кто знаетъ все сіе истинно, не несправедливо именуется просвѣщеннымъ, какъ видящій все въ ясномъ свѣтѣ. Надобно замѣтить, что сіи понятія суть отвѣтъ не безпокоющіе нашъ умъ вопросы. Нѣтъ человѣка, котораго бы не тревожили сіи вопросы, и нѣтъ такого, который бы не рѣшалъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ. Но настоящее ихъ рѣшеніе—самое успокоительное и самое вѣрное—содержится въ откровеніи Іисусъ Христовѣ, и преподается св. церковію. Здѣсь Богъ есть Духъ всесовершенный, единый по существу и троичный въ лицахъ, творецъ міра и промыслитель всяческихъ; міръ—твореніе Божіе, единымъ словомъ Всемогущаго воззванное къ бытію, и глаголомъ силы Его содержимое, во всемъ скрѣпленное законами неизмѣнными, по благоволенію воли Божіей во всякое мгновеніе готовыми покориться, и покаряющимися; человѣкъ—разумная тварь, полная совершенствъ въ началѣ, потомъ падшая и разстроившаяся, нынѣ возстановляемая Господомъ Іисусомъ Христомъ во св. церкви благодатію св. Духа, и наконецъ имѣющая явиться въ новой славѣ—въ будущій вѣкъ, за вѣру и трудъ добродѣланія, и проч.»

«Какія свѣтлыя, возвышенныя и плодотворныя понятія! Послѣ сего напрасно умъ берется рѣшать ихъ еще и самъ собою.

*) Тамбов. Кадетскомъ Корпусѣ.

Опыты его рѣшеній, до пришествія Христа Спасителя, и теперь на западѣ, въ тѣхъ, кои свергли благое иго покорности слову неложнаго Бога, осязательно убѣждаетъ, какъ слабъ онъ въ семъ отношеніи, и какъ ему сроднѣе здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, оставаться навсегда ученикомъ и не дерзать восходить на учительскую каѳедру. Чтоже остается просвѣтителямъ ума? Не изобрѣтать, а взять, готовыя уже, Божественныя истины, и напечатлѣть ихъ въ умахъ дѣтей, а потомъ на нихъ, какъ на основаніяхъ построивать все зданіе вѣдѣнія, или всю совокупность наукъ. Какую твердость и мужество пріобрѣтаетъ умъ. такимъ образомъ просвѣщенный! Какъ прочна въ немъ вся сумма познаній, будучи пропикнута единымъ духомъ и едиными началами!»

«Что значитъ образовать сердце? Значитъ возбудить сокрытыя въ естествѣ нашемъ требованія, преобразовать ихъ въ чувства и расположенія, возвесть въ начала и правила жизни, чтобъ потомъ о всякомъ обладающемъ ими можно было сказать: вотъ совершенный человѣкъ. Спрашивается, какъ это сдѣлать?»

«Многимъ кажется достаточнымъ для этого—развивать. Развивай, говорятъ, природу. Какъ изъ сѣмени, прозябшаго и раскрывавшагося выходитъ дерево или цвѣтъ, въ своемъ родѣ совершенный; такъ выйдетъ и человѣкъ совершеннымъ, если развить все сокрытое въ естествѣ его. Кажется, что можетъ быть разумнѣе и основательнѣе такого положенія? А выходитъ совсѣмъ не то, что чается. Напр., развивая эстетическую сторону, окружаютъ питомца изящными предметами и самаго пріучаютъ къ искусствамъ. Вкусъ раскрывается мало по малу: но вмѣстѣ высказываются и разнаго рода похотствованія, и притомъ въ формахъ совсѣмъ неизящныхъ. Еще: чтобъ пріучить держать себя съ достоинствомъ, вводятъ въ общество, и открываютъ всѣ пріемы приличнаго взаимообращенія. Цѣль достигается въ нѣкоторой мѣрѣ; но вмѣстѣ внѣдряется гордость, спѣсь, своенравіе, неприступность, презорство къ низшимъ. Также пріучаютъ и къ разнаго рода предпріимчивости и дѣятельности: бываетъ и въ этомъ успѣхѣ; но не успѣшнѣе ли выростаетъ корыстность, интересанство и безжалостная притязательность? Такъ и во всемъ. Что-же это значитъ? Не доброе ли сѣмя сѣется? и отъ чего-же плевелы?—Отъ того, что сѣмя естества нашего повреждено паденіемъ, и многое привилось къ нему неистественнаго и противоестественаго, что однакожъ наряду съ естественнымъ выказываетъ право на удовлетвореніе, при-

крываясь видомъ естественности. Оттого тамъ, гдѣ безъ разбора развиваютъ все, что ни находятъ въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ сроднымъ намъ развиваютъ и несродное,—и въ естествѣ нашемъ является много паразитовъ, которые нерѣдко заглушаютъ и изсушаютъ естественныя вѣтви. Такъ, не все надобно развивать въ насъ; а иное развивать, а иное подавлять и искоренять. И вотъ въ чемъ вся трудность воспитанія и образованія. Нѣтъ у насъ очей, или зрительныхъ орудій къ тому, чтобъ различить тонкія, сплетшіяся нити естественнаго и неестественнаго. А еслибъ и была возможность различить, то нѣтъ орудія или анатолическаго ножа для отдѣленія одного отъ другого. Еслибъ и это было,—нѣтъ силъ подкрѣпить и оживить сродное и заглушить несродное намъ. Такъ, пока мы одни,—съ своими только средствами, нельзя ожидать прочнаго успѣха въ образованіи сердца. И здѣсь—то осмотрительный воспитатель вполнѣ чувствуетъ крайнюю нужду въ сверхъестественной помощи. И она готова—въ Церкви Божіей, въ св. ея таинствахъ и всѣхъ освятительныхъ учрежденіяхъ. Божественная благодать, сообщаемая и возгрѣваемая ими, проникая внутрь насъ, раздѣляетъ сродное намъ отъ несроднаго, и соединяясь съ первымъ, укрѣпляетъ его и оживляетъ, а отрѣвая послѣднее, изсушаетъ и истребляетъ его. Потому, кто растетъ подъ дѣйствіемъ ихъ, тотъ безъ особенныхъ усилій со стороны родителей или воспитателей, кромѣ неизбѣжныхъ предостереженій, является, по вступленіи на поприще дѣятельности, съ чувствами и расположеніями чисто человѣческими (или-что тоже-истинно-христіанскими), безъ примѣси уродливыхъ неестественностей, унижающихъ человѣчество. Такимъ образомъ, желаютъ ли обладать сильными, дѣйственными средствами къ образованію сердца,—пусть держатъ воспитываемыхъ подъ дѣйствіемъ спасительныхъ таинствъ Церкви и всѣхъ освятительныхъ ея чинопослѣдованій: и трудъ ихъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ... Пусть не отчуждаютъ дѣтей отъ Церкви и церковности, отъ молитвованій, постовъ, говѣнія, исповѣди и причащенія, храненія праздниковъ и посѣщенія святынь и проч. и можно быть увѣренными, что по окончаніи курса воспитанія, душа питомцевъ, какъ дѣва чистая, будетъ представлена Христу на всякое дѣло благое уготованною.» *)

Обильны и неоцѣненны плоды истиннаго христіанскаго воспитанія. Наблюденія показываютъ, что какая-то особенная, не земная нравственная чистота и невинность, какъ бы совсѣмъ

*) Слова къ Тамбов. паствѣ. Книга 1-я стр. 21—23.

невѣдающая зла, въ соединеніи съ крѣпкою устойчивостью въ добродѣтели характеризуютъ всю жизнь людей, получившихъ во дни юности доброе, религіозное воспитаніе. «Плодъ добраго воспитанія есть сохраненіе благодати святаго крещенія. Послѣднее вознаграждаетъ съ избыткомъ всѣ труды по первому. Ибо нѣкоторыя высокія преимущества принадлежатъ тому, кто сохранилъ благодать крещенія и съ первыхъ лѣтъ посвятилъ себя Богу. «Не падавшій всегда юнъ. Въ чертахъ нравственнаго его характера отражаются чувства дитяти, пока оно еще не сдѣлалось виноватымъ предъ отцемъ. Здѣсь первое чувство невинности,—дѣтство во Христѣ, какъ бы невѣдѣніе зла. Сколько оно отсѣкаетъ у него помысловъ и томительныхъ волненій сердца! Затѣмъ необыкновенное радушіе, искренняя доброта, тихость нрава. Въ немъ во всей силѣ обнаруживаются указанные Апостоломъ плоды духа: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. (Гал. 5, 22).» «Главнѣйшее нравственное совершенство, принадлежащее сохранившемуся цѣлымъ въ лѣта юности, есть нѣкоторая непоколебимость добродѣтели во всю жизнь. Самуилъ остается твердымъ при всѣхъ искушеніяхъ соблазна въ домѣ Иліи и среди волненій народныхъ въ обществѣ. Іосифъ, среди недобрыхъ братьевъ, въ домѣ Пентефрія, въ темницѣ и въ славѣ, равно сохранилъ свою душу непорочною. Первое настроеніе обращается какъ бы въ природу, и если иногда нѣсколько нарушается, скоро приходитъ въ первый строй. Потому въ Четьи-Минеяхъ святыми находимъ большею частію тѣхъ, кои сохранили нравственную чистоту и благодать крещенія въ юности.» *)

Таково ученіе преосв. Ѳеофана о семейномъ воспитаніи и школьномъ образованіи. Но школа есть только необходимая подготовительная ступень къ жизни. Образованіе, полученное во дни юности, должно быть продолжено и расширено путемъ самообразованія въ зрѣлыя лѣта. Характеръ и направленіе послѣдняго у каждаго человѣка опредѣляется тѣми общими и основными взглядами, которые онъ сумѣлъ выработать себѣ. Отъ внимательнаго наблюденія святителя не ускользнула и эта важная сторона нашей духовной жизни и не оставлена безъ обстоятельнаго обслѣдованія и руководственнаго разъясненія. Его взгляды съ христіанской точки зрѣнія на задачи нашего просвѣщенія выражены въ замѣчательномъ словѣ о прогрессѣ, произнесенномъ въ пору наибольшаго увлеченія русскаго общества идеями прогресса въ концѣ 50 и началѣ 60 годовъ прошлаго столѣтія.

*) Путь ко спасенію. Стр. 73—75.

Въ немъ проповѣдникъ съ одной стороны устанавливаетъ истинно-христіанское понятіе о прогрессѣ, а съ другой разбираетъ неправильныя воззрѣнія на него. Раздѣливъ всѣ явленія человѣческой жизни и дѣятельности на два рода, изъ которыхъ одни служатъ удовлетворенію низшихъ потребностей тѣла, а другія высшимъ стремленіямъ нашего духа, святитель допускаетъ прогрессъ только для послѣднихъ. Онъ цѣнитъ только нравственное преуспѣяніе и въ основѣ истиннаго просвѣщенія всѣхъ христіанскихъ народовъ по его ученію неизмѣнно должны лежать начала религіи и нравственности. Все же, подрывающее и охлаждающее вѣру, отчуждающее отъ Церкви и заставляющее нарушать ея уставы, не должно считаться признакомъ истиннаго усовершенствованія, какимъ бы внѣшнимъ благовиднымъ титломъ не прикрывалось оно, а ниспаденіемъ и во возвращеніемъ назадъ. Нельзя признать полнымъ и совершеннымъ того круга человѣческихъ знаній, въ которомъ отсутствуютъ и отрицаются теоретическія истины христіанскаго вѣроученія; равно не возможно достигнуть совершенства въ жизни безъ исполненія основныхъ заповѣдей и требованій христіанской нравственности. Подобное положеніе совсѣмъ не означаетъ, что такими предметами исключительно и нужно заниматься. Имъ только утверждается, что они есть начальные, основные и руководственные. Необходимо трудиться надъ расширеніеиъ познаній, но на основѣ христіанскаго ученія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, а не въ противность ему. Слѣдуетъ улучшать и облагораживать порядки общественной и частной жизни, но только подъ руководствомъ евангельскаго нравоученія, ибо нѣтъ и не можетъ быть ничего чище и возвышеннѣе христіанской нравственности. Вся современная высшая европейская культура исторически сложилась и развилась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ идей христіанства, въ глубинѣ и основаніи ея лежатъ нравственныя начала евангелія. Примѣнивъ подобную точку зрѣнія къ современному ученію о прогрессѣ, преосвящ. Ѳеофанъ находитъ въ немъ многое несоотвѣтствующимъ, а иногда прямо противорѣчащимъ христіанскимъ взглядамъ. Прогрессъ здѣсь полагается главнымъ образомъ въ развитіи и улучшеніи внѣшнихъ формъ и удобствъ жизни, въ накопленіи матеріальныхъ богатствъ, нравственное же, особенно религіозное преуспѣяніе не только часто игнорируется, а иногда прямо сознательно отрицается. Многіе члены современнаго образованнаго общества, увлекшись превратными идеями, нерѣдко допускаютъ въ своей

жизни совсѣмъ не христіанскіе порядки—не только сами не постятся, но и глумятся надъ постами и постящимися; стыдятся исповѣдывать свои грѣхи; въ обществѣ считаютъ неприличнымъ вести бесѣду о религіозныхъ предметахъ, бѣгаютъ церкви, ни во что ставятъ святость брака и семейныхъ отношеній и пр. И все это дѣлаютъ не столько по слабости и легкомыслію, а по сознательному убѣжденію, что такъ поступать лучше и современнѣе, что прежнія вѣрованія Церкви устарѣли и нуждаются въ обновленіи. Прогрессисты иногда нападаютъ и требуютъ измѣненія не только внѣшнихъ формъ церковной жизни, но и самыхъ основныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія—догматовъ. Преосвящен. Ѳеофанъ особенно подробно останавливается на разборѣ подобныхъ лжеученій и разоблачаетъ полную несостоятельность ихъ. По его глубокому убѣжденію откровенныя истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія, какъ предметы неземнаго происхожденія, не должны подлежать какому-либо измѣненію, этому общему удѣлу всѣхъ земныхъ вещей и явленій, не только въ своихъ основныхъ и существенныхъ положеніяхъ, но и въ частностяхъ и дробностяхъ. Святая вѣра, какъ нравственная сила, врачующая наши духовныя немощи, могущественна именно своею цѣлостью и неповрежденностью. Какъ лѣкарство тогда только дѣйственно, когда имѣетъ въ своемъ составѣ всѣ необходимые элементы, такъ и религія спасаетъ только при условіи пользованія всѣми присущими ей духовными силами и освятительными средствами. Исторія свидѣтельствуетъ, что всѣ попытки измѣнить тотъ или другой пунктъ христіанскаго ученія, выражавшіяся въ появленіи въ лонѣ Церкви различныхъ ересей и расколовъ, имѣли самыя печальныя послѣдствія. Въ новое время особенно ярко сказалось это въ жизни протестантства. Начавши съ отрицанія внѣшности и обряда, оно постепенно дошло до болѣе существенныхъ пунктовъ, оставивъ, напр., только два изъ семи таинствъ богоустановленныхъ и утвержденныхъ вселенскими соборами, и въ послѣднее время распалось на такую массу сектъ и толковъ, (изъ которыхъ нѣкоторые граничатъ съ атеизмомъ), что теперь становится трудно говорить о протестантствѣ, какъ отдѣльной самостоятельной Церкви и христіанскомъ вѣроисповѣданіи. «Силы наши возбуждены, мы стремимся къ улучшеніямъ, идемъ, какъ говорится, впередъ, развиваемся. Но не всякое движеніе впередъ, не всякое развитіе есть уже признакъ истиннаго совершенствованія и улучшенія. Терніе и волчцы такъ же растутъ и разви-

ваются, какъ и пшеница; но пшеница собирается въ житницу, а волчцы обрекаются на сожженіе —Идемъ впередъ,—но не забудемъ, что есть путь, котораго послѣдняя зрятъ во дно адово! Тоже можетъ случиться и съ нашими улучшеніями, съ нашими, такъ именуемыми, совершенствованіями: съ нашимъ,—употребимъ принятое слово,—прогрессомъ. И вотъ почему! Мы можемъ развивать и совершенствовать только то, что есть въ насъ самихъ, какъ сѣмени. Но въ насъ дѣйствуютъ два начала, по двоякому нашему происхожденію—отъ перваго Адама перстнаго и отъ Адама втораго, который есть *Господь съ небесе*. Рождаемся мы въ міръ по образу перстнаго Адама и бываемъ въ началѣ таковы же, какъ и онъ перстны: но потомъ, въ купели св. крещенія, благодатно прививаемся къ новому Адаму—небесному и получаемъ силу и обязательство быть таковыми, какъ и Онъ—небесными. Здѣсь мы возраждаемся, получаемъ новую жизнь въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ: но и стихіи ветхаго человѣка остаются въ насъ, дѣйствуютъ, увлекаютъ. Вотъ—изъ этихъ двухъ родниковъ источаются всѣ потоки дѣяній нашихъ! Обозрите все поле дѣлъ человѣческихъ и увидите, что всѣ они дѣлятся на двѣ половины: одни запечатлѣны характеромъ небеснымъ, другія—земнымъ: одни суть плодъ ветхаго, другія—новаго; одни удовлетворяютъ плоти, другія—духу Истинное совершенство принадлежитъ только новой жизни. Жизнь по стихіямъ ветхаго человѣка есть источникъ всѣхъ несовершенствъ, искаженія нашей природы, упадка и подавленія нашихъ духовныхъ силъ. Единственный путь къ истинному совершенству и улучшенію есть—*отложить намъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу—въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Евр. 4, 22—23). Подведите теперь подъ это раздѣленіе и подъ ту оцѣнку и новые пріемы къ улучшенію и облагороженію нашему, и вы согласитесь, что въ этомъ образѣ мыслей, и въ этихъ правилахъ, и въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ этомъ духѣ и направленіи просвѣщенія, въ этомъ способѣ препровожденія времени со вкусомъ, которые считаются признакомъ и плодомъ высшаго развитія и совершенства, если не все, очень много можетъ быть такого, что питаетъ въ насъ только перстное, плотское, грѣховное, и слѣдовательно не совершенствуетъ, а разстраиваетъ, подавляетъ, губитъ. Потому нельзя намъ безъ разбора хвататься за все, перенимать и усвоять потому только,

что такъ дѣлаютъ другіе и считаютъ то хорошимъ. Намъ, обязавшимся въ св. крещеніи работать Господу Іисусу Христу и умерщвлять плоть свою со страстями и похотьми, надлежитъ изъ всего избирать только то, что сообразно съ духомъ Его, и дѣлать это не какъ нибудь, а со страхомъ и всякимъ опасеніемъ, какъ бы не сдѣлать ошибки и не поползнуться на что либо, несообразное съ тою печатію, какою запечатлѣны мы въ св. крещеніи, и не повредить себѣ.»

«Спрашивается, какъ избѣжать подобной ошибки, когда насъ окружаютъ такія привлекательныя, такія блестящія и столько восхваляемыя формы жизни?! Вотъ на это самыя простыя и всѣмъ доступныя правила: Во 1-хъ, не считайте совершенствованіемъ и преуспѣяніемъ (прогрессомъ) того, что охлаждаетъ къ вѣрѣ и отчуждаетъ отъ Церкви.»

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единый Возстановитель и Совершенствователь нашъ, для воспитанія въ насъ истинной жизни, учредилъ на землѣ св. Церковь Свою—начерталъ мудрое исповѣданіе, указалъ путь жизни, даровалъ освятительныя таинства и весь чинъ церковныхъ молитвованій. Это единственно вѣрная школа образованія, совмѣщающая въ себѣ всѣ стихіи для возбужденія, развитія и укрѣпленія свойственной намъ духовной жизни. Ищущій совершенства долженъ жить умомъ и сердцемъ въ семъ божественномъ учрежденіи. И только тотъ, кто всѣмъ сердцемъ подчиняется сему руководству, можетъ достигнуть желаемой высоты. Потому, коль скоро будутъ предлагать вамъ новые способы къ вашему улучшенію и облагороженію и плѣнять кажущимися плодами его,—а вы не хотите впасть въ ошибку и подвергнуться опасности повредить ссбѣ,—испытывайте все по правилу, данному апостоломъ Павломъ: *плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть: сія бо другъ другу противятся* (Гал. 5, 17), т. е. чего хочетъ одинъ, того отвращается другая,—и обратно. И такъ, если коснувшись чего либо такого (прогрессивнаго), вы ощутите въ себѣ охлажденіе къ вѣрѣ и отчужденіе отъ церкви, знайте, что въ томъ дѣйствуетъ не благодѣтельный духъ, а пагубная прелесть. Науки ли какія проходите въ новомъ направленіи, или подвергаетесь вліянію новаго просвѣщенія и всей письменности,—и видите, что онѣ возбуждаютъ въ васъ сомнѣнія въ вѣрѣ,—не считайте успѣха въ этомъ за истинное движеніе впередъ. Нѣтъ—это возвращеніе назадъ, изъ свѣта во тьму, изъ которой произвелъ насъ Господь въ чудный свѣтъ Свой.

Встрѣчаете ли обычаи новые, считающіеся плодомъ высшаго образованія,—и видите, что они отчуждаютъ васъ отъ церкви и заставляютъ безъ страха нарушать уставы ея,—не считайте усвоенія ихъ улучшеніемъ себя и облагороженіемъ. Нѣтъ, это возвращеніе изъ области Божіей въ область сатанину, ниспаденіе отъ истиннаго благородства въ дикую плотяность, хотя подкрашенную и утонченную. Вынуждены ли бываете подчиниться новымъ условіямъ взаимныхъ отношеній—новому тону, и находите, что они такъ вяжутъ васъ, что вы не имѣете возможности жить по требованію духа евангельскаго,—не считайте вступленія въ такой порядокъ жизни пріобрѣтеніемъ—освобожденіемъ отъ узъ невѣжества. Нѣтъ, это потеря свободы чадъ Божіихъ и самовольное связаніе себя узами суеты и мнѣнія, которыя хуже крайняго невѣжества. Такъ судите и о всемъ, что хоть мало противно духу вѣры и Церкви,—и не ошибетесь! Только не увлекайтесь тѣмъ, какое бы множество лицъ, изъ вашего же круга, ни слѣдовало тому. Не другіе будутъ отвѣчать за насъ. Пусть величаются высшимъ образованіемъ. Будетъ день, когда всѣ дѣла подвергнутся огненному испытанію. Тогда окажется, у кого золото и у кого сухое хврастіе»!!

«Во 2-хъ, не считайте совершенствованіемъ и преуспѣяніемъ того, что можетъ довести васъ не только до нарушенія уставовъ вѣры и Церкви, но и до желанія и требованія перемѣнъ и отмѣнъ въ нихъ.»

«Мы развиваемся. Свойство развитія таково, что оставляя старое, оно заставляетъ принимать новое: рамы старыя невмѣстительны для новыхъ, развившихся формъ жизни. Такъ это бываетъ во всемъ земномъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ: но не такъ—въ вѣрѣ, которая будучи неземнаго происхожденія, не можетъ подлежать участи земныхъ измѣненій. Въ ней ничего нельзя отмѣнить, или перемѣнить: ни въ исповѣданіи, ни въ правилахъ жизни, ни въ образѣ совершенія таинствъ, ни въ чинѣ и устройствѣ церковномъ. Св. вѣра наша во всемъ своемъ составѣ есть врачебница наша, содержащая всякаго рода врачевства для всѣхъ немощей нашихъ. Но какъ вещественныя лекарства тогда только бываютъ сильны, когда содержатъ всѣ требуемые рецептомъ составы: такъ и св. вѣра наша тогда только бываетъ для насъ цѣлительна, когда мы хранимъ ее во всей цѣлости, безъ всякихъ отмѣнъ и измѣненій. Отнимите у лекарства какой—нибудь составъ или замѣните его другимъ, оно потеряетъ всю врачебную силу. Отнимите что-нибудь и

въ составѣ вѣры и Церкви, или прибавьте, или измѣните и преобразуйте,—она перестанетъ уже быть для васъ цѣлительною и спасительною. Безъ цѣлости ея намъ нѣтъ спасенія. Потому Самъ Господь хранитъ ее, какъ зѣницу ока. Пусть въ мірѣ все движется и измѣняется,—св. вѣра наша пребываетъ и пребудетъ неизмѣнною. Она тоже среди сихъ измѣненій, что среди волнующагося моря покойная полоса. Вообразите себѣ море, вѣтромъ воздымаемое: волны въ разныхъ направленіяхъ устремляются однѣ за другими и однѣ противо другихъ, и представляютъ изумительное борение водной стихіи,—это образъ земныхъ измѣненій! Вообразите себѣ потомъ среди сихъ волненій одну полосу покойно струящейся воды и невозмутимо прорѣзывающей всѣ волны,—это образъ вѣры! Покойно течетъ она отъ начала основанія своего и будетъ такъ тещи до скончанія міра, давая покой всѣмъ, укрывающимся въ лонѣ ея отъ мірского круговращенія.»

«Знаетъ врагъ нашего спасенія, что вся сила и цѣлительность вѣры зависитъ отъ ея неизмѣнности или этой рѣшительной неподвижности, и потому всячески покушается ввести и ее въ потокъ человѣческихъ измѣненій: возбуждаетъ: ереси, раздражаетъ суемудріе, поднимаетъ мечъ, разсыпаетъ обольстительную прелесть,—все употребляетъ, чтобъ ввести какія—нибудь перемѣны въ ея божественномъ устройствѣ, и тѣмъ уничтожить силу ея. Въ иныхъ странахъ,—подъ обманчивымъ предлогомъ цивилизаціи, гуманности, общечеловѣчности,—онъ уже склонилъ къ перемѣнамъ въ вѣрѣ. Въ видахъ мнимаго улучшенія, тамъ иное отмѣнили, иное прибавили, и тѣмъ сгубили цѣлительность вѣры. Врагъ радуется успѣху и пожинаетъ плоды невѣрія, разврата, возмущеній и всякаго рода неустройства.

«Судите же посему, какой духъ дѣйствуетъ въ томъ развитіи (прогрессѣ), въ угоду которому можно будто что нибудь измѣнить и въ вѣрѣ нашей, будто время намъ оставить то или другое изъ ея учрежденій и замѣнить ихъ новыми, соотвѣтственно новому образованію и вкусу. Это духъ враждебный истинѣ и пагубный для насъ. Потому не считайте благотворнымъ того улучшенія и облагороженія, вслѣдствіе котораго доходятъ до такого рода требованій, не перенимайте ихъ и не усвояйте себѣ! Кто увлекшись духомъ новаго образованія, дошелъ до того, что стѣсняется постомъ стыдится исповѣдывать грѣхи, вмѣсто церкви Божіей охотнѣе идетъ въ другія мѣста, въ обществѣ считаетъ неприличнымъ вести духовную бесѣду и

боится поминать поклоняемое имя Бога, бѣгаетъ священныхъ молитвованій, ни во что ставитъ святость брака и семейныхъ отношеній и проч. и проч., и все это позволяетъ себѣ не по слабости, а по духу сусмудрія, съ своеправнынъ желаніемъ и требованіемъ— улучшить, какъ ему представляется, составъ вѣры и церкви, т. е. поддѣлать его подъ свой испорченный вкусъ и подчинить своимъ хотѣніямъ и угодамъ,—таковой пусть *не хвалится и не лжетъ на истину! Нѣсть сія премудрость свыше сходящая, но земная, душевная, бѣсовская* (Іак. 3, 15).

«Не подумалъ бы кто, что говоря такимъ образомъ, мы возтаемъ противъ всякаго усовершенствованія и всякаго измѣненія къ лучшему. О, нѣтъ! Богъ да благословитъ всякое доброе улучшеніе,—да благословитъ и труды тѣхъ, которые посвящаютъ себя на это. Мы хочемъ только сказать, что истинною мѣрою благотворности улучшеній должна быть сообразность ихъ съ духомъ вѣры, и что все, охлаждающее къ вѣрѣ и отчуждающее отъ церкви, все, заставляющее нарушать уставы ея и требовать перемѣны въ нихъ, все, приводящее къ забвенію божественнаго устроенія вещей,—не должно считаться признакомъ и плодомъ истиннаго усовершенствованія и преуспѣянія (прогрессомъ), а возвращеніемъ назадъ (регрессомъ), ниспаденіемъ и пагубою. Разсудите сами, братія! Господь пришелъ на землю и насадилъ въ ней спасительную вѣру именно для того, чтобы уврачевать наши немощи и возвесть насъ въ первобытное совершенство; для того далъ намъ святое исповѣданіе—это сокращеніе всѣхъ истинъ, изрекъ заповѣди—это начертаніе совершеннѣйшій жизни, учредилъ св. церковь и св. таинства—источники оживленія и освященія. Хочешь ли совершенства (истиннаго прогресса), увѣруй и, воспріявъ благодатныя силы чрезъ св. таинства, живи по требованію вѣры. Другаго пути нѣтъ. Нельзя достигнуть совершенства въ познаніяхъ, не содержа св. исповѣданія; нельзя достигнуть совершенства жизни безъ исполненія заповѣдей, нельзя уврачевать немощи свои безъ содѣйствія святыхъ таинствъ и подчиненія всему чину освятительныхъ молитвованій церкви.—Не то мы хочемъ сказать, чтобы только это и больше ничего, но то, что оно есть главное, источное, руководительное, такъ что коль скоро сего нѣтъ,—все прочее ни во что. Трудись въ разширеніи круга познаній; но не иначе, какъ подъ руководствомъ исповѣданія и по его указанію, а не въ противность ему; иначе все твое мудрованіе

будетъ не болѣе, какъ мечта сновидѣнія. Облагораживай порядокъ взаимныхъ отношеній, но безъ нарушенія евангельскихъ предписаній: иначе вся твоя цивилизованность и гуманность будетъ не болѣе, какъ красота гроба повапленнаго. Улучшай внѣшнія условія быта и благосостоянія, но безъ забвенія вѣчнаго порядка Божія; иначе весь твой блескъ и вся пышность будетъ не болѣе, какъ призракъ обманчивый.»

«Всему проба—опытъ! Но посмотрите, довелъ ли хоть кого-нибудь этотъ хвалимый прогрессъ до обѣщаемаго совершенства, далъ ли покой, сдѣлалъ ли кого счастливымъ?—Никого! А изъ тѣхъ, которые неуклонно слѣдуютъ путемъ вѣры Божей, вы имѣете цѣлый облакъ свидѣтелей—сонмъ святыхъ Божіихъ истинно усовершенствовавшихся и показавшихъ дѣломъ, что этотъ, а не другой путь ведетъ къ совершенству. Вотъ образцы истиннаго прогресса! И всѣ, подражающіе имъ, укрѣпляясь Божественною благодатію, *идутъ отъ силы въ силу, дондеже достигнутъ въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13)». [1])

III.

Служба въ заграничныхъ миссіяхъ.

Преосвящен. Ѳеофанъ сердечно любилъ и глубоко былъ преданъ важному дѣлу христіанскаго воспитанія, но не могъ всецѣло посвятить себя и навсегда остаться на этомъ поприщѣ. Такъ какъ учебная служба у него всегда соединялась съ административными и хозяйственными заботами и хлопотами, къ которымъ никогда не лежала его душа, то онъ нерѣдко тяготился ею. Духъ его стремился въ болѣе сродную ему область молитвеннаго общенія съ Богомъ и иноческаго житія. Тогдашнее настроеніе святителя (служилъ въ Академіи) ярко сказалось въ одномъ изъ писемъ въ слѣдующихъ словахъ: «Занятія по должности до тошноты прискучили и отвлекаютъ отъ храма. Тамъ—рай: пришелъ въ церковь, такъ и не шолъ бы оттуда.» [2]) Скоро представился случай къ удовлетворенію нравственной потребности инока. Въ половинѣ 1847 г. русское правительство отправляло въ Іерусалимъ духовное посольство, имѣвшее своею задачею чрезъ ознакомленіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ православія на востокѣ подготовить почву

[1]) Слова Ректора С.-Петерб. духов. Академ. архим. Ѳеофанъ. Стр. 30—42.
[2]) И. Крутиковъ. Стр. 58.

для учрежденія постоянной русской миссіи въ Палестинѣ. Начальникомъ посольства былъ назначенъ извѣстный ученый археологъ архимандр. Порфирій, а въ члены ея былъ избранъ, согласно своему желанію, баккалавръ С.-Петербург. академіи іеромонахъ Ѳеофанъ. Можно представить себѣ восторженную радость молодого инока при осуществленіи мысли посѣтить и насладиться пребываніемъ въ священныхъ мѣстахъ Палестины! Онъ возлагалъ большіе надежды на свое путешествіе и не ошибся. Миссія, имѣя постоянное жительство въ Іерусалимѣ, съ цѣлью ознакомленія и поклоненія святынямъ посѣтила всѣ священныя мѣста востока—Палестины, Египта, Сиріи и др., вездѣ удовлетворяя духовныя нужды многочисленныхъ русскихъ паломниковъ, защищая и поддерживая ихъ отъ инославной пропаганды. Іеромонахъ Ѳеофанъ ревностно исполнялъ возложенныя на него оффиціальныя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же успѣлъ много сдѣлать и лично для себя. Онъ интересовался главнымъ образомъ древними христіанскими обителями иночества, а при обозрѣніи ихъ особенное вниманіе сосредоточивалъ на изученіи жизни подвижниковъ и памятниковъ древней аскетической письменности. Такъ въ обширной библіотекѣ Палестинской лавры св. Саввы Освященнаго онъ нашелъ и собралъ много древнѣйшихъ рукописей святоотеческой литературы; на Синаѣ—видѣлъ и подробно ознакомился съ знаменитымъ библейскимъ манускриптомъ IV вѣка, изданнымъ впослѣдствіи Тишшендорфомъ. Въ Египтѣ онъ прошелъ и нарочито изслѣдовалъ древнюю пустыню— эту истинную колыбель христіанскаго аскетизма и поприще первыхъ христіанскихъ подвижниковъ; входилъ и дышалъ воздухомъ пещеры, въ которой 90 лѣтъ подвизался, славный даже между древними пустынножителями св. Павелъ Ѳивейскій. Хотя Ѳеофану не пришлось лично посѣтить и поклониться дорогимъ для каждаго русскаго святынямъ горы Афонской, но во время путешествій по востоку онъ много наслышался о жизни и подвигахъ тамошнихъ старцевъ, настолько увлекся ею и завязалъ съ ипоками такую прочную нравственную связь, что сохранилъ ее впослѣдствіи до конца жизни. Изъ древнихъ обителей Египта и Афона онъ вмѣтѣ съ тѣмъ позаимствовалъ не мало памятниковъ духовной, въ особенности аскетической литературы. Въ Іерусалимѣ Ѳеофанъ впервые вошелъ въ близкія и непосредственныя сношенія съ представителями какъ греческаго православія, такъ и инославныхъ исповѣданій. По его наблюденіямъ тогдашняя греческая церковь въ

Палестинѣ испытывала тяжелый нравственный гнетъ зависимости отъ фанатическаго мусульманскаго правительства и терпѣла большія матеріальныя нужды. Самъ патріархъ нерѣдко не имѣлъ многаго необходимаго. У него не было даже приличнаго хора пѣвчихъ, а за богослуженіями пѣлъ какой-то сбродъ. Когда у патріаршей каѳедры явились средства для найма и обученія нѣсколько мальчиковъ и образовался небольшой хоръ, то подобный фактъ былъ такимъ важнымъ событіемъ, что патріархъ нашелъ необходимымъ пригласить членовъ нашей миссіи послушать новыхъ пѣвцовъ. Но что это было за пѣніе? Преосв. Ѳеофанъ говорилъ впослѣдствіи, что и ему, не знающему музыки, долго помнился ужасный крикъ и какофонія усердствующихъ новобранцевъ. *) Тогда ему невольно приходила мысль о томъ, что въ Православной Руси рядовой епархіальный архіерей обставленъ гораздо лучше главы восточной церкви во градѣ Божіемъ. Но не смотря на свое матеріальное и нравственное стѣсненіе, греческое духовенство очень кичилось предъ нашею миссіей тѣмъ, что русская церковь заимствовала православную вѣру отъ грековъ, хотя, по замѣчанію іеромон. Ѳеофана, было мало дѣйствительныхъ основаній для подобной кичливости. Правда, греческое духовенство было довольно твердо въ православіи, но нравственная жизнь его была далеко не безупречна—оно ѣло мясо, многіе члены его вели распущенный образъ жизни, свойственный восточному человѣку и пр. Многое соблазняло молодого аскета и во внѣшнемъ поведеніи грековъ. Такъ однажды, приглашенный на торжественную трапезу, онъ очень удивился, когда въ концѣ обѣда все греческое духовенство, не исключая митрополитовъ и даже патріарха, закурило трубки, которыя изготовлялъ и разносилъ патріаршій архидіаконъ. Познакомившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ инославныхъ исповѣданій на востокѣ, Ѳеофанъ былъ пораженъ тою необычайною энергіею и настойчивостью, съ какою велась пропаганда католичества и протестанства, особенно перваго. Защищая православіе, онъ тутъ впервые практически испыталъ свои силы на поприщѣ апологета. При этихъ сношеніяхъ по

*) *Примѣч.* Считаемъ необходимымъ кстати замѣтить, что высказанное въ одной изъ статей о преосвящ. Ѳеофанѣ (Труды Кіевской Дух. Акад. 1894 г. 3 кн) мнѣніе о составленіи имъ духовно-музыкальныхъ сочиненій не вѣрно. Святитель имѣлъ музыкальный слухъ, но музыки не зналъ и ничего нотнаго не писалъ. Тутъ, очевидно, произошло смѣшеніе преосв. Ѳеофана съ архимандр. Ѳеофаномъ, авторомъ замѣчательныхъ по музыкѣ церковныхъ пѣснопѣній—пасхальныхъ часовъ, стихиры «Да воскреснетъ Богъ,» милость мира и др.

необходимости пришлось основательно изучить французскій языкъ, какъ языкъ дипломатическій. Вращаясь же постоянно въ теченіе семи лѣтъ среди православныхъ грековъ, отчасти евреевъ и арабовъ, Ѳеофанъ прекрасно изучилъ греческій языкъ и познакомился съ еврейскимъ и арабскимъ. Миссія возвратилась на родину въ 1855 году. По случаѣ происходившей тогда между Россіею и Турціею войны пришлось ѣхать чрезъ Европу. И это обстоятельство имѣло важное значеніе для духовнаго развитія инока. Въ классическои странѣ искусства—Италіи онъ, какъ большой любитель и знатокъ живописи, всюду интересовался образцовыми художественными произведеніями; во Флоренціи, напр., подробно осмотрѣлъ картины величайшаго художника Европы Рафаэля и пріобрѣлъ для себя много отлично исполненныхъ снимковъ съ нихъ. При проѣздѣ чрезъ Римъ посольство представлялось папѣ. Послѣдній горько жаловался, что русскій Императоръ Николай самовольно распоряжается католическимъ духовенствомъ, напр. переводитъ епископовъ, куда ему вздумается, совершенно не справляясь со взглядами Рима. Подобное явленіе, прибавилъ папа, единственное не только въ Европѣ, но и въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только есть католики. Въ Германіи видѣлъ центры нѣмецкой учености и познакомился съ сокровищами ея въ библіотекахъ и музеяхъ.

Семилѣтнее служеніе іером. Ѳеофана въ Палестинѣ имѣло для всей его послѣдующей жизни очень важное, ничѣмъ не замѣнимое вліяніе. У насъ есть прекрасный обычай—даровитыхъ молодыхъ людей, ищущихъ учительскаго званія въ высшихъ школахъ, посылать заграницу для приготовленія. И нашему всенародному духовному наставнику промысломъ Божіемъ суждено было заграницей русской земли получить подготовку къ важнѣйшему дѣлу своей жизни—подвигу въ затворѣ, но только не въ инославной Европѣ, а на православнемъ востокѣ—на самой родинѣ христіанства. И молодой инокъ, какъ нельзя лучше, воспользовался временемъ этой подготовки. Съ востока онъ привезъ цѣлую библіотеку древней святоотеческой письменности и прекрасное знаніе языковъ, особенно столь необходимаго ему впослѣдствіи греческаго языка. Еще значительнѣе была нравственная польза. При созерцаніи священныхъ мѣстъ, на каждомъ шагу запечатлѣнныхъ памятниками земной жизни нашего Спасителя, Его пречистой Матери и св. Апостоловъ, инокъ ярко воскресилъ въ своей душѣ важнѣйшія библійскія событія, живо и глубоко пережилъ святыя, возвышающія и

очищающія грѣшную душу религіозныя чувства. Въ настоящее время мы удивляемся, насколько глубоко всѣ писанія преосвящ. Ѳеофана проникнуты духомъ древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Для стяжанія этого великаго дара недостаточно было изучить жизнь и труды св. отцевъ по книгамъ. Еще существенно нужно было опытно изслѣдовать самое поприще ихъ подвиговъ, подышать атмосферою и на мѣстѣ пережить одушевлявшія ихъ чувства. Весьма возможно, что въ глубинѣ одной изъ пещеръ древнихъ пустынножителей впервые явилась у святителя и мысль о собственномъ отшельническомъ подвигѣ. По крайней мѣрѣ, по возвращеніи изъ Палестины, жизнь его идетъ быстрыми шагами къ этой главной цѣли. Важнѣйшія моменты послѣдующей общественной службы—въ званіи ректора Академіи и епископа на двухъ каѳедрахъ были только кратками остановками на пути.

Кромѣ Палестины преосвящ. Ѳеофанъ провелъ одинъ годъ въ Константинопольской духовной миссіи въ качествѣ начальника ея. Это было въ 1857 г., во время религіозной борьбы Болгаріи съ Константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ. Болгарія требовала для себя самостоятельной церкви, съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ и клиромъ изъ своего народа. Константинопольская церковь отказывала ей въ этихъ законныхъ требованіяхъ. Архим. Ѳеофану, какъ знатоку востока, было поручено духовнымъ начальствомъ составить записку по этому предмету. Онъ высказался вполнѣ за справедливость требованій Болгарской церкви, что одобрилъ и русскій Св. Синодъ.

IV.

Служба въ санѣ епископа.

„Виноградникъ Божій (церковь) одинъ отъ начала міра и назначеніе его дѣлателей одно было, есть и будетъ до скончанія вѣка—приносить господину винограда плодъ—спасенныя души. Это задача христіанской іерархіи. Проповѣдь Слова Божія истинный садовый ножъ въ рукахъ дѣлателей винограда Божія.“ *Преосв. Θеофанъ.*

Перваго іюня 1859 г. ректоръ С.—Петербургской Академіи архимандритъ Θеофанъ въ Александро-Невской Лаврѣ былъ посвященъ въ санъ епископа, каковое служеніе проходилъ семь лѣтъ, изъ нихъ четыре въ Тамбовѣ (1859—1863) и три въ Владимірѣ (1863—1866). Обѣ епархіи были обширныя и епископу было много дѣла, особенно въ виду требованій тогдашняго времени. Это было время начала и подготовленія самыхъ широкихъ реформъ Императора Александра II. Наша родина въ особенности нуждалась тогда на всѣхъ поприщахъ общественной службы въ энергичныхъ и просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, способныхъ улучшать и двигать впередъ застоявшуюся русскую жизнь. Преосвящ. Θеофанъ глубоко сочувствовалъ и съ первыхъ шаговъ своей архипастырской дѣятельности шелъ на встрѣчу благодѣтельнымъ преобразованіямъ. Такъ правительство заботилось о развитіи просвѣщенія въ русскомъ обществѣ и онъ полагаетъ начало женскому образованію въ духовенствѣ открытіемъ женскихъ епархіальныхъ училищъ въ Тамбовѣ и Владимірѣ, издаетъ правила и заводитъ много церковныхъ школъ въ Тамбовской губерніи. Правительство поощряетъ распространеніе гласности чрезъ развитіе періодической печати, и преосвящ. Θеофанъ основываетъ въ Тамбовѣ и Владимірѣ «Епархіальныя Вѣдомости», въ которыхъ мѣстное духовенство высказывало бы и обсуждало свои нужды, для которыхъ самъ лично составляетъ программу и на первыхъ порахъ самъ пишетъ большинство статей изданія (въ Тамбовѣ). Но подобная общественная дѣятельность, хотя глубоко плодотворная сама по себѣ, была внѣшнею, имѣвшею, по мысли святителя, второстепенное

значеніе. Важнѣйшею же своею обязанностью онъ считалъ и всю свою заботу сосредоточилъ главнымъ образомъ на созиданіи внутренняго, духовнаго блага ввѣренной ему паствы, именно на руководствѣ ея ко спасенію. Это былъ истинный архіерей Божій, истинный евангельскій пастырь, способный положить душу свою за овцы свои. Онъ крѣпкими, неразрывными узами былъ соединенъ съ паствою, считалъ себя нравственно отвѣтственнымъ за нее и потому всю свою жизнь отдалъ духовному руководству ея. Свои завѣтныя желанія и думы о взаимномъ долгѣ епископа и паствы онъ высказалъ при первомъ же своемъ служеніи въ Тамбовѣ. «Мы уже не чужіе другъ другу, говорилъ новый владыка. Въ часъ нареченія, еще не вѣдая васъ, я вступилъ въ общеніе съ вами, давъ обѣтъ Богу и св. церкви, вамъ принадлежать заботою, трудами и даже сею жизнію. Съ сей минуты у насъ и добро и зло общи, и это не на время только, но и на вѣчность; ибо сопребываніе сіе, будучи сопряжено со взаимными обязательствами, свыше опредѣленными, и въ день суда послужитъ въ оправданіе или осужденіе наше. Въ этомъ довольно, кажется, побужденій къ тому, чтобы ходить намъ другъ предъ другомъ, какъ предъ лицемъ Бога, со всѣмъ вниманіемъ и добросердечіемъ, съ взаимными благожеланіями, въ молитвѣ другъ за друга, во взаимномъ другъ другу содѣйствіи, со страхомъ и трепетомъ свое *спасеніе содѣвая.*» *) Послѣдними словами опредѣлялся характеръ и направленіе общественнаго служенія новаго архипастыря среди Тамбовской паствы, именно, содѣлыванію спасенія чадъ ея онъ желалъ посвятить всю свою дѣятельность. Лучшимъ средствомъ къ тому святитель считалъ ревностное проповѣданіе Слова Божія и на него обратилъ главное вниманіе. Онъ неустанно проповѣдывалъ самъ и всѣми мѣрами побуждалъ къ тому же своихъ сотрудниковъ—пастырей, изъ которыхъ опытныхъ и ревностныхъ поощрялъ, а малоопытныхъ наставлялъ, самъ лично составляя для ихъ руководства статьи о правильной постановкѣ проповѣди и печатая лучшіе образцы ея въ особомъ отдѣлѣ мѣстнаго епархіальнаго органа. Центромъ праповѣдничества былъ Казанскій мужской монастырь при архіерейскомъ домѣ. Здѣсь заведены были постоянныя и систематическія бесѣды не только за литургіею, но и за всенощными бдѣніями. Во время литургіи обычно говорилъ преосвященный, а за всенощной проповѣдывали по очереди преподователи семинаріи—свя-

*) Слова къ Тамбовской паствѣ. Книга 1 ст. 9.

щенники, между которыми выдавался своими прекрасными поученіями талантливый протоіерей И. М. Сладкопѣвцевъ. Въ теченіе великаго поста еще присоединялись собесѣдованія за вечернями въ каѳедральномъ соборѣ, которыя велъ главнымъ образомъ извѣстный въ свое время въ Тамбовѣ церковный ораторъ протоіерей Г. В. Хитровъ. Столь усиленная проповѣдническая дѣятельность развилась подъ непосредственнымъ руководствомъ епископа и онъ лично не пропускалъ ни одной бесѣды.

Преосв. Ѳеофанъ рѣдкую свою службу оставлялъ безъ поученія, пользуясь для того всякимъ удобнымъ поводомъ Рядовыя праздничныя богослуженія и особенные какіе-либо случаи, напр., освященіе храма, посѣщеніе того или другого мѣста во время путешествія по епархіи, или просто намѣреніе раскрыть рядъ какихъ-либо спасительныхъ истинъ были для него побужденіемъ и давали обильный матеріалъ для проповѣдыванія Слова Божія. Начиная свою учительную дѣятельность на Тамбовской каѳедрѣ, святитель желалъ на первыхъ же порахъ возможно точнѣе и опредѣленнѣе установить программу ея, дабы въ самомъ же началѣ не было никакихъ недоразумѣній между нимъ и паствою, дабы послѣдняя ясно представляла, къ чему онъ стремится и чего будетъ искать и требовать отъ нея. Эта программа ярко обрисована въ первомъ же словѣ новаго владыки въ Тамбовѣ и по истинѣ должна назваться полнымъ и точнымъ образцомъ исповѣдыванія православной вѣры. Вотъ это замѣчательное исповѣданіе: «Выслушайте, что исповѣдую, чему учить и вѣры во что искать буду по долгу пастырства, и по сему судите, кто нашъ и кто чуждъ намъ, съ кѣмъ общиться и кого убѣгать должно, чему слѣдовать и чего удаляться надобно. Не новое что и не свое будетъ предложено, а то, что издревле предано намъ, какъ св. законъ вѣры и неизмѣнное правило жизни. Такъ исповѣдую, что Богъ, единый по существу, есть троиченъ въ лицахъ—Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и что сіи Три имена суть одного и того же лица, и не названія разныхъ дѣйствій того же лица: но три ипостаси единаго Божества.»

«Исповѣдую, что сей тріипостасный Богъ всесовершенный, по свободной волѣ Своей, безъ всякой внутренней или внѣшней какой-нибудь необходимости, въ шесть дней, единымъ словомъ Своимъ сотворилъ міръ сей, не изливаясь въ міръ и не сливаясь съ нимъ, а пребывая въ Себѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ, хотя вездѣсущъ есть и все исполняетъ.»

«Исповѣдую, что всеблагій Богъ, сотворивъ міръ, не оставилъ его на произволъ судьбы и не оковалъ узами неумолимой какой-то необходимости, какъ учитъ невѣріе и суемудріе; а съ тою же свободою и властію, съ какою сотворилъ его, съ тою же и правитъ имъ и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя къ благимъ цѣлямъ Своимъ, не стѣсняясь законами естества, которые сами суть не что иное, какъ выраженіе Его же воли, потому всецѣло подлежатъ Его свободному распоряженію и измѣненію тамъ, гдѣ сего требуетъ Его безпредѣльная премудрость.»

«Исповѣдую, что мы, будучи сотворены для всегдашняго общенія съ Богомъ и неизмѣннаго въ Немъ блаженства, въ прародителяхъ нашихъ, нарушеніемъ Его заповѣди, отпали отъ него, навлекли на себя праведный гнѣвъ Его, и подпали временному наказанію и вѣчному осужденію, и что потому всякое видимое и испытываемое нами зло внутреннее или внѣшнее, не есть естественное наше состояніе, или слѣдствіе нашей ограниченности, а есть прямой плодъ грѣха,—наказаніе, только милостію Божіею обращаемое въ очистительное намъ орудіе, подъ условіемъ вѣры, покаянія и смиренной покорности волѣ Божіей.»

«Исповѣдую, что движимый любовію Господь, не терпя, чтобъ любимое Его твореніе—человѣкъ погибалъ въ семъ бѣдственномъ положеніи, благоволилъ низойти на землю, принять на Себя человѣческое естество, страданіемъ и смертію удовлетворить правдѣ Божіей и, по воскресеніи, вознестись на небо и, сѣдши одесную Бога и Отца, снова открыть человѣку свободный доступъ къ живому Богообщенію.»

«Исповѣдую, что всѣ возстановительныя Божественныя силы, яже къ животу и благочестію, положены Господомъ во св. Его церкви, какъ единственной врачебницѣ нашей, и дѣйствуютъ въ ней Духомъ Святымъ, чрезъ св. таинства и другія оствятительныя учрежденія, надъ всѣми съ отверстымъ вѣрою сердцемъ приступающими къ нимъ... и что другаго способа къ принятію благодатныхъ силъ нѣтъ и быть не можетъ, что бы ни замышляли и какъ бы иначе не мечтали одуховляться нѣкоторые мечтательные умы.»

«Исповѣдую, что всякому, ищущему спасенія, нужно первѣе всего покаяться съ рѣшимостію не грѣшить болѣе, хотя бы это стоило жизни; затѣмъ приступить къ таинствамъ для полученія благодати, въ укрѣпленіе слабыхъ на добро своихъ естественныхъ силъ; далѣе идти посильно путемъ заповѣдей

Христовыхъ, среди всѣхъ освятительныхъ учрежденій и молитвованій церкви, существенно необходимыхъ для возгрѣванія въ насъ духа благодати, подъ вліяніемъ подвиговъ самоотверженія къ умерщвленію страстей,—пока наконецъ достигнемъ въ свѣтлую область безстрастія и чистоты; въ сію мѣру возраста исполненія Христова.»

«Исповѣдую, что начавшіе симъ путемъ, вступая въ общеніе съ Богомъ, вступаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общеніе съ невидимымъ міромъ—Ангелами и всѣми Святыми, прежде ихъ Богу угодившими, и, прибѣгая къ ихъ заступленію, получаютъ благовременную отъ нихъ помощь,—паче же всѣхъ отъ пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи—всесильной нашей заступницы и ходатайцы.»

«Исповѣдую, что за грѣхъ первородный душа разлучится съ тѣломъ дѣйствіемъ смерти, и пребудетъ въ семъ раздѣленіи до будущаго воскресенія и суда,—или питаясь надеждою вѣчнаго блаженства, если слѣдовала во всемъ волѣ Божіей, или томясь страхомъ вѣчныхъ мукъ, если противилась заповѣдямъ Господнимъ.»

«Все сіе исповѣдую всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ моимъ, потому что такъ исповѣдывать заповѣдуетъ св. церковь... Такъ и учить буду и такой вѣры буду искать отъ всѣхъ васъ.» *)

И эта широкая программа не осталась мертвою буквою, а нашла себѣ полное осуществленіе въ церковно-учительномъ подвигѣ преосв. Ѳеофана. Ревностный архипастырь стремился изъяснить своей паствѣ все христіанское ученіе, обнять всю ея духовную жизнь, опасаясь нравственной отвѣтственности за упущеніе самаго малаго и незначительнаго. «Хотя бы могъ сказать, говорилъ онъ въ одномъ поученіи предъ разлукою съ Тамбовскою паствою, что не обинуяся сказывалъ вамъ всю волю Божію и самъ и чрезъ другихъ; но опасаясь, не осталось ли что неоконченнымъ, не хочу пропустить и нынѣшняго дня безъ поученія.» Три тома болѣе чѣмъ съ 200 однихъ печатныхъ словъ и бесѣдъ самаго разнообразнаго содержанія, произнесенныхъ въ Тамбовѣ и Владимірѣ ярко свидѣтельствуютъ объ учительной ревности святителя.

Главный предметъ содержанія проповѣдническаго слова преосвящ. Ѳеофана составляетъ нравоученіе и назиданіе. Въ немъ онъ является истиннымъ духовнымъ наставникомъ, заня-

*) Тамъ же. Стр. 10—12.

тымъ преимущественно рѣшеніемъ и выясненіемъ для своей паствы важнѣйшаго вопроса христіанской жизни—вопроса о путяхъ къ нравственному совершенству. Иногда онъ ведетъ цѣлый рядъ систематическихъ бесѣдъ по этому предмету (пять словъ о пути къ спасенію), а чаще касается его по частямъ, примѣнительно къ случаямъ и жизненнымъ нуждамъ паствы. Въ однихъ поученіяхъ установливается и выясняется понятіе объ истинно христіанской жизни, въ другихъ указываются средства и способы къ ней, въ третьихъ подробно изображаются ступени постепеннаго восхожденія по этому пути и т. д. Кажется, не осталось ни одного важнаго нравственнаго вопроса, котораго бы не затрогивало учительное слово. Началомъ и средоточіемъ истинно-христіанской жизни, истиннымъ дыханіемъ ея святитель считаетъ молитву. У кого нѣтъ молитвы, у того нѣтъ и признаковъ духовныхъ началъ. Между тѣмъ онъ не могъ не видѣть, какъ неудовлетворительно стоитъ это важное дѣло въ дѣйствительности. Многіе и молятся, но по своей духовной слѣпотѣ не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ, полагаютъ существо молитвеннаго духа. Другіе и понимали бы, но расхищенные умомъ и погруженные въ мірскія заботы, не радятъ о молитвѣ. Наконецъ, есть и такіе, которые сознательно не хотятъ молиться. Ревностный епископъ не могъ остаться равнодушнымъ къ подобному нравственному состоянію своей паствы. Какъ благочестивые родители полагаютъ начало религіознаго развитія ребенка чрезъ наученіе молитвословіямъ, такъ и онъ спѣшитъ научить своихъ духовныхъ дѣтей молитвѣ. Во многихъ поученіяхъ онъ говоритъ о необходимости и важности молитвы для начала и развитія духовной жизни; рѣдкаго слова не заканчиваетъ приглашеніемъ помолиться, наконецъ, нарочито ведетъ цѣлый рядъ систематическихъ бесѣдъ о молитвѣ, въ которыхъ даетъ полное руководство молитвеннаго подвига. Въ послѣднемъ, какъ ступени, различаются три вида молитвы— обычная словами молитвенника, болѣе совершенная—собственными словами и высшая въ смыслѣ непрестаннаго предстоянія предъ Богомъ. Вторая степень свойственна людямъ болѣе или менѣе укрѣпившимся и твердо ставшимъ на пути добродѣтели. Третью проходятъ только совершенные, а первая всѣмъ доступна, а потому и для всѣхъ нравственно обязательна. Вотъ ученіе преосвящ. Ѳеофана объ этой общедоступной молитвѣ.

«Дѣло молитвы есть первое дѣло въ христіанской жизни. Если въ отношеніи къ обычному порядку дѣлъ вѣрно присло-

віе: вѣкъ живи, вѣкъ учись; то тѣмъ паче оно приложимо къ молитвѣ, дѣйствіе которой не должно имѣть перерыва, и степени которой не имѣютъ предѣла.»

«Припоминаю мудрое обыкновеніе древнихъ святыхъ отцевъ, по которому они, привѣтствуя другъ друга при свиданіи,—не о здоровьѣ и не о чемъ другомъ спрашивали, а о молитвѣ, говоря: какъ идетъ, или какъ дѣйствуется молитва? Дѣйствіе молитвы у нихъ было признакомъ жизни духовной,—и они именовали ее дыханіемъ духа.—Есть дыханіе въ тѣлѣ,—живетъ тѣло;—прекратится дыханіе,—прекращается жизнь. Такъ и въ духѣ. Есть молитва, -живетъ духъ; нѣтъ молитвы,—нѣтъ жизни въ духѣ.»

«Не всякое однакожь совершеніе молитвы или молитвословіе есть молитва. Стать предъ иконою дома, или здѣсь *) и класть поклоны не есть еще молитва, а принадлежность молитвы; читать молитвы на память, или по книжкѣ, или слушать другого читающаго ихъ еще не есть молитва, а только орудіе или способъ обнаруженія и возбужденія ея. Сама молитва есть возникновеніе въ сердцѣ нашемъ одного за другимъ благоговѣйныхъ чувствъ къ Богу,—чувства самоуничиженія, преданности, благодаренія, славословія, прощенія, усерднаго припаденія, сокрушенія, покорности волѣ Божіей, и проч.—Вся забота наша должна быть о томъ, чтобъ, во время нашихъ молитвословій, сіи и подобныя имъ чувства наполняли душу нашу, чтобъ, когда языкъ читаетъ молитвы, или ухо слушаетъ, а тѣло кладетъ поклоны, сердце не было пусто, а въ немъ качествовало какое либо чувство, къ Богу устремленное.—Когда есть сіи чувства, молитвословіе наше есть молитва, а когда нѣтъ,—оно не есть еще молитва.»

«Кажется, чтобы проще и естественнѣе для насъ, какъ молитва, или сердца къ Богу устремленіе? А между тѣмъ оно не у всѣхъ и не всегда бываетъ. Его надо возбудить и возбужденное укрѣпить, или что тоже, надо воспитать въ себѣ духъ молитвенный. Первый къ сему способъ есть—читательное, или слушательное молитвословіе.—Совершай, какъ слѣдуетъ, молитвословіе,—и непремѣнно возбудишь и укрѣпишь восхожденіе въ сердцѣ твоемъ къ Богу, или войдешь въ духъ молитвенный.»

«Въ молитвенникахъ нашихъ помѣщены молитвы св. отцевъ—Ефрема Сиріанина, Макарія Египетскаго, Василія В.,

*) Въ храмѣ

Іоанна Златоустаго и другихъ великихъ молитвенниковъ.—Будучи исполняемы духомъ молитвеннымъ, они изложили внушенное симъ духомъ въ словѣ и предали то намъ. Въ молитвахъ ихъ движится великая сила молитвенная, и кто всѣмъ вниманіемъ и усердіемъ проникаетъ въ нихъ, тотъ, въ силу закона взаимодѣйствія, непремѣнно вкусить силы молитвенной, по мѣрѣ сближенія настроенія своего съ содержаніемъ.—Чтобъ малитвословіе наше сдѣлать намъ дѣйствительнымъ средствомъ къ воспитанію молитвы, надо такъ совершать его, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержаніе молитвъ, составляющихъ его.—Укажу для сего три самыхъ простыхъ пріема: не приступай къ молитвословію безъ предварительнаго, хотя краткаго, приготовленія,—не совершай его кое какъ, а со вниманіемъ и чувствомъ,—и не тотчасъ по окончаніи молитвъ, переходи къ обычнымъ занятіямъ.»

«Пусть молитвословіе есть у насъ самое обычное дѣло, но никакъ нельзя, чтобъ оно не требовало приготовленія. Что обычнѣе читанія или писанія для умѣющихъ читать и писать?—между тѣмъ однакожъ садясь писать или читать, не вдругъ начинаемъ дѣло, а медлимъ нѣсколько предъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ столько, чтобъ поставить себя въ пригодное положеніе. Тѣмъ паче необходимы предъ молитвою приготовительныя къ молитвѣ дѣйствія, особенно тогда, когда предшествовавшее занятіе было совсѣмъ изъ другой области, нежели къ какой относится молитва.»

«И такъ—приступая къ молитвословію, утромъ или вечеромъ, постой немного, или посиди, или походи и потрудись въ сіе время отрѣзвить мысль, отвлекши ее отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и предметовъ. Затѣмъ помысли, кто Тотъ, къ Кому обратишься ты въ молитвѣ, и кто ты, имѣющій начать теперь сіе молитвенное къ Нему обращеніе,—и соотвѣтственному тому возбуди въ душѣ настроеніе самоуничиженнаго и благоговѣйнымъ страхомъ проникнутаго предстоянія Богу въ сердцѣ. Въ этомъ все приготовленіе—благоговѣйно стать предъ Богомъ,—малое, но немалозначительное. Тутъ полагается начало молитвы; доброе же начало—половина дѣла.»

«Такъ установившись внутренно, стань затѣмъ предъ иконою и, нѣсколько положивъ поклоновъ,—начинай обычное молитвословіе: слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!--Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, пріиди и вселися въ ны и проч. Читай не спѣшно, во всякое слово вникай, и мысль

всякаго слова до сердца доводи, сопровождая то поклонами. Въ этомъ все дѣло чтенія молитвы, Богу пріятнаго и плодоноснаго. Вникай во всякое слово и мысль слова до сердца доводи, — иначе — понимай, что читаешь и понятое чувствуй. Другихъ правилъ не требуется. Эти два — понимай и чувствуй, исполненыя какъ слѣдуетъ, украшаютъ всякое молитвословіе полнымъ достоинствомъ и сообщаютъ ему все плодотворное дѣйствіе.— Читаешь:—очисти ны отъ всякія скверны,— возчувствуй скверноту свою, возжелай чистоты, и уповательно взыщи ее у Господа. Читаешь: остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,— и въ душѣ своей всѣмъ прости, и сердцемъ все всѣмъ простившимъ проси себѣ у Господа прощенія.—Читаешь: да будетъ воля Твоя,— и въ сердцѣ своемъ совершенно предай Господу участь твою и безпрекословную изъяви готовность благодушно встрѣтить все, что Господу угодно будетъ послать тебѣ.—Если будешъ такъ дѣйствовать при всякомъ стихѣ молитвы твоей, то у тебя будетъ надлежащее молитвословіе.»

«Чтобъ успѣшнѣе можно было совершить его такимъ образомъ,—вотъ что сдѣлай: 1) имѣй молитвенное правило, съ благословенія духовнаго отца твоего,— не большое, такое, которое могъ бы ты исполнять не спѣшно, при обычномъ теченіи твоихъ дѣлъ; 2) прежде чѣмъ молиться, въ свободное время вчитывайся въ молитвы, входящія въ твое правило, поймп полно каждое и прочувствуй его, чтобъ тебѣ напередъ знать, что при каждомъ словѣ должно быть у тебя на душѣ, а еще лучше, если положенныя молитвы заучишь на память. Сдѣлавъ то, ты будешь молитвы носить въ себѣ. Пока онѣ въ молитвенникѣ, онѣ внѣ тебя, а когда заучишъ ихъ, онѣ станутъ внутрь тебя; и ты, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, всегда будешь имѣть съ собой молитвенникъ свой. Къ тому же, заучивая молитвы, ты глубже напечатлѣешъ въ себѣ мысли и чувства молитвенныя, нежели какъ просто только обсудивъ ихъ и обчувствовавъ. Отъ такого изученія въ тебѣ образуется молитвенный строй, если будешъ не слова только заучивать, по и въ мысляхъ тѣхъ и чувствахъ быть, которыя содержатся въ молитвѣ. А это наилучшій путь къ успѣху въ навыкѣ достодолжной молитвы. Останется одно затрудненіе: мысль летучая все будетъ отбѣгать на другіе предметы. Тутъ вотъ что надо: 3) Надо употребить напряженіе на сохраненіе вниманія, зная напередъ, что мысль отбѣгать будетъ. Потомъ, когда во время

молитвы она отбѣжитъ,— возвратп ее; опять отбѣжитъ,— опять возврати — такъ всякій разъ. Но всякій же разъ, что прочтено будетъ во время отбѣганія мысли— и слѣд. безъ вниманія и чувства,—снова прочитывать не забывай:— и хоть бы мысль твоя нѣсколько разъ отбѣгала на одномъ мѣстѣ, нѣсколько разъ читай его, пока не прочтешь съ понятіемъ и чувствомъ. Одолѣешь однажды это затрудненіе,—въ другой разъ, можетъ быть, оно не повторится, или повторится не въ такой силѣ.— Такъ надо поступать, когда мысль отбѣгаетъ и разсѣевается. Но можетъ быть и то, что иное слово такъ сильно подѣйствуетъ на душу, что душѣ не будетъ хотѣться простираться далѣе въ молитвословіи, и хотя языкъ читаетъ молитвы, а мысль все отбѣгаетъ назадъ къ тому мѣсту, которое такъ подѣйствовало на нее.—Въ такомъ случаѣ 4) остановись, не читай далѣе, а постой вниманіемъ и чувствомъ на томъ мѣстѣ, попитай имъ душу свою, или тѣми помышленіями, которыя оно будетъ производить.—И не спѣши себя отрывать отъ сего состоянія;—такъ что, если время не терпитъ, оставь лучше не доконченнымъ правило, а этого состоянія не разоряй. Оно будетъ осѣнять тебя, можетъ быть, и весь день, какъ Ангелъ Хранитель! Такого рода благодатныя воздѣйствія на душу во время молитвословія означаютъ, что духъ молитвы начинается внѣдряться и что, слѣд., сохраненіе сего состоянія есть самое надежное средство къ воспитанію и укрѣпленію въ насъ духа молитвеннаго.»

«Наконецъ—кончишь свое молитвословіе,—не тотчасъ переходи къ занятіямъ какимъ либо, а тоже, немного—хоть, постой и подумай, что это тобою совершено и къ чему тебя сіе обязываетъ, стараясь, если дано что восчувствовать во время молитвы, сохранить то и послѣ молитвы. Впрочемъ, если кто дѣйствительно совершитъ свое молитвословіе, какъ слѣдуетъ, тотъ и самъ не захочетъ скоро озабочиваться дѣлами.—Таково ужъ свойство молитвы! Что предки наши говорили, возвратясь изъ Царь-града: кто вкусилъ сладкаго, не захочетъ горькаго; то сбывается со всякимъ, хорошо помолившимся во время своего молитвословія.—И вѣдать должно. что вкушеніе сей сладости молитвы и есть цѣль молитвословія;—и что если молитвословіе воспитываетъ духъ молитвенный, то именно чрезъ сіе вкушеніе.» *)

Вмѣстѣ съ домашнимъ молитвословіемъ святитель считалъ необходимымъ научить свою паству и церковной молитвѣ. Въ

*) Слова къ Владимірской паствѣ. Стр. 496—500.

его глубоко назидательномъ словѣ о томъ, какъ слѣдуетъ православному христіанину предстоять предъ лицемъ Господа въ храмѣ Божіемъ, дается слѣдующее руководство по этому важному предмету:

«Входя въ храмъ, помяни, что входишь въ домъ Божій; потому войди тихо, скромно, не возмущая ничьего молитвеннаго покоя, пройди на свое мѣсто,—и установись на немъ въ благоговѣйномъ положеніи, обращая очи или только къ святынямъ, или долу и горѣ, —и клади поклоны—большіе и малые,—соотвѣтственно движенію сердца своего, не обращая вниманія на то, какъ и что дѣлаютъ другіе вокругъ тебя.—Это внѣшній порядокъ, такой однакожъ, безъ соблюденія котораго трудно повѣрить, чтобъ кто установился въ молитвѣ какъ слѣдуетъ.»

«Но и исправность въ семъ не обнимаетъ всего дѣла молитвы...»

«Надо приложить къ сему духовный трудъ, именно—сосредоточиться внутрь себя. Оставь всѣ заботы и всѣ житейскія помышленія за порогомъ храма и войди въ него съ душею свободною. Соберись затѣмъ вниманіемъ своимъ вокругъ сердца,—око ума своего обрати къ единому Господу, Который вездѣ есть и зритъ сердце твое, и начинай потомъ сокрушенно взывать къ Нему, съ внутреннимъ самоуничиженнымъ припаденіемъ къ невидимымъ стопамъ Его. —Съ первой минуты вступленія въ храмъ поспѣши устроиться такъ.—Въ помощь себѣ при семъ,—къ отрѣшенному отъ всего вниманію къ Господу и къ дѣлу молитвы, присоедини поклоны—большіе и малые, учащая ихъ и разминая ими душу свою, пока согрѣется, пока начнетъ теплиться молитвенная свѣча въ сердцѣ. Замѣть, что теплота есть фундаментъ молитвы. Его и потрудись положить въ душѣ твоей въ самомъ началѣ вступленія твоего въ храмъ. Это есть звѣно,—въ цѣпи молитвенныхъ дѣйствій, самое нужное.»

«Установившись такъ въ самомъ началѣ, внѣшне и внутренно, продолжай потомъ и во все время службы сохранять тоже настроеніе. Знай, что внѣшнее отъ внутренняго. На сіе послѣднее потому и обрати всю свою заботу.—Умъ неохотникъ долго стоять на одномъ, и поминутно порывается на разномысліе и развлеченіе. Какъ пойманная птица рвется изъ рукъ, такъ рвется мысль изъ объятій вниманія, чтобъ парить въ мечтательностяхъ. Какъ же быть?—Извѣстно всякому по опыту, что когда есть на сердцѣ теплота, хотя легкая, вниманіе всегда витаетъ окрестъ сердца, и умъ пребываетъ нерас-

хищеннымъ. Все дѣло, значитъ, въ поддержании сердечной теплоты.—А для сего, вотъ что дѣлай!—Возрѣвши, какъ сказано, съ прихода въ церковь теплоту въ сердцѣ, внимай далѣе тому, что читается, поется и дѣйствуется въ храмѣ; уразумѣвай смыслъ того и прилагай его къ сердцу,—и это отъ начала службы до конца. Какъ въ кремнѣ скрыта сила огня, такъ во всемъ, совершаемомъ въ храмѣ, сокрыта сила огня духовнаго. Ударь въ то огнивомъ ума, и издастся искра духовная, которая, падши на сердце, будетъ сообщать ему теплоту и поддерживать въ немъ горѣніе. Какъ въ печи въ началѣ возженный огонь поддерживается подкладкою новыхъ дровъ: такъ, влагая въ сердце одно за другимъ Божественныя возбудительныя помышленія соотвѣтственно ходу службы, мы во все продолженія ея поддержимъ въ себѣ теплоту не только неугасающею, но и еще постоянно возвышающеюся.»

«Слѣдствіемъ сего будетъ то, что мы во все время пребыванія въ храмѣ будемъ, какъ въ раю сладости,—переходя отъ одного сладостнаго ощущенія къ другому. Кто такъ пребываетъ въ храмѣ, для того никогда не бываетъ долгихъ службъ... Для него онѣ очень скоро проходятъ, какъ бы не были продолжительны. Забота у него не о томъ, какъ бы дождаться конца, а чтобъ не скоро былъ конецъ, потому что ему хорошо такъ быть, какъ есть.—Блаженныя души!—Запасшись такимъ молитвеннымъ духомъ въ храмѣ, они переносятъ его съ собою въ домы, вносятъ во всѣ свои отношенія-семейныя, житейскія, служебныя и во всѣ порядки жизни, и все освящаютъ молитвою.—Посудите,—еслибъ всѣ мы такъ пребывали въ храмахъ и такими выходили изъ храмовъ; то весь градъ нашъ былъ бы преисполненъ духомъ молитвеннымъ, ублажительнымъ и охранительнымъ. А еслибъ подобно намъ, такъ же дѣйствовали и всѣ другіе грады и веси, то и все отечество наше было бы исполнено тѣмъ же духомъ, и подобилось станамъ Израильтянъ, которыхъ осѣнялъ столпъ облачный, хранившій ихъ и руководившій въ пути въ безопасный и вседовольный Ханаанъ.»

«Видите, какое благо! А между тѣмъ много ли требуется труда, чтобъ получить его?—Потихоньку войдти въ церковь и стать спокойно на свое мѣсто; собрать затѣмъ вниманіе свое и возгрѣть теплоту сердца; внимать потомъ всему читаемому, поемому и дѣйствуемому въ храмѣ и поддерживать тѣмъ горѣніе духа.—Такъ просто, немногосложно и нетрудно!» *)

*) Слова къ Тамбов. паствѣ кн. II, стр. 150.

Преосв. Θеофанъ съ глубокимъ и неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нравственною жизнію и духовными нуждами своей паствы и съ истинно отеческою любовію и предупредительностью всегда стремился удовлетворить ихъ. Вотъ, напр., паства говѣетъ во дни великаго поста, и епископъ спѣшитъ сообщить ей все необходимое для того. Ужь одно оглавленіе поученій по этому предмету ярко свидѣтельствуетъ о заботѣ архипастыря: 1) что такое говѣнье и въ чемъ состоитъ истинный постъ; 2) какъ нужно каяться и готовиться къ исповѣди. 3) какъ слѣдуетъ проводить канунъ и самый день причащенія, 4) съ достоинно причащающимися Самъ Господь; 5) что требуется покаявшемуся и причастившемуся и т. д. Вмѣстѣ съ раскрытіемъ положительнаго ученія, преосв. Θеофанъ энергично и настойчиво стремился съ одной стороны предохранить свою паству отъ всякихъ отрицательныхъ вліяній, а съ другой—разъяснить возникающія недоумѣнія и сомнѣнія по религіознымъ вопросамъ, указывалъ и обличалъ дѣйствительныя недостатки ея. Разъ во время религіозной бесѣды въ одномъ большомъ собраніи, святитель замѣтилъ, что нѣкоторые члены его неправильно понимаютъ обрядъ священнодѣйствія анаѳематствованія, считая его жестокимъ и несовременнымъ, и вотъ онъ въ своемъ словѣ въ недѣлю православія спѣшитъ сообщить истинное ученіе объ обрядѣ доказываетъ право и необходимость для церкви оберегать свою жизнь отъ враговъ и разрушителей ея и отлучать ихъ отъ своего общенія. Въ другой разъ преосвященный услышалъ, что многіе жители Владиміра слишкомъ бурно, не похристіански, встрѣтили новый годъ и что въ городѣ явилась какая-то прорицательница—ясновидящая, къ которой горожане направились цѣлыми толпами, въ надеждѣ получить разгадку таинъ жизни. Въ праздникъ Крещенія Господня епископъ рѣшился сказать обличительное слово по поводу этихъ нестроеній, въ которомъ укорялъ свою паству за то, что она уподобилась древнимъ язычникамъ, наивно искавшимъ рѣшенія таинъ своей жизни у нелѣпыхъ оракуловъ въ прорицательницахъ, что шумная встрѣча новаго года съ бокалами и плясками есть ничто иное, какъ служеніе Бахусу, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны обстоятельно выяснилъ, какъ слѣдуетъ похристіански проводить такой важный моментъ, какъ встрѣча новаго лѣта жизни, а съ другой настойчиво убѣждалъ, что раскрытія жизненныхъ таинъ христіанину слѣдуетъ искать только въ откровенномъ ученіи. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что слово обли-

ченія очень рѣдко исходило изъ устъ любвеобильнаго Архипастыря. Для него очень тяжело было подобное слово и рѣшимость говорить его являлась только въ крайнихъ случаяхъ, о чемъ можно судить по слѣдующему заключенію того же поученія на Богоявленіе. «Простите, Господа ради, что въ свѣтлый праздникъ крещенія обращаюсь къ вамъ съ такими укорными словами. Долгъ имѣю говорить такъ—съ тою одною цѣлью, чтобы вы осмотрѣлись и отстранили изъ поведенія своего все, что можетъ лежать чернымъ пятномъ на свѣтлой одеждѣ, которою вы облеклись въ крещеніи.» *)

Живя во Владимірѣ, преосв. Ѳеофанъ видѣлъ, какое зло и серьезную опасность для вѣры православной представляетъ собою сильно развитой въ этой епархіи расколъ. Нерѣдки были случаи явной пропаганды его, съ открытымъ совращеніемъ православныхъ, особенно изъ среды нашего простолюдина. Епископъ не могъ быть спокоенъ за чистоту вѣры и христіанской жизни своей паствы и отсюда его продолжительная, упорная борьба съ расколомъ. Онъ неоднократно бесѣдуетъ съ церковной каѳедры въ самомъ Владимірѣ, предпринимаетъ нарочитыя путешествія въ раскольничьи центры епархіи, гдѣ произноситъ цѣлый рядъ поученій, въ которыхъ въ самой простой и доступной формѣ раскрылъ полную несостоятельность раскола, какъ съ исторической точки зрѣнія, такъ и по существу его вѣроученія. По убѣжденію преосв. Ѳеофана нашъ расколъ есть ничто иное, какъ плодъ народнаго невѣжества и недомыслія. Отдѣлившись отъ православной церкви, раскольники мнятъ спастись самостоятельно и краеугольнымъ камнемъ своего спасенія полагаютъ такіе маловажные, иногда даже мелочные предметы, какъ двоеперстіе, сугубая аллилуіа, небритіе бороды и пр. Между тѣмъ для этихъ отщепенцевъ православія съ канонической точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о спасеніи, такъ какъ ихъ общество въ самой своей основѣ лишено спасающей благодати. Благодать же у нихъ отсутствуетъ потому, что нѣтъ хранительницы ея—церкви, и необходимыхъ органовъ благодатнаго обнаруженія—таинствъ и священной іерархіи. Источникъ послѣдней раскольникамъ, послѣ долгихъ поисковъ и большихъ матеріальныхъ жертвъ, удалось было завести въ прошломъ столѣтіи въ лицѣ извѣстнаго австрійскаго митрополита Амвросія, но этотъ корень оказался гнилой, а потому и безплодный. Амвросій былъ запрещенъ въ священнослуженіи

*) Слова къ Владимірской паствѣ. Стр. 529.

высшею церковною властью и, какъ связанный на землѣ, былъ связанъ и на небѣ, а потому и не могъ имѣть притока Христовой благодати, столь необходимой для законнаго и плодотворнаго его служенія. Хотя раскольники и увѣряютъ, что онъ былъ разрѣшенъ отъ запрещенія соборомъ ихъ старцевъ; но подобная мысль нелѣпа, потому что свѣтскимъ людямъ никогда и нигдѣ не было представлено права разрѣшать своего епископа. Такимъ образомъ поставленная Амвросіемъ раскольничья іерархія оказалась въ существѣ своемъ не болѣе, какъ самозванною и фальшивою. Раскольники почитаютъ свои лжеученія древле-отеческими, между тѣмъ никто изъ отцовъ и учителей древней церкви ничего не зналъ объ нихъ. Въ дѣйствительности старообрядческая древность восходитъ не болѣе, какъ лѣтъ за 150 до патріарха Никона, когда началась сильная порча церковныхъ книгъ и была замѣчена. Наши богослужебныя книги, переведенныя съ греческаго яз., въ первое время послѣ просвѣщенія Руси христіанствомъ были довольно правильны, такъ какъ тогдашніе митрополиты изъ грековъ, знавшіе хорошо греческій и славянскій языки легко исправляли ошибки, если онѣ случались. Когда же впослѣдствіи митрополиты стали избираться изъ русскихъ, не знавшихъ греческаго яз., то порча книгъ значительно увеличилась. Переписчики нерѣдко искажали текстъ то по ошибкѣ и нерадѣнію, то по собственному своеобразному умствованію и толкованію. Дѣло не улучшилось и съ появленіемъ печати, такъ какъ печатные экземпляры были только воспроизведеніемъ испорченныхъ рукописей. Высшіе, просвѣщенные представители церкви видѣли и указывали на порчу книгъ, но кореннаго исправленія не рѣшались предпринять, одни по недостатку правъ и полномочій, а другіе, имѣя въ виду благоговѣніе древне-русскаго человѣка къ церковной святынѣ и опасаясь народнаго волненія. Только у іерарха съ такимъ сильнымъ умомъ, а главное съ такою крѣпкою волею, какъ у патріарха Никона достало мужества и энергіи начать и провести столь крупное историческое дѣло, какъ всеобщее исправленіе книгъ, совершенное имъ съ согласія и полнаго одобренія восточныхъ патріарховъ, по лучшимъ, тщательно провѣреннымъ греческимъ подлинникомъ. Никонъ возвратилъ наши испорченныя книги къ неповрежденнымъ первоисточникамъ, а лжеученія раскола оказались измышленными невѣжественными людьми нововведеніями, а не древлеотеческими преданіями. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, просмот-

рѣвшій богатое собраніе древне-греческихъ богослужебныхъ рукописей въ нашей патріаршей библіотекѣ.

«Раскольники говорятъ, что у нихъ древлеотеческіе догматы! Послушайте, что это у нихъ за древлеотеческіе догматы? Это—двуперстное сложеніе, двоеніе аллилуіа, хожденіе по солонь, не брить усовъ и бороды, имя Господа Спасителя говорить испорченно—Исусъ.—Но просмотри ты всѣхъ св. отцевъ и поищи, есть ли хоть одинъ, который бы почиталъ сіи мелочныя вещи догматами? Ни одного. Есть ли у нихъ хоть намекъ какой-либо на то, что отъ сихъ вещей зависитъ спасеніе? Ни какого!—Отъ чего же ихъ называютъ древлеотеческими?—Оттого, что св. отцевъ не читали, а знаютъ, что св. отцевъ слушать должно. Хоть и ничего не знаютъ, но думаютъ, что ссылкою на св. отцевъ себя оправдаютъ и дѣло выиграютъ.»

«Они (догматы) всѣ новы, и древніе отцы о нихъ совсѣмъ не знали. Вотъ какъ дѣло было: тотчасъ по крещеніи нашихъ праотцевъ, при св. Равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, приняты были священныя книги отъ грековъ въ славянскомъ переводѣ,—и когда нужны были кому, тотъ нанималъ переписчиковъ и они списывали ихъ. Пока были у насъ Греки—митрополиты, они, зная хорошо и греческій и славянскій языки, и строго смотря за переписчиками, тотчасъ исправляли, если замѣчали ошибки. Но когда Греки перестали у насъ быть митрополитами, Русскіе, не зная греческаго яз., не могли замѣчать ошибокъ.—Такъ книги начали портиться. Это началось лѣтъ за 150 до патріарха Никона, и книги все болѣе и болѣе портились. Одинъ опустилъ одно—аллилуія изъ 3-хъ, а другой не посмѣлъ дополнить его, и стали писать аллилуія дважды. Имя Господа: Іисуса—писалось Іс., а произносилось все же *Іисусъ*. Не зная греческаго яз., съ котораго взято сіе слово, начали произносить—*Исусъ*, а потомъ и всѣми буквами писать—Исусъ. Слѣдовало спросить у Грековъ, а они не спросили. —Иному вздумалось, что лучше двумя перстами креститься,—онъ и внесъ это въ книги.—Такъ одинъ одну внесъ въ книги ошибку, другой другую; одинъ одну прибавку сдѣлалъ, другой другую.—Какъ писалось, такъ печатать потомъ стали. Хоть печатникамъ приказано было исправлять книги; но какъ они исправляли ихъ по испорченнымъ уже книгамъ, а больше по своему смышленію, то они еще болѣе ошибокъ и прабавокъ надѣлали. Ко времени патріарха Никона этихъ ошибокъ и прибавокъ было такъ много, что и ученіе истинное стало повреж-

даться. Замѣтивъ сіе, патріархъ Никонъ вошелъ въ совѣтъ со всѣми патріархами и всѣ единодушно соборомъ велѣли исправлять книги не по своему смышленію и не по русскимъ, а по древнимъ греческимъ, которыхъ навезли тогда всѣхъ родовъ великое множество. Когда поправили симъ порядкомъ книги, тогда онѣ всѣ стали, какъ были отъ начала со временъ Владимира Равноапостольнаго. Всѣ новыя прибавки и ошибки выброшены, и поставлено все, какъ слѣдуетъ быть, и какъ было въ началѣ. Такъ патріархъ Никонъ книги священныя не поповилъ, а воротилъ на старое. Всѣ же новизны отбросилъ. Въ нашихъ книгахъ теперь все такъ, какъ есть въ греческихъ, и какъ въ нашихъ древнихъ, послѣ Равноапостольнаго князя Владимира. Поди, кто хочетъ, посмотри въ патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ старыя книги, и—сами увѣритесь.—Стало старыя книги у насъ, а не у раскольниковъ, и древлеотеческое преданіе тоже у насъ, а не у нихъ. У нихъ же все новины,—книги новы и преданіе ново. Поясню вамъ это примѣромъ.—Софійскій соборъ въ Кіевѣ—древнѣйшій соборъ,—былъ расписанъ изъ начала по стѣнамъ. Когда то потомъ, не упомнитъ никто, заштукатурили эту роспись и, на новой штукатуркѣ, снова расписали храмъ.—А вотъ, въ недавнее время, эту новую штукатурку и съ расписаніемъ отбили, и возстановили то росписаніе, которое было подъ нею—древнѣйшее.—Что это—новину внесли они въ Софійскій храмъ,—или поставили его въ древній видъ?—Конечно, въ древній видъ поставили. Теперь Софійскій храмъ находится въ такомъ видѣ, какъ былъ въ древности, а не въ томъ, какъ былъ лѣтъ за 20. Вотъ такъ и съ книгами было. Когда выбросили изъ нихъ все, вновь внесенное, не поповили ихъ, а на древнее возвратили,—и наши исправленные книги суть воистину древнія, а не раскольническіе—испорченныя.»

«Такъ и отражайте, когда кто изъ раскольниковъ начнетъ толковать вамъ, что у нихъ древнія книги.—Ихъ книгамъ не больше 2-хъ, много 3-хъ сотъ лѣтъ; а нашимъ 1000 есть, и болѣе. А когда станутъ они увѣрять, что у нихъ древнеотеческое преданіе,—спросите ихъ, гдѣ у васъ древнеотеческое преданіе—у поповцевъ, или безпоповцевъ,—у Филиповцевъ или Ѳедосѣевцевъ,—у спасова согласія, или у перекрещенцевъ, или у новыхъ Австрійскихъ проходимцевъ? Развѣ древнеотеческихъ преданій десять? Вѣдь оно одно.—Когда у нихъ оно не одно, стало оно не есть древнеотеческое,—а все

человѣческія выдумки. У насъ оно одно,—и совершенно согласно съ древнѣйшимъ преданіемъ нашимъ, согласно съ Греками и всѣми православными христіанами, на всей землѣ существующими. У насъ всюду согласіе, а у нихъ всюду разногласіе. Въ иной деревнѣ толка три—четыре, а то и въ одномъ домѣ, тоже случается,—и другъ съ другомъ не сообщаются. Гдѣ же тутъ единая церковь Христова? Какое же это тѣло церкви, когда всѣ члены распались и разошлись въ разныя стороны.»

«Судя по сему ясно, какъ день, что у нихъ нѣтъ истины, нѣтъ послѣдованія Христу, нѣтъ церкви. А когда нѣтъ церкви, нѣтъ спасенія: ибо только въ церкви спасеніе, какъ въ ковчегѣ Ноевомъ.—Церковь Христова имѣетъ священство. У нихъ нѣтъ священства; стало нѣтъ и церкви.—Церковь Христова имѣетъ таинства. У нихъ не кому совершать таинствъ; слѣдовательно у нихъ и церкви нѣтъ.—Какъ это они дерзаютъ еще отверзать уста свои и, приступая къ православнымъ, совращать ихъ!—Спасать, говорятъ, хочемъ.—Чѣмъ спасать, когда сами гибнутъ!? сами гибнутъ и другихъ влекутъ въ пагубу, а не спасаютъ. Замѣтьте себѣ.—Спасеніе безъ благодати не возможно; благодать не дается безъ таинствъ;—таинства не совершаются безъ священства.—Нѣтъ священства, нѣтъ таинствъ; нѣтъ таинствъ, нѣтъ благодати; нѣтъ благодати, нѣтъ и спасенія.»

«Иные изъ нихъ говорятъ: вотъ мы нашли теперь священство, или завели корень священства.—Завели корень, да гнилой—безплодный.—Сами посудите.—Амвросій, котораго они сманили себѣ, былъ связанъ запрещеніемъ,—связанъ законною властью. Сей законной власти обѣтовалъ Господь: *елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18). Стало быть и Амвросій тотъ былъ связанъ на небѣ.—Если онъ связанъ на небѣ, то какъ онъ, связанный на небѣ, могъ сообщать небесную благодать? Гдѣ онъ ее взялъ?!—Не могъ онъ ее сообщить, и не сообщалъ;—и всѣ, которые имъ поставлены, какъ были мірянами, такъ и остались мірянами, хоть ихъ величаютъ священниками и епископами.—Это одни имена, какъ когда дѣти играя даютъ себѣ разныя титла—полковниковъ, генераловъ, главнокомандующихъ.»

«Пусть, говорятъ, запрещенъ былъ. Его разрѣшили старцы.—Дивное дѣло!—простые мірянэ разрѣшаютъ епископа и возвращаютъ ему власть епископствовать.—Развѣ не знаете, что разрѣшать можетъ только тотъ, кто имѣетъ власть и рукопо-

лагать. Старики ихъ и дьячковскаго посвященія не имѣли, какъ же могли они возвращать епископу епископскую силу, когда это тоже есть, что и рукоположить?—Не возвратили,—и Амвросій остался запрещеннымъ, не смотря на смѣшные надъ нимъ обряды.— Если запрещенъ, то благодать въ немъ пресѣчена; если пресѣчена, то не могла изливаться и на другихъ.— Когда, напр., вода идетъ по жолобу, то отъ него она переливается и на другіе желоба и сосуды;—а когда жолобъ запереть, вода не потечетъ по нему и не перельется на другія мѣста и вещи.—Такъ и Амвросій, пока не былъ запрещенъ, былъ подобенъ жолобу, переливающему воду; а когда подпалъ подъ запрещеніе,—сталъ тоже, что жолобъ сухой, запертый,—и не могъ уже другимъ сообщать воду благодатную, которой самъ не имѣлъ.—Такъ напрасно обманываютъ себя и другихъ нѣкоторые изъ раскольниковъ, думая, что достали священство.— Имена завели, а дѣла нѣтъ.» *)

Но не однѣ духовныя нужды паствы удовлетворяетъ епископъ. Нѣтъ, онъ живетъ полною жизнію ея, заботится и о матеріальныхъ интересахъ, дѣлитъ радость и горе. Лѣтомъ 1860 г. Тамбовскую губернію постигла страшная засуха, а осенью начались пожары въ самомъ Тамбовѣ и въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. Весь Тамбовъ изъ опасенія новыхъ пожаровъ и подозрѣнія поджигателей выселился изъ своихъ домовъ и въ постоянномъ страхѣ жилъ на площадяхъ, а многіе вышли за городъ. Въ уѣздномъ городѣ Борисоглѣбскѣ четырьмя пожарами истреблено полгорода. Въ такомъ тяжкомъ положеніи епархіи преосв. Ѳеофанъ явился истиннымъ ангеломъ—утѣшителемъ своей паствы и вѣщимъ истолкователемъ воли Божіей, проявившейся въ народныхъ бѣдствіяхъ. Не ограничиваясь дѣятельностью въ Тамбовѣ, онъ посѣтилъ и значительную часть губерніи, пострадавшую отъ пожаровъ, словомъ назиданія и утѣшенія вливая цѣлительный бальзамъ въ угрученныя скорбію души. Цѣлыми девятью словами отозвался ревностный архипастырь на народную бѣду. Рѣчи эти по внутренней силѣ мысли, сердечности и одушевленности напоминаютъ слова Златоуста въ подобныхъ случаяхъ. Онѣ же являются лучшею характеристикою идеальнаго, самоотверженнаго общественнаго служенія епископа. Въ минуты тяжкаго жизненнаго испытанія епархіи послѣдній весь отдался своей паствѣ, рѣшительно нравственно слился съ нею, переживъ всѣ ея горькія чувства и положенія. Глубоко

*) Слова къ Владимірской паствѣ. Стр. 419, 420, 339, 341.

сознавая, насколько опасны несчастія для нравственной жизни человѣка, когда бываютъ способны впасть въ отчаяніе даже и не слабые люди, святитель съ самаго начала общественной бѣды бодро сталъ на духовной стражѣ и ревностно слѣдилъ за жизнію своей паствы до конца ея. Въ самый сильный и острый періодъ пожаровъ онъ въ теченіе трехъ дней подъ рядъ созываетъ вѣрующихъ въ храмъ Божій на общественную молитву, гдѣ въ страстныхъ, полныхъ глубокой скорби и сердечной муки рѣчахъ раскрываетъ нравственное значенія бѣдствія, какъ очистительнаго искушенія Божія, мужественно призываетъ не падать духомъ и воодушевиться надеждою на лучшее будущее. Онъ плачетъ съ паствою, когда бѣда достигаетъ послѣднихъ предѣловъ, и сердечно радуется при первыхъ признакахъ ослабленія ея.

Уподобивъ тогдашнее бѣдственное положеніе города Іову, страждущему на гноищѣ своемъ внѣ городскихъ стѣнъ, преосв. Ѳеофанъ въ своей первой бесѣдѣ съ горечью восклицаетъ: «Что мнѣ сказать вамъ и о чемъ начать говорить съ вами? Горестно положеніе наше, велика скорбь! Отяготѣла на насъ рука Господня! Мало ли времени томитъ насъ засуха? Но не прошла еще эта бѣда, какъ напала другая—пожаръ. Еще и думать мы не начинали о томъ, какъ оправиться отъ сего пожара, какъ напалъ другой. Еще не кончился этотъ, какъ повсюду прошла злая вѣсть о непрерывности пожаровъ, и изгнала насъ изъ домовъ нашихъ. Нашъ городъ нынѣ почти Іовъ, котораго тѣснили одно бѣдствіе за другимъ, пока, лишивъ всего и покрывъ ранами, не выбросили вонъ изъ города. И вотъ, какъ тотъ сидѣлъ на гноищѣ,—такъ нынѣ у насъ всѣ почти вынеслись изъ домовъ и живутъ на пустыряхъ, прибрежьяхъ и изсохшихъ потокахъ, какъ пчелы, выгнанныя изъ ульевъ удушающимъ дымомъ. Вотъ до чего дошли мы! Кажется бы,—довольно испытанія. Но и еще рука Господня высока. Все, что можетъ зависѣть отъ предусмотрительности человѣческой, сдѣлано, и—благодареніе Господу!—опасность уже не такъ грозна, какъ было въ началѣ. Но все же покой не возвращается къ намъ, чувство безопасности не приходитъ и благонадежіе не осѣняетъ духа нашего. Что же бы еще надлежало сдѣлать, чтобы Господь возвратилъ намъ покой нашъ?—Предложу вамъ одно сравненіе, и вы сами догадаетесь, что намъ надо сдѣлать, чтобы Господь припялъ тяготѣющую надъ нами руку Свою. Когда учитель, поднявъ руку, начинаетъ грозить, всѣ ученики,знаю-

щіе за собою что-либо не должное, исправляютъ свои вольности. Не установится порядокъ,—не опуститъ учитель грозной руки своей. Но что жизнь наша, какъ не училище благочестія, и кто учитель въ немъ, какъ не всеопечительный Господь? Вотъ надъ нами простерта грозящая рука Его и не опускается. Вѣрно же, не всѣ еще мы пришли въ порядокъ, или не всѣ все привели въ себѣ въ порядокъ, что Онъ не опускаетъ ее. Итакъ не будемъ недогадливѣе малоопытныхъ дѣтей! Каждый изъ насъ, находясь нынѣ въ стѣснительномъ положеніи, пусть войдетъ въ себя, сознается во всемъ, что найдетъ за собою неисправнаго—мало ли то, или велико, и положитъ твердое намѣреніе исправиться. Пусть сознаетъ одинъ—одно, другой—другое, всякій—свое,—и всѣ вмѣстѣ воззовемъ: согрѣшихомъ, Господи, согрѣшихомъ, и крайняго Твоего отвращенія, достойни сотворихомся; но, не отрини милости Твоей отъ насъ и пощади насъ, смиренно кающихся Тебѣ! И—милостивъ Господь!—навѣрно прекратится бѣда наша! Развѣ страданіями нашими утѣшается Господь?! Нѣтъ. Но Ему души наши дороги, и коль скоро онѣ приходятъ въ свой чинъ, Онъ тотчасъ прекращаетъ всякое исправительное бѣдствіе. Таковъ ужъ законъ промышленія Божія о насъ!»

На слѣдующій день, въ праздникъ Успенія, преосвященный снова говорилъ:

«Вчерашній, хотя небольшой пожаръ подповлъ страхъ нашъ, и мы снова мятемся ожиданіемъ внезапной бѣды,—ни къ кому и ни къ чему не имѣемъ довѣрія, и въ каждомъ незнакомомъ лицѣ продолжаемъ встрѣчать недоброжелателя себѣ. Отъ того у насъ и праздникъ не въ праздникъ,—такъ что исполнилась надъ нами пророческая угроза: *превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачъ.*»

Чтожъ?—И давайте плакать... Мы и собрались нынѣ на мѣсто плача. Се поле, орошенное слезами! И кто изъ жителей города не проливалъ ихъ здѣсь?!—Такъ пріидите восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, подобно Израильтянамъ, оплакавшимъ Іерусалимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ!

Но будемъ плача плакать, и скорбя скорбѣть,—только все по христіански, а не какъ язычники, упованія не имѣющіе. Да не изыдетъ слово ропота изъ устъ нашихъ, и чувство унынія, нечаянія да не омрачитъ сердецъ нашихъ. Скорбѣть, плакать и болѣть есть дѣло человѣческое, а предаваться унынію отчаянію, ропоту и хулѣ— есть дѣло сатанинское. Растворимъ

скорбь упованіемъ, и— родится плачъ умиленія, не жгучій и терзающій, а разливающій отраду и умягчающій. Возверзимъ на Господа печаль, и Той сохранитъ насъ; ибо уповающаго на Господа милость обыдетъ. Исповѣдуемъ правду Божію въ наказаніи насъ,—и онъ пошлетъ милость во срѣтеніе ей: ибо не судъ только, но и милость у Него. Потерпимъ въ благодушіи; ибо не до конца гнѣвается Господь и не во вѣкъ враждуетъ. Біетъ Онъ насъ; возчувствуемъ боль, и, молясь о помилованіи, подкрѣпимъ молитву рѣшимостію не оскорблять Его болѣе грѣхами своими. Будемъ вопіять: помилуй, Господи, помилуй!» *)

Святитель видѣлъ, что не одни граждане Тамбова, но и всѣ пострадавшіе города и селенія епархіи нуждаются въ словѣ утѣшенія и вотъ онъ спѣшитъ раздѣлить и съ ними тяжкую долю. «Если можетъ утѣшать васъ состраданіе, говорилъ онъ жителямъ Борисоглѣбска, всею душею сострадаю вамъ, и свидѣтельствую, что искренно состраждутъ вамъ всѣ, до кого доходитъ вѣсть о постигшемъ васъ бѣдствіи. Если можетъ низводить утѣшеніе молитва; то молился и молюсь моею грѣшною молитвою, да Богъ всякія утѣхи, Отецъ щедротъ, самъ изольетъ утѣшеніе въ сердца ваши!—Соединимся и всѣ мы, нынѣ здѣсь собравшіеся въ единой сей молитвѣ, и вѣрно получимъ просимое, по неложному обѣтованію Самаго Господа: *воззоветъ ко Мнѣ* бѣдствующій, *и услышу его,—изму его* изъ бѣды, *и прославлю его.*»

Объѣзжая епархію, епископъ живетъ надеждою по возвращеніи увидѣть свой каѳедральный городъ безопаснымъ и успокоеннымъ, и тяжело страдаетъ, когда не находитъ того. «По возвращеніи моемъ, я надѣялся найти васъ вполнѣ успокоенными и въ первое мое служеніе праздновать вмѣстѣ съ вами совершенное прекращеніе всѣхъ вашихъ бѣдъ; но вотъ не удостоенъ такого утѣшенія!—Много видѣлъ я страждущихъ въ другихъ городахъ и весяхъ, и чаялъ облегчить сердце нѣкоторою хотя отрадою, увидѣвъ начатки вашего успокоенія и оправленія; но вотъ опять подновлены улегшіеся было страхи и тревоги!»

«Что же намъ дѣлать и куда обратиться!? Гдѣ искать облегченія и какое врачевство приложить къ ранамъ своимъ? Ничего не остается намъ дѣлать, какъ обратясь ко Господу въ слезахъ взывать: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!»

«Мы слабы. Не допусти намъ, Господи, пасть подъ тяжестію бѣдъ. Дай крѣпость сердцу нашему, осѣни насъ благо-

*) Слова къ Тамбов. паствѣ стр. 218—226, кн. 1

надежіемъ, да не поразитъ духа нашего отчаяніе,—и, Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!»

«Такъ сокрушенно моляся, приложимъ къ плачу еще неотступность моленія. Вотъ и Сирофиникіянка, поминаемая въ нынѣшнемъ Евангели, получила просимое ради неотступности, украшенной смиреніемъ. Господь уже сказалъ—было ей: поди, ты не наша. Но потомъ былъ побѣжденъ неотступностію ея моленія. Будемъ и о себѣ вопіять неотступно, и вѣрно получимъ милость. Тотъ, Кто Самъ располагалъ къ терпѣнію и молитвѣ примѣромъ неправеднаго судіи, умоленнаго неотступностію вдовицы, уступитъ неотступности нашей и ущедритъ насъ.»

«Ахъ, братіе, неужели же насъ однихъ бросилъ Господь въ конецъ,—на поприще всякому мимоходящему, и невозвратитъ намъ милостей Своихъ!?—Нѣтъ,—милостивъ Господь!—не унывайте духомъ, восклоните главы ваши, возникните къ благонадежію! Еще мало,—Грядый пріидетъ и не закоснитъ помочь намъ.» *)

При первыхъ признакахъ ослабленія бѣдствія архипастырь спѣшитъ подѣлиться съ своею паствою радостною вѣстью о томъ. «Благодареніе Господу! Спокойствіе начинаетъ осѣнять нашъ городъ, дома пріемлютъ своихъ жильцовъ и теченіе дѣлъ уже не встрѣчаетъ препятствій за отсутствіемъ дѣлателей. Такъ, благодареніе Господу, мы въ благихъ надеждахъ! «Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!—Вотъ мы уже и совсѣмъ почти успокоены! Ожиданіе бѣдъ уже не мучитъ насъ и не поражаетъ сокрушительнымъ страхомъ,—и все у насъ приняло свое обычное теченіе.»

Въ годину столь тяжелаго общественнаго бѣдствія преосв. Ѳеофанъ поддерживалъ свою паству не только сильнымъ словомъ, но и дѣломъ. Изъ своихъ личныхъ средствъ онъ оказалъ значительную матеріальную помощь пострадавшимъ отъ пожаровъ, особенно изъ среды бѣднаго духовенства—его вдовъ и сиротъ. Свою квартиру и всѣ свободныя помѣщенія архіерейскаго подворія онъ предоставилъ въ полное распоряженіе погорѣльцевъ, а самъ поселился въ загороднемъ домѣ.

Не менѣе чиста и возвышена была и частная, домашняя жизнь святителя. По воспоминаніямъ одного изъ его родственниковъ преосвящ. Ѳеофанъ, служа въ Тамбовѣ, велъ очень простой образъ жизни. Ежедневнымъ, обычнымъ костюмомъ

*) Тамъ же. Стр. 231, 248, 252, 254

былъ у него подрясникъ, а поверхъ его ряска изъ черной, недорогой шерстяной матеріи. Столъ имѣлъ самый невзыскательный и того вкушалъ очень мало, никогда не ужиналъ. Весь день проходилъ въ молитвѣ, трудахъ по управленію епархіею и литературной работѣ. Малые промежутки досуга наполнялись рукодѣліями---столярнымъ, токарнымъ, рѣзнымъ по дереву. Только на короткое время владыка выходилъ на прогулку въ садъ при архіерейскомъ домѣ, изрѣдка позволялъ себѣ лѣтомъ прокатиться. Онъ горячо любилъ природу, восхищался красотою и во всемъ устройствѣ ея видѣлъ слѣды премудрости Творца. Особенно интересовался астрономіею и почти ежедневно лѣтомъ, въ ясную погоду, по вечерамъ производилъ наблюденія надъ небесными свѣтилами посредствомъ довольно большого телескопа. «Небеса повѣдаютъ Славу Божію» обычно слышалось тогда изъ устъ астронома, умиленнаго созерцаніемъ величія и красоты необъятнаго Божьяго міра. *)

Между епархіальнымъ архіереемъ и подчиненнымъ ему, духовенствомъ установились самыя близкія, чисто семейныя отношенія. Всегда ласковый и привѣтливый архипастырь обращался любовно, съ величайшимъ смиреніемъ и кротостію со всѣми, какого бы кто сана и положенія ни былъ. Не только самъ не стѣснялъ никого изъ подчиненныхъ, но съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ переносилъ непріятности, какія иногда дѣлались ему со стороны духовенства. Если же по долгу справедливости нужно было кого-либо наказать выговоромъ, или замѣчаніемъ, то эта тягостная для любвеобильнаго сердца епископа обязанность обычно исполнялась ключаремъ его. Довѣріе преосв. Ѳеофана къ людямъ и вчастности къ подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ было безгранично. Но своей нравственной деликатности и благородству души онъ боялся оскорбить человѣка даже какимъ-либо намекомъ на подозрѣніе или недовѣріе къ нему. Принимая бумаги отъ представителей различныхъ вѣдомствъ и учрежденій, преосвященный всегда совѣтывался съ ними, а нерѣдко прямо спрашивалъ, какую лучшую положить резолюцію на дѣлѣ. Такъ совмѣстно съ секретаремъ консисторіи онъ обсуждалъ общеепархіальные вопросы, съ благочиннымъ по его округу, съ экономомъ по веденію хозяйства архіерейскаго дома и т. д. Столь идеальная сама по себѣ нравственная черта однако въ практикѣ епархіальнаго управленія нерѣдко являлась источникомъ важныхъ неудобствъ,

*) И. Корсунскій. Преосвящ. Ѳеофанъ стр. 107—109.

а иногда прямыхъ злоупотребленій. Лица, облеченные довѣріемъ, не всегда оправдывали его. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ консисторскихъ дѣятелей, нашли тутъ для себя поводъ и получили свободу для крайне неправильнаго и пристрастнаго рѣшенія дѣлъ. Отсюда возникали жалобы на епархіальнаго архіерея, а вмѣстѣ съ ними и тяжелыя личныя непріятности для него. Одинъ фактъ—именно опредѣленіе діакона Владимірскаго собора прямо въ протоіереи—уѣздные настоятели особенно возбудилъ большія пререканія и даже ропотъ и доставилъ епископу серьезное безпокойство. Пользуясь указанною чертою характера преосвящ. Ѳеофана, нѣкоторые частные лица позволяли себѣ незаконное вмѣшательство въ дѣла епархіальнаго управленія. Такъ извѣстенъ случай, когда почитательница его княгиня Л-ская вмѣшалась въ дѣло одного воспитанника Тамбовской семинаріи, формально уволеннаго за дурное поведеніе. По ходатайству княгини преосв. Ѳеофанъ потребовалъ отъ семинарскаго начальства обратнаго возвращенія ученика въ семинарію, и послѣдній былъ принятъ снова. Другой фактъ. Преосвященному нуженъ былъ учитель для своего племянника и ему рекомендовали іеромонаха Троицкаго Козловскаго монастыря Ам-ія изъ студентовъ семинаріи. Послѣдній, вызванный въ Тамбовъ, не пожелалъ взять на себя предложенныхъ обязанностей и уже былъ отпущенъ обратно въ свою обитель. Но явилась вскорѣ таже Л-ская и предложила назначить непослушнаго инока административнымъ порядкомъ. И о. Ам-ій немедленно же былъ опредѣленъ. Находились и такіе лица, которые эксплуатировали необыкновенную доброту и довѣріе къ людямъ преосв. Ѳеофана для своихъ личныхъ нечистыхъ цѣлей и интересовъ. Тогдашній экономъ Тамбовскаго Архіерейскаго дома, нынѣ настоятель Вышенской пустыни, передалъ намъ слѣдующій случай. Къ святителю однажды явились два палестинскіе грека, сказавъ, что они знали его по службѣ въ Іерусалимѣ. Одинъ изъ нихъ былъ свѣтскій и назвался археологомъ, интересующимся мѣстными древностями, а другой имѣлъ одежду инока. Владыка принялъ ихъ очень радушно, съ большимъ интересомъ и воодушевленіемъ заговорилъ на греческомъ языкѣ о дѣлахъ востока и въ заключеніе бесѣды велѣлъ отвести имъ квартиру въ архіерейскомъ домѣ и дать столъ. Держали себя гости довольно странно. Археологъ все куда то пропадалъ, а инокъ бродилъ по городу безъ дѣла. Послѣдній, недовольствуясь рыбнымъ столомъ архіерейской кухни, вздумалъ накупить себѣ мяса и несъ

его по городу съ рынка открыто, на связкѣ, къ большому соблазну вѣрующихъ горожанъ. Когда экономъ доложилъ преосвященному о поведеніи гостей, то онъ пришелъ въ большое смущеніе; по своей добротѣ не хотѣлъ удалить ихъ и не зналъ, что дѣлать. Объяснивъ поступокъ инока и какъ бы извиняя его тѣмъ обстоятельствомъ, что на востокѣ и монашествующіе ѣдятъ мясо, преосв. Ѳеофанъ просилъ экономa, чтобы онъ самъ какънибудь уладилъ это щекотливое дѣло. Большихъ хлопотъ стоило выпроводить безцеремонныхъ восточныхъ людей и вычистить квартиру отъ заведенной ими грязи, прибавилъ о. архимандритъ въ заключеніе своего разсказа.

Несомнѣнно, еще выше педагогической дѣятельности преосв. Ѳеофанъ ставилъ общественное служеніе епископа, но и въ немъ было много неблагопріятныхъ условій для его духа. Ему, какъ епархіальному архіерею, часто приходилось заниматься совсѣмъ не сродными своему сердцу дѣлами—нестяжательному иноку заботиться о сбереженіи и увеличеніи церковныхъ капиталовъ и имущества, кроткому и любвеобильному—разбирать кляузныя консисторскія дѣла, подвергать виновныхъ наказанію и пр. Къ тому же въ личномъ характерѣ святителя за послѣднее время служенія во Владимірѣ произошла значительная перемѣна. Отдавшись весь литературной работѣ и книгамъ, онъ мало занимался епархіальными дѣлами и повидимому искалъ уединенія—рѣдко принималъ просителей, часто затворялся во внутреннихъ покояхъ для продолжительной молитвы и богомыслія, предпринималъ отдаленныя загородныя прогулки и пр. Даже воспитывавшихся у него родственниковъ не видѣлъ по цѣлымъ недѣлямъ. Его тогдашнее духовное настроеніе ясно выразилось въ слѣдующихъ словахъ письма въ Петербургѣ. «Въ дѣлахъ никакой трудности не вижу, только душа къ нимъ не лежитъ. Занимаюсь тѣмъ, къ чему душа лежитъ. Но безпрестанные отрывы не даютъ сдѣлать ничего изъ того, что хотѣлось бы сдѣлать. Исполненіе сего ожидается отъ обители.» *)

Такъ постепенно подготовлялась, пока окончательно не созрѣла у преосв. Ѳеофана мысль о совершенномъ оставленіи міра. 17 іюня 1866 г., согласно своему желанію, онъ былъ уволенъ Св. Синодомъ отъ управленія Владимірской епархіею съ предоставленіемъ ему права поселиться въ Тамбовской Вышенской пустынѣ въ качествѣ настоятеля ея.

И вотъ наступило время отбытія святителя изъ Владиміра.

*) И. Крутиховъ. Стр. 99 и 119.

Тогда-то ясно сказалось, какъ былъ дорогъ, какою великою любовью пользовался онъ въ своей епархіи. 24 іюня, въ день памяти св. Іоанна Крестителя, владыка совершалъ послѣднюю литургію. Горожане во множествѣ устремились въ храмъ для прощальной молитвы. Прощаніе носило глубоко сердечный, по истинѣ трогательный характеръ. Это были послѣднія минуты сладостнаго взаимнаго духовнаго общенія дѣтей, связанныхъ крѣпкими нравственными узами со своимъ истиннымъ духовнымъ отцомъ—архипастыремъ предъ долгою разлукою, а, быть можетъ, и безъ надежды видѣть его когда-нибудь. По свидѣтельству очевидца, многіе изъ предстоящихъ во храмѣ «обливались обильными слезами.» Одушевляющія Владимірскую паству чувства къ своему епископу вылились въ прощальномъ словѣ одного изъ представителей духовенства. «Вотъ мы искренно и глубоко скорбимъ, говорилъ послѣдній, о настоящей разлукѣ съ безцѣннымъ нашимъ архипастыремъ; скорбимъ не менѣе, святитель Христовъ, какъ древле скорбѣли пресвитеры Ефесскіе, когда въ послѣдній разъ видѣлись съ блаженнымъ Апостоломъ языковъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ свято потрудившимся у нихъ въ благовѣстіи Христовомъ. Истинно ты былъ для церкви Владимірской живымъ образомъ Христовымъ не по сану только іерарха, но и по іерархическому житію твоему. Нашу скорбь увеличиваетъ то обстоятельство, что ты собственнымъ изволеніемъ оставляешь насъ. Намъ отсюда предполагается, что не довольно обрѣла твоя святыня въ насъ, въ нашихъ нравахъ и жизни, такого, на чемъ можно было бы вашему преосвященству успокоить съ любовью свой прозорливый взоръ. Но сими нашими слезами, какія проливаемъ о тебѣ, умоляемъ твою святую любовь, да простишь намъ всю виновность нашу. Прости, безцѣнный архипастырь церкви Владимірской и благослови ее! И отходя отъ насъ тѣломъ твоимъ, не отступай отъ насъ твоею благочестивою душею, но выну памятуй насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ.» *)

Преосвящ. Ѳеофанъ, естественно, не могъ быть равнодушнымъ къ подобнымъ чувствамъ неподдѣльной любви и расположенія къ нему паствы. Въ отвѣтъ на нихъ онъ произнесъ свое замѣчательное слово—завѣщаніе, въ которомъ съ одной стороны указалъ на причины оставленія имъ архіерейской каѳедры, а съ другой высказался, какъ истинный архипастырь, не хотѣвшій прекратить нравственнаго общенія со своими духовными

*) Владимір. Епархіальн. Вѣдомости 1866 г. № 15.

дѣтьми, считавшій себя отвѣтственнымъ за спасеніе ихъ даже по разлученіи и прекращеніи всякихъ оффиціальныхъ, обязательныхъ сношеній съ ними. Вотъ это по истинѣ умилительное *„Завѣщаніе,“* ярко дорисовывающее свѣтлый образъ великаго святителя Христова. «Не пеняйте на меня, Господа ради, что оставляю васъ. Отхожу не ради того, чтобы вынужденъ былъ васъ оставить. Ваша доброта не допустила бы меня перемѣнить васъ на другую паству. Но, какъ ведомый, ведусь на свободное отъ заботъ пребываніе, ища и чая лучшаго,—какъ это сродно естеству нашему. Какъ это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что кромѣ внѣшняго теченія событій, опредѣляющихъ на дѣла, есть внутреннія измѣненія расположенія, доводящія до извѣстныхъ рѣшимостей; есть кромѣ внѣшней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлетъ совѣсть и которой не сильно противорѣчитъ сердце. Находясь въ такомъ положеніи, объ одномъ прошу любовь вашу,—оставя сужденія и осужденія сдѣланнаго уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщетитъ Господь чаянія моего и даруетъ мнѣ, хоть не безъ трудовъ, обрѣсти искомое мною. И я буду молиться о васъ,—буду молиться, чтобъ Господь всегда ниспосылалъ вамъ всякое благо,—улучшалъ благосостояніе и отвращалъ всякую бѣду, паче же чтобъ устроялъ ваше спасеніе. Спасайтесь, и спаситесь о Господѣ. Лучшаго пожелать вамъ не умѣю. Все будетъ, когда спасены будете. Путь спасенія вамъ вѣдомъ, вѣдомо и все спасительное устроеніе Божіе. Въ семъ отношеніи довольно вамъ напомнить слова Ап. Павла: *О Тимоѳее! преданіе сохрани.* Сохраняйте, что Господомъ и Его св. Апостолами предано церкви и что одно поколѣніе христіанъ передаетъ другому. Напомнить о семъ вамъ понуждаюсь того ради, что нынѣ много лживыхъ ученій ходитъ между нами, ученій растлительныхъ, подрывающихъ основы вѣры, разстраивающихъ семейное счастіе и разрушающихъ благосостояніе государства. Поберегитесь, ради Господа, отъ сихъ ученій. Есть камень, коимъ испытываютъ золото. Испытательнымъ камнемъ да будетъ для васъ св. ученіе, издревле проповѣдумое въ церкви. Все несогласное съ симъ ученемъ отвергаете, какъ зло, какимъ бы титломъ благовиднымъ оно ни прикрывалось. Вы только это соблюдите, а все прочее уже само собою приложится вамъ. За чистотою вѣры послѣдуетъ осѣненіе благодати. Благодать съ вѣрою созиждутъ святыми и непорочными сердца ваша. Чистые же сердца начинаютъ зрѣть Бога еще здѣсь,—

узрятъ Его несомнѣнно тамъ, и будутъ вѣчно зрѣть и блаженствовать въ семъ зрѣніи.

Это небольшое напоминаніе прошу принять, какъ «послѣднее завѣщаніе.» *)

V.

ЖИЗНЬ ВЪ ЗАТВОРѢ.

„Затворъ что есть? То, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣйнствѣ, и выходитъ изъ сердца или чѣмъ-нибудь другимъ заняться не хочетъ.“

“У кого начали появляться невольныя влеченія внутрь и восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непрестанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступить въ безмолвіе. Только онъ и силенъ вынесть этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержать такого въ общежитіи и сожительствѣ съ другими невозможно. Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣніе внутрь предъ Богомъ. „Люблю васъ, говоритъ онъ, но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми.“

Преосвящ. Θеофанъ.

Приступая къ изложенію самаго важнаго періода жизни преосвящ. Θеофана, прежде всего необходимо съ возможною точностью и ясностью установить вопросъ о томъ, въ чемъ была истинная и ближайшая причина, что именно склонило его оставить міръ и проминять архіерейскую каѳедру на уединенную келію затворника. Съ обычной человѣческой точки зрѣнія было удивительно и даже странно слышать, что сравнительно молодой (52 года), здоровый и богато одаренный духовно архипастырь стремится на покой, когда бы онъ могъ еще много лѣтъ съ пользою служить церкви и въ службѣ котораго такъ нуждалась

*) Слова къ Владимірской паствѣ преосв. Θеофана. Стр. 682—683.

она. Владимірская паства и многочисленные почитатели святителя недоумѣвали и терялись въ догадкахъ. Явилось предположеніе, что причину нужно искать въ томъ, что нѣкоторыя епархіальныя дѣла, въ послѣднее время восходившія до св. Синода, рѣшены были не согласно желанію преосвященнаго и доставили ему огорченіе. Несомнѣнно, что указанныя въ предыдущей главѣ непріятности по епархіальному управленію много безпокоили святителя и имѣли значеніе при рѣшеніи настоящаго вопроса, но не въ нихъ лежала главная причина, ибо у кого изъ нашихъ епископовъ при массѣ самыхъ разнохарактерныхъ и сложныхъ дѣлъ нѣтъ этихъ непріятностей и не оставляютъ же они своихъ каѳедръ. Въ данномъ случаѣ подобныя обстоятельства только ускорили осуществленіе дѣла, уже вполнѣ созрѣвшаго на иной, совсѣмъ особаго рода почвѣ. И для св. Синода было неожиданностію, когда получилась бумага преосвящ. Ѳеофана съ просьбою уволить его на покой. Наконецъ, самъ будущій затворникъ разъясняетъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ своего письма къ тогдашнему С.-Петербургскому митрополиту Исидору: «Я ищу покоя, чтобы покойнѣе предаться занятіямъ желаемымъ (духовному писательству), но не диллетанства ради, а съ тѣмъ непремѣннымъ намѣреніемъ, чтобы былъ и плодъ трудовъ—не безполезный и ненужный для церкви Божіей. Имѣю въ мысли служить церкви Божіей, только инымъ образомъ служить.» [1]) Т. е. преосвящ. Ѳеофанъ искалъ затвора прежде всего, чтобы безпрепятственно предаться духовно-литературнымъ трудамъ на пользу церкви. Но несомнѣнно тутъ была и другая, сокровенная и чрезвычайная причина, о которой нельзя было говорить постороннему человѣку. Святитель еще со дней юности стремился къ уединенію и молитвенному общенію съ Богомъ. «Я съ молодыхъ дней этого искалъ и просилъ, говоритъ онъ, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ пребывать непрестанно съ Богомъ.» [2]) Мы уже видѣли, что еще въ самую цвѣтущую пору своей молодой жизни, еще на каѳедрѣ профессора душа его тяготилась мірскою суетою и находила истинную усладу и утѣшеніе только въ храмѣ Божіемъ, на общественной молитвѣ. И вотъ теперь исполнялось его завѣтное желаніе отдать всю свою жизнь на служеніе Господу. Ему хотѣлось, чтобы ничто не нарушало дорогого для него и совершеннаго Богообщенія. И онъ ушелъ отъ міра, чтобы быть наединѣ съ Богомъ. Въ сознаніи святителя понятіе о затворѣ нераздѣльно сливалось

[1]) Собран. писемъ вып. V стр. 11. [2]) И. Крутиковъ стр. 26.

и отожествлялось съ мыслію о непрестанномъ молитвенномъ подвигѣ. «Ибо затворъ что есть? пишетъ онъ. То, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ передъ Богомъ въ благоговѣйствѣ, и выходить изъ сердца или чѣмъ нибудь другимъ заниматься не хочетъ.» [1])

Внѣшняя обстановка затвора вполнѣ соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ подвижника. Вышенская пустынь лежитъ вдали отъ большихъ и шумныхъ центровъ городской жизни, расположена среди прекрасной лѣсной природы, при сліяніи двухъ рѣкъ—Цны и Выши, изъ которыхъ первая довольно значительна и судоходна. Въ лѣтнее время окружающій воздухъ пропитанъ благоуханіемъ смолы и всегда полонъ таинственнаго шума могучаго, вѣковаго бора. Внутренняя жизнь иноковъ течетъ по уставамъ древняго пустынножительства, съ цѣлодневными стояніями въ храмѣ, съ столповымъ пѣніемъ и псалмодическимъ чтеніемъ. Обитель строго общежительная и ни одинъ насельникъ ея не имѣетъ копѣйки собственности. Славу и драгоцѣнность ея составляетъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери, глубокочтимая и ежегодно, по просьбѣ и желанію вѣрующихъ, обносимая по всей Тамбовской епархіи для поклоненія. Русскій народъ любитъ пустынь и въ лѣтнее время цѣлыми массами стекается сюда. Не даромъ, еще служа въ Тамбовѣ, преосвящ. Ѳеофанъ замѣтилъ, полюбилъ ее и по его выраженію «краше Выши нѣтъ ничего на свѣтѣ.» Поселившись же въ обители и близко ознакомившись со внутренними распорядками ея, онъ пишетъ: «Мнѣ здѣсь крѣпко хорошо. Порядки здѣсь истинно монашескіе. Изъ братіи есть лютые подвижники... обращикъ—80—лѣтній старикъ—никогда не присядетъ въ церкви и ворчитъ на другихъ за это. Службъ у насъ соберется часовъ на десять. Начинаются съ 3 ч. утра. Послѣдняя бываетъ въ 7 часовъ вечера. Пѣніе саровское» (столповое). [2])

Строй иноческой жизни каждой обители по убѣжденію святителя прежде всего держится настоятелемъ ея; въ частности и въ особенности онъ говорилъ это про тогдашняго и (настоящаго) Вышенскаго архимандрита о. Аркадія. «У насъ по монастырю такъ тихо, что дивиться подобаетъ. Это дѣло нашего Аввы. Онъ очень молитвененъ... и, кажется, пріялъ даръ непрестанной молитвы. Спаси его, Господи, и дни его жизни преумножи.» [3])

[1]) Преос. Ѳеофанъ. Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. Стр. 298. [2]) Собр. писемъ вып. VII стр. 28. [3]) Сбор. пис. вып. V стр. 153.

Близь монастырской ограды видѣнъ двухъэтажный флигель. Въ нижнемъ каменномъ помѣщается монастырская просфорня и двѣ братскихъ келіи. Въ верхнемъ деревянномъ—комнаты—кели затворника. Вотъ болѣе, чѣмъ скромная внутренняя обстановка ихъ. Стѣны деревянныя, безъ обоевъ, нѣсколько потемнѣвшія отъ времени. Мебель изъ самаго простого дерева и довольно подержанная, каждый экземпляръ которой при описи по смерти владыки оцѣненъ въ одинъ или нѣсколько руб. Шкафъ съ угольникомъ сосновый 1 р., комодъ—2 р., желѣзная складная кровать—1 р. и т. д. Самая большая комната флигеля—гостинная, и часть ея занимаетъ домовая церковь. И тутъ поразительная простота! Алтарь святыни вмѣсто иконостаса отдѣленъ простою занавѣсью изъ недорогой матеріи. Вотъ рабочая комната съ орудіями для физическихъ трудовъ и упражненій—два ящика съ инструментами—токарными, столярными, переплетными, верстакъ, станокъ для выпиливанія изъ дерева. Тутъ же видны инструменты, необходимые при умственныхъ работахъ и занятіяхъ живописью—телескопъ, микроскопъ, палитра съ красками и кисти, фотографическій приборъ. Ярко замѣтная особенность комнатъ—всюду обиліе большихъ и малыхъ иконъ. Но надъ всѣмъ господствуютъ книги, которыми переполнены не только кабинетъ и библіотека, но и другія свободныя помѣщенія. Какое громадное собраніе и какое разнообразіе ихъ! Книги по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія и на всѣхъ языкахъ—еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ. Насколько была обширна и разностороння библіотека святителя, можно судить потому, что въ ней имѣлось полное собраніе твореній св. Отцевъ, богословская энциклопедія на французскомъ языкѣ въ 150 томахъ, исторіи—Соловьева, Шлоссера; сочиненія философовъ—Гегеля, Фихте, Ульрици; естествовѣдовъ—Гумбольда, Дарвина, Фогта и др.

Вышенская пустынь, глубоко чтившая скрывавшагося въ ея стѣнахъ великаго христіанскаго подвижника, конечно, могла бы гораздо лучше обставить его помѣщеніе, но послѣдній рѣшительно не хотѣлъ того. Одинъ изъ Тамбовскихъ преосвященныхъ предложилъ святителю позволить ему сдѣлать распоряженіе объ улучшеніи обстановки, но онъ не согласился, сказавъ, что все устроено по его личному желанію.

Среди подобной-то обстановки преосв. Ѳеофанъ провелъ 28 лѣтъ, изъ которыхъ въ теченіе первыхъ шести посѣщалъ церковныя службы въ монастырскихъ храмахъ, принималъ

посѣтителей, а въ послѣдніе 22 года совершенно уединился, прекративъ всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ кромѣ письменныхъ. Какъ проходила жизнь подвижника въ глубинѣ его затвора? Не возможно съ желательною полнотою и опредѣленностью отвѣтить на подобный вопросъ, ибо кто можетъ проникнуть въ глубочайшіе тайники человѣческаго духа? Но по нѣкоторымъ, дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, а больше всего по сочиненіямъ самого затворника возможно составить достаточно ясное понятіе о томъ. Преосвящ. Ѳеофанъ принадлежитъ къ числу глубоко искреннихъ, сердечно убѣжденныхъ писателей, у которыхъ печатанное слово всегда въ полномъ согласіи съ ихъ дѣйствительною жизнію. Произведенія его всегда доказательны и замѣчательно убѣдительны потому, что они плодъ жизненнаго подвига автора, пережиты и списаны съ него. Въ писаніяхъ святителя, какъ въ чистомъ зеркалѣ, воспроизводится свѣтлый духовный образъ творца ихъ. Жизнь въ затворѣ яснѣе всего отразилось въ замѣчательномъ трудѣ «Путь ко спасенію,» почему послѣдній и является истиннымъ ключемъ къ пониманію ея. Въ книгѣ сильными и яркими чертами изображенъ идеалъ истинно христіанской жизни и путь, ведущій къ достиженію его; а такъ какъ путь этотъ несомнѣнно былъ пройденъ писателемъ, то естественно возникаетъ глубокій интересъ къ изученію сочиненія, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ считалъ его лучшимъ изъ своихъ твореній, суммою и какъ бы оглавленіемъ всѣхъ своихъ литературныхъ работъ. Важнѣйшіе и болѣе существенные предметы содержанія его слѣдующіе:

Высшая, послѣдняя цѣль человѣческой жизни—общеніе съ Богомъ. Путь къ ней— вѣра съ хожденіемъ по заповѣдямъ Господнимъ. Христіанинъ спасается благодатью Св. Духа, дарованною ему туне—искупительными заслугами Богочеловѣка, подъ руководствомъ церкви; но для первоначальнаго стяжанія и постепеннаго развитія и возгрѣванія благодатнаго дара онъ нравственно обязанъ пройти жизненный подвигъ—совершенія внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ и внутренняго очищенія своего сердца отъ порочныхъ мыслей и желаній, чрезъ упорную борьбу со «страстьми и похотьми,» пока не достигнетъ «мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.» Длиненъ и тернистъ этотъ путь. Рѣшившійся вступить на него непзбѣжно проходитъ три ступени, переживаетъ слѣдующіе три важнѣйшіе момента: 1) какъ начинается въ насъ христіанская жизнь; 2) какъ совершенствуется—зрѣетъ и крѣпнетъ и 3) какою

является въ полномъ своемъ совершенствѣ. Каждую изъ этихъ ступеней соотвѣтственно свойству и характеру присущихъ ей подвиговъ можно назвать: первую—обращеніемъ къ Богу, вторую—очищеніемъ и третью—освященіемъ. На первой—человѣкъ обращается изъ тьмы грѣха къ свѣту христіанской истины и добродѣтели, на второй—очищаетъ свое сердце отъ всѣхъ внутреннихъ нечистотъ, дабы подготовиться и достойно принять грядущаго къ нему Господа; на третьей—самъ Господь приходитъ, вселяется въ сердце и обитаетъ съ нимъ. Послѣднее состояніе блаженнаго Богообщенія—есть цѣль всѣхъ стремленій и вѣнецъ трудовъ подвизающагося.

Христіанская жизнь начинается съ момента духовнаго рожденія въ таинствѣ крещенія, развивается и укрѣпляется чрезъ доброе воспитаніе въ христіанской семьѣ подъ вліяніемъ церкви и церковности. Правильное начальное воспитаніе имѣетъ важное нравственное значеніе. Имъ въ значительной степени опредѣляется, а нерѣдко отъ него вполнѣ зависитъ вся дальнѣйшая судьба человѣка. Но жизненныя наблюденія показываютъ, что въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ люди сохраняютъ благодать крещенія на всю жизнь. Большая часть совершенно забываетъ о ней и живетъ въ состояніи грѣха. Жизнь грѣшника подобна духовному сну и характеризуется всестороннею многопопечительностью о мірскихъ интересахъ и житейскихъ дѣлахъ, но полнымъ равнодушіемъ и нерадѣніемъ о духовной жизни. Случаи пробужденія отъ этого духовнаго сна очень рѣдки и бываютъ только подъ дѣйствіемъ благодати Божіей, которая является или въ чрезвычайныхъ, чудесныхъ знаменіяхъ и внезапно потрясаетъ человѣка, какъ напр. Ап. Павла или Марію Египетскую, или же стяжается и возгрѣвается постепенно и медленно путемъ обычной благочестивой жизни христіанской. Въ обыкновенномъ порядкѣ обращеній даръ возбудительной благодати впервые обнаруживается въ видѣ одной доброй мысли перемѣнить жизнь и стать лучше въ своихъ дѣлахъ и внутреннихъ расположеніяхъ. Но большею частью эта мысль остается неисполненною и человѣкъ отлагаетъ ее. Отлагательство—общій недугъ и первая причина неисправности. Всякій говоритъ—«еще успѣю» и остается въ старыхъ порядкахъ привычной недоброй жизни. Никогда не слѣдуетъ пропускать этого важнаго момента и безъ всякаго промедленія положить начало новой жизни. Вѣрно помогающія тому средства—внутреннее сосредоточеніе и уединеніе, молитва, чтеніе Слова Бо-

жія, постъ, трудъ, милостыня и другія обычныя упражненія богоугодной жизни. Вотъ наставленія о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

«а) Прежде всего возмись за *тѣло*. Откажи ему въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, стѣсни удовлетвореніе самыхъ естественныхъ потребностей; продли часъ бдѣнія, умаль обычную мѣру пищи, приложи къ трудамъ новый трудъ. Главное, какъ хочешь и какъ можешь, облегчи плоть, утончи ея дебелость. Этимъ душа высвободится изъ связности веществомъ, станетъ подвижнѣе, легче, пріимчивѣе для впечатлѣній добрыхъ. Вещественное тѣло, преобладая надъ душею, сообщаетъ ей свою неподвижность и холодность. Подвиги тѣлесные ослабляютъ эти узы и устраняютъ слѣдствія ихъ.»

«б) Тѣло обременяетъ душу совнѣ; *заботы и расхищеніе мыслей* томятъ ее внутри. Допустимъ, что смирена уже плоть,—этимъ сдѣланъ первый шагъ; но еще двѣ заставы отдѣляютъ душу отъ себя самой.»

«*Заботы* не оставляютъ времени заняться собою. При нихъ одно дѣло въ рукахъ, а десятки въ головѣ. Отъ того онѣ гонятъ человѣка все впередъ и впередъ, не давая ему возможности осмотрѣться и взглянуть на себя. И такъ, отложи на время заботы, всѣ безъ исключенія, отложи только на время; послѣ опять возмешься за обычныя дѣла, только теперь прекрати ихъ, выкинь ихъ изъ рукъ, выброси ихъ и изъ мысли.»

«Но и тогда, какъ заботливыя дѣла прекращены, смятеніе еще надолго остается въ головѣ: мысль за мыслію, то въ согласіи, то одна другой на перекоръ; душа разсѣяна, умъ шатается въ разныя стороны, и тѣмъ самымъ не даетъ установиться въ себѣ чему-либо постоянному и твердому. Собери же разсѣянныхъ чадъ своихъ во едино,—какъ пастырь собираетъ стадо, или какъ стеклю разсѣянные лучи, и обрати ихъ на себя.»

«Желаніе углубиться въ себя и заняться собою, пресѣченіемъ разсѣянія мыслей и заботливости, потребуетъ, конечно, какъ неизбѣжнаго средства, съ одной стороны, уединенія, съ другой—прекращенія обычныхъ занятій, и житейскихъ и должностныхъ; прежде же указанное смиреніе плоти потребуетъ измѣненія въ порядкѣ удовлетворенія естественныхъ потребностей. Судя по сему, самымъ удобнымъ временемъ къ тому, чтобы устроить перемѣну своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же великаго. Тутъ все къ тому преднастроено,—и дома, и въ церкви, и даже въ обществѣ. На это время всѣ и смотрятъ, какъ на приготовленіе къ покаянію. Однако-жъ изъ

этого не слѣдуетъ, что, когда пришла благая мысль о перемѣнѣ жизни, исполненіе ея надо отлагать до наступленія поста. Все, требуемое при семъ, можетъ быть исполнено и во всякое другое время, кромѣ поста. Но ужъ, конечно, когда пришелъ святый постъ, —грѣхъ пропуститъ его, не позаботясь о спасеніи души, какъ пропускается другое время. Кому придетъ спасительное помышленіе о перемѣнѣ жизни не во время поста, и кто находитъ къ приведенію его въ исполненіе какія-либо помѣхи въ своемъ быту, тому лучше всего удалиться на время въ какую-либо обитель. Тамъ удобнѣе совладать съ собою.» [1])

Явленіе возбудительной благодати характеризуется съ одной стороны возстановленіемъ потемнѣннаго грѣхомъ чувства своей зависимости и виновности предъ Богомъ, сознаніемъ всего безобразія грѣха и отвращеніемъ къ нему, а съ другой стороны ощущеніемъ и предвкушеніемъ иной, новой, высшаго порядка жизни. Въ существѣ своемъ это явленіе представляетъ собою порывъ порабощеннаго духа въ принадлежащую ему область господства въ нравственной жизни, при чемъ оно большею частью внезапно и мгновенно поражаетъ человѣка.

«Какъ блескомъ молніи, освѣщается все и въ человѣкѣ, и вокругъ его, при благодатномъ возбужденіи. Онъ вводится теперь сердцемъ, на одно мгновеніе, въ тотъ порякокъ, изъ котораго изгнанъ грѣхомъ, вставляется въ цѣпи творенія въ ту связь, изъ которой самовольно исторгся грѣхомъ. Оттого это дѣйствіе благодати всегда почти обозначается испугомъ и мгновеннымъ потрясеніемъ, какъ спѣшно идущаго въ задумчивости потрясаетъ внезапно услышанное «стой!» Если смотрѣть на это состояніе по понятіямъ психологическимъ, то оно есть не что иное, какъ пробужденіе духа. Собственно духу нашему свойственно сознавать Божество и высшій нѣкоторый міръ, или порядокъ вещей, возвышать человѣка надъ всѣмъ чувственнымъ и уносить въ чисто-духовную область. Но въ грѣховномъ состояніи духъ нашъ теряетъ свою силу и сорастворяется съ душевностію, а чрезъ нее съ чувственностію до того, что будто исчезаетъ въ нихъ. Вотъ теперь благодатію онъ извлекается оттуда, поставляется, какъ на свѣщницѣ во внутренней нашей храминѣ, и свѣтитъ всему тамъ сущему и оттуда зримому.» [2])

Настроеніе души, возбужденной благодатью, яснѣе всего опредѣляется по противоположности съ грѣховнымъ состояніемъ:

«1) Грѣхъ разлучаетъ между Богомъ и человѣкомъ. Чело-

[1]) Стр. 159—161. [2]) Стр. 182—183.

вѣкъ, отходя отъ Бога къ грѣху, не ощущаетъ своей зависимости отъ Него, живетъ себѣ, какъ будто онъ не Божій и Богъ не его, какъ своевольный рабъ, бѣжавшій отъ своего господина. Теперь это средостѣніе разоряется. *Чувство зависимости отъ Бога* возвращается. Человѣкъ живо сознаетъ свою всецѣлую подчиненность Богу и полную предъ Нимъ отвѣтственность. Прежде небо было для него мѣдяно и словно густымъ покровомъ простиралось надъ его главою, а теперь нѣкоторый лучъ проходитъ сквозь сей мрачный покровъ и указываетъ ему Бога, Владыку и вмѣстѣ Судію. Въ немъ возбуждается съ силою чувство Божества, со всѣми Его совершенствами, и неотразимо стоитъ въ душѣ, исполняя ее всю. Тутъ основаніе и возможность будущей благодатной духовной жизни.»

2) «Грѣхъ окутывалъ прежде человѣка слѣпотою, нечувствіемъ, безпечностію. Въ моментъ воздѣйствія благодати спадаетъ эта трехслойная окаменѣлая чешуя съ окованной души. Человѣкъ теперь хорошо *видитъ все безобразіе* свое внутри и не только видитъ, но и *чувствуетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ опасность своего положенія, начинаетъ робѣть за себя и *заботиться* о своей участи. И не только западаетъ въ душу робость, но, при чувствѣ отвѣтственности своей предъ Богомъ, страхъ, томленіе, досада, стыдъ начинаютъ сильно поражать его сердце. Его *грызетъ совѣсть*.»

3) «Но тутъ же дается ему нѣкоторое ощущеніе и сладости жизни по Богѣ. Чувствуя всю непотребность грѣховной жизни и питая отвращеніе къ ней, какъ морю зла, онъ вмѣстѣ предощущаетъ, что въ открывшейся теперь для его душевнаго ока области добра сокрыты отрада и утѣшеніе. Она созерцается имъ, какъ земля обѣтованная, какъ мѣсто блаженнѣйшее и безопаснѣйшее отъ всѣхъ треволненій. Сіе то предощущеніе и есть преимущественно такое явленіе въ душѣ грѣшной, котораго человѣкъ самъ собою произвести никакъ не можетъ. Богъ самъ вводитъ духъ человѣка въ Свою сокровищницу и даетъ вкуситъ отъ благъ ея.» *)

Все это внутреннее движеніе главнымъ образомъ сосредоточивается въ чувствѣ и обнаруживается въ расположеніяхъ сердца, тогда уже готоваго къ воспріятію новой жизни. Но чтобы неопредѣленныя и преходящія настроенія превратить въ акты устойчивой реальной дѣятельности, нужно склонить къ тому же волю. Въ этотъ-то критическій моментъ восхода до

*) Стр. 180—181.

рѣшимости оставить грѣховную жизнь христіанинъ переживаетъ тяжелую нравственную борьбу съ грѣхомъ, съ своими застарѣлыми привычками и укоренившимися наклонностями.

«Вотъ, наконецъ, склонился человѣкъ на сторону добра, готовъ вступить на этотъ святой путь, готовъ ходить въ добрыхъ дѣлахъ богоугожденія; но въ это мгновеніе вся бездна зла, крывшаяся въ сердцѣ, возметается, какъ прахъ и стремится опять покрыть всю душу. Въ минуту возбужденія и склоненія грѣхъ молчитъ, какъ будто не до него касается то, что происходитъ у человѣка; но теперь, когда хотятъ его попрать, онъ, тысячеглавый, какъ называетъ его св. Лѣствичникъ, тысячи воплей испускаетъ на человѣка, замышляющаго сіе. Подобно тому, какъ пробудившійся пока думаетъ еще только встать,—все въ тѣлѣ у него спокойно, но лишь только положитъ онъ встать самымъ дѣломъ и мало напряжетъ мышцы,—всѣ боли въ тѣлѣ, которыя дотолѣ не безпокоили, теперь даютъ о себѣ знать и поднимаютъ жалобы. Такъ и у склонившагося на благодатный зовъ грѣховныя боли молчатъ, пока онъ доходитъ до сего склоненія; но какъ только положитъ онъ приступить къ дѣлу, всѣ эти немощи поднимаютъ тревогу—сильную и смутительную. Помыслъ за помысломъ, движеніе за движеніемъ поражаютъ бѣднаго человѣка и влекутъ назадъ; нападая безъ всякаго порядка, со всѣхъ сторонъ охватываютъ душу и погружаютъ ее въ волненіи своемъ. Все доброе у человѣка держится какъ бы на волоскѣ и самъ онъ поминутно готовъ оторваться отъ того, чѣмъ держится, и снова погрузиться въ ту же среду, изъ которой восхотѣлъ выйти. Одно спасаетъ его—та сладость, льгота и отрада, которыя вкусить удостоился онъ въ моментъ возбужденія, и та крѣпость, которую ощутилъ онъ, когда изрекъ въ сердцѣ: «и такъ, сейчасъ начну.» Кто видѣлъ, какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво,—тотъ имѣетъ въ этомъ образѣ то, что бываетъ въ сію минуту съ благимъ желаніемъ человѣка. Не въ душѣ только смятенія, но и кровь вся волнуется, бываетъ даже шумъ въ ушахъ и туманъ въ глазахъ. У насъ разсказываютъ о привидѣніяхъ—и страшныхъ и прелестныхъ, какія встрѣчаютъ добытели какого-то цвѣтка для отысканія кладовъ; этотъ психологическій миѳъ лучше всего изображаетъ всѣ хлопоты діавола, чтобы отвлечь человѣка отъ добраго намѣре-

нія купить бисеръ многоцѣнный, или достать сокровище, сокрытое на селѣ. Здѣсь то предлежитъ человѣку сильная борьба съ собою, какъ бы генеральная битва съ грѣхомъ.» *)

Крайне тяжела эта борьба, не посильна она была бы для слабаго человѣка, еслибы благодать Божія не приходила на помощь. Но и самъ подвизающійся не долженъ предаваться безпечности, а обязанъ понести продолжительный, упорный трудъ самоисправленія. Для обезпеченія лучшаго, прочнаго успѣха въ борьбѣ прежде всего необходимо открыть источники и главныхъ производителей грѣха, которыми по тщательномъ изслѣдованіи неизбѣжно окажутся, слѣдующія всюду и у всѣхъ наблюдаемыя явленія нашего внутренняго міра: *самосожалѣніе,* по которому мы обходимся съ собою, какъ сердобольная и чувствительная мать съ баловаинымъ и изнѣженнымъ ребенкомъ. Мы никакъ не хотимъ отказать себѣ въ чемъ нибудь, даже въ мелочахъ. Будущая добродѣтельная жизнь намъ представляется слишкомъ тяжелымъ трудомъ, полною горькихъ скорбей и лишеній. *Чувственность,* выражающаяся въ сильной привязанности къ матеріальнымъ предметамъ и удовольствіямъ, въ отсутствіи интереса ко всему духовному, невидимому. Для чувственнаго новая жизнь, отрѣшенная отъ пристрастія ко всему вещественному, есть ничто иное, какъ сухой, отвлеченный и безжизненный подвигъ. *Человѣкоугодіе,* по которому христіанинъ слишкомъ дорожитъ своими установившимися отношеніями къ окружающимъ, придаетъ слишкомъ важное значеніе тому, что подумаютъ и скажутъ о немъ другіе. Подобная слабость иногда настолько порабощаетъ человѣка, что у него не достаетъ мужества даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится покривить душею для спасенія своихъ отношеній къ міру. Наконецъ, излишняя *привязанность къ настоящей, земной жизни* (земность) также занимаетъ видное мѣсто въ ряду важнѣйшихъ производителей грѣха въ грѣхолюбивомъ сердцѣ. Подъ вліяніемъ послѣдняго настроенія мы такъ живемъ и дѣйствуемъ, какъ будто человѣческое существованіе кончается на этомъ свѣтѣ, о загробномъ мірѣ часто нѣтъ мысли и помину. Какъ только человѣкъ устремится на путь новой жизни, весь сонмъ сказанныхъ дорогихъ для грѣшной природы склонностей и привязанностей поднимаетъ такой страшный вопль въ свою защиту и противъ будущихъ порядковъ, что онъ проходитъ до глубины души, возмущаетъ и колеблетъ

*) Стр. 193—195.

въ основаніи нашъ внутренній міръ. Тутъ самый опасный, критическій моментъ. Но не слѣдуетъ смущаться и падать духомъ, а необходимо начать энергично дѣйствовать безъ всякаго промедленія. Призвавши въ усердной молитвѣ благодатную помощь Божію, прежде всего нужно особымъ напряженнымъ усиліемъ воли мысленно изгнать изъ своей души всѣхъ названныхъ производителей грѣха. Тутъ чѣмъ настойчивѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать, тѣмъ лучше. Далѣе, слѣдуетъ вызывать предъ лице сознанія каждаго въ отдѣльности изъ враговъ и, предварительно изобразивъ красоту и сладость будущей праведной жизни, нужно ясно опредѣлить все нравственное безобразіе, а съ другой стороны весь вредъ и серьезную опасность ихъ для новой жизни. Подобное изображеніе должно быть настолько сильнымъ, рельефнымъ, чтобы въ концѣ получилось явное отвращеніе и ненависть ко врагамъ. Когда это произойдетъ, тогда уже легче будетъ сдѣлать обращеніе сердца на новый путь, противоположный прежнему строю. Въ этихъ то сердечныхъ поворотахъ лежитъ существо всего настоящаго момента духовнаго дѣланія, имѣющаго своею конечною цѣлью переломъ воли на новую жизнь. На образованіи ихъ слѣдуетъ особенно напряженно потрудиться. Необходимо путемъ настойчивой и неустанной внутренней работы привести сердце въ такое состояніе, чтобы оно въ своемъ стремленіи и желаніи новаго, лучшаго дошло до послѣднихъ предѣловъ, что ясно обозначится появленіемъ въ немъ *противочувствій* прежнимъ грѣховнымъ возбужденіямъ, расположеній, совершенно противоположныхъ кореннымъ требованіямъ грѣха. Нужно усиленно работать надъ собою до тѣхъ поръ, пока не появится вмѣсто самосожалѣнія полная безжалостность къ себѣ, до жажды страданій; вмѣсто человѣкоугодія—обреченіе себя на всѣ неправды и поношенія людскія; въ замѣнъ пристрастія къ матеріи отвращеніе къ ней и желаніе одного духовнаго, чистаго; наконецъ, вмѣсто привязанности ко всему земному—чувство странничества на землѣ и стремленіе къ небесному отечеству. Съ образованіемъ подобныхъ противочувствій уже можно считать совершившимся переломъ воли, вслѣдствіе котораго все въ насъ должно принять новый строй и порядокъ. Окончательный успѣхъ и полная побѣда тутъ въ значительной степени зависитъ отъ усиленнаго стремленія довести дѣло до конца, во что бы то ни стало, до полнаго изгнанія всякихъ слѣдовъ врага. Иначе, коварный искуситель, притаившійся въ какомъ-либо сокровен-

номъ уголкѣ нашего внутренняго міра, въ видѣ, напр., обольстительной мысли о томъ, что нѣтъ нужды спѣшить дѣломъ, можно еще день подождать преступать границу новой жизни, способенъ разорить и уничтожить всѣ плоды напряженныхъ трудовъ предшествующаго подвига и заставить снова начать работу.

«Дѣйствуй противъ грѣха вообще, но особенно противъ коренныхъ его возбудителей. Когда все мятется въ душѣ, и помыслы, какъ привидѣнія какія, стоятъ и объемлютъ се, со всѣхъ сторонъ устремляя стрѣлы въ самое сердце,—не трудно замѣтить главныхъ, такъ сказать, поджигателей зла. За множествомъ частныхъ воителей стоятъ тамъ, на самомъ заду, воители главные, отдающіе приказанія, завѣдывающіе всѣми распоряженіями, всѣмъ ходомъ войны. Это и суть коренные возбудители грѣха. На нихъ и надо устремить все вниманіе, противъ нихъ прямо вооружиться, ихъ побороть и уничтожить. Когда они будутъ побѣждены, мелкіе воители разсѣются сами собою.»

«Какіе это главные возбудители грѣха и главные воители въ защиту его, это указалъ Спаситель, когда призывалъ идти въ слѣдъ Себя (Марк. 8,—34 —38). Кто хочетъ идти въ слѣдъ Меня, говорилъ Онъ, *да отвержется себе,*—отворотится отъ себя, сочтетъ себя будто чужимъ для себя, не стоющимъ вниманія и сочувствія, за котораго стоять не стоитъ. Это предполагаетъ, что въ сердцѣ грѣхолюбивомъ постоянно живетъ и качествуетъ противоположенное сему расположеніе— *саможалѣніе*, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ—грѣшникъ обходится съ собою—какъ мать съ нѣжнолюбимымъ дѣтищемъ: жаль въ чемъ нибудь отказать себѣ, въ чемъ нибудь поперечить; не можетъ одолѣть себя, чтобы въ чемъ-нибудь поднять на себя руку. Далѣе Спаситель обязуетъ отказаться отъ всего, что въ мірѣ, для спасенія души: *какая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою?* Міръ есть совокупность вещей внѣ насъ, видимое, осязаемое, чувственное. Слѣдовательно, приведенное обязательство предполагаетъ въ сердцѣ человѣка склонность къ вещественному, падкость на осязаемое, нѣкоторую страсть питать себя и услаждать только видимымъ, чувственнымъ. И дѣйствительно, въ грѣхолюбцѣ качествуетъ *чувственность:* не имѣетъ онъ вкуса къ невидимому и духовному, а все чувственное такъ извѣстно и такъ переиспытано... Потомъ внушаетъ Господь,

чтобы не стыдились Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ. Это заставляетъ предполагать въ грѣхолюбивомъ сердцѣ стыденіе людей, въ ущербъ добру и правдѣ. Такъ оно и есть. Живетъ обычно человѣкъ этою ненарушимостію заведеннаго вокругъ порядка, или установившихся отношеній, оттого робѣетъ поколебать ихъ и для поддержанія ихъ готовъ бываетъ скорѣе покривить душею, нежели сдѣлать кому-либо что наперекоръ, не уважить, войти въ непріятности. Это—*человѣкоугодіе:* «что скажутъ и какъ быть, если придется разорвать связи?» Должно быть это самая чувствительная уза грѣха, если для того, чтобы разорвать ее, онъ ограждается за сей стыдъ пристыженіемъ на всеобщемъ судѣ: *Иже аще постыдится Мене и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со ангелы святыми.* Это заключительное обращеніе къ вѣку грядущему указываетъ въ грѣхолюбивомъ сердцѣ отсутствіе чувства будущей жизни, заставляетъ предполагать, что той жизни для него будто нѣтъ, а оно все погружено въ жизнь настоящую. Такъ это и есть. Живетъ обычно человѣкъ на землѣ, будто тутъ вѣчно жить, а о будущемъ забываетъ; знаетъ счастіе только земное, и всѣ цѣли сходятся у него въ одномъ, какъ бы здѣсь хорошо прожить, а что дальше будетъ, о томъ и думки нѣтъ. И такъ, *саможалѣніе, чувственность, человѣкоугодіе и земность* (что только и жизни, что на землѣ) суть характеристическія черты грѣхолюбиваго сердца,—слѣдовательно, и коренные возбудители грѣха и главные за него воители.»

«Такъ вотъ эти-то корни грѣховъ и являются возбудителями всѣхъ помысловъ, возстающихъ на человѣка, когда онъ готовъ сдѣлать движеніе изъ области грѣха на сторону добра,—поднимаютъ весь рой искусительныхъ помышленій, смущающихъ, ужасающихъ, пресѣкающихъ путь. *Саможалѣніе* вопитъ: что это за жизнь? Впереди видится одинъ трудъ, тяготы, скорьби, лишенія, которымъ конца не видно, иди, какъ среди терній по колючкамъ голыми ногами,—помимутныя уязвленія!» *Чувствительность* подаетъ голосъ: «и ту вещь оставь и другую, и то перестань дѣлать и другое,—словомъ, все, въ чемъ я находилъ вкусъ,—а занимайся только духовнымъ! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно.» «Что скажутъ?—Сочтутъ страннымъ и чуждаться станутъ, между тѣмъ надо порвать и ту, и ту связь,—какъ же быть послѣ? А вотъ съ этой стороны и вражды еще жди.» Это вопль *человѣкоугодія.* А

вотъ вопль *земляности:* «будущее, конечно, будетъ,—кто противъ этого споритъ,—но вѣдь далеко еще, а тутъ-то какъ прожить? Живали же другіе... Земное мы знаемъ, а тамъ что? Это—въ рукахъ, а то—гдѣ оно?»

«Да, приступитъ человѣкъ работать Господу, все это и завопитъ на него. И добро бы это были легкія какія-нибудь помышленія, а то нѣтъ: они проходятъ до глубины души, поражаютъ и влекутъ на свою сторону такъ, какъ еслибы кто зацѣпилъ удою за живое тѣло и тянулъ къ себѣ. Что тутъ дѣлать человѣку»?

«Помощь близъ... Ты только усилія употребляй—и одолѣешь, но употребляй усилія цѣлесообразно. Молитвенно утвердившись въ самоуничиженномъ преданіи себя волѣ Божіей и вседѣйствію благодати,—

а) «Спѣши прогнать всѣ эти помыслы изъ души, вытѣсни ихъ изъ сознанія особымъ напряженіемъ самодѣятельности, втѣсни ихъ опять въ то сокровенное мѣсто, изъ котораго они вышли и возврати покой сердцу, потому что, пока не успокоится сердце, ничего нельзя будетъ дѣлать дальше. Для сего, на первый разъ, не занимайся съ ними нисколько и не вступай въ бесѣду, хоть бы и не мирную. Толпа необразованныхъ скоро разбѣгается, если поступить съ ними сурово съ перваго раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему,— они набираются смѣлости и дѣлаются настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Такъ и толпа искусительныхъ помысловъ становится безотвязнѣе, если позволить имъ сколько-нибудь замедлить въ душѣ, а тѣмъ болѣе, если войти съ ними еще и въ переговоры. Но если ихъ съ перваго раза оттолкнуть сильнымъ напряженіемъ воли, отверженіемъ и обращеніемъ къ Богу, то они тотчасъ удалятся и оставятъ атмосферу души чистою.»

б) «Но пусть прогнано это мрачное полчище злыхъ помысловъ, пусть сердце опять спокойно и стало на душѣ свѣтло,— помнить надобно, что тутъ для дѣла своего собственно ничего еще не сдѣлано. Эти враги всѣ еще живы. Они только вытѣснены изъ вниманія и, можетъ-быть, намѣренно скрылись, чтобы въ нечаянномъ нападеніи въ благопріятное время тѣмъ вѣрнѣе возвратить себѣ побѣду. Нѣтъ, на этомъ никакъ не слѣдуетъ останавливаться, иначе ни покоя, ни успѣха не будетъ. Ихъ надо умертвить, выманить и заклать на жертвенникъ самоотверженія.»

«И такъ, снова утвердившись въ молитвенномъ преданіи себя Богу и благодати Его, вызывай каждаго изъ возбудителей грѣха и старайся отвратить отъ нихъ сердце и обратить его на противоположное, —этимъ они будутъ отрѣзаны отъ сердца и должны будутъ замереть. Для сего дай свободу здравому разсужденію, а по слѣдамъ его веди и сердце. Просвѣтленное истиною и вспомоществуемое сокровенно дѣйствующею благодатію, разсужденіе твое а) пусть сначала представитъ все безобразіе сихъ, можно сказать, изчадій ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать *отвращеніе* къ нимъ; b) потомъ пусть живѣе изобразитъ опасность, въ какую они ввергаютъ, пусть укажетъ въ нихъ самыхъ злыхъ враговъ; ты же подвигни сердце свое возымѣть къ нимъ *ненависть;* с) затѣмъ пусть полнѣе изобразитъ передъ тобою всю красоту и сладость жизни, въ которую вступить они мѣшаютъ, всю прелесть свободы отъ сихъ тирановъ; ты же сердце свое, уже возымѣвшее отвращеніе и ненависть къ нимъ, напряги устремиться отъ сихъ къ тѣмъ, какъ елень на источники водные. Этимъ будетъ достигнуто требуемое. Коротка программа, но дѣло совершится, можетъ быть, и не такъ скоро. Тутъ означены только стороны, на какія должно обратиться разсужденіе, нить же самаго разсужденія—вести и довести до цѣли надо всякому самому; своеличному разсужденію видна дѣйственная и сильная мысль въ томъ или другомъ отношеніи. Вѣдать, впрочемъ, надо, что разсужденіе—рычагъ, все же дѣло—въ поворотахъ сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдутъ въ сердцѣ указанные повороты, то мы—у цѣли.»

в) «Этомъ трудъ есть самый существенный въ дѣлѣ перелома воли. Надо и энергично производить его, и не отступать, пока сердце не дойдетъ, въ сихъ поворотахъ своихъ до послѣднихъ предѣловъ; послѣдніе же предѣлы суть *противочувствія* грѣховнымъ возбужденіямъ,—расположенія, противоположныя кореннымъ требованіямъ грѣха. Такимъ образомъ, все надо трудиться надъ собою, пока, вмѣсто *саможалѣнія,* не возродится *безжалостность* къ себѣ и непощадѣніе, не восчувствуется жажда страданій, желаніе умучить себя, истомить и тѣло свое и душу; пока вмѣсто *человѣкоугодія* не образуется, съ одной стороны, отвращеніе отъ всѣхъ недобрыхъ обычаевъ и связей, нѣкоторое враждебное, съ раздражаніемъ, противленіе имъ, а съ другой—*обреченіе себя* на всѣ неправды и всѣ поношенія людскія; пока вмѣсто *вкуса* только въ одномъ ве-

щественномъ, чувственномъ, видимомъ, придетъ *безвкусіе* къ нимъ и омерзеніе и зачнется исканіе и жажданіе одного духовнаго, чистаго, божественнаго; пока, вмѣсто *земности,* ограниченія жизни и счастія только землею, не исполнитъ сердца чувство *странничества на землѣ,* съ единственнымъ стремленіемъ къ отечеству небесному.»

«Когда образуются такія расположенія, тогда всѣ опоры грѣха будутъ подорваны. Онъ потеряетъ стойкость и власть опредѣляющую, которая переходитъ теперь къ самому человѣку. Грѣхъ извергнутъ вонъ, сталъ внѣ. Съ сей минуты онъ уже будетъ искушающимъ, а не опредѣляющимъ. И всякій разъ стоитъ только привесть въ движеніе стяжанныя теперь противочувствія ему, чтобы прогнать его. Изъ сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь трудъ: имъ образуется внутрь насъ изъ насъ новое лицо, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ отъ зла и направленіемъ къ добру,—совершается переломъ воли, вслѣдствіе котораго все въ насъ должно принять новый порядокъ.»

«Вотъ человѣкъ стоитъ уже на самомъ краю области грѣховной; ничто не отдѣляетъ его отъ страны свѣта, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадно на душѣ; она готова воспарить къ Богу. Но коварство врага еще не истощилось. Еще есть у него стрѣла, которую приберегъ онъ къ послѣдней минутѣ. Только—что душа напряжетъ свои силы, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ изъ области самоугодливаго грѣха, какъ поражаетъ ея вниманіе жалобный вопль «еще день, и довольно,—завтра преступишь сію границу.» Потому ли, что въ предыдущей борьбѣ душа утомляется и требуетъ отдохненія, или потому, что ужъ таковъ законъ у грѣха, только голосъ сей слышится. Тутъ нѣтъ противленія добру, а только прошеніе—нѣсколько поослабить пріобрѣтенное напряженіе. Это вопль самый обольстительный: врагъ стоитъ будто за насъ, умоляетъ, чтобы мы сжалились надъ собою, но склонись только мало на сей вопль, на это внушеніе, и все потеряешь, что пріобрѣлъ. Тайными какими-то путями тѣ прогнанные возбудители грѣха прокрадутся къ сердцу, безъ нашего вѣдома совершатъ съ нимъ прелюбодѣйство—и все разслаблятъ и разстроятъ, что было задумано, такъ что, пришедъ въ себя, человѣкъ видитъ себя на старой линіи, какъ будто ничего и не предпринималъ дѣлать надъ собою. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолѣваютъ его,—хоть начинай сначала все, что, казалось, уже

было пройдено. Поэтому, не презирай сего малаго будто бы требованія: оно мало и ничтожно на видъ, но на дѣлѣ есть сокращеніе всего зла, есть прелестное представленіе рабства въ видѣ свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримаго врага. Возненавидь его всею ненавистью и, какъ только замѣтишь,—а онъ пролетаетъ быстро, какъ молнія,— спѣши изгладить слѣдъ его такъ, чтобы знака его не оставалось. Поставь себя опять въ тоже состояніе, въ какомъ былъ предъ симъ, и въ томъ же напряженіи, внутреннимъ и внѣшнемъ, рѣшись держать себя навсегда. Поразивъ и сего врага, ты останешься рѣшительнымъ побѣдителемъ, взявшимъ себя въ свои руки, станешь самъ полнымъ владыкою.» *)

Подвизающійся твердо рѣшился оставить грѣхъ и начать новую духовную жизнь: но этого однако еще не достаточно, чтобы немедленно же приступить къ дѣятельности. Существенно необходимо еще посвятить ее Богу. Иначе нравственность будетъ только естественная, языческая. Христіанинъ долженъ дѣлать добро не потому только, что оно добро, что это требуетъ нравственное достоинство человѣка, но главнымъ образомъ въ томъ убѣжденіи, что оно есть жертва, угодная Богу. Цѣль творенія разумнаго существа на землѣ не въ немъ самомъ, а въ служеніи и прославленіи имени Божія. Господь надѣлилъ человѣка нравственною свободою и въ ней какъ бы уступилъ ему нѣкоторую часть своей Божественной власти, но съ тѣмъ, чтобы человѣкъ самъ произвольно принесъ свободу въ жертву Богу, какъ высшее и совершеннѣйшее приношеніе. Чтобы имѣть надежду быть принятымъ въ новую жизнь прежде всего нужно сознаться и раскаяться съ неправотѣ прежняго порядка, нужно очиститься и получить прощеніе прежнихъ грѣховъ, а чтобы вступить въ нее и начать дѣйствовать, необходимо предварительно возсоединяться съ Богомъ и запастись духовными силами нести ее. Первое дается въ таинствѣ покаянія, а второе въ причащеніи. Покаяніе существенно необходимо для рѣшившагося идти путемъ добродѣтели, особенно въ видахъ успокоенія его совѣсти, тогда еще тревожной и неустойчивой. Если свойство нашей совѣсти таково и въ обычной обстановкѣ, что мы не рѣшаемся предстать предъ оскорбленнымъ нами лицомъ до тѣхъ поръ, пока не получимъ увѣренности, что прощены имъ; то тѣмъ болѣе нужно сказать это относительно обращенія къ Богу. Хотя вѣрующій, давши обѣтъ оставить грѣхъ, уже получилъ нѣко-

*) Путь ко спасенію. 195—205 стр.

торую надежду на принятіе въ новую жизнь, но это только его личная, робкая мысль и предположеніе, ничѣмъ и никѣмъ не удостовѣренныя. Для полнаго убѣжденія и вмѣстѣ устойчивости своего внутренняго настроенія ему необходимо свидѣтельство сторонняго авторитетнаго лица, каковымъ въ таинствѣ покаянія въ полной мѣрѣ является служитель алтаря Господня, разрѣшающій грѣхи отъ лица Самого Бога. Тогда кающійся вычеркивается на небѣ изъ списка осужденныхъ, что ему также необходимо предъ вступленіемъ въ новый міръ. Безъ того не можетъ быть доступа и притока спасающей благодати. Истинная христіанская жизнь состоитъ въ общеніи со Христомъ. Желающему вступить въ нее должно возсоединиться съ Господомъ, что возможно только въ таинствѣ причащенія, гдѣ подъ видомъ хлѣба и вина Самъ Господь входитъ внутрь вѣрующаго и вселяется въ него. Всякая жизнь для своего поддержанія и развитія нуждается въ соотвѣтствующемъ питаніи, особенно на первыхъ порахъ. Такою дѣйствительною духовною пищею для вѣрующаго является тѣло и кровь Спасителя, который Самъ сказалъ: *плоть моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво.* Какъ начальная физическая пища сообщаетъ характеръ нашей тѣлесной природѣ и становится постоянною ея потребностью, такъ и первое достойное причащеніе тѣла и крови Господа положитъ основу и сдѣлается неизмѣнною принадлежностью всего послѣдующаго нравственнаго преуспѣянія подвизающагося. Поэтому онъ долженъ спѣшить воспользоваться этимъ неизсякаемымъ благодатнымъ источникомъ духовной жизни.

«Казалось бы, что все уже сдѣлано, если принята рѣшимость оставить грѣхъ и остается только дѣйствовать. И точно, можно дѣйствовать; но что это будетъ за дѣятельность и что за духъ въ ней? Человѣкъ остановился только еще на себѣ. Если онъ станетъ дѣйствовать, отправляясь отъ сей точки, то будетъ дѣйствовать отъ себя и для себя, хоть и въ нравственномъ порядкѣ. Это будетъ нравственность эгоистическая, языческая. Есть люди, которые говорятъ, что дѣлаютъ добро, какъ добро,—дѣлаютъ это потому, что достоинство человѣка того требуетъ, или потому, что дѣйствовать иначе было бы неблагородно, неблагоразумно. Всѣ такіе дѣлатели обличаютъ, что образованіе въ нихъ внутренняго, нравственнаго человѣка не доведено до конца: они возвратились къ себѣ, но отъ себя къ Богу не подвиглись и себя Ему въ жертву не принесли,—остановились, значитъ, на полдорогѣ. Цѣль свободы человѣка

не въ ней самой и не въ человѣкѣ, а въ Богѣ. Въ свободѣ Богъ уступилъ человѣку какъ бы нѣкую часть Своей божественной власти, но съ тѣмъ, чтобы онъ самъ произвольно принесъ ее въ жертву Богу, какъ совершеннѣйшее приношеніе. И потому, если возобладалъ ты собою, иди, отдай теперь себя Богу. Когда грѣшилъ ты, то не себя только терялъ, но, теряя себя, отдалялся и отъ Бога. Теперь, возвращаясь изъ грѣховнаго плѣна, послѣ того какъ возобладалъ ты собою, возврати себя и Богу.»

«Казалось бы также, что и обращеніе отъ себя къ Богу должно быть дѣломъ и не труднымъ, и не многосложнымъ, какъ напримѣръ, обращеніе съ запада на востокъ. Но, вѣдь, грѣшникъ, приступающій къ Богу не есть лицо отъ Него независимое и приближается къ Нему не такъ, чтобы за нимъ ничего не было. Нѣтъ, онъ тоже, что бѣглый рабъ, возвращающійся къ своему господину, что виновный, являющійся предъ лицо царя—судіи. Надо посему приступить такъ, чтобы быть принятому. Въ человѣческихъ порядкахъ господинъ принимаетъ раба и царь возвращаетъ милость виновному, когда, приступая къ нимъ, каждый изъ нихъ сознаетъ вину свою, раскается въ ней и даетъ искреннее обѣщаніе быть впередъ совершенно исправнымъ. Тоже—и въ возвращеніи грѣшника къ Богу. Онъ будетъ принятъ Богомъ, если а) сознаетъ свои грѣхи, б) раскается въ нихъ и в) положитъ обѣтъ не грѣшить. Это—необходимые акты въ сердечномъ возсоединеніи съ Богомъ, отъ которыхъ зависятъ твердость въ новой жизни, совершенство въ ней и благонадежность неизмѣннаго дѣйствованія по ея требованіямъ. Блудный сынъ, возвращаясь ко отцу, говорилъ: *реку: согрѣшихъ*—сознаніе грѣха; *нѣсть достоинъ*—окаяваніе себя; *пріими, яко единаго отъ наемниковъ*—обѣтъ работать.»

«Что особенно дѣлаетъ необходимымъ таинство покаянія, такъ это, съ одной стороны, свойство грѣха, а съ другой,—свойство нашей совѣсти. Когда мы грѣшимъ, то думаемъ, что не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ не остается слѣдовъ грѣха. Между тѣмъ онъ оставляетъ глубокіе слѣды и въ насъ, и внѣ насъ,—на всемъ, что насъ окружаетъ, и особенно на небѣ, въ опредѣленіяхъ божественнаго правосудія. Въ часъ грѣха рѣшается тамъ, чѣмъ сталъ согрѣшившій: въ книгѣ живота онъ внесенъ въ списокъ осужденныхъ—и сталъ связанъ на небѣ. Божественная благодать не низойдетъ въ него,

пока на небѣ не изгладится онъ изъ списка осужденныхъ, пока тамъ не получитъ онъ разрѣшенія. Но Богу угодно было небесное разрѣшеніе---небесное изглаженіе изъ списка осужденныхъ поставить въ зависимость отъ разрѣшенія связанныхъ грѣхами на землѣ. И такъ, прими таинство покаянія, чтобы сподобиться всесторонняго разрѣшенія и открыть въ себя входъ духу благодати. Совѣсть, теперь возочищенная, возвратившая нѣжность и чутье къ нравственному порядку, не дастъ покоя, пока рѣшительно не увѣримся въ прощеніи. Такова она въ обыкновенномъ порядкѣ нашей жизни; не дастъ она намъ и на глаза показаться къ тому, кого оскорбили, пока не увѣримся, что онъ простилъ насъ. Въ отношеніи же къ Богу она еще разборчивѣе. Хотя въ то время, когда человѣкъ возвышается до рѣшительнаго обѣта, сходитъ на него нѣкоторое увѣреніе, что онъ теперь не противенъ Богу; но эта увѣренность—своя и прочна быть не можетъ,—ее скоро поколеблетъ сомнѣніе: «да такъ ли, да не самообольщеніе ли это;» а сомнѣніе внесетъ тревогу внутрь, отъ тревоги же—разслабленіе. При этомъ жизнь не будетъ имѣть ни твердости, ни стройности. И такъ, надобно человѣку услышать всепрощеніе отъ лица Божія, чтобы, окончательно успокоившись увѣренностію въ милости Божіей, дѣйствовать потомъ рѣшительнѣе и тверже въ этой увѣренности. Поди же, исповѣдуйся—и получишь отъ Бога объявленіе о прощеніи.»

«Въ притчѣ о блудномъ сынѣ, отецъ, принявъ возвращающагося къ нему съ раскаяніемъ сына, послѣ того, какъ, падши на выю его, облобызалъ его въ знакъ всепрощенія,—повелѣлъ одѣть его и готовить вечерю свѣтлую и отрадную. Родительское сердце не довольно было прощеніемъ,—оно рѣшительнѣе хочетъ увѣрить сына въ своемъ съ нимъ примиреніи и сильнѣе выразить радость свиданія съ нимъ по разставаніи столь горестномъ. Отеческая любовь даетъ то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грѣшникъ могъ ожидать большого чего-нибудь послѣ того, какъ получилъ всепрощеніе? И вотъ, однако-жъ, онъ приглашается еще и на вечерю Господню, гдѣ Господь Самъ даетъ ему плоть Свою ясти и кровь Свою пити. Это—вѣнецъ щедродательности къ обращающемуся грѣшнику, и однако-жъ не избытокъ, а существенная необходимость въ возсоединеніи съ Господомъ.»

«Жизнь христіанская есть жизнь въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Увѣровавшій облекается во Христа и живетъ Имъ. Падшій

по крещеніи теряетъ эту благодать; возставая отъ паденія и возвращаясь къ Господу, ему опять надо сподобиться ея,—и сподобляется въ св. причащеніи. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ,* говоритъ Господь (Іоан. 6, 56). Тутъ въ кающемся и начало жизни о Христѣ Іисусѣ. Господь сказалъ, что Онъ есть лоза, а вѣрующіе въ Него—вѣтви (Іоан. 15, 4—6). Вѣтвь не живетъ, если она не на лозѣ, такъ и вѣрующіе не живутъ, если не въ Господѣ. Нигдѣ нѣтъ жизни истинной, какъ только въ этой лозѣ. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочетъ жить истинно, тотъ долженъ привиться къ ней, принимать отъ нея соки жизненные и жить, питаясь ими. Прививіе и совершается во св. причащеніи,—здѣсь христіанинъ становится едино съ Господомъ. Когда Господь руководилъ только грѣшника къ полному покаянію, то толкалъ лишь въ двери сердца; когда же отверзаются онѣ сокрушеніемъ и покаяніемъ,—Онъ входитъ внутрь и вечеряетъ съ причастникомъ.»

«Теперь человѣкъ рождается вновь. Начинается у него жизнь совершенно въ новомъ родѣ. Жизнь не можетъ продолжаться безъ пищи, и притомъ пищи сродной себѣ. А такого-то рода пища и есть тѣло и кровь Господа. Самъ Онъ сказалъ: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сію жизнь. Тѣмъ паче необходимо вкусить сей пищи на первыхъ порахъ, при первыхъ, такъ сказать, движеніяхъ новой своей жизни. Говорятъ, что первая пища имѣетъ вліяніе на характеръ тѣлесной жизни и послѣ составляетъ постоянную потребность тѣла. Какой же долженъ быть характеръ жизни у покаявшагося?—Жизнь о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Что должно составлять постоянную потребность его?—Потребность общенія съ Господомъ. Пусть же спѣшитъ на первыхъ движеніяхъ сей жизни вкусить тѣла и крови Христовыхъ, чтобы положить, такъ сказать, основу жизни сообразной съ Христомъ и зародить живую потребность постояннаго съ Нимъ общенія посредствомъ сего вкушенія. Вкушающій, ощутивъ сладость сей манны небесной, уже не можетъ потомъ не алкать и не жаждать больше и больше сего вкушенія.» *)

Въ новую жизнь христіанинъ вступаетъ съ однимъ добрымъ и ревностнымъ стремленіемъ служенія Богу. Чтобы это стремленіе осуществить на дѣлѣ и достигнуть конечной цѣли —

*) Стр. 206.

живого богообщенія, онъ неизбѣжно долженъ пройти длинный, потовый трудъ подвиговъ внѣшняго добродѣланія и внутренняго очищенія. Успѣхъ тутъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ степени и силы первоначальной ревности, которую подвизающійся прежде всего и долженъ укрѣпить. Желающему сохранить неугасаемою ревность необходимо: а) пребывать внутрь, 2) зрѣть новый міръ и 3) стоять въ чувствахъ и помышленіяхъ, приведшихъ къ новой жизни. Предъ началомъ всякаго важнаго дѣла человѣкъ обыкновенно сосредоточиваетъ всѣ свои силы на немъ и усчитываетъ всѣ средства, которыми онъ можетъ располагать для совершенія его. Въ отношеніи духовнаго подвига подобная подготовка дается въ актѣ такъ называемаго внутрь—пребыванія. Послѣднее есть заключеніе сознанія въ сердцѣ. Когда человѣкъ въ своемъ сердцѣ пробудился отъ грѣховнаго сна, тогда возстановленный духъ проникаетъ туда своимъ сознаніемъ и начинаетъ собирать и привлекать къ сердцу всѣ душевныя и тѣлесныя силы. Это внутрь—пребываніе не тоже, что углубленіе при размышленіи или дума, хотя много походитъ на него. Послѣднее состоитъ только въ напряженіи ума и держится въ головѣ, оставляя другія силы незанятыми; а первое сосредоточивается въ сердцѣ, источникѣ и центрѣ всѣхъ нашихъ внутреннихъ движеній, ниже и глубже всего, что въ насъ происходитъ, такъ что все происходящее совершается уже поверхъ его, предъ его глазами, при чемъ одно одобряется, а другое запрещается. Эта внутренняя собранность есть истинный показатель духовной мощи и первое условіе господства подвизающагося надъ самимъ собою. Собранный всегда силенъ, подобно войску, приведенному въ боевой порядокъ или пуку прутьевъ, слабыхъ въ одиночку и сильныхъ въ связкѣ. Несобранный же всегда слабъ и или ничего добраго не дѣлаетъ или, начавши дѣланіе, скоро падаетъ. Тутъ наблюдается явленіе подобное тому, какъ владѣтелемъ города считается тотъ, кто занимаетъ крѣпость. Всякое духовное дѣло неизбѣжно должно начинаться со внутренняго сосредоточенія. Что бы ни предпринималъ подвизающійся, прежде всего долженъ войти внутрь себя и оттуда уже начинать дѣйствовать. Эта глубоко жизненная истина ясно указана въ евангеліи, когда Спаситель говоритъ: «Царствіе Божіе внутрь васъ есть» и для начала всякаго духовнаго дѣла заповѣдалъ: «вниди въ клѣть (сердце) твою и затвори двери.»

Вступившій внутрь себя стоитъ на порогѣ новой жизни, предъ дверьми новаго духовнаго міра. «Старайся войти въ хра-

мину, находящуюся внутри тебя, и увидишь храмину небесную,» говоритъ одинъ изъ св. отцевъ. Чтобы поддержать и возгрѣвать духъ ревности къ хожденію въ новой жизни, необходимо съ одной стороны все строеніе духовнаго міра такъ ярко напечатлѣть въ своемъ сознаніи, чтобы онъ всегда живо представлялся намъ, а съ другой стороны необходимо воспріять его чувствомъ, глубоко войти и слиться съ нимъ. Все строеніе духовнаго міра можетъ быть кратко выражено такъ: «Богъ единый, въ Троицѣ поклоняемый, вся сотворившій и вся содержащій возставляетъ, или по апостолу, возглавляетъ всяческая въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ (Ефес. 1, 10) чрезъ Духа Святаго, въ св. церкви дѣйствующаго, который, по усовершеніи вѣрующихъ, переводитъ ихъ въ другой міръ, что и будетъ продолжаться до времени исполненія всѣхъ, или кончины вѣка, когда, по воскресеніи и судѣ, воздастся каждому по дѣламъ: одни ниспадутъ въ адъ, другіе вселятся въ рай, и *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ.*»

«Это—всеобъемлющая рама всего истинно-сущаго, бывающаго и имѣющаго быть. Здѣсь сокращенно все содержаніе божественнаго откровенія. Все возможное и дѣйствительное входитъ сюда и есть здѣсь. Это также содержаніе символа вѣры. Главнѣйшіе предметы здѣсь: вседержительство Божіе, домостроительство спасенія и четыре *послѣднихъ*— смерть, судъ, рай и адъ. Эти именно предметы святитель Христовъ Тихонъ заповѣдуетъ всѣмъ христіаномъ непрестанно помнить, отъ младенчества до гроба.»

Чтобы твердо установиться въ явленіяхъ новаго міра, необходимо понуждать себя «воззрѣвать на сіи предметы сколько можно чаще, съ желаніемъ непрерывнаго зрѣнія ихъ. Съ первой минуты пробужденія къ сознанію, войди внутрь и со всевозможнымъ напряженіемъ вставляй себя въ этотъ строй и порядокъ. Сначала лучше установлять взоръ на одномъ какомъ-либо предметѣ и зрѣть его, пока напечатлѣется онъ, а потомъ переходить къ другимъ. Когда переберутся всѣ, тогда и весь строй можетъ быть сознаваемъ въ одинъ мигъ. Иные распредѣляютъ это дѣланіе по днямъ, иные—по частямъ дня: напримѣръ, о смерти, послѣ обѣда,—какъ кто найдетъ удобнымъ, или къ чему сознаетъ подвижнѣйшимъ духъ свой. Только одного закона должно держаться, не перемѣнять часто, ибо это отнимаетъ у дѣланія весь плодъ.»

«Въ пособіе къ успѣшнѣйшему прохожденію сего дѣланія

и совершенству въ немъ можно взять мѣсто св. Писанія, относящееся къ тому или другому предмету, и повторять его непрестанно въ продолженіи дня или болѣе, напримѣръ: *камо пойду?--предлежитъ единою умрети, потомъ же судъ... Собираемыи себѣ гнѣвъ въ день гнѣва... Нѣсть иного имени, о немъ же подобаетъ намъ спастися,* и проч.; имѣть картину смерти, креста или суда страшнаго и поставить въ такомъ мѣстѣ, чтобы она какъ можно чаще и невольно ударяла въ глаза; избирать книги и статьи, рѣзко изображающія сіи предметы, и бесѣды, если случатся съ единомысленнымъ, вести болѣе о томъ же; чаще поминать суды Божіи невидимые и неожиданные, случаи смертные, умершихъ родныхъ и ихъ состояніе, видѣть себя на одрѣ смертномъ, смотрѣть на похороны. Все это рѣзче дѣйствуетъ на духъ человѣка, если онъ стоитъ въ этихъ предметахъ во время молитвы. При помощи Божіей, такимъ порядкомъ напечатлѣніе совершается очень быстро. Надобно только напечатлѣнный въ молитвѣ предметъ не кидать потомъ, а ходить съ нимъ, пока можно, хотя бы и нѣсколько дней, стараясь поддерживать впечатлѣніе то писаніемъ, то чтеніемъ, то бесѣдою, то другими способами.»

«Такое зрѣніе другого міра способно содержать и возгрѣвать духъ ревности тѣмъ, что доставляетъ истинное поприще для дѣйствованія ревнующему духу. «Ты—не здѣшній, говоритъ Златоустъ, а изъ другаго міра; слѣдовательно, и дѣйствовать долженъ какъ бы въ томъ мірѣ, а для того и зрѣтъ его.» Съ другой стороны, кто зритъ его, тотъ постоянно будетъ имѣть предъ глазами какъ бы норму какую и образчикъ, напоминающій, чтобы не уклониться, не сдѣлать чего-нибудь криво. Это хорошо и тогда, когда кто умомъ только зрѣлъ эти предметы. Если же кто дойдетъ до блага воспріять ихъ въ чувствѣ хоть чуть—чуть, у того они возводятъ мгновенно ревность до великаго напряженія. И что изъ этого ни было бы принято чувствомъ, оно того, кто принялъ, не допуститъ до грѣха. *Помни,* учитъ Сирахъ, *послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. Предзрѣхъ,* свидѣтельствуетъ пророкъ Давидъ, *Господа, да не подвижуся.* Макарій Великій былъ изсушенъ, какъ самъ онъ говоритъ, памятію огня геенскаго; другіе же плакали непрестанно отъ памяти смертной. И множество есть изрѣченій у св. отцевъ относительно сихъ предметовъ и относительно того, какъ сильно они напрягаютъ духъ человѣка и возгрѣваютъ ревность. Пришедшій въ чувство ихъ, зритъ себя

въ великой тѣснотѣ, а въ крайностяхъ, извѣстно, какъ бываетъ сильно напряженіе.» *)

Вступившій на путь новой жизни прежде всего долженъ устроить свою внѣшнюю обстановку по духу ея и начать подвиги добродѣтели. Все относящееся къ новому внѣшнему порядку можно назвать удаленіемъ отъ міра; но послѣднее означаетъ главнымъ образомъ не то, чтобы бѣгать человѣческаго общества, а оставить нравы, привычки и требованія, противоположныя духу Христову. Оставить міръ есть ни что иное, какъ перечистить всю свою жизнь, устранить изъ нея все страстное, замѣнить чистымъ, не мѣшающимъ развитію духовныхъ началъ, а помогающимъ ему. Лучшее и совершеннѣйшее поприще для сего путь иночества. Добродѣланіе начинается съ внѣшнихъ подвиговъ и заканчивается внутреннимъ очищеніемъ сердца. Указать необходимыя благочестивыя упражненія не трудно, стоитъ только перечитать нѣсколько житій христіанскихъ подвижниковъ. Постъ, трудъ, бдѣніе, уединеніе, молитва съ чтеніемъ Слова Божія и св. отцевъ, говѣніе съ исповѣдью и причащеніемъ, дѣла милости тѣлесной и духовной--все это въ совокупности, а иногда преимущественно въ одинѣхъ какихънибудь частяхъ, можно встрѣтить почти въ каждомъ житіи св. угодниковъ Божіихъ. Во всѣхъ подобныхъ добродѣтеляхъ подвизающійся упражнялся и на предыдущихъ ступеняхъ своего духовнаго преуспѣянія, но тутъ онѣ получаютъ высшій и совершеннѣйшій видъ, имѣютъ характеръ истиннаго подвига. Молитва нерѣдко является непрестанной, въ видѣ постояннаго предстоянія и хожденія предъ лицомъ Божіимъ; постъ простирается до совершеннаго неяденія въ теченіи продолжительнаго времени, говѣніе съ исповѣдью и причащеніемъ—до степени непрерывнаго, ежедневнаго и т. д. Преосвящ. Θеофанъ подробно указываетъ предметы и содержаніе подвиговъ какъ для тѣла, такъ и для души, даже отдѣльно для ума, сердца и воли, и не менѣе обстоятельно излагаетъ руководственныя правила къ жизненному примѣненію ихъ. Съ особенною любовью онъ останавливается на созиданіи добрыхъ настроеній сердца. Мы уже видѣли мысли святителя о воспитаніи сердца человѣка подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ христіанскаго богослуженія среди обычной, мірской обстановки. Теперь послушаемъ, что говоритъ о томъ же предметѣ въ назиданіе и руководство ищущимъ духовнаго совершенства писатель—самъ великій подвижникъ.

*) Стр. 275—280.

«Образовать сердце значитъ воспитать въ немъ вкусъ къ вещамъ святымъ, божественнымъ, духовнымъ, чтобы обращаясь среди ихъ, оно чувствовало себя какъ бы въ своей стихіи, находило въ томъ сладость, блаженство, ко всему же другому было равнодушно, не имѣло вкуса и даже болѣе—имѣло къ тому отвращеніе. Къ сердцу сходится вся духовная дѣятельность человѣка: въ немъ отпечатлѣваются истины, въ него внѣдряются и добрыя расположенія; но главное, собственное его дѣло это показанный нами вкусъ. Когда умъ зритъ все строеніе міра духовнаго и разные его предметы, или въ волѣ спѣются разныя благія начинанія,—сердце подъ ними должно во всемъ этомъ ощущать сладость и издавать теплоту. Это соуслажденіе духовному есть первый признакъ оживленія умершей души отъ грѣха. Потому образованіе его—очень важный моментъ даже въ начаткахъ.»

«Дѣланіе, направленное къ нему, есть все вообще наше священнослуженіе во всѣхъ его видахъ—и общее и частное, и домашнее и церковное, а главнымъ образомъ—движущійся въ немъ духъ молитвенный.»

«Священнослуженіе, т. е. всѣ дневныя службы, со всѣмъ устроеніемъ храма, иконами, свѣчами, кажденіемъ, пѣніемъ, чтеніемъ, дѣйствованіемъ, а также службы на разныя потребы, потомъ служеніе домашнее, тоже съ вещами церковными—освященными иконами, елеемъ, свѣчами, водою святою, крестомъ, ладономъ—вся эта совокупность вещей священныхъ, дѣйствующая на всѣ чувства— зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ—суть оттиратели чувствъ у омертвѣлой души, сильные и единственно—вѣрные. Душа омертвѣла отъ духа міра, обдающаго ее чрезъ живущій въ ней грѣхъ. Все строеніе церковнослуженія нашего и своимъ строеніемъ, и значеніемъ, и силою вѣры, и особенно сокрытою въ немъ благодатію—имѣетъ неопреодолимую силу отвѣвать духъ міра и, освобождая душу отъ его тяготѣющаго вліянія, даетъ возможность вздохнуть какъ бы свободно и вкусить сладость этой духовной свободы. Вступившій въ храмъ вступаетъ совсѣмъ въ другой міръ, вліяется отъ него и соотвѣтственно тому измѣняется. Тоже бываетъ и съ тѣмъ, кто окружаетъ себя священными вещами. Частость впечатлѣнія духовнаго спѣшнѣе проникаетъ внутрь и скорѣе оканчиваетъ преобразованіе сердца. Итакъ:

1) Слѣдуетъ учредить возможно—частое пребываніе въ храмахъ на церковныхъ службахъ и обыкновенно на утренѣ,

литургіи, вечернѣ. Имѣть стремленіе къ тому и, при первой возможности, быть тамъ каждодневно и хоть однажды, а если можно, даже безвыходно. Нашъ храмъ есть рай на землѣ или небо. Спѣши въ храмъ по вѣрѣ, что онъ—мѣсто селенія Божія, гдѣ Онъ самъ обѣщалъ скорѣе услышать; пребывая въ храмѣ, будь, какъ предъ Богомъ, въ страхѣ и благоговѣніи, которыя вырази терпѣливымъ стояніемъ, поклонами, вниманіемъ къ слушанію вообще, безъ расхищенія мыслей, ослабленія и небрежности.

2) Слѣдуетъ не забывать и другихъ священнослуженій, частныхъ, въ храмѣ ли то, или въ домѣ совершаемыхъ, а равно и своего домашняго молитвованія со всѣмъ церковнымъ устроеніемъ. Должно помнить, что это есть только дополненіе нѣкое служенія церковнаго, а не замѣна его. Апостолъ, заповѣдуя не лишать себя собраній, давалъ знать, что вся сила служенія принадлежитъ служенію общему.

3) Слѣдуетъ совершать всѣ церковныя торжества, обряды и обычаи, вообще весь уставъ, и обложить себя имъ во всѣхъ исходищахъ, такъ чтобы постоянно пребывать какъ бы въ нѣкоторой особой атмосферѣ. Это сдѣлать легко. Таково устроеніе нашей церкви. Прими только съ вѣрою.»

«Но главнымъ образомъ, что даетъ силу церковному служенію, это—молитвенный духъ. Молитва—это есть какъ обязанность всеобъемлющая, такъ и средство вседѣйственное. Ею и истины вѣры напечатлѣваются въ умѣ, и добрые нравы—въ волѣ; но преимущественно оживляется сердце въ чувствахъ своихъ. Тогда только спѣшно идутъ и первые два, когда есть это одно. Потому образованіе молитвы должно быть начато прежде всего и продолжаемо постоянно, неутомимо, пока не дастъ Господь молитву молящемуся.» *)

Труды добродѣланія требуютъ непрерывнаго напряженнаго усилія. Подвизающійся часто ослабѣваетъ и нуждается въ возбужденіи и обновленіи духовной жизни, въ питаніи и подкрѣпленіи своихъ нравственныхъ силъ. Лучшимъ средствомъ къ тому является учрежденіе говѣнія со всѣми его принадлежностями, съ исповѣдью и причащеніемъ тѣла и крови Господа, и истинные подвижники не пропускаютъ случая пользоваться имъ, восходя нерѣдко до непрерывнаго говѣнія. Ревнующимъ о непрестанномъ очищеніи своей совѣсти и духовномъ обновленіи спасительными таинствами покаянія и причащенія необходимо:

*) Стр. 306—309.

«1) Всякій грѣхъ, тяготящій совѣсть, спѣшить очистить покаяніемъ, не ожидая опредѣленнаго времени говѣнія. Хорошо и дня одного не держать его на душѣ, а еще лучше ни часа, ибо грѣхъ отгоняетъ благодать, лишаетъ дерзновенія и молитвы, черствитъ и охлаждаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе держится. Изверженный же черезъ покаяніе оставляетъ умиляющую росу слезъ.

2) Всякій день, отходя ко сну, творить частную исповѣдь ко Господу, въ коей все грѣховное—въ помыслахъ пожеланіяхъ, движеніяхъ страстныхъ, равно все нечистое въ дѣлахъ правыхъ открывается Богу, въ чувствѣ покаянія, какъ такое, что хоть и противъ будто бы воли творится, однако же есть въ насъ и дѣлаетъ насъ нечистыми и непотребными передъ Богомъ и собственнымъ чувствомъ чистоты и совершенства. Ложась спать, отходишь какъ бы на тотъ свѣтъ, исповѣдь приготовляетъ къ тому. Во время сна стяжанное днемъ обращается въ природу нашу,—должно перечистить его и непотребное отвергнуть съ сокрушеніемъ; чисто все за тѣмъ бываетъ.

3) Творить ежеминутно исповѣдь, то-есть всякій помыселъ, всякое пожеланіе, чувство и движеніе порочное и нечистое тотчасъ, по сознаніи исповѣдать Богу всевидящему, съ сокрушеніемъ духа, и просить въ томъ прощенія и силы избѣжать впредь; равно какъ и очиститься въ эту минуту отъ скверны. Это дѣланіе весьма спасительно. Оно то же, что протирать глаза, идя противъ пыли; оно требуетъ строгаго вниманія сердца. Собранный же уже всегда усерденъ и ревностенъ. Напротивъ, оставляя помыслы и пожеланія неизверженными сокрушеніемъ и покаяніемъ, рану оставляютъ въ сердцѣ. А сколько бываетъ незамѣченныхъ ранъ, сколько приражений! Не диво, послѣ сего, охлажденіе и паденіе. Помыслъ къ помыслу легче родитъ пожеланіе, пожеланіе къ пожеланію—согласіе, а тамъ ужъ и прелюбодѣйство внутреннее и паденіе. Непрестанно же кающійся все возочищаетъ себя и расчищаетъ себѣ дорогу.

4) Имѣть откровеніе, то-есть, всякое недоумѣніе, смущеніе или новое разумѣніе свое открывать другому единомысленному, или отцу своему духовному съ тѣмъ, чтобы тотъ рѣшалъ и опредѣлялъ достоинство и произносилъ судъ.

5) Бывать, сколько возможно чаще, на литургіи и, во время ея совершенія стоять въ крѣпкой и свѣтлой вѣрѣ въ совершаемую тогда жертву Божію. Таинство тѣла и крови есть божественная для христіанъ пища и есть жертва. Причащаются

на литургіи не всѣ и не всегда, но жертва приносится отъ всѣхъ и за всѣхъ. Всѣ потому и должны участвовать въ ней. Участвуютъ же вѣрою, болѣзненнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, самоуничиженнымъ припаденіемъ ко Господу, жрущему Себя, какъ агнца, за животъ міра. Одно живое созерцаніе сего таинства сильно оживляетъ и возбуждаетъ духъ. Вѣра же и сокрушеніе всегда приносятъ очищеніе грѣховъ, а не рѣдко и сокровенное прикосновеніе Господа къ сердцу христіанина, услаждающее его и оживляющее, какъ бы причащеніе въ духѣ..

6) Если нельзя быть въ храмѣ, то не пропусти часа священной и божественной жертвы безъ воздыханія и обращенія къ Богу; если можно, стань на молитву и сотвори нѣсколько поклоновъ. Что-либо страшное въ природѣ заставляетъ содрагаться всю тварь: громъ, напримѣръ, сотрясеніе земли, буря. Въ минуту божественной жертвы, въ храмѣ совершается дѣло страшнѣйшее, величайшее на землѣ и на небѣ; но совершается невидимо, духовно, предъ лицомъ безпредѣльнаго Бога Тріединаго, св. ангеловъ, всего сонма небесной церкви, предъ окомъ вѣры всѣхъ подвизающихся и живущихъ на землѣ,— невидимо, тѣмъ не менѣе, однако-же, дѣйствительно. Потому-то вѣрующему не должно пропускать этихъ минутъ безъ вниманія. Но когда онѣ помнятся, то самымъ этимъ памятованіемъ разогрѣвается духъ и восхищается къ Богу, чѣмъ и привлекается благодать.»

«Съ самаго начала христіанства, истинные ревнители благочестія поставляли первымъ благомъ частое пріобщеніе. При апостолахъ оно всюду: христіане всѣ пребываютъ въ молитвахъ и ломленіи хлѣба, то-есть причащаются. Василій Великій, въ посланіи своемъ къ Кесарію, говоритъ, что спасительно причащаться тѣла и крови на всякъ день, а о своемъ житіи пишетъ: «мы причащаемся четыре раза въ недѣлю.» И это общее мнѣніе всѣхъ святыхъ, что нѣтъ спасенія безъ причащенія, и нѣтъ преспѣянія въ жизни безъ частаго причащенія.» *)

Однако нельзя ограничиться одною положительною дѣятельностью на пути къ полному нравственному совершенству. Въ тѣсной и неразрывной связи съ нею всегда идетъ напряженная отрицательная работа, направленная къ изгнанію внутренняго зла, выражающяя въ борьбѣ «со страстьми и похотьми.» Самый навыкъ и устойчивость въ подвигахъ достигается чрезъ эту борьбу и брань, пріобрѣтается только послѣ

*) Стр. 332—336.

побѣды искушеній и соблазновъ. Теперь подвижникъ проходитъ самый трудный и высшій моментъ—сокровеннѣйшее въ глубинѣ его духа самоочищеніе отъ внутреннихъ враговъ. Мы уже видѣли, какъ многочисленны и сильны эти враги и сильнѣйшіе между ними—страсти. Онѣ связываютъ человѣка какъ плѣнника, иногда такъ порабощаютъ его, что онъ теряетъ образъ и подобіе Божіе и нисходитъ до степени животнаго. Подверженный страстямъ не можетъ и начать духовной жизни, ибо страсти убиваютъ всякое сѣмя и ростокъ ея. Потому и необходимо всѣми силами вооружиться на упорную борьбу съ этими опаснѣйшими врагами. Можно указать слѣдующія правила внутренней брани: «Замѣтивъ приближеніе врага—начинающееся возбужденіе или помысла, или страсти, или наклонности, первѣе всего спѣши сознать, что это врагъ. Для сознанія въ страстномъ врага не требуется большая головоломная работа. Довольно возстановить убѣжденіе, что ко всему страстному не благоволитъ Богъ. Великая ошибка, и ошибка всеобщая—почитать все, возникающее въ насъ, кровною собственностію, за которую должно стоять какъ за себя. Все грѣховное есть пришлое къ намъ; потому его всегда должно отдѣлять отъ себя, иначе мы будемъ имѣть измѣнника въ себѣ самихъ. Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ. Отдѣливъ отъ себя извѣстное порочное движеніе и сознавъ его врагомъ, передай потомъ это сознаніе и чувству, возроди въ сердцѣ непріязнь къ нему. Это—самое спасительное средство къ прогнанію грѣха. Всякое грѣховное движеніе держится въ душѣ чрезъ ощущеніе нѣкоторой пріятности отъ него; потому, когда возбуждена непріязнь къ нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою изчезаетъ. И вотъ гдѣ позволителенъ и благопотребенъ гнѣвъ. У всѣхъ св. отцевъ нахожу, что гнѣвъ на то и данъ, чтобы имъ вооружаться на страстныя грѣшныя движенія сердца и прогонять ихъ. Впрочемъ, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гнѣвомъ помыслы, труднѣе—желанія, но еще труднѣе—страсти, ибо онѣ и сами суть сердечныя движенія. Когда это не помогаетъ и врагъ не уступаетъ такимъ образомъ побѣды безъ сраженія,—мужественно, но безъ самовозношенія и самонадѣянности, вступай въ борьбу. Началась брань,—храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающимъ движеніямъ до чувства, встрѣчай ихъ у самаго входа въ душу и старайся поразить здѣсь. А для сего спѣши возставить въ

душѣ убѣжденія, противоположныя тѣмъ, на коихъ держится смущающій помыселъ. Такія противоубѣжденія суть въ мысленной брани не только щитъ, но и стрѣлы,—защищаютъ сердце твое и поражаютъ врага въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ въ томъ и будетъ состоять брань, что возникшій грѣхъ будетъ постоянно отражаться мыслями и представленіями противоположными. Время продолженія ея зависитъ отъ многоразличныхъ обстоятельствъ, кои опредѣлить совершенно невозможно. Не должно только ослабѣвать и сколько-нибудь, даже въ мысли, склоняться на сторону врага. Врага должно преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока и слѣдовъ его не останется; иначе даже простой помыслъ, оставленный въ сердцѣ, какъ злое сѣмя, принесетъ свой плодъ, въ непримѣтномъ склоненіи къ себѣ души.» *)

Впрочемъ далеко не всегда подвизающійся можетъ разсчитывать на успѣхъ въ этой внутренней войнѣ. Она ведется обычно съ перемѣннымъ счастьемъ. Иногда приходится переживать такіе трудные, критическіе моменты, когда человѣкъ совершенно изнемогаетъ, теряетъ подъ собою почву и готовъ впасть въ отчаяніе. Тогда-то онъ ясно сознаетъ недостаточность своихъ силъ и нужду въ сторонней помощи. И эта помощь приходитъ къ нему со стороны тойже спасающей благодати, которая раньше возбудила его отъ сна грѣховнаго и указала новый путь жизни. Духъ нашъ тогда является только поприщемъ и органомъ брани, силою же побѣдительною и разрушительною бываетъ благодать Божія. Борющійся съ воплемъ повергаетъ себя Господу, жалуясь на враговъ и ненавидя ихъ, и божественная благодать въ немъ и чрезъ него поражаетъ и изгоняетъ ихъ.

«Брань кончена. Благодари Господа за избавленіе отъ пораженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости спасенія, не попускай безпечности, не ослабляя ревности,—врагъ часто притворяется только побѣжденнымъ, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаяннымъ нападеніемъ тѣмъ легче поразить тебя. Потому не снимай бранныхъ оружій и не забывай предохранительныхъ правилъ. Будь всегда бодрымъ и бдительнымъ воиномъ. Сядь лучше и разчисли добычу; осмотри весь ходъ брани—ея начало, продолженіе и, наконецъ, что подало поводъ къ ней, что особенно усиливало и что положило ей конецъ. Это будетъ своего рода данъ съ побѣжденныхъ, которая чрезвычайно облегчитъ будущія побѣды надъ ними; такъ

*) Стр. 354—358.

стяжавается, наконецъ, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о побѣдѣ. Тщеславіе, котораго при семъ избѣжать нельзя, отворитъ двери душевнаго укрѣпленія и послѣ побѣды надъ однимъ врагомъ должно будетъ сражаться съ цѣлою ихъ толпою. Если же и пораженъ будешь,—сокрушайся, но не бѣгай отъ Бога, не упорствуй; спѣши умягчить сердце и довесть его до раскаянія. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, возставать. Бѣгущій спѣшно, если и спотыкнется на что, спѣшно встаетъ и опять устремляется по пути къ цѣли,—подражай ему. Господь нашъ подобенъ матери, которая ведетъ дитя за руку и не покидаетъ его, хотя бы оно очень часто спотыкалось и падало. Лучше, вмѣсто бездѣйственнаго уныія, ободрись къ новымъ подвигамъ, извлекши изъ настоящаго паденія урокъ смиренія и осмотрительности, чтобы не ходить тамъ, гдѣ скользко и гдѣ нельзя не падать. Если не изгладишь грѣха искреннимъ раскаяніемъ, то, получивъ нѣкоторую въ тебѣ крѣпость, онъ неминуемо повлечетъ тебя, внизъ на дно грѣшнаго моря. Грѣхъ возобладаетъ тобою и тебѣ опять нужно будетъ начинать съ первой брани; но, Богъ знаетъ, будетъ ли возможно это. Можетъ быть, предавшись теперь грѣху, ты перейдешъ черту обращенія; можетъ-быть, послѣ уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце: можетъ-быть, даже тебѣ не будетъ дарована и благодать. Тогда еще здѣсь ты будешъ принадлежать къ числу осужденныхъ на вѣчное мученіе.» *)

За свои усиленные духовные труды подвижникъ удостоивается высшей, возможной для человѣка на землѣ награды — ощущенія близости Божества и сладости богоугодной жизни, и тогда онъ вступаетъ на истинный путь восхожденія къ живому богообщенію. Послѣдній, рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи, самое преддверіе его есть отложеніе всякаго житейскаго попеченія о себѣ и мірѣ и совершенное преданіе волѣ Божіей. Тогда благодать Божія освящаетъ все существо человѣка и Господь вселяется въ него, начинается живое и дѣйствительное богообщеніе при полномъ сліяніи божественныхъ и человѣческихъ началъ жизни, когда подвижникъ по справедливости можетъ сказать о себѣ вмѣстѣ съ апостоломъ: «живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христъ.» Истинная сфера и поприще этого неземного состоянія есть непрестанная умная молитва. «Стремленіе къ Богу—цѣль. Но сначала оно—лишь

*) Стр. 362.

въ намѣреніи, искомое. Должно сдѣлать его дѣйствительнымъ, живымъ, какъ естественное тяготѣніе, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготѣніе и показываетъ, что мы—въ своемъ чинѣ, что Богъ воспріемлетъ насъ, что мы идемъ къ Нему. Когда желѣзо тянется къ магниту, это значитъ, что прикасается къ нему сила магнитная; то же и въ духовномъ отношеніи: тогда только и видно, что Богъ касается насъ, когда это есть живое стремленіе,—когда духъ, минуя все, устремляется къ Богу, восхищается. Сначала не бываетъ этого,—человѣкъ ревнующій весь обращенъ на себя, хоть и для Бога; но это воззрѣніе на Бога есть только мысленное. Еще Господь не даетъ вкусить Себя, да и человѣкъ неспособенъ, потому что нечистъ. Онъ служитъ Богу, такъ сказать, безвкусно. Потомъ, по мѣрѣ очищенія и исправленія сердца начинаетъ ощущать сладость въ богоугодной жизни, съ любовью и охотою ходить въ ней,—она становится его услаждающею стихіею. Душа начинаетъ отрываться отъ всего, какъ отъ холода, и тяготѣетъ къ Богу, согрѣвающему ее. Полагаются начатки сего тяготѣнія въ духѣ ревнующемъ божественною благодатію. Ея же наитіями и руководствомъ и зрѣетъ оно среди указаннаго порядка, коимъ питается даже безъ вѣдома самого дѣйствователя. Знаменіе сего рожденія суть: охотное, тихое, не напряженное внутрь—пребываніе предъ Богомъ, сопровождаемое чувствомъ благоговѣнія, страха, радости и т. п. Прежде внутрь себя втѣснялъ себя духъ, а теперь самъ устанавливается тамъ и стоитъ неисходно. Ему радостно быть тамъ одному съ Богомъ въ удаленіи отъ другихъ, или безъ вниманія ко всему внѣшнему. Онъ обрѣтаетъ внутрь себя царство Божіе, которое есть *миръ и радость о Дух Святѣ*. Такое погруженіе внутрь, или погруженіе въ Бога, называется умнымъ безмолвіемъ или восхищеніемъ къ Богу. Бываетъ оно преходящимъ, но должно сдѣлать его постояннымъ, потому что въ этомъ—цѣль. Богъ въ насъ, когда духъ нашъ въ Богѣ истинно, ибо это есть не мысленное общеніе, а живое, безмолвное, отчужденное отъ всего, погруженіе въ Бога. Какъ лучъ солнца уноситъ каплю росы, такъ и Господь восхищаетъ духъ, прикасаясь къ нему. *Взя ми духъ*, говоритъ пророкъ. Многіе изъ святыхъ бывали постоянно въ восхищеніи къ Богу, а на иныхъ духъ нападалъ временно, но часто. Такъ и зачинается, и зрѣетъ, и совершенствуется такое тяготѣніе, или вступленіе въ Бога, божественною благодатію въ томъ, кто ищетъ Бога искренно, добросовѣстно, усердно.»

«Существенное условіе для сего есть очищеніе сердца для принятія влекущаго Бога: *чистіи сердцемъ Бога узрятъ.*»

«Рѣшительный же шагъ въ восхожденіи къ Богу, самое предверіе богообщенія есть совершенное преданіе Ему себя, послѣ коего Онъ уже есть дѣйствуяй, а не человѣкъ. Въ чемъ вся сила, или чего мы ищемъ?—Богообщенія, того, то-есть, чтобы Богъ вселился въ насъ и началъ ходить въ насъ, облекся какъ бы въ нашъ духъ, правилъ и его разумомъ, и волею, и чувствомъ, чтобъ и *еже хотѣти и еже дѣяти въ насъ* было бы его дѣломъ, чтобъ Онъ былъ дѣйствуяй все во всемъ, а мы сдѣлались бы орудіями Его, или дѣемыми отъ Него, и въ помышленіяхъ, и хотѣніяхъ, и чувствахъ, и словахъ, и дѣлахъ. Этого ищетъ Господь, владыка всяческихъ, ибо Онъ одинъ все въ тваряхъ дѣлаетъ чрезъ твари же. Того же долженъ искать и понявшій себя духъ.»

«Условіе къ сему боговселенію въ насъ и воцаренію, или пріятію вседѣйствія, есть отреченіе отъ своей свободы. Свободная тварь, по своему сознанію и опредѣленію, дѣйствуетъ сама отъ себя: по этому не должно быть такъ. Въ царствѣ Божіемъ не долженъ быть кто дѣйствующій самъ, но чтобы во всемъ дѣйствовалъ Богъ; а этого не будетъ, пока свобода сама стоитъ,—она отрицаетъ и отвергаетъ силу Божію. И тогда только прекратится это управство противъ силы Божіей, когда падетъ предъ Нимъ наша свобода, или самостоятельная и самоличная дѣятельность, когда въ человѣкѣ произносится рѣшительное прошеніе: «Ты Господи, твори во мнѣ, что хощешь, а я и слѣпъ и слабъ.»

«Въ этотъ-то моментъ вступаетъ сила Божія въ духъ человѣка и начинаетъ вседѣйствіе свое. И такъ, условіе боговселенія въ насъ есть рѣшительное преданіе Ему себя.» Полное преданіе человѣка Божественной волѣ есть актъ невидимый, внутреннѣйшій и сокровеннѣйшій, но онъ нерѣдко обнаруживается и во внѣшней дѣятельности. Раздаяніе всего имѣнія, преданіе себя всеобщему поруганію (въ юродствѣ), затворъ, пустынничество—вотъ болѣе часто наблюдаемыя проявленія его. Это такіе повороты жизни, послѣ которыхъ некуда болѣе обращаться, какъ къ Господу. Такъ подвизающіеся прямо повергаютъ себя въ руки Божіи и Имъ пріемлются.

«Предавшій себя Богу, или удостоившійся сего дара, начинаетъ быть дѣйствуемый отъ Бога и пребывать въ Немъ. Человѣкъ повергаетъ себя Богу, и Богъ вземлетъ его и дѣй-

ствуетъ въ немъ, или его силами. Въ этомъ—жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающій себя въ руки Божія пріемлется отъ Бога и дѣйствуетъ тѣмъ, что пріемлетъ. Это—живой союзъ, жизнь въ Богѣ, утвержденіе въ Немъ всѣмъ существомъ: мыслію, сердцемъ, волею. Поприще богообщенія, область, въ коей оно образуется и дѣйствуетъ, есть умная, духовная молитва... Молящійся пребываетъ въ Богѣ и, слѣдовательно, очень готовъ и способенъ къ тому, чтобъ и Богъ сталъ пребывать въ немъ.» *)

Живое богообщеніе совершается въ состояніи безмолвія, приводящаго и заканчивающагося высшею христіанскою добродѣтелью—безстрастіемъ.

«У кого начали появляться эти невольныя влеченія внутрь и эти восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непрестанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступить въ безмолвіе. Только онъ и силенъ вынесть этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержать такого въ общежитіи и сожительствѣ съ другими невозможно.

Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣніе внутрь предъ Богомъ. «Люблю васъ, говорилъ онъ, но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми.»—«Истинный безмолвникъ, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, не желая лишиться сладости Божіей, такъ удаляется отъ всѣхъ людей, безъ ненависти къ нимъ, какъ усердно другіе съ нимъ сближаются.»

«Выписываемъ нужное къ понятію о безмолвіи изъ 27 слова «Лѣствицы.»

«Есть безмолвіе внѣшнее, когда кто, отъ всѣхъ отдѣлившись, живетъ одинъ; и есть безмолвіе внутреннее, когда кто въ духѣ одинъ съ Богомъ пребываетъ не напряженно, а свободно, какъ свободно грудь дышетъ, а глазъ видитъ. Они совмѣстны, но первому безъ послѣдняго нельзя быть. Посему собственно безмолвникъ тотъ, кто существо безтѣлесное, душу свою усиливается удерживать въ предѣлахъ тѣлеснаго дома. Пусть келія безмолвника заключаетъ въ себѣ тѣло его, а сіе послѣднее имѣетъ въ себѣ храмину разума.»

«На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей. Недугующій душевною страстію и покушающійся на безмолвіе подобенъ тому, кто соскочилъ съ

*) Стр. 377—384.

корабля въ пучину и думаетъ безбѣдно достигнуть берега на доскѣ.»

«Вкусившій сладости Божіей стремится на безмолвіе, чтобы ненасытно насыщаться имъ, безъ всякихъ препонъ, и непрестанно порождать въ себѣ огнь огнемъ, раченіе раченіемъ и вожделѣніе вожделѣніемъ. Посему безмолвникъ есть земной образъ ангела; на хартіи вожделѣнія, рукописаніемъ тщанія, освободилъ онъ молитву свою отъ лѣности и нерадѣнія... Безмолвникъ—тотъ, кто духодвижно вопіетъ: *готово сердце мое, Боже!* Безмолвникъ—тотъ, кто говоритъ: *азъ сплю,* а сердце мое бдитъ.»

«Такимъ образомъ, все занятіе безмолвника—быть съ Единымъ Господомъ, съ Коимъ и бесѣдуетъ онъ лицомъ къ лицу, какъ любимцы царя говорятъ ему на ухо.»

«Возлюбившіе блаженное безмолвіе проходятъ дѣланія умныхъ силъ и подражаютъ образу ихъ жизни. Не насытятся они во вѣки вѣковъ, восхваляя Творца: такъ и вошедшій на небо безмолвія не насытится, воспѣвая Создателя.»

«Но ни молитвы безлѣпостной, ни храненія сердца неокрадомаго нельзя возымѣть, если не утвердилось напередъ въ сердцѣ совершенное безпопеченіе. Нельзя съ разумомъ проходить первыхъ двухъ, кто не пріобрѣлъ послѣдняго, подобно тому, какъ не выучивши буквъ, нельзя читать. «Малый волосъ смущаетъ око и малое попеченіе губитъ безмолвіе.» «Кто желаетъ представить Богу чистый умъ и смущаетъ себя попеченіями, тотъ подобенъ крѣпко сковавшему свои ноги и покушающемуся скоро идти. Посему истинное безмолвіе и начинается по преданіи себя Богу и глубокомъ увѣрованіи сердца въ Его о насъ попеченіе.»

«Гореніе духа отъ Божія прикосновенія окончательно очищаетъ человѣка и возводитъ его въ состояніе безстрастія. Въ этомъ огнѣ переплавляется естество наше, какъ металлъ неочищенный въ горнилѣ, и является сіяющимъ небесной чистотою, дѣлающимъ его готовымъ Богу жилищемъ.»

«Безстрастіе есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла.»

«Воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно когда произойдетъ новый человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ.* (Іезек. 36, 26).»

«Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти, сталъ нечувствителенъ такъ, что они ника-

кого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ очами его. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище—и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію.»

«Кто сподобился быть въ семъ устроеніи, тотъ еще здѣсь обложенный бренною плотію, бываетъ храмомъ живаго Бога, который руководствуетъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ; и онъ, по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слышалъ нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго человѣческаго ученія, говоритъ: *когда пріиду и явлюся лицу Божію,*—ибо не могу болѣе сносить дѣйствій его вожделѣнія, но ищу той безсмертной доброты, которую Ты даровалъ мнѣ прежде, нежели я впалъ въ тлѣніе. Безстрастный не къ тому живетъ себѣ, но живетъ въ немъ Христосъ (Галт. 2, 20), какъ сказалъ подвигомъ добрымъ подвизавшійся, теченіе скончавшій и вѣру православную соблюдшій.»

«Безстрастіе есть небесная палата небеснаго Царя. Таковы суть храмъ Божій (I Кор. 3, 16), и духъ Божій живетъ въ нихъ (Рим. 8, 9).»

«Достигшіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть тоже, что состояніе апостоловъ, потому что и они во всемъ познаютъ волю Божію, слыша какъ бы нѣкій гласъ, и они, совершенно соединивъ чувства свои съ Богомъ, тайно научаются отъ Него словамъ Его. Знаменуется такое состояніе пламенемъ любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостовѣряютъ: *кто ны разлучитъ?*»

«Такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходятъ его съ разумомъ, но не всѣ безмолвники оставляются Богомъ въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе безстрастія и чрезъ то удостоивающіеся преискренняго богообщенія и боговселенія изводятся оттуда на служеніе ищущимъ спасенія и служатъ имъ, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ его безмолвіи, изведшій его на труды руководства другихъ на пути спасенія,—и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими.»

«Выше сего стоянія апостольскаго мы не знамъ на землѣ.» *)

Таковъ идеалъ истинно христіанской жизни по ученію преосвящ. Ѳеофана. Присмотримся же къ личности писателя

*) Стр. 385.

съ точки зрѣнія нарисованнаго имъ идеала. Мы уже сказали, что путь нравственнаго совершенства, изображенный въ книжной теоріи, въ дѣйствительности былъ пройденъ самимъ подвижникомъ, особенно въ его пустынныхъ трудахъ и подвигахъ. Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ съ одной стороны самое содержаніе «Пути ко спасенію,» а съ другой стороны всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о жизни святителя въ затворѣ. Вся книга носитъ на себѣ ясные слѣды богато одаренной и глубоко оригинальной личности автора. За каждою фразою ея скрывается духовный опытъ писателя. Изображенныхъ внутреннихъ явленій съ чужой жизни и съ чужихъ словъ никакимъ образомъ нельзя ни указать, ни разъяснить. Они настолько субъективны, что даже затруднительны для передачи сторонею рѣчью. Чтобы имѣть истинное представленіе о высокомъ достоинствѣ книги, необходимо перечитать и пережить ее самому. Все описанное здѣсь глубоко убѣдительно именно потому, что является плодомъ внутренняго опыта. И это неизмѣнное впечатлѣніе каждаго читателя. Также и всѣ извѣстныя намъ свидѣтельства о жизни святителя въ затворѣ единогласно говорятъ, что она была истинно подвижническая. Молитва и богомысліе были постояннымъ, господствующимъ настроеніемъ духа отшельника; напряженный умственный трудъ въ видѣ писанія духовныхъ сочиненій и физическія упражненія въ качествѣ рукодѣлій чередовались между собою въ теченіи дня. Въ затворѣ же ярко просіяли и другія великія добродѣтели подвижника—полная нестяжательность, безпредѣльная любовь и милосердіе къ ближнимъ, совершенное постничество и при всемъ этомъ глубочайшее, истинно евангельское смиреніе.

Поселившись въ Вышенской пустыни, преосв. Ѳеофанъ въ началѣ не имѣлъ мысли о затворѣ и полномъ прекращеніи сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Напротивъ, на первыхъ порахъ онъ намѣренъ былъ жить полною жизнью обители. Онъ нѣкоторое время *) участвовалъ въ управленіи монастыремъ, въ теченіи шести лѣтъ посѣщалъ монастырскіе храмы и по праздникамъ совершалъ богослуженіе, принималъ посѣтителей и пр. Святитель тѣмъ охотнѣе раздѣлялъ жизнь обители, что нашелъ въ ней прекрасные порядки, соотвѣтствовавшіе его аскетическимъ наклонностямъ. Благоустройство и монастырская тишина подѣйствовали очень благотворно на душевное состояніе подвижника, и онъ совершенно успокоился отъ жизненныхъ

*) Нѣсколько мѣсяцевъ.

треволненій, неизбѣжно связанныхъ со службою епархіальнаго архіерея. Нашлись минуты досуга, появилась даже скука. Конечно, трудно было на первыхъ порахъ совершенно отрѣшиться отъ міра и были сильныя искушенія къ возвращенію въ него. Тогда-то возникла мысль снова занять каѳедру. Но это были только временныя, преходящія состоянія, неизбѣжная дань обычной слабости человѣческой природы предъ полною побѣдою надъ нею. Идеальныя стремленія долга скоро одержали верхъ и колебанія смѣнились настроеніями совсѣмъ иного рода. Когда въ 1875 г. изъ Кіева было сдѣлано предложеніе святителю опять вернуться на епархіальную службу, то въ отвѣтномъ письмѣ уже слышится твердый тонъ рѣшимости не оставлять своего *покоя:* «писать—это служба церкви или нѣтъ? Если служба,—подручная, а между тѣмъ церкви нужная; то на что же искать или желать другой?» Какъ ни мало удѣлялъ времена преосвящ. Ѳеофанъ на сношенія съ внѣшнимъ міромъ и вчастности на пріемъ посѣтителей, но все же это отвлекало его отъ главнаго дѣла, ради котораго онъ пришелъ на Вышу. Онъ ясно увидѣлъ, что то и другое не совмѣстимы. И тогда явилась мысль о полномъ затворѣ, которая, впрочемъ, осуществилась не вдругъ. На подобный великій подвигъ нельзя было рѣшиться безъ надлежащей подготовки и предварительныхъ опытовъ, и послѣдніе были сдѣланы. Сначала святитель провелъ въ строгомъ уединеніи св. черыдесятницу и опытъ былъ удачнымъ. Потомъ онъ уединился на болѣе продолжительное время—на цѣлый годъ и послѣ того принялъ одного пріѣзжаго инока. Послѣднее оказалось совсѣмъ неудобнымъ; и тогда уже безповоротно былъ рѣшенъ вопросъ о полномъ затворѣ. Въ 1872 году послѣ праздника св. пасхи подвижникъ, раздавъ все свое имущество бѣднымъ, окончательно прервалъ всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, исключая письменныхъ. Кромѣ слуги—келейника къ нему имѣлъ доступъ только настоятель обители архим. Аркадій, который является въ настоящее время единственнымъ свидѣтелемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ явленія въ исторіи русской церкви послѣдняго времени.

Время затвора есть важнѣйшій періодъ, можно сказать, центръ жизни преосв. Ѳеофана, ибо тогда по преимуществу явились во всей силѣ его великіе труды и подвиги и прежде всего подвигъ молитвенный.

Въ сознаніи святителя, какъ было уже замѣчено, самое понятіе о затворѣ неразрывно сливалось съ мыслію о непре-

станномъ молитвенномъ общеніи съ Богомъ. И дѣйствительно, подвижникъ является великимъ христіанскимъ молитвенникомъ. Молитва была самою существенною потребностію его духа, истиннымъ дыханіемъ жизни. Молитвенный подвигъ видимымъ образомъ выражался въ неуклонномъ ежедневномъ совершеніи правилъ какъ частнаго, келейнаго молитвословія, такъ и церковнаго. Въ первые шесть лѣтъ своего пребыванія на Вышѣ преосвященный неопустительно присутствовалъ за всѣми службами въ монастырскомъ храмѣ, а по окончательномъ затворѣ отправлялъ ихъ въ своей домовой церкви. Въ послѣдніе 11 лѣтъ каждый день начиналъ божественною литургіею, которую совершалъ молча по служебнику одинъ, «въ сослуженіи ангеловъ,» а иногда и пѣлъ. Въ теченіе дня въ свое время вычитывалъ по церковнымъ книгамъ и другія службы, а когда этого не могъ исполнить, то замѣнялъ ихъ краткою молитвою Іисусовой. Совершеніе богослуженія и даже самое стояніе святителя въ храмѣ было по истинѣ поучительно и назидательно. Когда онъ священнодѣйствовалъ самъ, то своимъ благоговѣніемъ вселялъ глубокое благоговѣніе и въ служащихъ и въ присутствующихъ при богослуженіи. «Едвали кто изъ насъ, иноковъ Вышенскихъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, когда-либо слышалъ во св. алтарѣ какое стороннее слово изъ устъ святителя Ѳеофана, кромѣ послѣдованія богослужебнаго. И поученій онъ не говорилъ, но самое служеніе его предъ престоломъ Божіимъ было живымъ поученіемъ для всѣхъ. «Преосвященный былъ олицетворенное благоговѣніе, Божій страхъ, полнѣйшая въ себѣ собранность. Лице его, по мѣрѣ приближенія къ главнымъ моментамъ священнослуженія, дѣлалось свѣтлѣе и червленѣлось отъ внутренняго вкушенія благодати Господней. По причащеніи св. таинъ, онъ всецѣло проникался миромъ внутреннимъ Христовымъ, облекался кротостію и смиреніемъ, сообщая это свое внутреннее настроеніе всѣмъ не только сослуживцамъ съ нимъ и прочимъ инокамъ обители, но и постороннимъ богомольцамъ. Бывало среди вѣрующаго простаго народа только и слышны сердечные вздохи умиленія и возгласы: «Господи помилуй!»*) Равнымъ образомъ и когда онъ не служилъ самъ, а лишь посѣщалъ богослуженіе въ храмѣ обители, и тогда его молитва была въ высшей степени поучительна. Святитель очи свои закрывалъ ради собранности ума и сердца и весь отдавался сладостной бесѣдѣ съ Богомъ. Глубоко погруженный въ молитву, онъ какъ

*) Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости 1895 г. № 39 и 1894 г. № 6.

бы совершенно отрѣшался отъ внѣшняго міра и ничего не видѣлъ изъ окружающаго. Нерѣдко случалось, что подносившій ему въ концѣ литургіи просфору инокъ стоялъ нѣсколько времени дожидаясь, пока великій молитвенникъ снизойдетъ духомъ въ нашъ дольній міръ и замѣтитъ его. Такова же была и молитва подвижника въ своей домашней церкви. Одинъ изъ родственниковъ, удостоившійся счастья помолиться вмѣстѣ съ преосвященнымъ въ его келейной святынѣ пишетъ: «Наканунѣ (воскресенія) всенощную въ церковкѣ совершалъ іеромонахъ—старичекъ, нѣсколько пѣвцовъ пѣли. Самъ владыка стоялъ по срединѣ церкви съ служебникомъ въ рукахъ; мы стояли нѣсколько въ сторонѣ, но такъ, что лицо молящагося святителя видно было. Взоръ его направленъ былъ на иконы, но замѣтно, что онъ созерцалъ нѣчто высшее, духовное; на лицѣ показалась краска, какая является во время духовнаго просвѣтленія. По всему видно, что святитель совершалъ умно—сердечную молитву, сопровождаемую иногда поклонами. Такъ простоялъ онъ всю службу, не садясь, хотя стулъ стоялъ возлѣ, куда онъ клалъ служебникъ.» *)

Внѣшне подвижникъ становился на молитву въ опредѣленное время, внутренне же и духовно, онъ молился непрестанно, постоянно какъ бы предстоя и ходя предъ лицемъ Божіимъ. Вотъ какъ онъ самъ изображаетъ это неземное состояніе, очевидно, переживъ его въ своемъ личномъ опытѣ: «Бываетъ еще молитва (кромѣ обычной), которую именуютъ предстояніемъ предъ Богомъ, когда молящійся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцаетъ Бога присущимъ себѣ и въ себѣ съ соотвѣтственными тому чувствами,—то страха Божія и благоговѣйнаго изумленія величію Его во всемъ, то вѣры и упованія, то любви и преданности въ волю Его, то сокрушенія и готовности на всякія жертвы. Такое состояніе приходитъ, когда углубится кто въ обычной молитвѣ словомъ, умомъ и сердцемъ. Кто долго и какъ должно молится, у того такія состоянія чаще и чаще будутъ повторяться, а наконецъ состояніе такое можетъ сдѣлаться постояннымъ, и тогда оно называется хожденіемъ предъ Богомъ и есть непрестанная молитва. Это есть духовная молитва, Духомъ Святымъ въ сердцѣ движимая; молящійся сознаетъ ее, но не творитъ, а она сама въ немъ творится. Такая молитва есть достояніе совершенныхъ. Въ такомъ состояніи пребывалъ св. Давидъ, свидѣтельствующій о себѣ:

*) И. Крутиковъ. Стр. 121—122.

предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся.» *) (Пс. 15, 8).

Чтобы имѣть возможно полное и ясное представленіе о высшей христіанской молитвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о высотѣ молитвеннаго подвига преосвящ. Ѳеофана, необходимо привести его ученіе о самомъ хожденіи предъ Богомъ, составляющемъ существо духовной молитвы: «Богъ вездѣ есть, все видитъ и все исполняетъ: *ходи предъ Богомъ*. Когда царь осматривается вокругъ себя съ высоты престола своего, то всякій изъ присутствующихъ держитъ себя такъ осторожно, какъ бы царь на него одного смотрѣлъ,—такъ, какъ бы тутъ были одинъ только онъ и царь, забывая все прочее. Царь нравственнаго міра, Богъ, не только все видитъ, но и все исполняетъ существомъ Своимъ,—есть вездѣ весь и видитъ не внѣшнее только, но и внутреннее, и при томъ полнѣе и совершеннѣе, нежели какъ видитъ себя тотъ, кого Онъ видитъ. Всякая разумная тварь обязана, какъ помнить сіе вездѣприсутствіе и всевѣдѣніе Божіе, такъ и располагать дѣла свои и внутреннія, и внѣшнія съ чувствомъ его, стоя какъ бы предъ очами Бога, подъ Его взоромъ, до того, чтобъ все другое выходило изъ мысли и вниманія, а былъ только онъ—дѣйствующій—и Богъ, видящій его и дѣло его, или, что тоже, ходить предъ Богомъ, ибо настроеніе духа—дѣйствовать какъ предъ очами Божіими есть хожденіе предъ Богомъ. Оно обязательно для всѣхъ... Помни или не помни ты, но Богъ все видитъ, и дѣла твои всѣ открыты Ему, или совершаются предъ лицомъ Его. Такъ зачѣмъ скрывать истину и превращать ее въ ложь? Что къ сей мысли должно прилагать и Богоприличное расположеніе дѣлъ, сего требуетъ почитаніе Бога. Когда сынъ предъ лицемъ отца, или подданный предъ лицемъ царя дѣйствуютъ, забывая о достоинствѣ ихъ, то тѣмъ оскорбляютъ ихъ. Потому любящіе Бога и боящіеся Его *предзрятъ Его предъ собою выну*, то есть, обращаютъ это себѣ въ характеръ и, что ни дѣлаютъ, сознаютъ, что око Божіе обращено на нихъ. Плоды сего хожденія безчисленны; но, главное, отъ него естественно переходитъ въ жизнь нашу чистота и непорочность словъ, мыслей, желаній, дѣлъ. Св. Давидъ зрѣлъ Господа предъ собою, да неподвижится, т. е. чтобы не допустить какого неправаго движенія (Пс. 15, 8). Тутъ не нужно и прибавлять: «когда зришь Бога, бѣгай неправды,» ибо само зрѣніе отвратитъ отъ нея... Потому, можно сказать, *заповѣдь о хожденіи предъ*

*) Брошура «Четыре слова о молитвѣ» Еписк. Ѳеофана.

Богомъ есть то же, что и заповѣдь о Богоугожденіи. Другой плодъ отъ сего есть нѣкоторая теплота духа. Зрѣніе Бога не можетъ быть холоднымъ, если оно есть истинное. По мѣрѣ усовершенія въ лицезрѣніи Божьемъ возрастаетъ и теплота. Послѣ же они сливаются и какъ лицезрѣніе, такъ и теплота превращаются въ единое, непрерывное дѣйствіе духа. Такое настроеніе духа есть самое лучшее приготовленіе къ будущему, всеблаженному лицезрѣнію Бога. Кто утвердился въ немъ, тотъ стоитъ уже въ предверіи рая, созрѣлъ для него.» *)

Сказанное о духовной молитвѣ несомнѣнно относится и къ личному подвигу святителя. Послѣдній не оставилъ насъ въ невѣдѣніи относительно этого важнѣйшаго дѣла своей жизни—и въ наше назиданіе далъ слѣдующее ученіе о собственномъ молитвенномъ трудѣ. Преосвящ. Ѳеофанъ признавалъ истинною только молитву чисто духовную, совершенно отрѣшенную отъ всякихъ внѣшнихъ образовъ, выражающуюся въ живомъ ощущеніи молящимся вездѣприсутствія Божія, каковую и стремился развить и осуществить въ своей жизни. По его ученію, Бога, какъ чистѣйшаго Духа, не возможно изобразить никакими внѣшними чертами и подобіями. Всякій образъ будетъ безконечно далекъ отъ истины и не въ состояніи дать понятія о сущности. Воображеніе, какъ способность формировать образы, принадлежитъ совсѣмъ къ иной, низшей области нашего внутренняго міра, чѣмъ молитва. Первое относится къ такъ называемымъ душевнымъ явленіямъ, живущимъ совмѣстно и дѣйствующимъ подъ вліяніемъ тѣлесной природы человѣка, а послѣдняя есть обнаруженіе духовныхъ, высшихъ и совершеннѣйшихъ началъ, самостоятельныхъ и рѣшительно независимыхъ отъ всего матеріальнаго. Воображеніе своимъ содержимымъ не можетъ проникнуть въ эту таинственную и недоступную для нея сферу. Только одно лицо Богочеловѣка можетъ быть представляемо въ внѣшнихъ образахъ во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ Его земной жизни, о которыхъ повѣствуется въ евангеліи. Но это будетъ изображеніе только историческое—однихъ свойствъ и явленій человѣческой природы Спасителя. Божественная же Его сущность совершенно недоступна какому-либо виду изображеній. Духовная молитва есть удѣлъ совершенныхъ. Но и обыкновенные смертные могутъ достигать ея путемъ постоянныхъ усиленныхъ подвиговъ и упражненій въ обычной молитвѣ, изъ которыхъ самымъ доступнымъ и ближе другихъ ведущимъ къ

*) Преосвящ. Ѳеофанъ. Изд. Пантелеймонова монастыря—76 стр.

цѣли представляется правильное употребленіе краткой умной молитвы Іисусовой. Послѣдней необходимо такъ научиться и такъ твердо внѣдритъ въ свое сознаніе, чтобы она сдѣлалась постоянною спутницею всѣхъ обстоятельствъ и явленій нашей жизни. Живое, изъ глубины сердца идущее совершеніе этой молитвы, будетъ всегдашнимъ напоминаніемъ и вмѣстѣ нашею непрестанною мыслью о вездѣприсутствіи Божіемъ, или что то же духовною молитвою. «Какъ я молюсь? пишетъ преосвящ. Ѳеофанъ вопрошающему о его личной молитвѣ. Встрѣчаю у отцевъ, что молясь слѣдуетъ изгонять всѣ образы изъ головы. Всячески стараюсь въ часъ молитвы быть въ томъ убѣжденіи, что Богъ вездѣсущій есть и тутъ, гдѣ мое сознаніе, и что Онъ видитъ и слышитъ не слово только,—произносимое или нѣтъ,—но и всякое движеніе мысли, и особенно чувство. Образа же всякаго избѣгаю, какъ это ни трудно. Когда приходитъ молитва съ чувствомъ, тогда никакого труда нѣтъ держать безобразность въ молитвѣ. Это даетъ разумѣть, что безобразность въ молитвѣ есть настоящее дѣло,—и что для достиженія сего надо добиваться до молитвы сердечной,—и стало изъ головы сойти въ сердце. «Лучшее начальное средство научиться сердечной молитвѣ—это цѣлесообразное совершеніе умной молитвы къ Господу Спасителю. Дѣло это просто; стань умомъ и вниманіемъ въ сердцѣ предъ Господомъ и молись Ему: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. И дѣлай это непрестанно, и въ церкви, и дома, и на пути, и за дѣломъ, и за столомъ, и въ постели, словомъ—съ той минуты, какъ откроешь глаза, до той, какъ закроешь ихъ. Это будетъ точь въ точь соотвѣтствовать держанію вещи на солнцѣ, лучи котораго, ударяя, проникаютъ ее и нагрѣваютъ. Тутъ есть держаніе себя предъ лицемъ Господа, Который есть солнце умнаго міра. Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бываетъ трудная, дѣлательная. Но если не полѣнится кто потрудиться надъ нею, она станетъ и самодвижною, сама будетъ твориться, словно ручеекъ журчащій въ сердцѣ. Это благо великое, и потрудиться стоитъ, чтобы достигнуть его. Труженники, преуспѣвшіе въ молитвѣ, указываютъ для этого небольшой трудъ, или немного трудное упражненіе молитвенное, именно: прежде или послѣ молитвеннаго правила, утренняго или вечерняго, а то и днемъ, опредѣли нѣсколько времени на совершеніе этой одной молитвы, и совершай ее такъ: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься

вниманіемъ въ сердцѣ предъ Господомъ, воздвигнувъ убѣжденіе, что Онъ тутъ и внимаетъ тебѣ, и взывай къ нему: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.» —и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Такъ дѣлай четверть часа, полчаса, больше или меньше, какъ тебѣ удобнѣе. Чѣмъ усерднѣе потрудиться, тѣмъ скорѣе молитва эта привьется къ сердцу. Лучше взяться за дѣло поревностнѣе и не отступать, пока не достигнешь желаемаго, или пока молитва эта не начнетъ сама двигаться въ сердцѣ; послѣ того только поддерживай. Теплота сердечная, или горѣніе духа, приходятъ именно этимъ путемъ. Чѣмъ болѣе внѣдряется въ сердце молитва Іисусова, тѣмъ болѣе согрѣвается сердце, тѣмъ самодвижнѣе становится молитва, такъ что огнь жизни духовной въ сердцѣ возгарается, и горѣніе ея становится непрестаннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ молитва Іисусова займетъ все сердце и станетъ непрестанно движущеюся. Отъ того получившіе зарожденіе совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, опредѣляя ею свое молитвенное правило.»

«Богъ вида не имѣетъ и есть невидимъ. Богъ Сынъ видится въ человѣческомъ естествѣ, поелику пріялъ въ Свое Лице сіе естество... Потому Его можно воображать въ видѣ человѣка, во всѣхъ случаяхъ, какіе описываются въ святомъ Евангеліи... Это будетъ воображеніе историческое... Божеское же Его естество невидимо и образа не имѣетъ. Троица Святая есть за предѣлами твари,—и какъ есть, для насъ—недомыслимо. Молясь Богу, лучше не воображать Его никакъ,—а только вѣровать, что Онъ есть близъ... и все видитъ и слышитъ.»

«Также-не надо душею воображать ни Божіей Матери, ни святыхъ, ни ангеловъ. А и имъ молиться въ томъ убѣжденіи, что слышатъ.»

«Положимъ, такое различіе... что для работъ умовыхъ нужны образы; они и есть въ писаніи о Богѣ самомъ и всѣхъ вещахъ божественныхъ. И воображеніе есть способность умовая—знательная. Воображеніе — способность формировать, и удерживать образы—есть способность чернорабочая... самая низшая! Ужъ поэтому не слѣдуетъ ему позволять являться съ своими образами въ высшую область, какова молитва... Умосозерцательная дѣятельность высока... а духовная въ молитвѣ проявляющаяся еще выше... Куда туда поспѣть воображенію... Вотъ гдѣ прилично: друже, како вшелъ еси сѣмо?!! Когда молитесь, отгоняйте всѣ образы. Если допустите образы, то есть

опасность—начать молиться мечтѣ. Можете вы сказать, что образъ, какой держите въ умѣ выражаетъ истину? Вотъ и нельзя... слѣдовательно, надо навыкать безобразности... но путь одинъ—сердечная молитва... Умъ же безъ образовъ едвали можетъ быть.»

«Помнится одно сказаніе о старцѣ, который все образно представлялъ Бога. Когда ему растолковали, что такъ не слѣдуетъ, онъ сказалъ: вы отняли у меня Бога... А у него отняли не Бога, а мечту его.» *)

Все свободное отъ молитвы время преосв. Ѳеофанъ посвящалъ труду, главнымъ образомъ литературному, отчасти и физическому. Святитель былъ по истинѣ великій труженникъ Божій. Цѣлая библіотека твореній достаточно свидѣтельствуетъ о его изумительномъ трудолюбіи и выдержкѣ. У него былъ заведенъ строгій порядокъ въ занятіяхъ и ни одна минута не пропадала даромъ. Съ вечера келейникъ готовилъ вино, просфоры и облаченія для богослуженія. День начинался принесеніемъ безкровной жертвы, а по окончаніи литургіи легкимъ стукомъ давалось знать о времени утренняго чая. Въ два часа обѣдъ, за которымъ въ постные дни подавалась пища по уставу о постѣ, а въ скоромные въ послѣдніе годы святитель съѣдалъ только по одному яйцу и стакану молока. Въ четыре часа чай. Ужина не было. Утреннее время посвящалось самой серьезной работѣ—составленію духовныхъ сочиненій; послѣ обѣда вмѣсто отдыха шли занятія рукодѣліемъ, а вечеръ отдавался писанію писемъ и чтенію книгъ и журналовъ. И это неизмѣнно въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ. Самъ подвижникъ при всей своей скромности въ одномъ письмѣ многозначительно пишетъ о своей труженической жизни: «Я знаю одного человѣка, который всегда одинъ—самъ никуда не выходитъ, и другихъ къ себѣ не принимаетъ. Спрашиваютъ его: какъ тебѣ не скучно? Онъ отвѣчаетъ: мнѣ некогда, такъ много дѣла, что, какъ открою глаза, дѣлаю—дѣлаю, и никакъ не успѣваю передѣлать, пока закрою ихъ...» О духовныхъ трудахъ святителя будетъ подробно говориться ниже, въ своемъ мѣстѣ; теперь же замѣтимъ нѣсколько словъ о тѣлесныхъ упражненіяхъ.

Короткіе промежутки между молитвою и умственными занятіями преосв. Ѳеофанъ наполнялъ физическимъ трудомъ

*) Собраніе писемъ вып. 7, стр. 24, вып. 3 стр. 179 и письма о духовной жизни 129—130.

въ видѣ нѣкоторыхъ рукодѣлій. Послѣднія, являясь отдыхомъ отъ умственнаго напряженія, вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпляли тѣлесныя силы, а главное изгоняли изъ жизни его всякую мысль о праздности. «Безъ дѣла не должно быть ни минуты, писалъ пресвященный неоднократно. Иначе будетъ грѣшная праздность. Нельзя все духовнымъ заниматься, надо какое-либо не хлопотливое рукодѣліе имѣть. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна.» По примѣру нѣкоторыхъ древнихъ подвижниковъ святитель занимался живописью, рѣзьбою по дереву, токарнымъ, столярнымъ, переплетнымъ мастерствами, для чего въ его рабочей комнатѣ, какъ мы уже видѣли, имѣлось нѣсколько ящиковъ съ необходимыми инструментами. Замѣчательно, что и эти физическіе труды и матеріальныя средства служили къ удовлетворенію «единаго на потребу.» Всѣ произведенія подобныхъ занятій носили религіозный характеръ, были посвящены Богу. Отшельникъ особенно любилъ священное искусство иконописанія и самъ былъ хорошій художникъ. Нося въ душѣ образы иного, высшаго міра, онъ видимо желалъ окружить себя и на землѣ ихъ святыми изображеніями. По смерти святителя въ келіи найдено много иконъ и картинъ священнаго содержанія его письма—«Распятіе,» «Воскресеніе Христово,» «Снятіе со креста»—на полотнѣ: образъ Спасителя и Божіей Матери—во весь ростъ на доскахъ, портретъ Саровскаго старца Серафима и др. Къ двумъ предметамъ особенно часто возвращалась мысль художника—къ изображенію св. Тихона Задонскаго и Богоявленія. И это не случайно! Жизнь св. Тихона была идеаломъ для затворника, а идея Богоявленія свѣтилась даже въ его имени—Θеофанъ— съ греческ. явленіе Бога. Такого же характера и другіе плоды рукодѣлій—деревянная рѣзная панагія, съ деревянною цѣпью, деревянный рѣзной крестъ для ношенія на груди и т. п. Замѣчательно, что, достигнувъ добрыхъ результатовъ въ своихъ работахъ, святитель, всегда вѣрный себѣ, отзывался о нихъ съ свойственнымъ ему благодушіемъ и скромностью. Такъ, посылая въ Москву одному родственнику свое сочиненіе въ собственномъ переплетѣ, онъ приписываетъ въ концѣ письма. «Переплесть у насъ некому. Я и самъ переплетчикъ, да ужъ очень плохой, не гожъ для Москвы.» *)

*) Душеполез. чтеніе 1894 г. № 4.

Свои усиленные умственные труды преосвящ. Θеофанъ несъ совершенно безкорыстно, ибо отличался полною христіанскою нестяжательностью. Онъ не только не имѣлъ пристрастія къ стяжаніямъ, но его душа не лежала и ко всѣмъ способамъ пріобрѣтенія ихъ, напр. хозяйству. Онъ не только ничего для себя не пріобрѣталъ, но имѣющееся у него все отдавалъ. Сочиненія святителя еще при жизни его имѣли успѣхъ, нѣкоторыя изъ нихъ выдержали по нѣсколько изданій и могли бы доставить значительныя средства, но онъ не получалъ отъ нихъ ничего. За свои литературные труды авторъ не бралъ никакого вознагражденія кромѣ извѣстнаго количества экземпляровъ, предназначавшихся для безмездной раздачи. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы цѣна его сочиненій была не обременительна для покупателей и вознаграждала труды и издержки издателей. Извѣстно, что собственниками и полными хозяевами твореній преосв. Θеофана въ настоящее время являются иноки русскаго Пантелеимонова на Аѳонѣ монастыря. На запросъ объ условіяхъ уступки одного изъ своихъ сочиненій святитель пишетъ: «Они (иноки) даютъ мнѣ двѣсти экземпляровъ, а денегъ хотятъ пришлютъ, хотятъ нѣтъ. Это не входитъ въ мой разсчетъ. Я уступаю имъ это молитвъ ради о моей многогрѣшности, а не ради прибытка.» *) Окончательно передавая аѳонцамъ право на изданіе своихъ литературныхъ трудовъ, авторъ рѣшительно не желалъ какого-либо вознагражденія личнаго для себя, только предложилъ назначить извѣстную сумму въ пользу своего племянника и его семьи. Многіе почитатели подвижника выражали желаніе прислать ему пожертвованія вещами и деньгами, но онъ совершенно отказывался принять ихъ. Рѣдкія исключенія допускались только для самыхъ близкихъ знакомыхъ, дабы не огорчить и не обидѣть ихъ, но съ непримѣннымъ условіемъ употребить пожертвованное на благотворительныя цѣли. Одна Тамбовская помѣщица—Курдюмова по своему духовному завѣщанію назначила крупную сумму въ количествѣ 25.000 р. на изданіе сочиненій преосв. Θеофана. Послѣдній пришелъ въ большое смущеніе отъ подобнаго щедраго дара и возвратилъ его родственникамъ своей почитательницы. И отъ этихъ десятковъ тысячъ отказывался человѣкъ, который нерѣдко не имѣлъ копѣйки для пріобрѣтенія необходимыхъ вещей. Все раздавши нуждающимся, святитель иногда по нѣсколько мѣсяцевъ оставался безъ всякихъ средствъ. Такъ въ іюлѣ 1875 г. онъ

*) Собр. писемъ вып. 7 стр. 83.

пишетъ въ Петербургъ одному своему близкому знакомому: «За деньги благодарствую. У меня ни полушки не было. Промоталъ всѣ деньги и до Рождества (время полученія пенсіи) ничего не имѣю.» *)

Ревностно служа Богу, преосвящ. Θеофанъ не могъ не служить и ближнему. Отсюда великая любовь святителя къ дѣламъ христіанскаго милосердія какъ для тѣла, такъ и для души. И въ этомъ отношеніи свое слово онъ вполнѣ осуществилъ въ своей жизни. Подвижникъ придавалъ важное значеніе христіанскому милосердію, особенно въ виду постояннаго и повсюднаго приложенія его среди человѣческаго общежитія. Въ твореніяхъ его мы находимъ обстоятельное ученіе объ этомъ предметѣ, въ которомъ съ одной стороны установленъ истинный взглядъ на добродѣтель, а съ другой подробно разсмотрѣны и по достоинству оцѣнены всѣ тѣ многочисленныя ложныя основанія и мнимыя причины, которыя придумала человѣческая скупость и равнодушіе къ участи ближняго, чтобы оправдать себя и усыпить совѣсть въ отношеніи требованій одной изъ главнѣйшихъ заповѣдей евангелія. По ученію преосв. Θеофана сущность христіанской милостыни состоитъ въ томъ, чтобы помогать не только крайне нуждающимся, но и не отказывать всякому просящему, при чемъ подающій не только не кичится и не требуетъ отъ неимущихъ прибѣгать къ нему, какъ благодѣтелю, но самъ спѣшитъ отыскать и посѣтить мѣста обитанія ихъ. Наше матеріальное достояніе есть даръ Божій, при которомъ мы являемся не болѣе, какъ временными приставниками, обязанными дать во всемъ отчетъ предъ Богомъ и принести въ свое время достойные плоды. Нуждающіеся—это меньшая братія Христова, наши заботы объ обезпеченіи которой Господь принимаетъ на свое имя. Милостыня, какъ самое яркое обнаруженіе христіанской любви, есть величайшая добродѣтель. Самъ І. Христосъ при изображеніи страшнаго суда указалъ ее одну, какъ истинный залогъ и дѣйствительное средство оправданія грѣшнаго человѣчества. Это не потому, что иныхъ добродѣтелей не требуется, а потому, что милостыня есть главная, основная. Обладающіе ею уже имѣютъ другія. Все добро, творимое людьми на пользу неимущимъ, Господь благоволилъ принимать какъ жертву Ему Самому. Подаваемое бѣднымъ чрезъ ихъ руки прямо возносится къ престолу Божію. Такимъ образомъ нуждающіеся по устроенію промысла Божія суть орудія созиданія

*) Собр. писемъ вып. 1 стр. 89.

нашего спасенія. Такъ именно смотрѣли на существо милосердія величайшіе праведники ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви. Авраамъ, Іовъ, Филаретъ Милостивый и др., обладая значительными богатствами, не оскудѣвали въ нихъ потому, что жили не для однихъ себя. Наблюдается ли подобное явленіе въ современной христіанской жизни? Кажется, нѣтъ добродѣтели, которая бы творилась у насъ съ большимъ небреженіемъ, чѣмъ святое и обязательное для всѣхъ дѣло вспоможенія бѣднымъ. Чтобы оправдать свою скупость и безучастное отношеніе къ ближнему, мы изобрѣли цѣлый рядъ мнимо основательныхъ причинъ и ложныхъ поводовъ. То обвиняемъ просителей въ неосновательномъ и незаконномъ прошеніи, то указываемъ на свои матеріальные недостатки, нерѣдко, наконецъ, слагаемъ дѣло на другихъ людей и обстоятельства. Самымъ обычнымъ мотивомъ къ отказу является подозрѣніе относительно ложности прошеній, что бѣдные напрасно просятъ, можетъ быть, они не нуждаются, могли бы работать и пр. Прежде чѣмъ отказывать на подобныхъ основаніяхъ, необходимо предварительно разслѣдовать обстоятельства и при томъ самымъ тщательнымъ образомъ. Можетъ оказаться, что многіе изъ просящихъ не въ состояніи, наприм., работать —одинъ по болѣзни, старости, другой потому, что не имѣетъ работы, заработокъ третьяго настолько ничтоженъ, что не можетъ обезпечить его самого и семью и проч. Если же подобныхъ изслѣдованій мы не дѣлаемъ, то и не въ правѣ отказывать по одному подозрѣнію. Послѣднимъ мы оскорбляемъ нравственное достоинство человѣка. Можетъ случиться, что, протянувшій руку за помощью, отдернетъ ее только потому, что прочтетъ въ нашихъ глазахъ обидное подозрѣніе, и чрезъ то впадетъ въ крайнюю, гибельную для него нищету. Своевременною же помощью, быть можетъ, мы спасли бы несчастнаго. «*Всякому просящему у тебя дай,* заповѣдуетъ Господь. Это одна изъ самыхъ первыхъ заповѣдей въ христіанствѣ. О ней часто напоминаютъ и Господь, и Святые Апостолы и, чтобы расположить насъ ревностнѣе исполнять ее, оградили ее самыми трогательными побужденіями и самыми поразительными угрозами. Вѣдаетъ сіе всякій и всякій по совѣсти должнымъ считаетъ помогать всѣмъ нуждающимся по силамъ своимъ. Между тѣмъ, если пересмотримъ дѣла наши построже, мы не найдемъ, можетъ быть, ни одного дѣла, которое бы исполняли съ меньшимъ вниманіемъ, какъ обязательное для насъ вспомоществованіе нуждающимся. Помогаемъ кое-какъ,

лишь бы отдѣлаться отъ докучливаго просителя, а иногда и совсѣмъ отказываемъ, и не большею ли частью послѣднее? А совѣсть при всемъ томъ остается у насъ спокойною, молчитъ и не обличаетъ насъ въ томъ, что не помогаемъ, или помогаемъ не столько, сколько бы слѣдовало —Такъ, вѣдь, это бываетъ!—Спрашивается, какая же была бы тому причина?»

«Причина, полагаю, та, что грѣшная душа наша усвояетъ себѣ предразсудочныя понятія о бѣдности и бѣдныхъ, кои приходятъ на мысль, когда надо бываетъ оказать помощь, и разстраиваютъ благія намѣренія наши до того, что не только совѣсть не обличаетъ насъ въ отказѣ, или слабомъ пособіи, напротивъ намъ думается, что мы лучше сдѣлали, ничѣмъ, или такъ легко, отдѣлавшись отъ просителя.»

«Чего не придумали скупость и своекорыстіе, чтобъ оправдать свою холодность и жестокость къ нуждающимся!—Ложность прошеній, праздность просителей, свои недостатки, тяжелыя времена, необходимость запасаться самимъ на черный день и проч. Всѣ эти мысли ходятъ между невнимательными къ своему долгу въ рѣчахъ и поговоркахъ, заходятъ и къ внимательнымъ и ихъ нерѣдко сбиваютъ съ праваго пути дѣйствій. Хотите ли дать свободу и просторъ сердоболію и не допускать его до омраченія ложью, разоримъ эти предразсудочныя мысли и возстановимъ здравыя христіанскія понятія о подаяніи нуждающимся.»

«Приходитъ на мысль, въ то же время, какъ надо помогать, прежде всего: да нуждается ли просящій—кто его знаетъ?—привыкъ и проситъ; а нужды, можетъ быть, никакой не имѣетъ. Приходитъ такая мысль: мы вѣримъ ей,—и отказываемъ, или слабо помогаемъ. Но справедливо ли такъ поступать? Бываетъ конечно и такъ, какъ приходитъ намъ на мысль. Но знаемъ ли мы навѣрно, что то лицо, которое предъ нами, точно принадлежитъ къ сему классу притворяющихся нищихъ? А если не знаемъ, зачѣмъ подозрѣвать и тѣмъ паче отказывать по одному подозрѣнію? На дѣлѣ, это, можетъ быть, матерь, которая дома оставила голодныхъ дѣтей, или отецъ семейства, у котораго жена больна и дѣти раздѣты, или сироты старшія изъ сиротъ безпріютныхъ и безпомощныхъ, и подоб.—Таковымъ, конечно, не откажите. Смотрите такъ и на всѣхъ съ перваго раза, а подозрѣніемъ не оскорбляйте неизвѣстныхъ. Что если нуждающійся, у котораго и такъ тяжело на сердцѣ, прочитаетъ въ глазахъ нашихъ наше подозрѣніе? Это конечно

увеличитъ его скорбь и тяготу, и вмѣсто утѣшенія онъ отойдетъ отъ насъ съ большею скорбію. Хорошо ли это? то, что у него не мутно еще въ глазахъ, лице не искажено, тверда поступь, и одежда не въ заплатахъ,—это послѣдніе остатки и его терпѣнія и достатка. захотите ли быть причиною, чтобы онъ дошелъ до послѣдней крайности, которая начнется, можетъ быть, тотчасъ въ слѣдъ за вашимъ отказомъ? И заповѣдь Спасителя развѣ только тѣхъ прикрыть хочетъ, коимъ уже некуда дѣваться, кои не имѣютъ ни крова, ни пищи, ни одежды, ни силъ? Нѣтъ. На помощь такого рода людямъ, не нужна особая заповѣдь. Онъ говоритъ: *всякому просящему у тебя дай.* Вы и будете давать, только поставьте себѣ закономъ—не подозрѣвать просящаго, не рисовать позади его картины предполагаемаго довольства, а скорѣе картину крайней нужды и скорбь дѣйствительно его гнетущую. Тогда само сердце не дастъ вамъ покоя, пока не облегчите его участи. Нынѣ много распространяютъ подозрѣній на бѣдныхъ. Но на всѣ эти предъявленія можно сдѣлать одно рѣшеніе: удостовѣрься, кто именно проситъ не по нуждѣ, или не на нужду, и не давай такому; всѣмъ же отказывать потому только, что есть лживые просители, грѣхъ. Святый Іоаннъ Милостивый не такъ дѣлалъ. Онъ не отказывалъ даже и тѣмъ, о коихъ извѣстно было, что они не бѣдны, и, когда предувѣдомляли его объ этомъ, отвѣчалъ: вѣрно въ эту пору онъ терпитъ крайнюю нужду.»

«Иногда отъ просителя мы къ себѣ обращаемся и говоримъ: гдѣ взять?—Едва на свои нужды достаетъ. Съ трудомъ концы съ концами сводимъ!—Ужъ когда не изъ чего давать, кто и обязываетъ? Подавать должно отъ избытковъ, какъ и апостолъ изъясняетъ законъ подаянія, говоря: *Аще усердіе предлежитъ, поелику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать. Не бо да инымъ убо отрада, вамъ же скорби.* Но правда ли то, что у насъ ничего не остается за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ? Ктому же—разумно ли опредѣлено у насъ, что должно считать своею нуждою? Нужда есть такое дѣло, которое очень можно и сократить и расширить. Исключите расходы на то, что нужнымъ считаетъ привычка, прихоть, тщеславіе, пустыя требованія міра и всѣ страсти: сколько будетъ оставаться въ пользу нуждающихся?! Пусть даже и этихъ ненужныхъ нуждъ нѣтъ; стоитъ захотѣть, и изъ самой существенной нужды—изъ пищи и одежды, и прочихъ потребностей благоразуміе всегда сумѣетъ отдѣлять

часть Христову,—какъ дѣйствительно и умѣетъ: ибо нуждами отговариваются отъ подаянія исключительно почти скупые, да разсточительные миролюбцы.»

«Говорятъ также иногда: что праздно шатаются?—работали бы и доставали бы себѣ насущный хлѣбъ. Требованіе самое справедливое!—И апостолъ заповѣдуетъ трудиться, дѣлая своими руками, чтобъ не только свои удовлетворять нужды, но имѣть, что подать требующему. Но, отговариваясь этимъ предлогомъ отъ подаянія, удостовѣрены ли мы, что просящій можетъ трудиться? Старому, малому и немощному куда трудиться? Но пусть и можетъ иной трудиться, имѣетъ ли онъ работу? Иной и готовъ бы работать, да не къ чему рукъ приложить. Въ притчѣ о дѣлателяхъ одна ихъ часть до 11 часу, т. е. почти до ночи, не имѣла работы отъ того, что никто не нанималъ. Но пусть и работу имѣетъ кто, такова ли она, чтобы доставляла на всѣ потребности. Какъ часто трудится человѣкъ день и ночь, а все томится нуждами, особенно когда одинъ работаетъ для многихъ! И такъ дѣло говорить—трудись,—и кто согласится питать праздность? Но устройте напередъ такъ, чтобы просящій трудомъ пропитывалъ себя и другихъ, коихъ обязанъ пропитывать, и тогда отказывайте ему, а безъ того отказывать значитъ тоже, что оставлять его умирать съ голоду.»

«Чего еще не говорятъ въ извиненіе своей неподатливости и жестокосердія?! Одинъ говоритъ: тяжелыя времена; куда думать о другихъ, хоть бы себя прокормить. Другой: себѣ нужно; надо запасать денежку про черный день. Третій: я развѣ одинъ; есть подостаточнѣе меня,—подадутъ. Четвертый: вѣдь подаю, что попадетъ подъ руки всякому, кто проситъ,—и проч. Но разсудите хорошенько, сколько во всемъ этомъ правды?! Тяжелыя, говоритъ, времена,—и отказываетъ. Но если они для достаточныхъ тяжелы; во сколько болѣе они тяжелы для бѣдныхъ?! Слѣдовательно, по этому предлогу, не прекратить, а увеличить надо подаяніе. Надо, говоритъ, запасать про черный день. Пусть надо; но вѣдь на это должна же быть мѣра? Иначе наши воображаемыя будущія нужды никогда не дадутъ намъ помочь бѣднымъ въ ихъ дѣйствительныхъ, настоящихъ нуждахъ. Притомъ будущее отъ нашей ли предусмотрительности зависитъ, или отъ устроенія промысла Божія? Конечно отъ промысла. Такъ привлеките къ себѣ милость Божію вашимъ милосердіемъ къ нуждающимся и будете имѣть вѣрный залогъ

благоденствія въ будущемъ. Кажется, мы не найдемъ примѣра, чтобы какой либо домъ разорился отъ щедродательности неимущимъ, а расточительность пустая многихъ пустила по міру.— Другой, говоритъ, подастъ,—и отсылаетъ просящаго. Да подастъ ли другой-то? А если и онъ также скажетъ: другой подастъ, а потомъ и третій, и четвертый и т. д. это будетъ тоже, что оставить бѣднаго на произволъ судьбы. Нѣтъ. Тебѣ послалъ Господь этого бѣднаго, ты и помоги ему. Не пропускай случая, который, можетъ быть, не повторится. Я вѣдь подаю, говоритъ, что попадется, и кому придется. Хорошо хоть и это.— Но значитъ ли это подавать по всей широтѣ долга и по всей мѣрѣ возможности? Значитъ ли это обращать все вниманіе и усердіе къ сему святому дѣлу? И не эта ли небрежность бываетъ причиною, что подаяніе попадаетъ не въ должныя руки и употребляется, не какъ слѣдуетъ?! Подаешь кому придется. Тѣмъ же кто поможетъ, которыхъ стыдъ удерживаетъ дома и которые молча, можетъ быть, терпятъ болѣе, нежели вопіющая о себѣ нужда? Нѣтъ—истинно христіанское сердоболіе не можетъ быть довольно этимъ. Оно само спѣшитъ въ мѣста бѣдности, чтобы своими руками осязать раны ея и тотчасъ же приложить потребный цѣлительный пластырь.»

«Вотъ сколько врагъ придумалъ злыхъ помышленій, чтобы отвлекать и добрыхъ людей отъ подаянія. Сознаемся, что въ большей или меньшей мѣрѣ мы всѣ увлекались ими по временамъ. Но вмѣстѣ положимъ въ сердцѣ своемъ не поддаваться имъ болѣе. Ибо если онѣ такъ слабы предъ простымъ нашимъ разсужденіемъ, какъ устоять имъ на судѣ правды Божіей, которая видитъ все—и въ дѣлахъ и въ чувствахъ сердца, до послѣднихъ его сокровенностей. Не такъ смотрѣть должны на бѣдность и бѣдныхъ христіанскій смыслъ и христіанское сердце. Истинные христіане пріемлютъ умъ Христовъ для сужденія о всемъ и носятъ законъ Бога своего въ сердцѣ своемъ, въ руководство для дѣлъ. Бѣдные и всѣ нуждающіеся—у нихъ это меньшая братія Христова, или самъ Христосъ, приближающійся къ намъ чрезъ нихъ и себѣ присвояющій все, оказываемое имъ,—это ходящія среди насъ милость и благословеніе Божіе!.. Дѣлая ихъ участниками своего достоянія малымъ подаяніемъ, освящаемъ чрезъ то все остальное и удерживаемъ за собою титло достойнаго, по намѣренію Божію обладанія имъ. Господь есть Владыка и насъ и всего нашего. Благословляя насъ достаткомъ, Онъ предаетъ его намъ, какъ въ притчѣ виноградъ

дѣлателямъ—съ условіемъ доставлять ему во время свое плоды его. Неимущіе—это рабы Господа--домовладыки, которыхъ посылаетъ онъ къ намъ пріять плоды съ достоянія нашего. Подаваемое чрезъ ихъ руки возносится къ Господу; но такъ, что по закону милости Его снова возвращено будетъ намъ, въ видѣ вѣчнаго покоища, созидаемаго изъ того правдою Божіею. Неимущіе посему суть дѣлатели обители намъ на небѣ-- наши повѣренные, коимъ довѣряется все тамъ учредить въ такой полнотѣ, которой достало бы на всю вѣчность!»

«Конечно, трудно намъ сродниться съ мыслію, и тѣмъ паче дойти до сердечнаго убѣжденія, что въ подаяніи милостыни, мы, ѣждивая, умножаемъ и, тратя, пріобрѣтаемъ; но оно такъ есть, если не всегда въ отношеніи къ временному, то всегда въ отношеніи къ вѣчному. Господь, снисходя немощи нашей, неоднократно являлъ сіе самымъ дѣломъ, въ жизни разныхъ благотворителей. Припомните житіе св. праведнаго Филарета Милостиваго. Какъ усердно, щедро и съ какимъ терпѣніемъ онъ сѣялъ милостыню! И какой обильный принесло плодъ сѣятво его, когда внука его Марія сдѣлалась супругою царя. Надъ нимъ точно еще здѣсь сбылись слова апостола: сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ. Обитель св. Ѳеодосія Палестинскаго, во время голода и засухи, питала всѣхъ окрестныхъ жителей и всѣхъ приходившихъ, а житницы всегда оказывались полными, даже въ то время, какъ въ нихъ не чаяли найти и зерна. Что размножило горсть муки и чванецъ елея у вдовы, принявшей пророка Илію? Ея милостивость. Отъ чего не истощались, а росли богатства у Авраама, Іова, Товіи? Отъ того, что они были благоподатливы. Отъ чего и нынѣ есть роды, кои съ незапамятныхъ временъ не прекращаются и живутъ въ довольствѣ, передавая его изъ поколѣнія въ поколѣніе? Отъ того, что они не живутъ для однихъ себя, а считаютъ долгомъ своимъ всегда дѣлить избытки свои со всѣми нуждающимися.»

«Милостыня есть самая большая добродѣтель, самая цѣнная у Бога и близкая къ престолу Его. Св. Григорій Богословъ, перечисляя много добродѣтелей и высоко оцѣнивъ каждую, прибавляетъ, что выше всѣхъ ихъ есть любовь, а изъ дѣлъ любви выше всѣхъ дѣятельное состраданіе и помощь нуждающимся. Почему и въ описаніи страшнаго суда Господь поминаетъ только объ исполненіи, или неисполненіи сей одной добродѣтели, не ради того, чтобы другія не имѣли никакой цѣны,

но ради того, что какъ скоро она есть, то и всѣ другія есть, а какъ скоро нѣтъ ея, то трудно имѣть мѣсто въ сердцѣ и другимъ добродѣтелямъ. Она царица всѣхъ, истинная намѣстница и представительница Божества на землѣ. И потому еще такъ скоро отзывается на небѣ всякое благотвореніе, что Господь благоволилъ усвоять себѣ всякую милостыню, такъ какъ бы она шла прямо въ Его руки. *Понеже, говоритъ, сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, т. е. бѣдныхъ, мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40). Ты голоднаго напиталъ, а Господь говоритъ, что это ты Его самаго напиталъ; ты нагаго одѣлъ, а Господь говоритъ, что это ты Его самаго одѣлъ; ты больного посѣтилъ, а Господь говоритъ, что это ты Его посѣтилъ; и всякое благотвореніе нуждающимся Господь считаетъ благотвореніемъ Себѣ самому. Такъ удостовѣряетъ Онъ словомъ своимъ Божественнымъ,—и такъ объявитъ предъ цѣлымъ свѣтомъ на судѣ своемъ! Блаженны милостивые!» [1])

Такъ училъ подвижникъ. А вотъ какъ жилъ. Свою архіерейскую пенсію и нѣкоторыя пожертвованія благотворителей на поминовеніе ихъ самихъ и своихъ родственниковъ въ его домовой церкви преосвященный разсылалъ нуждающимся въ разные концы Россіи немедленно же по полученіи, какъ бы опасаясь пропустить случай сдѣлать возможное добро и задержать у себя хотя малое время то, что не считалъ принадлежащимъ себѣ. «Я никогда не задерживаю у себя денегъ, пишетъ святитель, и всѣ разматываю. Что ихъ держать, когда случились.» [2]) Предъ великими христіанскими праздниками Пасхи и Рождества Христова особенно много дѣлалось благотвореній. Денежныхъ конвертовъ по 10 и болѣе приходилось сдавать тогда на почту отъ его имени вдовамъ, сиротамъ и другимъ несчастнымъ, особенно нуждающимся въ помощи и утѣшеніи во дни праздника. И характеръ этой благотворительности былъ истинно евангельскій, по заповѣди Спасителя, шуйца не знала того, что творила десница. Преосв. Ѳеофанъ никогда не разспрашивалъ нуждающихся и не провѣрялъ, что ихъ заставило обратиться къ нему и куда пойдутъ его средства, не зналъ даже совсѣмъ многихъ изъ нихъ, а подавалъ ради Бога. И все это дѣлалось съ великою любовью къ ближнему. «Рѣдкая почта проходитъ, говорилъ онъ одному иноку, чтобъ бѣдные не писали и не просили. Радъ помогать и по возможности помогаю.»

[1]) Преосвящ. Ѳеофанъ. Слова къ Владимірской паствѣ. Стр. 35—41, 25—28.
[2]) Письма вып. 7 стр. 83.

Еще болѣе обширны были дѣла милости духовной, особенно по плодамъ своимъ. Этотъ родъ благотворительности по преимуществу цѣнилъ самъ отшельникъ и завѣщалъ хранить другимъ. «И не тѣлу только, говорилъ онъ, но и душѣ другаго послужи, вразуми, совѣтъ подай, книжку хорошую укажи, утѣшь, подкрѣпи. И слово есть могущественное средство помогать. Въ немъ душа выходитъ и, сочетаяся съ другою, силы ему придаетъ.» *)

И вся жизнь преосв. Ѳеофана есть непрерывный и неустанный подвигъ на поприщѣ этого духовнаго благотворенія. Цѣлая библіотека богомудрыхъ писаній съ рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ христіанской жизни, обширная переписка съ разъясненіемъ недоумѣній и указаніемъ практическаго руководства ею, усиленная безмездная разсылка своихъ назидательныхъ книжекъ, и, наконецъ, непрестанная молитва въ соединеніи съ постоянными заботами и скорбями за нашъ грѣшный міръ—вотъ яркія свидѣтельства благотворительныхъ трудовъ святителя съ цѣлью послужить важнѣйшему дѣлу христіанской жизни,—дѣлу созиданія спасенія каждаго вѣрующаго! Вотъ подвиги христіанскаго милосердія, имѣющіе непререкаемое значеніе не только для современниковъ благотворителя, но и для отдаленнаго потомства.

Дѣла милости послѣдняго рода—думы о духовномъ благѣ міра, заботы о предохраненіи его отъ всякихъ отрицательныхъ вліяній и, наконецъ, скорби о нравственныхъ недугахъ неизбѣжно приводятъ насъ къ мысли о необходимости выяснить вопросъ объ отношеніи затворника къ оставленному имъ міру. Эта сторона жизни настолько важна сама по себѣ и занимаетъ такое видное мѣсто среди подвиговъ пустынника, что мы считаемъ необходимымъ обозрѣнію явленій ея дать отдѣльное мѣсто.

Затворившись отъ внѣшняго міра тѣлесно, преосвящ. Ѳеофанъ далеко не прекратилъ своего духовнаго общенія съ нимъ. Напротивъ, онъ зорко слѣдилъ и сердечно отзывался на всѣ важнѣйшія явленія нашей общественной жизни не только церковной, но и гражданской. Не только такія государственныя событія, какъ послѣдняя Турецкая война, мученическая кончина Императора Александра II и др., но и частныя крупныя явленія современной жизни въ родѣ гибели парахода «Русалка» и ея экипажа нашли у святителя живой откликъ и истинную оцѣнку. Онъ глубоко сочувствовалъ нашей освободительной

*) Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. Стр. 245.

войнѣ за славянъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ ея, радовался успѣхамъ и тяжело пережилъ заключеніе войны въ видѣ берлинскаго конгресса. Когда настоятелю монастыря о. Аркадію приходилось посѣщать затворника въ это время, то бесѣда всегда главнымъ образомъ вращалась около войны. Преосвященный развертывалъ атласы и карты, указывалъ настоящее положеніе нашихъ войскъ, дѣлалъ предположенія относительно того, что бы слѣдовало предпринять и завоевать въ ближайшемъ будущемъ, при чемъ выражалъ полную увѣренность въ побѣдѣ русскихъ. На возраженіе настоятеля, что на дѣлѣ не такъ легко вести войну, какъ можно предполагать по картамъ, что тутъ могутъ быть всякія несчастныя случайности, святитель съ жаромъ замѣчалъ, что о. архимандритъ мало знаетъ геройскій духъ нашихъ войскъ, что они, одушевленныя братскою любовью къ единоплеменнымъ намъ славянамъ, способны одолѣть и не такого слабаго и ничтожнаго врага, какъ турки. Да и Господь не попуститъ, чтобы православное славянство далѣе терпѣло звѣрства фанатиковъ—мусульманъ. По поводу берлинскаго конгресса преосвящ. Ѳеофанъ съ грустью писалъ: «Прочиталъ, что выработалъ конгрессъ.—Тяжело, крайне тяжело!—Это намъ; а что Государь!? Да утѣшитъ его Господь! Но вѣрно иначе нельзя; вѣрно не безъ основанія боялись коалиціи противъ насъ. Начни новую борьбу, и все можно бы потерять. А теперь хоть часть удержана Конгрессъ, видимо, не о пользахъ освобождаемыхъ народовъ хлопоталъ; а все направлялъ къ тому, чтобъ унизить Россію. И по всѣмъ пунктамъ, безъ всякой нужды сдѣлалъ урѣзки. Какая была нужда урѣзывать выговоренное для Черногоріи и Сербіи, или у насъ выговоренное въ Азіи?—Никакой. А Болгарію раздѣлилъ ни для чего, какъ для того, чтобъ она еще послужила поводомъ къ войнѣ... Но Господь знаетъ, что строитъ! Вѣрно такъ лучше, и буди благословенна воля Его. *) Но больше всего естественно занимали подвижника нравственно-религіозные и церковные вопросы. Тутъ не ускользали отъ внимательнаго наблюденія даже незначительные предметы. Торжественное празднованіе 900 лѣтія крещенія Руси, переводъ св. писанія на русскій языкъ, проэкты реформы церковнаго суда и монашества, сокращеніе приходовъ и числа церквей, происки нигизма и, наконецъ, широкое распространеніе въ об-

*) Собраніе писемъ святителя Ѳеофана. Изданіе Афонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря. Москва 1899 г. вып. 7, стр. 112.

ществѣ противо-религіозныхъ и противо церковныхъ идей—все это своевременно было замѣчено и всему дано авторитетное толкованіе. Явленія послѣдняго рода по преимуществу привлекали вниманіе святителя и онъ по истинѣ стоялъ на стражѣ церкви, сосредоточивъ свою дѣятельность на борьбѣ съ лжеученіемъ и защитѣ христіанства. Когда во второй половинѣ прошлаго столѣтія съ запада хлынулъ въ наше отечество цѣлый потокъ матеріалистическихъ идей, на югѣ Россіи среди сельскаго населенія широко развилась штунда, а образованныя классы увлеклись Пашковщиной, Толстовщиной и др. преосвящ. Ѳеофанъ приходилъ въ ужасъ и горько оплакивалъ судьбу православія. «Не перестаю плакать, писалъ онъ въ 1891 г. въ Кіевъ по поводу штунды, видя, какъ гибнутъ христіанскія души, пораженныя лжеученіемъ.» Въ другомъ мѣстѣ онъ съ глубокою скорбію замѣчаетъ о направленіи нашей интеллигенціи: «Горько то горько, что творится у насъ среди мыслящихъ. Всѣ умъ потеряли. Философскія воззрѣнія не въ ходу, руководятся вѣтромъ навѣваемыми началами. Св. вѣра отодвинута на задній планъ. И даже богословствующіе потеряли настоящія основы богословствованія православнаго. И Господь, кажется, отвратилъ очи Свои отъ насъ и не посылаетъ дѣлателей.» «Источникъ сего—распространеніе ученія о самообразованіи міра, по которому нѣтъ нужды въ Богѣ, и души нѣтъ,—все атомы, и все химія, больше ничего. Это на каѳедрахъ проповѣдуется и въ литературѣ. Кто дохнетъ этимъ чадомъ, неизбѣжно отуманивается, теряетъ смыслъ и вѣру.» *) Но подвижникъ далеко не ограничился одною пассивною печалью. Нѣтъ, онъ самъ энергично устремился на борьбу со зломъ и настойчиво къ тому же возбуждалъ другихъ. Онъ основательно изучаетъ сочиненія представителей матеріализма—Бюхнера, Фохта, Дарвина; не встрѣчая въ печати изложенія вѣроученія Пашкова, торопитъ своихъ петербургскихъ друзей, чтобы они пробрались на собранія послѣдователей еретика и, все вывѣдавши, о результатахъ своихъ наблюденій сообщили ему; подробно знакомится съ послѣдними противохристіанскими произведеніями Л. Толстого—все это съ тою цѣлью, чтобы, запасшись необходимымъ матеріаломъ, приступить къ борьбѣ съ лжеученіемъ, и начинаетъ дѣло съ пашковщины. Онъ пишетъ въ Петербургъ цѣлый рядъ извѣстныхъ писемъ къ «одному лицу,» въ которыхъ съ замѣчательною широтою и основательностью

*) Тамъ-же стр. 206.

разбирается и обличается лжеученіе Пашкова, какъ одна изъ отраслей протестантства. Эти письма впослѣдствіи явились главнымъ оплотомъ православія въ борьбѣ со всѣми нашими протестанствующими сектами. Св. Синодъ высоко оцѣнилъ ихъ и, издавъ въ большой массѣ, широко распространилъ, особенно путемъ безмездной раздачи. Послѣ того преосвящ. Ѳеофанъ приступилъ было къ литературному труду по обличенію штунды. Но случилось, что нѣкто Ушинскій совершенно неожиданно присылаетъ ему для просмотра свое сочиненіе о томъ же предметѣ. Святитель вполнѣ одобряетъ трудъ; возбудивъ автора къ продолженію своихъ работъ по борьбѣ со штундою и сдѣлавъ необходимыя руководственныя указанія, передаетъ ему это важное дѣло, а самъ приступаетъ къ другой работѣ, не терпящей отлагательствъ. Онъ пишетъ обширное изслѣдованіе объ иконопочитаніи въ обличеніе молоканъ и другихъ нашихъ раціоналистовъ. Уже были изготовлены общія свѣдѣнія по этому вопросу, какъ писатель узнаетъ, что одинъ изъ орловскихъ священниковъ Остромысленскій составилъ хорошую книгу по тому же предмету. Онъ успокаивается, оставляетъ трудъ и переходитъ къ другому. Въ послѣднія годы своей жизни преосв. Ѳеофанъ былъ очень занятъ мыслью о борьбѣ съ идеями Толстого, котораго считалъ самымъ злымъ изъ современныхъ еретиковъ, какъ по направленію ученія, такъ и по степени его распространенія. Онъ глубоко изумлялся и совершенно не могъ понять того, какъ русское православное общество могло увлекаться идеями человѣка, совершенно отрицающаго христіанство. Въ особенности ему казалось страннымъ крайнее легковѣріе образованныхъ людей, восторгавшихся произведеніями, въ которыхъ основныя положенія въ большинствѣ произвольны и совершенно бездоказательны, самая рѣчь которыхъ нерѣдко полна внутреннихъ противорѣчій, «то одно говоритъ, то совсѣмъ другое объ одномъ и томъ же.» Письма святителя по поводу Толстовщины полны глубокаго негодованія, по истинѣ дышатъ пламеннымъ энтузіазмомъ древнихъ ревнителей благочестія. «Вы помянули, пишетъ онъ въ отвѣтъ на одно письмо, что многіе переходятъ въ иную вѣру, начитавшись сочиненій Л. Толстого. Диво! У этого Льва никакой вѣры нѣтъ. У него нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ будущей жизни, а Господь Іисусъ Христосъ—простой человѣкъ. Въ его писаніяхъ—хула на Бога, на Христа Господа, на св. церковь и ея таинства. Онъ разрушитель царства истины, *врагъ Божій, слуга сатанинъ,*

какъ написалъ самъ св. апостолъ Павелъ волхву Еллиму, противившемуся его проповѣди на островѣ Кипрѣ (Дѣян. 13, 8—10). Этотъ бѣсовъ сынъ дерзнулъ написать новое евангеліе, которое есть искаженіе евангелія истиннаго. Апостолъ святый Павелъ написалъ: *„кто новое евангеліе будетъ проповѣдать, да будетъ проклятъ, анаѳема.“* (Гал. 1, 8). И чтобы всѣ затвердили это добрѣ, въ другой разъ это подтвердилъ... (ст. 9). Въ евангеліи богохульника сего цитаты похожи на наши, напримѣръ: Іоан. гл. 1-я, ст. 1-й, а самый текстъ—другой. Между истинными текстами вставлены искаженные переводы нѣкоторыхъ мѣстъ, а индѣ—вставлены совсѣмъ свои.» «Посему онъ есть поддѣлыватель безчестнѣйшій, лгунъ, обманщикъ. Содержаніе евангелія такое, что, прочитавъ его, я долженъ былъ рѣшить: се бредъ бѣлогорячечнаго.» *)

Преосв. Ѳеофанъ признавалъ Толстовское лжемудрствованіе не только разрушающимъ ученіе церкви, но и подрывающимъ основы государственной жизни (судъ и войско не нужны, присяга— преступна и пр.), а потому и считалъ недостаточнымъ одну литературную полемику съ нимъ, но требовалъ вмѣшательства административной власти. Онъ проситъ въ письмѣ одного своего вліятельнаго петербургскаго знакомаго справиться о томъ, что намѣрены предпринять въ высшихъ столичныхъ сферахъ противъ распространенія зла и, повидавшись съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, убѣдить его обратиться къ административнымъ мѣрамъ. Не получая долго отвѣта, святитель въ петербургѣ шлетъ другое письмо, въ которомъ ярко сказывается, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу и насколько тяжело переживалъ печальныя вѣсти объ успѣхахъ Толстовщины. «Что же у насъ съ вами дѣется?!—Пошли вы къ оберъ-прокурору Св. Синода, и тамъ засѣли... Гдѣ вы теперь, Богъ вѣсть. Я все порывался писать, но придетъ время почты, подумаю: вотъ привезутъ письмо... а его все нѣтъ, и нѣтъ. Что же, удалось ли вамъ доложить его превосходительству, о чемъ хотѣли?—И если удалось, что услышали?—Я собирался самъ писать... Покойно не сидится. Писали изъ Москвы, будто писанія опаго Льва—изъ бездны— читаются на расхватъ. Какъ у него богопротивныхъ нелѣпостей—что ни строка, то посудите, сколько зла творитъ онъ.—И все тайкомъ.—Сверхъ того, говорятъ, онъ открылъ свой домъ, и даетъ доступъ къ себѣ всѣмъ,—и всѣхъ просвѣщаетъ.

*) Собр. писемъ вып. 11, стр. 42.

Лучше-бы мнѣ не знать о семъ ничего.» [1])

Преосвящ. Ѳеофанъ ясно видѣлъ, какъ были недостаточны силы одного человѣка въ столь сложной борьбѣ съ общественнымъ зломъ и стремился возбуждать къ тому же и другихъ. Онъ зналъ, что церковною властью принимались мѣры борьбы, составлялись даже цѣлыя общества, но считалъ ихъ малодостигающими цѣли, такъ какъ дѣло велось въ большинствѣ мертво и формально, не видно было живыхъ дѣятелей, одушевленныхъ горячею ревностью къ защитѣ православія. «Слабѣетъ вѣра, замѣчаетъ онъ, въ иныхъ мѣстахъ, не шутя, берутся поджигать ее... Что-то съ этою цѣлью состроилось въ Саратовѣ... Заводится и во Владимірѣ. Но лицъ дѣйствующихъ нѣтъ, какъ нѣтъ... Соберутъ деньженокъ, накупятъ книжекъ и станутъ раздавать даромъ, или продавать по дешевой цѣнѣ. Вотъ и все. Мертво. Живыхъ дѣйствователей нѣтъ. И общества не принесутъ ожидаемой пользы. Поджигатели должны сами горѣть. Горя, ходить всюду—и въ устной бесѣдѣ зажигать сердца... Вотъ что потребно!» [2])

Святитель прежде всего разсчитывалъ и призывалъ къ борьбѣ столичное духовенство, какъ самое образованное, изъ котораго можно бы составить истинное духовное воинство. Въ одномъ изъ писемъ въ Петербургъ говорится: «Ничего не слышу, какія у васъ въ Петербургѣ распоряженія о противодѣйствіи пашковцамъ, ирвингійцамъ, (спиритамъ) толстовцамъ?!

Эти язвы губятъ многихъ и въ Петербургѣ, и вездѣ. И слѣдовало бы противопоставить имъ духовное воинствованіе. Въ С.-Петербургѣ много среди духовенства отличныхъ іереевъ и по образованію и по праву...

Сдѣлать бы изъ нихъ трубачей, и Іерихонскія стѣны пали бы, въ утѣшеніе вѣрныхъ сыновъ Израиля и во славу Божію.» [3])

Въ другомъ письмѣ въ Кіевъ преосв. Ѳеофанъ возбуждаетъ на защиту церкви одного, извѣстнаго ему протоіерея. Онъ предлагаетъ послѣднему образовать общество ревнителей православія, которые бы занялись составленіемъ небольшихъ популярныхъ статеекъ и листковъ по вопросамъ христіанской вѣры и нравственности, каковыя бы разносились по городу и развозились по деревнямъ.

Подвижникъ видѣлъ серьезную опасность для православія отъ пропаганды и происковъ папизма, но не находилъ въ духов-

[1]) Собр. писемъ вып. 7—187 стр; [2]) Собр. писемъ вып. II стр. 19—20; [3]) Письма вып. 4 стр. 56.

ной литературѣ сочиненія съ авторитетнымъ и вмѣстѣ популярнымъ изложеніемъ и разборомъ главныхъ пунктовъ ученія католицизма, которое могло бы служить руководствомъ для всякаго православнаго. И вотъ въ 1891 г. онъ пишетъ къ редактору «Церковныхъ Вѣдомостей,» прося его *«подговорить* кого-либо, чтобъ извлекъ изъ всего написаннаго о католичествѣ самое рельефное, легко читаемое и побѣдоносное.» *)

Между тѣмъ и самъ подговаривавшій не пропускалъ случая сказать свое вѣское слово въ обличеніе католицизма. Одной корреспонденткѣ, недоумѣвающей по этому предмету, преосвященный пишетъ. «По виду у насъ съ римскими католиками много сходства: догматы тѣ же, кромѣ новыхъ, изобрѣтенныхъ ими о происхожденіи Св. Духа и—не давнихъ—о непричастіи Божіей Матери первородному грѣху. У нихъ также догматъ и главенство папы. Таинства одни, но они у нихъ почти всѣ измѣнены въ формѣ и разнятся ею не только отъ Восточной церкви, но и отъ своихъ древнихъ чиноположеній. У нихъ и вечерня и утреня и литургія и другія молитвенныя службы церковныя, какъ и у насъ. Но если разсмотрѣть, какъ все бездушно и даже безсмысленно! Когда прослѣдить подробности, то явно всякому, какъ далеки они отъ истины. Лукавые пропагандеры смущаютъ общимъ обзоромъ, скрывая разности. Тѣ же разности, кои слишкомъ выдаются, они смягчаютъ кривотолкованіемъ. Напримѣръ, у Гагарина... «У васъ, говоритъ онъ, не опредѣлено соборно, какъ вѣровать о происхожденіи Свят. Духа; потому для васъ вѣрованіе объ исхожденіи Свят. Духа и отъ Сына есть частное мнѣніе, которое принимая кто-нибудь, никакъ не подлежитъ суду своей церкви.» Видите ли софизмъ? А развѣ постоянное вѣрованіе церкви, что Онъ не исходитъ отъ Сына, не есть голосъ церкви? Когда не принятъ ихъ догматъ, развѣ этимъ не сказала вся церковь, что не должно вѣрить ему? А соборъ, бывшій при патріархѣ Фотіѣ и папѣ Іоаннѣ VIII, развѣ не анаѳематствовалъ принимающихъ исхожденіе Свят. Духа и отъ Сына? Потомъ всѣ писанія богословскія на востокѣ, всѣ катихизисы, что значатъ, какъ не выраженіе ученія православной церкви? По всему сему вѣрить, что Духъ Святый исходитъ отъ Бога Отца есть догматъ обязательный, а вѣрить по латински, что онъ исходитъ и отъ Сына, есть уклоненіе отъ церкви, ересь.

«Говорятъ еще: «Что мѣшаетъ вѣрить происхожденію

*) Письма вып. 7 стр. 255.

Свят. Духа и отъ Сына? Это не уничтожаетъ вашего догмата, а прибавляетъ къ нему новую истину: знать же пять истинъ, конечно, лучше, нежели знать четыре.» Каковы уловки! Хорошо къ истинѣ прибавить истину, а если ложь прибавляютъ, то искажаютъ ее. Горечь, подлитая къ меду, губитъ медъ. Судъ написанъ строгій тѣмъ, кои прибавятъ.»

«Духъ католичества земной. Церковь у нихъ, и по ихнему есть политическая корпорація, человѣческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиція, индульгенціи,— съ видимою главою. Православная церковь есть духовный союзъ всѣхъ въ Іисусѣ Христѣ и чрезъ Него взаимно между собою. Церковь невидимо правится Господомъ и направляется къ своему концу. У нихъ ведетъ ее папа, и куда?» *)

Кромѣ дѣятельной борьбы съ противо-христіанскими лженіями. Преосв. Ѳеофанъ не мало посвящалъ времени и труда обсужденію и руководственному изъясненію многихъ другихъ явленій церковной жизни нашего отечества. Когда въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія у насъ былъ начатъ переводъ ветхозавѣтной библіи съ еврейскаго яз. на русскій, то святитель живо заинтересовался этимъ вопросомъ. Онъ не раздѣлялъ господствовавшаго тогда въ богословской наукѣ мнѣнія о предпочтеніи еврейскаго подлинника тексту LXX толковнитовь и необходимости исключительно съ него дѣлать русскій переводъ, такъ какъ по его убѣжденію было затруднительно доказать цѣлость и неповрежденность древнѣйшихъ еврейскихъ списковъ, съ которыхъ приходилось вести переводъ. Онъ считалъ за лучшее въ основу положить текстъ LXX, какъ освященный примѣромъ продолжительнаго употребленія его въ древней вселенской церкви, а къ еврейскому подлиннику прибѣгать только въ сомнительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ. По мысли святителя переводъ съ еврейскаго полезно было бы имѣть для научныхъ изслѣдованій, для всеобщаго же употребленія слѣдовало бы ввести переводъ по тексту LXX. Преосв. Ѳеофану возражали профессора духовныхъ Академій, спеціалисты библейскаго текста (Якимовъ и Горскій), защищавшіе преимущества еврейскаго подлинника, и между ними возникла оживленная полемика, которая продолжительное время велась на страницахъ тогдашнихъ духовныхъ журналовъ («Православное обозрѣніе» 1875 г., «Церковный Вѣстникъ» 1876 г.).

Не мало волновалъ преосвящ. Ѳеофана проэктъ новаго

*) Письма о христіан. жизни. Преосвящ. Ѳеофана. Стр. 36—38.

духовнаго суда, предложенный въ тѣхъ же семидесятыхъ годахъ Св. Синоду тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ граф. Д. Толстымъ, по которому предполагалось духовныя дѣла подчинить вѣдѣнію и компетенціи обычнаго свѣтскаго судопроизводства. Въ осуществленіи проэкта святитель видѣлъ великое зло. Св. Синодъ, принявши его, «сдвинулся бы съ своего основанія» Преосвящ. Ѳеофанъ допускалъ возможность участія свѣтскаго суда по духовнымъ дѣламъ только подъ условіемъ главенства въ немъ епархіальнаго архіерея.

Въ 1888 г. Россія торжественно праздновала девятисотлѣтіе своего христіанскаго рожденія при равноапостольномъ Владимирѣ. Духовною властью положено было ознаменовать праздникъ составленіемъ житія и акаѳиста виновнику торжества—св. Князю просвѣтителю. Преозвящ. Ѳеофанъ находилъ подобный памятникъ слишкомъ незначительнымъ и несоотвѣтствующимъ размѣрамъ историческаго событія; съ своей стороны предлагалъ отмѣтить его новымъ переводомъ съ греческаго подлинника, съ изъясненіемъ, нашихъ богослужебныхъ книгъ. Онъ слышалъ, много жалобъ на темноту и мало доступность церковно-богослужебнаго текста пониманію неподготовленныхъ, вполнѣ раздѣлялъ ихъ и единственнымъ средствомъ къ улучшенію дѣла считалъ переводъ и *поновленіе его*. Онъ допускалъ возможность измѣненія текста церковныхъ книгъ, указывалъ и одобрялъ примѣръ греческой церкви, гдѣ послѣднія часто *поновлялись* примѣнительно къ духовному развитію и нуждамъ современнаго христіанскаго общества. *)

Пустынныя подвиги и богомудрыя писанія прославили имя подвижника. Онъ сдѣлался великимъ учителемъ христіанской жизни. Многіе искали его руководства, многіе желали получить хоть нѣсколько строкъ отъ руки его въ свое назиданіе. Замѣчательно глубокое, истинно евангельское смиреніе въ отвѣтъ на подобные запросы и стремленія. Это былъ по истинѣ кроткій мужъ, смиренномудрый ученикъ Христовъ. При всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ и высокихъ достоинствахъ онъ почиталъ себя, кажется, ниже всѣхъ. Свидѣтельствъ того очень много, особенно въ письмахъ. Преосв. Ѳеофанъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ по мѣрѣ силъ удовлетворять всякую, обращенную къ нему духовную нужду и никогда не отказывалъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросы по этому предмету. Бывъ фактическимъ руководителемъ духовной жизни многихъ лицъ, онъ смиренно

*) Собраніе писемъ вып. 7 стр. 181—182.

не признавалъ за собою этого великаго достоинства и всегда рѣшительно отказывался, когда возникалъ вопросъ о томъ. «Вы предлагаете мнѣ, пишетъ святитель одному почитателю, взять васъ подъ свое руководство. Не могу и не понимаю этого дѣла.

Оттого никогда не берусь руководить. Прошу извинить мой отказъ. Онъ дѣлается въ пользу вамъ; ибо, не зная дѣла, я могъ бы завесть васъ не знать куда.

Желаю вамъ найти себѣ старца.» [1])

Одинъ почтенный архимандритъ проситъ указанія относительно управленія обителью, и подвижникъ отвѣчаетъ ему «Что же это вы меня спрашиваете? Я человѣкъ очень недалекій въ духовномъ различеніи вещей, и могу очень легко назвать черное бѣлымъ, и бѣлое чернымъ. Потому не смотрите на то, что напишу, какъ на доброе рѣшеніе.» [2])

Другой священнослужитель чрезъ Вышенскаго инока просилъ себѣ наставленія, какъ ему поучать своихъ прихожанъ. «Ну кто я такой, чтобы давать другимъ наставленія, сказалъ святитель. Пусть беретъ св. Тихона творенія и читаетъ въ церкви, и довольно съ него.»

Получая лично отъ преосвященнаго назидательныя его книжки о духовной жизни, тотъ же инокъ однажды замѣтилъ: «Владыко святый! Какъ и читать ваши творенія и святоотеческія; ничего я не вижу въ себѣ похожаго на то, что творили Божіи угодники. Ничего у меня нѣтъ добраго.» «Что же дѣлать?, было отвѣтомъ, я вотъ и книги составляю и пишу, а и у меня ничего нѣтъ. Все отъ милости Божіей! Надо смиряться.» [3])

Многіе стремились на Вышу—увидѣть затворника, выслушать совѣтъ и указаніе, принять отъ него благословеніе, получить на память какой-либо предметъ, но самъ виновникъ столь высокаго людского вниманія рѣшительно уклонялся отъ принятія всякаго выраженія его. Все приписывая добротѣ сердца своихъ почитателей и считая себя недостойнымъ, онъ даже изумлялся, какъ бы не понимая самаго источника подобныхъ стремленій. «Меня удивило ваше желаніе имѣть что-либо изъ моей одежды.» «На Вышу не зачѣмъ... Хотите вѣрно съ моей *святыней* повидаться. Увы! какъ срамна и отвратительна моя *святыня,* и вамъ гораздо лучше никогда не видать ее и не заботиться увидѣть...» [4])

---

[1]) Письма вып. 3 стр. 167 [2]) Письма вып. 3 стр. 184; [3]) Воспоминанія Вышенск. инока. Тамб. епар. вѣд 1894 г. № 6, [4]) Письма вып. 2 стр. 187.

Чѣмъ ни выше восходилъ подвижникъ по пути нравственнаго совершенства, чѣмъ ни больше приближался къ нравственному идеалу, тѣмъ яснѣе сознавалъ крайнюю недостаточность однѣхъ слабыхъ человѣческихъ силъ достигнуть его, тѣмъ больше ощущалъ свое личное недостоинство. Для великаго христіанскаго аскета болѣе чѣмъ для кого-либо другого было очевидно, что исполненіе высшаго евангельскаго закона, требующаго отъ людей такого же совершенства, *якоже и Отецъ небесный совершенъ,* не возможно безъ помощи спасающей благодати. Все доброе своей жизни относя исключительно къ туне подаваемой милости Божіей, подвижникъ *вмѣнялъ себя за ничто,* почитая себя послѣднимъ изъ грѣшныхъ и смертныхъ неключимыхъ рабовъ. «Я большой грѣшникъ, а молиться лѣнивъ.» «Помолитесь обо мнѣ многогрѣшномъ и всеокаянномъ,» такъ нерѣдко выражалъ святитель свое душевное настроеніе въ письмахъ послѣдняго періода.

Подводя итоги и обощая все сказанное о жизни преосв. Ѳеофана въ затворѣ, мы невольно должны прійти къ убѣжденію, что жизнь эта представляетъ собою чрезвычайное и поразительное явленіе, совершенно невозможное для однѣхъ естественныхъ силъ человѣка. Пустынные подвиги святителя дали православной Россіи великаго избранника Божія, достигшаго полнаго, возможнаго для человѣка на землѣ нравственнаго совершенства. Тотъ высочайшій моментъ проявленія человѣческаго духа—состояніе богообщенія, которое святитель считалъ конечною цѣлью стремленія земной жизни человѣка и о которой онъ съ восторгомъ мечталъ въ книжной теоріи, теперь сталъ дѣйствительнымъ актомъ его собственной духовной жизни. Онъ по справедливости могъ сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: «Живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.» Та величайшая добродѣтель—безстрастіе, которую подвижникъ поставилъ на вершинѣ лѣстницы возможныхъ для человѣка совершенствъ, теперь сдѣлалась отличительною, характерною чертою его нравственнаго состоянія. И это не фраза только и не одно шаткое предположеніе. Будучи великимъ христіанскимъ постникомъ и умерщвляя свою плоть, святитель былъ какъ бы весь проникнутъ духовностью и тѣло свое питалъ по стольку и для того только, чтобы оно помогало духу жить легко и свободно. Постепенно совершенствуясь, онъ достигъ такого состоянія, что жилъ исключительно духовными интересами; все же мірское, суетное не только не занимало его, но и крайне смущало.

Очень характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ одного Вышенскаго инока. Однажды послѣдній по своей духовной нуждѣ пришелъ къ преосвящ. Ѳеофану и, увидѣвъ его особенно ласковымъ и веселымъ, осмѣлился сообщить одну невинную новость изъ жизни монашествующей братіи обители. Святитель вдругъ закрылъ свои глаза, сидѣлъ какъ бы погруженный въ молитву, и ни слова не проронилъ въ отвѣтъ на новость. Прошло нѣсколько минутъ, опомнился инокъ, что погрѣшилъ. Тогда владыка открылъ очи, началъ разговоръ, но по обычаю о единомъ на потребу, о спасеніи души, о немощахъ нашихъ, какъ жить и благоугождать Богу и пр. [1]) Въ концѣ своего затвора преосвящ. Ѳеофанъ совершенно отрѣшился отъ всего земного и тлѣннаго, весь ушолъ и по истинѣ обиталъ духомъ въ горнемъ мірѣ. Жизнь подвижника видимо носила явную печать благодати Божіей. Вотъ что свидѣтельствуетъ человѣкъ, глубоко интересовавшійся жизнію святителя, ближе другихъ знавшій, съ такою любовью и умѣньемъ изобразившій ее въ воспоминаніяхъ—своихъ личныхъ и близкихъ родственниковъ подвижника: «Въ послѣдніе годы святитель въ добродѣтельной жизни настолько усовершенствовался, что благодать Божія видимо обитала въ немъ, и все, что онъ ни дѣлалъ, дѣлалъ по указанію обитающаго въ его душѣ Духа Божія, Владыка сдѣлался младенчески невиннымъ. Иногда иноки, имѣвшіе доступъ къ нему, замѣчали въ немъ особенную радость, миръ и любовь.» [2])

Подобныя высочайшія и исключительныя обнаруженія человѣческаго духа въ земной оболочкѣ неизбѣжно требуютъ для себя и соотвѣтствующаго внѣшняго жизненнаго выраженія. Тогда уже становится недостаточнымъ и такой великій подвигъ, какъ затворъ. Остается еще сдѣлать послѣдній шагъ на пути совершеннѣйшей христіанской жизни,—пережить состояніе, такъ называемаго, схимничества, когда человѣкъ является на землѣ по истинѣ ангеломъ во плоти. И преосвящ. Ѳеофанъ уже готовился принять схиму, даже сшилъ своими руками необходимую для того одежду, но внезапно наступившая смерть лишила его возможности привести въ исполненіе свое послѣднее чрезвычайное намѣреніе.

[1]) Воспоминанія Вышенскаго инока; [2]) И. Крутиковъ. Преосвященный Ѳеофанъ стр. 134.

VI.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ.

Сочиненія нравоучительныя.

„Лучшее употребленіе пера писать и говорить есть обращеніе его на вразумленіе и пробужденіе грѣшниковъ отъ усыпленія.“ *Преосв. Ософанъ.*

Количество печатныхъ трудовъ преосвящ. Ософана очень велико, и полное собраніе ихъ составляетъ довольно значительную библіотеку. По своему содержанію они распадаются на три главныхъ отдѣла, изъ которыхъ два самостоятельные—нравоучительный и истолковательный и третій—переводный по разнымъ вопросамъ вѣры и христіанской жизни. Многоразличны предметы и крайне разнообразно содержаніе писаній святителя. Онъ, кажется, все рѣшительно объялъ въ нихъ. Ни одна подробность духовной жизни не ускользнула отъ глубокаго, внимательнаго наблюденія. Но среди этого разнообразія одна мысль, какъ мы уже сказали выше, несомнѣнно господствуетъ и проходитъ по всему цѣлому, именно—мысль *о единомъ на потребу,* о важнѣйшемъ предметѣ человѣческой жизни—о христіанскомъ спасеніи. Этотъ вопросъ главнымъ образомъ разработывается во всѣхъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ, его же ни на минуту не упускаетъ изъ виду святитель при истолкованіи Слова Божія и съ цѣлью уясненія того же предмета переведены всѣ древне-отеческія творенія. Яснѣе всего онъ выраженъ въ сочиненіи «Путь ко спасенію» и о значеніи послѣдняго въ ряду своихъ трудовъ самъ авторъ пишетъ къ одному лицу: «Прочитали» Путь ко спасенію. Добрѣ! И еще прочитайте когда-нибудь. Тутъ все, что мною писалось, пишется и будетъ писаться.» *)

Важнѣйшія нравоучительныя произведенія слѣдующія: 1) письма о христіанской жизни, 2) начертаніе христіанскаго нравоученія, 3) путь ко спасенію, 4) письма о духовной жизни, 5) что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться, 6) востани спяй, 7) святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи. Къ отдѣлу же нравоучительныхъ сочиненій нужно от-

*) Собраніе писемъ, вып 1, стр. 222.

нести большинство проповѣдей, а также большинство писемъ. Глубокое знаніе и наблюденіе самыхъ сокровенныхъ явленій духовной жизни въ соединеніи съ обширными свѣдѣніями во всѣхъ областяхъ человѣческой науки, въ особенности въ связи съ исключительнымъ, проникновеннымъ пониманіемъ и изъясненіемъ Слова Божія и святоотеческихъ твореній, глубокая назидательность въ соединеніи съ сердечною искренностью и какою-то особенною задушевностью со стороны содержанія, замѣчательная простота, нерѣдко доходящая до народнаго говора и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышающаяся до истинной художественности въ отношеніи внѣшняго изложенія—вотъ общія, характерныя черты правоучительныхъ трудовъ святителя. Главная задача ихъ —это раскрытіе высшаго смысла и цѣли человѣческой жизни, напоминаніе и возбужденіе къ искреннему покаянію и живому обращенію къ Богу. Основная мысль всего правоученія—идея богообщенія. Жизнь христіанина должна быть всецѣло посвящена Богу. Все твори во славу Божію, по вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа въ надеждѣ безконечной жизни—такова главная цѣль жизни христіанина. «Вся наша жизнь, во всѣхъ своихъ частностяхъ и дробностяхъ, должна быть посвящена Богу. Законъ общій таковъ: все, что ни дѣлаешь, дѣлай сообразно съ волею Божіею, и въ угодность Богу, въ славу пресвятаго имени Его. Такъ ужъ у и осматривать надо всякое представляющееся дѣло, сообразно ли оно съ волею Божіею, и дѣлать его не иначе, какъ удостовѣрившись, что оно точно сообразно съ нею, и дѣлать такъ, какъ угодно Богу, чтобы оно было дѣлаемо. Кто съ такою осмотрительностію и съ такимъ яснымъ сознаніемъ угодности Богу дѣлаемыхъ имъ дѣлъ поступаетъ всегда, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не сознавать, что жизнь его идетъ вѣрно,—что хоть дѣла его не блестящи и несовершенны, но въ нихъ сознательно не допущено ничего, что бы оскорбляло Бога и не было ему угодно. Это сознаніе исполняетъ сердце его тихимъ міромъ отъ спокойствія совѣсти, и тѣмъ духовнымъ радованіемъ, которое рождается отъ чувства, что онъ не чужой Богу, и что хоть не великъ, не знатенъ и не виденъ, но рабъ Его есть, старающійся всячески угождать Ему и всѣ усилія свои къ тому направляющій, и вѣрующій, что и Богъ Самъ видитъ его таковымъ.» *)

«Что касается до другихъ цѣлей, то онѣ, хотя и могутъ быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены глав-

*) Что есть духовная жизнь. Стр. 149.

ными: отъ нихъ всегда должно восходить къ Богу. Здѣсь особенно важны цѣли самихъ дѣлъ. Каждое дѣло способно имѣть свою цѣль: напримѣръ, цѣль милостыни помочь бѣдному, цѣль чтенія просвѣтить умъ. Но на нихъ не должно останавливаться; ибо иначе дѣло будетъ внѣ главнаго значенія христианина. Вообще, если позволить останавливаться на такихъ цѣляхъ, то въ жизнь христианина войдетъ безконечное разнообразіе, между тѣмъ какъ она вся должна имѣть одинъ тонъ. Тонъ сей сообщается ей единствомъ цѣли, по коей она вся есть жертва Богу всецѣлая.. »

Въ своихъ нравоучительныхъ произведеніяхъ преосвящ. Θеофанъ изобразилъ идеалъ истинной, христіанской жизни и пути, ведущіе къ нему съ такою глубиною и широтою, какъ никто изъ нашихъ духовныхъ писателей. Онъ является по истинѣ великимъ учителемъ христіанской нравственности и его сочиненія безспорно лучшее, незамѣнимое руководство въ этомъ отношеніи. Обстоятельно познакомившись съ нравоучительными трудами писателя, мы найдемъ, что по своему содержанію они дѣлятся на два большихъ отдѣла. Въ одинхъ излагаются общія основы и нормы христіанской жизни, а въ другихъ указываются пути и способы приложенія этихъ нормъ къ руководству дѣйствительною жизнію. Первыхъ меньше по числу и во главѣ ихъ стоятъ «Письма о христіанской жизни» съ «Начертаніемъ христіанскаго нравоученія.» Сочиненій второго рода значительное большинство и между нимъ важнѣйшее «Путь ко спасенію.» Есть и такія произведенія, въ какихъ оба означенные элемента соединяются. Таково, напр., замѣчательное сочиненіе «Что такое христіанская жизнь и какъ на нее настроиться?»

Нравственное богословіе преосв. Θеофана, какъ уже было замѣчено, опирается на христіанскую психологію. И дѣйствительно, законы нравственнаго порядка выводятся имъ изъ устройства человѣческой природы, при чемъ съ особенною настойчивостью отмѣчается та мысль, что законы эти вполнѣ соотвѣтствуютъ и лежатъ въ существѣ ея, а не являются чѣмъ-то постороннимъ и навязаннымъ извнѣ. Безконечное превосходство христіанства надъ всѣми религіями и человѣческими учеиіями въ томъ именно и состоитъ, что оно вполнѣ отвѣчаетъ кореннымъ и глубочайшимъ стремленіямъ человѣческой природы, что «душа человѣка по природѣ христіанка.» Кто хочетъ прожить соотвѣтственно своему высокому назначенію, тотъ не

имѣетъ другаго истиннаго руководства кромѣ требованій и правилъ христіанской нравственности. «Я имѣю намѣреніе, пишетъ святитель, приступая къ изложенію основныхъ положеній правоученія, все достодолжное выводить изъ устройства человѣческаго естества. Жить намъ надобно такъ, какъ Богъ создалъ насъ. Ужъ какъ же иначе человѣку и жить, какъ не такъ, какъ онъ устроенъ. Установивъ здравыя понятія о томъ, какъ устроенъ человѣкъ, получимъ вѣрнѣйшее указаніе на то, какъ ему слѣдуетъ жить. Мнѣ думается, что многіе потому и не живутъ какъ должно, что думаютъ будто правила о сей достодолжной жизни навязываются совнѣ, а не исходятъ изъ самаго естества человѣка и не имъ требуются.» *)

Обозрѣвая психологическія основы христіанской нравственности, преосвящ. Ѳеофанъ дѣлитъ всѣ явленія сложной человѣческой жизни на три отдѣла—тѣлесныя, душевныя и духовныя. Къ первымъ относятся всѣ потребности нашей физической природы, ко вторымъ способности—ума, сердца, воли и низшихъ чувствъ, а важнѣйшими и болѣе осязательными обнаруженіями духа являются: страхъ Божій, совѣсть, недовольство ничѣмъ тварнымъ и др. Основаніе подобному дѣленію святитель находитъ въ ученіи ап. Павла, нѣкоторыхъ св. Отцевъ, а также у древнихъ греческихъ философовъ—Платона и Аристотеля; тому же учитъ и его собственный духовный опытъ. Изъясняя текстъ ап. Павла: *„Самъ же Богъ міра да освятитъ васъ всесовершенныхъ (во всемъ): и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится.“* (1 Солун. 5 гл. 23 ст.)—экзегетъ пишетъ «Духъ и душа и тѣло—Богооткровенное указаніе на составъ естества человѣческаго. Какъ малый міръ, человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ виды жизни, проявившіеся въ его предшественникахъ по лѣстницѣ творенія. Въ немъ есть и растительно-животная жизнь, и животно-душевная вмѣстѣ съ душевно-человѣческою; и духовная, исключительно ему принадлежащая и его характеризующая. Ихъ и означаютъ слова: тѣло, душа и духъ. Тѣло,—нашъ животно-растительный организмъ, со всѣми его отправленіями и потребностями; душа,—начало тѣхъ внутри насъ сознательныхъ явленій, кои начинаются чувственными воспріятіями, влеченіями и ощущеніями и оканчиваются научными построеніями, многообъятными начинаніями и предпріятіями, и произведеніями вкуса; духъ,—органъ

*) Что есть духовная жизнь .. Стр. 16.

богообщенія, Бога сознающая, Бога ищущая и Богомъ живущая сила. Существенныя черты его – сознаніе и свобода, движущія его начала суть,—вѣра въ Бога, чувства всесторонней зависимости отъ Него и увѣренность въ Немъ. Проявленія жизни его суть. страхъ Божій, дѣйствія совѣсти и жажда богообщенія, выражающаяся (со внѣшней стороны) недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ. Это и есть то дыханіе жизни богоподобной, которое вдохнулъ Богъ при твореніи въ первозданнаго. Сочетавшись въ человѣкѣ съ душею животною, оно претворило ее въ душу человѣческую, которая потому въ своихъ дѣйствіяхъ являетъ основательное сродство и съ животными и съ духомъ.» *) При подробномъ анализѣ явленій каждаго изъ означенныхъ родовъ пресѣ. Ѳеофанъ вездѣ настойчиво стремится отмѣтить и отдѣлить въ нихъ естественное и природное отъ пришлаго, нажитого и неестественнаго. Разсмотрѣніе приводитъ къ убѣжденію, что въ человѣкѣ, созданномъ по образу и подобію Божію, высшія духовныя способности естественно должны господствовать, а низшія потребности души и тѣла должны быть въ подчиненіи у первыхъ. Такъ это и было въ періодъ неповрежденнаго, райскаго состоянія. Но явился грѣхъ и порядокъ совершенно извратился. Низшія способности не только освободились изъ-подъ власти высшихъ, но и совершенно поработили послѣднія. Впрочемъ, духъ не всегда мирится съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ и нерѣдко выражаетъ сильный протестъ противъ него. Отсюда постоянная внутренняя борьба въ человѣкѣ между идеальными стремленіями и низшими потребностями, побѣдителями изъ которой выходятъ очень немногіе. Если крѣпкій духомъ великій апостолъ языковъ много страдалъ отъ того, что видѣлъ *иной законъ во удѣхъ своихъ, противовоюющъ закону ума его*, то что же сказать о современныхъ, нравственно слабыхъ послѣдователяхъ его? Огромное большинство ихъ не выноситъ и падаетъ въ непосильной борьбѣ. Но ревнующему о доброй христіанской жизни не слѣдуетъ смущаться, падать духомъ и приходить въ отчаяніе, ибо несомнѣнно, что настоящее нравственное разстройство хотя прирождено намъ и съ нимъ мы являемся на свѣтъ, но оно не природно и въ началѣ его не было. А это убѣжденіе очень важно и отрадно для духовной жизни. Если разстройство не лежитъ въ существѣ нашей природы, а есть явленіе наносное и пришлое, то слѣдовательно съ нимъ воз-

*) Толкованіе 1 послан. къ Солунянамъ—383—384 стр.

можна борьба, есть надежда на уничтоженіе его и возстановленіе нормальнаго порядка. Напрасно утверждаютъ противное люди, отрицающіе свободу человѣческую. Они совершенно не правы. Ихъ обличаетъ вся исторія христіанской церкви въ лицѣ цѣлаго сонма праведниковъ, особенно въ лицѣ тѣхъ изъ нихъ, которымъ Промысломъ Божіимъ суждено было пережить тяжелую нравственную борьбу съ грѣхомъ, падать въ ней и возставать, подвизаясь по мѣрѣ силъ своихъ, пока не пришли въ «мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.» Если человѣкъ по свободной своей волѣ вначалѣ палъ въ грѣхъ и отпалъ отъ Бога, то, руководимый тою же свободою, онъ властенъ и дѣйствительно можетъ снова возстать и воссоединиться съ Богомъ.

Эти общія нравственно-психологическія взгляды преосв. Ѳеофанъ обосновываетъ и подтверждаетъ частнымъ обозрѣніемъ всѣхъ важнѣйшихъ силъ и явленій человѣческой природы какъ въ первоначальномъ, естественномъ ихъ состояніи, такъ и въ настоящемъ, поврежденномъ грѣхомъ. Такъ, разсмотрѣвъ проявленія физическихъ потребностей питанія, движенія, чувствительности и дѣятельности ихъ органовъ-желудка, мускуловъ и нервовъ, онъ заключаетъ, что естественная задача ихъ состоитъ въ поддержаніи жизни и силъ тѣла, назначеннаго служить орудіемъ нашего духа. Между тѣмъ въ дѣйствительности нерѣдко наблюдается совершенно обратное явленіе. Тѣлесныя потребности изъ служебныхъ средствъ превращаются въ главную цѣль жизни, вмѣсто подчиненнаго положенія господствуютъ, иногда порабощаютъ духъ человѣка. Послѣдній, увлекаясь животолюбіемъ и тѣлолюбіемъ нѣсколько простыхъ первоначальныхъ физическихъ нуждъ распложаетъ во множество искусственно нажитыхъ привычекъ и удовлетвореніе ихъ доводитъ до крайнихъ предѣловъ. По видимому, что можетъ быть проще, какъ дать тѣлу здоровую пищу и необходимую одежду? Но посмотрите, до какихъ прихотливыхъ, часто извращенныхъ вкусовъ дошелъ человѣкъ въ своемъ питаніи и роскоши въ одеждѣ! Есть множество людей, которые цѣлую жизнь заняты удовлетвореніемъ подобныхъ искусственныхъ потребностей, которые заставляютъ работать на себя цѣлую массу другихъ лицъ и все же не могутъ получить удовлетворенія. Они такъ поглощены своими заботами, что не имѣютъ времени подумать объ иныхъ, высшихъ интересахъ, и духъ ихъ по необходимости голодаетъ. Разсмотрѣніе явленій

физической природы человѣка и въ другихъ отношеніяхъ также несомнѣнно приводитъ къ убѣжденію, что тѣло наше въ настоящемъ поврежденномъ состояніи, вмѣсто назначеннаго ему плодотворнаго служенія высшимъ цѣлямъ, какъ необходимаго органа для дѣятельности духа, часто вредитъ духовной жизни, а иногда совершенно порабощаетъ духъ, становясь идоломъ и тираномъ нравственно слабаго существа.

Обозрѣвая далѣе отправленіе душевныхъ и духовныхъ способностей, преосв. Ѳеофанъ глубоко проникаетъ во внутренній міръ человѣка. Это разсмотрѣніе отличается вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательною силою и широтою самонаблюденія. Наблюдающій какъ бы спускается въ самые тайные уголки, освѣщаетъ самыя сокровенныя движенія духа и не смотря на трудность наблюденія, вездѣ успѣваетъ разобрать и отмѣтить въ нихъ очень тонкія проявленія нравственнаго начала. Сознаніе и самосознаніе, совѣсть, разумъ съ его идеями, разсудокъ съ его понятіями, сужденіями и умозаключеніями, память, воображеніе, воля со своими желаніями и наклонностями, сердце съ чувствованіями—всѣ эти разнообразныя силы и явленія человѣческаго духа обстоятельно разсматриваются со стороны нравственно-доброй и нравственно-злой. Святитель подробно опредѣляетъ естественное назначеніе и сферу дѣятельности каждой изъ нихъ въ кругу нашей внутренней жизни и указываетъ тѣ ненормальныя и часто уродливыя проявленія, какія онѣ принимаютъ въ дѣйствительности. Особенно важное значеніе имѣетъ ученіе о совѣсти, этомъ высшемъ руководителѣ нашей нравственной жизни. Ему посвящена цѣлая глава, съ подробнымъ и всесторонннимъ изложеніемъ предмета въ настоящемъ грѣховномъ состояніи человѣка, и въ чистомъ, возстановленномъ отъ паденія. Разсмотрѣніе дѣятельности поврежденной грѣхомъ совѣсти даетъ ясное понятіе о томъ, что всѣ важнѣйшія и самыя существенныя отправленія ея, какъ *законодателя, судіи* и *мздовоздаятеля* совершаются ненормально и неправильно. Совѣсть, какъ законодатель, нерѣдко и сама по себѣ невѣрно показываетъ законы, по которымъ нравственно обязанъ жить и дѣйствовать человѣкъ, какъ существо разумно-свободное. Тѣмъ болѣе и чаще бываетъ это подъ вліяніемъ и при столкновеніи требованій ея съ нашимъ самолюбіемъ. Такъ нерѣдко совѣсть затрудняется даже въ опредѣленіи основнаго вопроса нравственности о томъ, что слѣдуетъ считать главнымъ, руководящимъ принципомъ жизни. Мучительный вопросъ пылкаго

евангельскаго юноши, *что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдую?* есть вопросъ всего человѣчества. Въ рѣшеніи его можно встрѣтить самые разнообразные, даже противорѣчивые взгляды и толкованія. Одни, рѣдкіе, выше всего считаютъ служеніе Богу, другіе—общественную дѣятельность, третьи—кабинетныя занятія ученаго и пр. Конечно, еще больше этихъ точекъ зрѣнія, при выясненіи частныхъ предметовъ и явленій христіанской жизни. Когда же совѣсти приходится встрѣтиться съ нашимъ эгоизмомъ, то ея законныя требованія или съ умысломъ ложно перетолковываются или же совершенно искажаются и даже замѣняются другими, превратными началами. Такъ, подъ предлогомъ сохраненія здоровья мы удаляемся отъ поста, подъ видомъ поддержанія семьи отказываемся отъ благотворительности и пр. А нерѣдко заходимъ гораздо дальше, прямо вводя въ жизнь превратныя и завѣдомо ложныя правила: такъ скупость считаемъ бережливостью, расточительность—щедростью и пр. Не лучше отправляется долгъ совѣсти и какъ судіи. По существу своему она обязана тщательно и неуклонно слѣдить не только за нашими дѣлами, но и за всѣми внутренними движеніями и при малѣйшей неисправности строго и нелицемѣрно судить. Но этого мы обычно не наблюдаемъ, особенно когда примѣшиваются страсти. Совѣсть въ падшемъ состояніи—разбитое зеркало, ложно и фальшиво представляющее какъ насъ самихъ, такъ и наши дѣла и занятія. Чаще всего мы видимъ, что человѣкъ строго судитъ другихъ, а себя стремится оправдать, то ссылкою на свое невѣдѣніе и слабость, то на обстоятельства и соблазны и пр. Нерѣдко можно встрѣтиться и съ сознательнымъ и упорнымъ отрицаніемъ своей очевидной виновности, что уже свидѣтельствуетъ о глубокомъ поврежденіи совѣсти. При ложности и неправотѣ двухъ первыхъ отправленій совѣсти естественно неправильно совершается и третье обнаруженіе ея въ качествѣ мздовоздаятеля. Конечно, бываютъ случаи, когда нравственно падшій испытываетъ сильныя мученія совѣсти. Но въ большинствѣ сознаніе своей виновности остается только въ мысли, не тревожа сердца, и человѣкъ является холоднымъ зрителемъ своихъ, даже важныхъ грѣховъ. Это равнодушіе и усыпленіе совѣсти происходитъ и естественно, само собою, отъ частаго повторенія грѣхопаденій. Но нерѣдко мы производимъ его и намѣренно, напр., избирая себѣ снисходительнаго духовника, допускаемъ ложную исповѣдь и пр. Бываютъ и еще худшіе случаи, когда, напр., человѣкъ—ста-

рается убѣдить себя, что мученія совѣсти есть только плодъ суевѣрнаго страха неразвитаго человѣка и пр. Не такова совѣсть въ неповрежденномъ или возстановленномъ отъ грѣха состояніи. Дѣятельность ея вполнѣ исправна во всѣхъ важнѣйшихъ отправленіяхъ, какъ законодателя, судіи и мздовоздаятеля. Тогда въ совѣсти, какъ чистомъ зеркалѣ ясно и рельефно отражается вся наша духовная жизнь. Справедливыя требованія ея сознаются и исполняются, какъ непреложный и обязательный законъ. Нашъ совѣстный судъ обращается исключительно на себя, при чемъ совершается безъ всякаго укрывательства и ложнаго снисхожденія, со всею основательностью и полнотою, касаясь не только видимыхъ дѣлъ, но и тайныхъ помышленій и намѣреній; осудить же другихъ считается большимъ грѣхомъ. Здѣсь не только нѣтъ мѣста самооправданію и упорной несознательности, но наоборотъ вся жизнь проходитъ въ самоосужденіи и покаяніи. Становится совѣсть исправною и въ воздаяніи. Прежнее окаменѣлое нечувствіе исчезаетъ, а взамѣнъ его появляется необычайная духовная чуткость, даже къ малѣйшимъ внутреннимъ движеніямъ и перемѣнамъ, выражающаяся то въ глубокомъ сокрушеніи духа, то въ радостномъ успокоеніи. Но и это сокрушеніе и даже бывающія иногда мученія совѣсти тутъ имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ прежнемъ грѣховномъ состояніи. Они отрадно умилительны, не ожесточаютъ, не сожигаютъ. Многіе подвижники всю жизнь проводили въ слезахъ, иные были сухи отъ непрестаннаго представленія огня геенскаго. Но подобныя состоянія съ одной стороны приносили имъ бодрость духа и освѣженіе, а съ другой—исполняли сладостью міра, неизъяснимою отрадою и блаженствомъ. «Какъ разумъ назначенъ открывать человѣку иной, духовный, совершеннѣйшій міръ и давать знать о его устройствѣ и свойствахъ, такъ совѣсть назначена къ тому, чтобы образовать человѣка въ гражданина того міра, куда впослѣдствіи онъ долженъ переселиться. Съ сею цѣлію она возвѣщаетъ ему тамошніе законы, обязываетъ выполнять ихъ, судитъ его по нимъ, награждаетъ или наказываетъ. Совѣсть называютъ практическимъ сознаніемъ. Въ семъ отношеніи можно сказать, что она есть сила духа, которая, сознавая законъ и свободу, опредѣляетъ взаимное отношеніе ихъ. По занятіямъ или дѣйствіямъ, въ совѣсти видятъ *законодателя*, свидѣтеля, или *судію*, и *воздаятеля*. Во всѣхъ сихъ сторонахъ ея видны большія въ ней разности въ добромъ христіанинѣ и въ человѣкѣ—грѣшникѣ, отпадшемъ отъ Бога.»

«Ужъ потому самому, что грѣшникъ отдѣлился отъ Бога, должно ожидать, что совѣсть у него не можетъ быть исправна; ибо, если она есть, то голосъ Божій въ душѣ (законодатель), то око Его (свидѣтель), то намѣстница Его правосудія (судія и воздаятель); то при отпаденіи отъ Него всѣ сіи Божественныя, такъ сказать, паитія на насъ черезъ духъ—должны ослабѣть и умалиться въ числѣ и силѣ. Сверхъ того, совѣсть не дѣйствуетъ одна, отдѣльно, а беретъ себѣ въ посредники и орудія другія силы: разсудокъ, волю, силу чувствованія. Если сіи разстроены въ путяхъ своихъ, то и отъ совѣсти не льзя ожидать правой дѣятельности.»

«Есть невольныя, ненамѣренныя, такъ сказать, уклоненія совѣсти отъ путей правды, какъ бы заблужденія, и есть намѣренныя ея искаженія или порча совѣсти отъ противодѣйствія ей, въ угодность порокамъ и страстямъ. Эти двѣ стороны сейчасъ же представляются во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ совѣсти. Такъ дѣло совѣсти, какъ законодателя,—показывать законы, по коимъ должно дѣйствовать существу разумно-свободному, и склопять къ тому волю его силою своего обязательства.»

«Какъ мало у совѣсти силы побудить волю къ исполненію своихъ предписаній, ясно даже сознаваемыхъ, о томъ и говорить нечего. Это она еще можетъ какъ нибудь сдѣлать, если не встрѣчается съ какой нибудь страстію и склонностію; но коль скоро есть подобное столкновеніе, голосъ ея не слышится, и силою его одного человѣкъ не можетъ преодолѣть себя. Посему часто человѣкъ согрѣшаетъ по безсилію совѣсти, многія добродѣтели знаетъ только по слуху, многими изъ нихъ только соуслаждается, равно какъ и пороки иные не любитъ на словахъ и—до времени и случая.»

«Самое законодательство, кажется, дѣло и легчайшее, отправляется совѣстью невѣрно. Предписанія совѣсти сознаются въ видѣ требованій. Такъ какъ и другія потребности, естественныя или привитыя послѣ, тоже выставляютъ свои требованія; то не удивительно, что человѣкъ при смятеніи, царствующемъ въ немъ по паденіи, не можетъ иногда разобрать, чему повиноваться. Такъ, относительно *главнаго начала* въ нравственной дѣятельности, или того, куда должно быть устремляемо все вниманіе и направлены всѣ помышленія, совѣсть большею частію совсѣмъ почти молчитъ; оттого человѣкъ долженъ бываетъ вопрошать: *что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую?* и, когда къ нему обращаются съ подобнымъ вопросомъ,

приходитъ въ смущеніе и вынужденъ бываетъ сознаваться въ невѣденіи, а если иногда и предлагаетъ что въ отвѣтъ, то предлагаетъ начала превратныя, составляемыя превратнымъ умомъ въ заговорѣ съ склонностями, какъ у фарисеевъ, саддукеевъ, стоиковъ и др. Но когда не извѣстно главное начало, то въ слѣдъ за тѣмъ не только теряется нить взаимоподчиненія и соотношенія частныхъ законовъ, и одни возвышаются предъ другими безъ разумныхъ основаній, по случайнымъ обстоятельствамъ, но и многое входитъ въ законъ, что не должно быть закономъ. Такъ, напр., иной выше всего ставитъ гражданскую службу, другой богослуженіе, тотъ кабинетныя занятія ученаго. Касательно же частныхъ случаевъ, когда, то есть, совѣсть сейчасъ же должна опредѣлить, какъ кому поступить въ извѣстномъ случаѣ,—еще больше неопредѣленности, недальновидности и запутанности. Тутъ, большею частію, она или предоставляетъ человѣка самому себѣ, отъ чего онъ нерѣдко оставляетъ безъ вниманія доброе, а дѣлаетъ худое что по одному невѣдѣнію зла: или колеблется между *да и нѣтъ*, поставляетъ человѣка въ нерѣшительномъ увѣреніи, хорошо ли то, что онъ дѣлаетъ; или называетъ горькое сладкимъ, а сладкое горькимъ, и это—даже у законодателей, занимавшихся тѣмъ, людей опытныхъ въ жизни. Вообще, совѣсть оставляетъ человѣка дѣйствовать на удачу, по влеченію обстоятельствъ, безъ внутренняго увѣренія и одобренія. По всему видно, что сей законодатель отстраненъ отъ своей должности, лишенъ господства и до того ослабѣлъ, что не вступается въ свои права; напротивъ, дѣйствующею представляется иная нѣкая сила—за совѣсть.»

«Еще большему поврежденію и искаженію подвергается законодательствующая совѣсть, если встрѣчается съ *эгоизмомъ* и *ему подчиняется*. Здѣсь сначала ея законы перетолковываются, потомъ извращаются и наконецъ замѣняются совсѣмъ иными, самовольными и даже противными законамъ истиннымъ. Мы охотно вѣримъ тому, что любимъ, и сильно желаемъ, чтобы истина была на сторонѣ любимаго. Поэтому, если случится услышать голосъ совѣсти съ заповѣдію, противною нашей склонности, то онъ имѣетъ для насъ меньше убѣжденія, нежели требованія сердца. Въ подобныхъ обстоятельствахъ тотчасъ рождается недоумѣніе касательно истиннаго смысла заповѣди; мы спрашиваемъ съ сомнѣніемъ: да такъ ли это должно понимать? таково ли требованіе закона? ко всѣмъ ли оно идетъ?

идетъ ли ко мнѣ и моему положенію? При этомъ раздумьи дѣла большею частью отстраняются, оставляются до другого времени подъ сомнѣніемъ; но скоро затѣмъ представляются мысли въ угоду сердцу, законъ перетолковывается, и мы удаляемъ себя отъ исполненія его подъ разными предлогами. Такъ, подъ предлогомъ сохраненія здоровья, удаляются отъ поста и воздержанія, а подъ предлогомъ поддержанія благосостоянія семейнаго и нуждъ, отказываются отъ благотворенія; въ видѣ праведнаго возмездія берутъ ростъ; отстаивая честь, выходятъ на дуэль, и проч. Все сіе впрочемъ пагубно въ половину, если заходитъ недалеко, касается частныхъ случаевъ и при томъ у одного лица; но долговременная дѣятельность въ одномъ родѣ, съ перетолкованіемъ смысла закона, доводитъ до того, что онъ совсѣмъ искажается и въ совѣсти, а на мѣсто его ставится превратное правило. Оттого считаютъ скупость бережливостью, расточительность—щедростію, гнѣвъ чувствомъ благороднаго негодованія, потворство—снисходительностью, жестокость—ревностію по правдѣ, лесть—гибкостію характера, хитрость—благоразуміемъ, гордость—чувствомъ достоинства. Случись при этомъ кому либо обращаться въ такомъ кругу, гдѣ помянутыя мнѣнія приняты и содержатся какъ правило, опредѣляющія внѣшнее поведеніе человѣка, во всѣхъ его положеніяхъ,—что удивительнаго, если онъ сіи правила приметъ за рѣшительное законодательство совѣсти, и удовлетвореніе имъ станетъ считать и первымъ дѣломъ и добродѣтелью, какъ, напротивъ, жизнь или поступки не по нимъ станетъ осуждать не языкомъ только, но и чувствомъ совѣсти.»

«Совѣсть, какъ *свидѣтель и судія,* сознаетъ, какъ обшелся человѣкъ съ предписаннымъ ею закономъ, и, подводя подъ него поступокъ со всѣми обстоятельствами, и внутренними и внѣшними, опредѣляетъ, правъ ли человѣкъ или виноватъ. Судъ суда совѣстнаго, какъ говорится, неподкупенъ. Это и бываетъ такъ, только не всегда. Можно ожидать невѣрности въ судѣ совѣстномъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невѣрно законодательство совѣсти, ибо тогда нѣтъ начала для суда. Сверхъ того, для вѣрности суда надобно замѣтить поступокъ во всѣхъ частяхъ, особенно внутреннія при немъ бывшія расположенія; у человѣка же грѣшника, при постоянномъ расхищеніи ума, многое очень можетъ быть опущено изъ вниманія. Потому у него совѣсти не къ чему прилагать суда. Наконецъ, не послѣднее дѣло при семъ—ревность къ правотѣ, чтобъ неослабно

преслѣдовать все преступное, ибо безъ сего многое и изъ замѣченнаго можетъ быть пропущено мимо ушей; это и еще основаніе невѣрности суда совѣсти у грѣшника, ибо онъ и грѣшникъ по тому, что не имѣетъ ревности къ правдѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что совѣсти слѣдовало бы дѣйствовать такъ: ревнуя о правдѣ, тщательно слѣдить за дѣлами человѣка, и мало—мало какая окажется неисправность, тотчасъ предавать его суду и судить не лицемѣря. Но такихъ дѣйствій нѣтъ въ совѣсти у человѣка-грѣшника. Какъ же можно ожидать вѣрнаго суда отъ такой совѣсти!»

«Уже изъ того видно его ненадежность, что по нему каждый человѣкъ самому себѣ представляется лучшимъ, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Исключая рѣшительныхъ случаевъ и важныхъ грѣховъ, всякій готовъ говорить; чтожъ такое я сдѣлалъ? Поэтому богобоязненные судіи о себѣ самихъ и говорятъ себѣ: отъ тайныхъ моихъ очисти мя. Совѣсть въ падшемъ состояніи—разбитое зеркало. Какъ разбитое зеркало, она теперь не такъ представляетъ дѣла наши и насъ, какъ бы слѣдовало.»

«Такова совѣсть, какъ свидѣтель и судія, если къ ней не примѣшивается страсть; въ семъ же случаѣ вѣсы ея еще больше склоняются на неправую сторону, и судъ искажается. Когда совѣсть сама по себѣ судитъ о частныхъ случаяхъ, то здѣсь судъ ея еще бываетъ по временамъ не невѣренъ; но коль скоро надлежитъ судить свои страстныя дѣла, судъ совѣсти всегда кривъ. Таковъ судъ у честолюбца за честолюбіе, у скупца за скупость и проч., тогда какъ въ другихъ дѣлахъ таже совѣсть бываетъ недремлющею. Немалый признакъ искаженія совѣсти есть уклоненіе суда отъ себя на другихъ. Совѣсть намъ дана за тѣмъ, чтобъ судить насъ самихъ; если она судитъ другихъ, надобно сказать, что она не свое дѣло стала дѣлать. На это осужденіе другихъ можно теперь смотрѣть, какъ на указаніе того, каковъ бы долженъ быть судъ нашъ надъ нами самими, и какъ на обличеніе по стоянной невѣрности сего послѣдняго. Такъ въ осужденіи другихъ судъ обыкновенно бываетъ скоръ, мгновененъ, тогда какъ надъ самими собою онъ медленъ, отсрочивается, а слѣдуетъ—наоборотъ; судъ о другихъ бываетъ неумолимо строгъ, тогда какъ судъ о себѣ всегда прикрывается снисходительностію, а слѣдуетъ—наоборотъ. Оканчивается же сей судъ всегда почти: нѣсмь, якоже прочіи человѣцы... Какъ строго

купецъ судитъ о дѣлахъ прововѣда, свѣтскій—о духовныхъ, и проч.! Тогда какъ на другихъ безпрерывно идетъ изъ сердца осужденіе, себя любимъ мы покрывать оправданіемъ. *Самооправданіе*—общій почти грѣхъ. Выставляютъ то слабость, то невѣденіе, то обстоятельство, то соблазны, примѣры. Если наконецъ не удастся это, упорно стоимъ за себя. *Упорная несознательность*—плодъ великаго поврежденія совѣсти и вмѣстѣ сильнаго эгоизма. Человѣкъ внутри говоритъ на перекоръ себѣ: не виноватъ,—пустое,—ни чего! и при этомъ разные употребляются извороты, преимущественно касательно судимаго поступка, напрягаясь подвесть его подъ случаи, въ коихъ подобные поступки бываютъ извинительны.»

«Совѣсть, *какъ мздовоздаятель*. Коль скоро произнесенъ судъ и человѣкъ созналъ въ себѣ: виноватъ,—начинается скорбь, туга, досада на себя, укоры, терзанія или мученія совѣсти. Такія чувства и суть воздаянія за грѣхи отъ совѣсти, какъ напротивъ отрадныя чувства совѣстнаго оправданія суть воздаянія за правду. Что это есть и какъ бываетъ сильно, показываютъ тѣ преслѣдованія, какимъ подвергаются великіе преступники отъ совѣсти, когда она и внутри терзаніями, и вовнѣ привидѣніями страшитъ ихъ и на яву, и во снѣ. Но и опять сколько несправедливости у ней и съ сей стороны! основаніе имъ *одно*—въ невѣрности первыхъ двухъ дѣйствій, законодательства и суда, ибо невиновнаго за что мучить? *другое*—въ состояніи сердца: сердце ожестѣлое равнодушно, какъ его ни вини. Отъ этого сознаніе своей виновности большею частію остается въ мысли, не тревожа сердца, и человѣкъ часто говоритъ: виноватъ, да чтожъ такое?—и остается холоднымъ зрителемъ своихъ грѣховъ, нерѣдко немалыхъ. Немалое имѣетъ значеніе при семъ обстоятельства времени и мѣста. Такъ, недавнее преступленіе безпокоитъ еще довольно сильно, а вдали отъ него мы покойны. Нерѣдко нападаетъ но совѣсть страшливость (скрупулезность), по которой, считая всякое почти дѣло грѣхомъ, она за все тревожитъ и ѣстъ человѣка. Состояніе того, кто подвергается такому суду, мучительно и потому есть состояніе болѣзненное, неестественное.»

«Но все это происходитъ само собою, безъ нашего злонамѣреннаго участія. Гдѣ же привходитъ умыселъ, тамъ мы или искажаемъ совѣстное воздаяніе, или заставляемъ его молчать. Это производится разными способами усыпленія совѣсти. Усыпленіе сіе приходитъ и само собою отъ учащенія грѣхопаденій,

ибо извѣстно, что второе паденіе меньше мучитъ, третье еще менѣе, и такъ все менѣе и менѣе, а наконецъ совѣсть совсѣмъ нѣмѣетъ: дѣлай, что хочешь. Изъ опасенія, чтобъ усыпленная совѣсть какъ нибудь снова не пробудилась, прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ. Таковы: избраніе себѣ снисходительнаго духовника, лживая исповѣдь, ложное успокоеніе себя разрѣшеніемъ, ограниченіе дальнѣйшаго исправленія одною внѣшностію, или одними внѣшними дѣлами благочестія, и чрезмѣрная надежда на милосердіе Господне; или, еще хуже,—убѣжденіе себя, что мученія совѣсти есть суевѣрные страхи, изъ неопытнаго дѣтства перешедшіе; намѣренное удаленіе себя отъ лицъ и мѣстъ, даже отъ предметовъ размышленія, могущихъ растревожить совѣсть; намѣренное развлеченіе или преданіе себя суетнымъ, одуряющимъ, сильнымъ впечатлѣніямъ, и наконецъ край всего—хвастовство своими грѣхами. Такими способами мало по малу успѣваемъ совсѣмъ заглушить совѣсть, и она молчитъ до времени.»

«И такъ совѣсть въ грѣховномъ состояніи, по законодательству, по суду и воздаянію, то сама собою невѣрна, то намѣренно искажается ради страстей. Отъ сего одни свободно предаются всему разливу страстей и грѣховной жизни, ибо, когда совѣсть улажена со страстями, кто вразумитъ? Другіе живутъ въ холодной безпечности, ни худо, ни добро. Утѣхъ и другихъ, очевидно, дѣятельность извращена, и она пребудетъ такою до пробужденія совѣсти. Мѣрою развращенія опредѣляется, что бываетъ при семъ съ человѣкомъ, ибо иные, хотя послѣ сильнаго и томительнаго перелома, возвращаются къ жизни истинной; другіе, напротивъ, съ пробужденіемъ совѣсти предаются отчаянію и допиваютъ горькую чашу беззаконій, чтобъ потомъ испивать до дна и чашу гнѣва Божія.»

«У человѣка, къ Богу обратившагося и возстановившаго благодатное съ Нимъ общеніе, совѣсть заблуждающаяся вразумляется, искаженная исправляется во всѣхъ трехъ своихъ должностяхъ. Первый лучъ благодати падаетъ на совѣсть и своимъ Божественнымъ огнемъ очищаетъ ее, какъ злато въ горнилѣ. Когда же совершается обращеніе и возстановляется общеніе съ Богомъ, тогда возвращается совѣсти и вся первоначальная сила. Тогда что будетъ препятствовать гласу Божію—закону совѣсти—проходитъ до глубины души? Что помѣшаетъ лучу изъ ока Божія—суду совѣсти—пасть на дѣло и намѣренія человѣка и освѣтить ихъ? Или почему бы душа не могла

согрѣваться теплотою предчувствуемаго благоволенія Божія или содрагаться страхомъ гнѣва Божія? Между Богомъ и совѣстію средостѣніе разорено, силы орудныя для совѣсти возстановлены, слѣдовательно совѣсть обладаетъ всѣми способами для исправнаго дѣйствованія.»

«Такъ она дѣлается исправною въ *законодательствѣ*. Сознаніе законовъ Божественныхъ и возбуждаетъ грѣшника отъ усыпленія, но оно въ послѣдствіи не сокращается, а возвышается. Этому способствуетъ сама благодать, которая, какъ *помазаніе учитъ всякаго, какъ должно поступать* (Іоан. 2, 27), и руководитъ его на всѣхъ путяхъ жизни, тайно и явно. Этому способствуетъ жажда слова Божія, отъ коего обратившійся грѣшникъ не отстаетъ, а ищетъ или слышать, или читать его, впиваетъ его, питается имъ и все черпаемое изъ него превращаетъ во глубинѣ сердца въ правила и начала и тѣмъ освѣщаетъ свою совѣсть. Этому способствуетъ самая жизнь. Чувствуя себя опредѣленнымъ на хожденіе въ волѣ Божіей, онъ тщательно изслѣдуетъ волю Божію для себя и во всѣхъ касающихся до него случаяхъ и всегда въ отношеніи къ грѣху говоритъ себѣ: *како совершу глаголъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ*,—а къ добру: *готово сердце мое, готово!* Такимъ образомъ навыкаетъ онъ жизни законной въ своемъ кругу и не имѣетъ уже нужды справляться съ книгою законовъ, но знаетъ ихъ прямо подобно опытному правовѣду. Что же касается до нападеній со стороны развратной воли, то, хотя они и чувствуются, но голосъ ихъ подавляется тотъ же часъ; даже хотя бы онъ и еще слышенъ былъ, дѣятельность законная на перекоръ имъ не оставляется, ибо опредѣлено ходить въ волѣ Божіей безъ сожалѣнія, со всякими пожертвованіями, среди всякихъ озлобленій, и внутреннихъ и внѣшнихъ.»

«Является она исправною *въ судопроизводствѣ*. Бдительное и трезвенное око, уставленное на себя, замѣчаетъ всѣ оттѣнки дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Когда въ то-же время съ другой стороны стоитъ чистое зеркало совѣсти,—что препятствуетъ отражаться въ семъ зеркалѣ дѣлу въ истинномъ его видѣ, и потому—суду совѣсти быть истиннымъ? Сужденіе есть приложеніе общаго начала къ частному случаю. Если то и другое есть, то оно не можетъ не совершиться и, если то и другое вѣрно, то и сужденіе не можетъ быть невѣрнымъ. Къ совершенству сего дѣйствія совѣсти далѣе способствуетъ то, что считается величайшимъ грѣхомъ,—

осудить другаго, и, когда это случится нечаянно, очищается сильнымъ раскаяніемъ. Но когда судъ весь обращенъ на себя, то здѣсь онъ совершается безъ укрывательства, безъ ложнаго снисхожденія, со всею подробностью и полнотою, касаясь не дѣлъ только и словъ, но и намѣреній и мыслей. Въ предостереженіе же отъ погрѣшностей въ семъ дѣлѣ избирается сторонній судія (духовникъ или опытный старецъ, которому открываютъ все), который и рѣшаетъ дѣло, и котораго рѣшеніе принимается, какъ рѣшеніе Божіе. Здѣсь не встрѣтится грубаго самооправданія и несознательности, ибо жизнь почти вся проводится въ самоосужденіи и чувствахъ покаянія; дѣла свои не считаются совершенными и законченными, и свое лице—достойнымъ милостей. Какъ плодотворны такія расположенія! Они сначала приводятъ миръ въ душу, не возмущаемый никакими внѣшними непріятностями, ибо виновный чувствуетъ себя достойнымъ всякихъ казней; потомъ и чистоту въ жизнь, ибо, чѣмъ больше осуждается дѣлъ или сторонъ въ дѣлахъ, тѣмъ, они должны становиться совершеннѣе, если такой пересмотръ совершается съ цѣлію достигать совершенства.»

«Исправна она и въ *воздаяніи*. Окаменное нечувствіе прогнано, когда Божія благодать разваряла все существо человѣка; есть и постоянная молитва объ избавленіи отъ него напослѣдокъ. Посему, какъ въ барометрѣ легкое колебаніе въ атмосферѣ отражается тотчасъ, такъ и въ обратившемся или жало обвиненія совѣстнаго тотчасъ—оставляетъ рану болѣзненнаго сокрушенія, или елей оправданія намощаетъ душу помазаніемъ мира и исполняетъ отраднымъ благоуханіемъ радости. При семъ замѣтить должно, что и мученія совѣсти совсѣмъ иной имѣютъ здѣсь оттѣнокъ, нежели какой имѣютъ они у необращеннаго. Они отрадно-умиленны, не ожесточаютъ, не отрѣваютъ, не сожигаютъ. Можетъ быть, это потому, что, по обращеніи, при ревности къ Богоугожденію, случаются только нѣкоторые, нечаянные, ненамѣренные грѣхи, Правда, не оставляются безъ вниманія и прошедшія дѣла и, когда нужно, воспроизводятся дѣятельно, разъясняются со всѣми обстоятельствами, со всѣми послѣдствіями, и предаются внутреннему суду, какъ бы насталъ часъ смерти, суда Божія и окончательнаго приговора, и въ разверстомъ такимъ образомъ сердцѣ омывается слезами все содѣянное вопреки волѣ Божіей; но опять и это не подавляетъ ихъ духа безнадежностію. Бываетъ въ крушеніи духъ отъ сличенія прошедшаго съ будущимъ, но оно всегда оканчивается отраднымъ успокоеніемъ въ

Богѣ: грѣшникъ, но Твое созданіе, къ Тебѣ обращаюсь, буди воля Твоя!—И въ этомъ горѣніи совѣстномъ избавляютъ себя отъ огня будущаго. Миръ совѣсти у святыхъ не исключалъ такого крушенія духа, а напротивъ, многіе все время проводили въ слезахъ, иные были сухи отъ того, какъ говорили они, что помнили безпрестанно огнь геенскій, который опалялъ ихъ непрестанно (Макарій Вел.). Такое состояніе совѣсти съ одной стороны приносило имъ трезвенность, освѣжающую и ободряющую, съ другой, въ отношеніи къ Богу и всему характеру ихъ жизни, преисполняло ихъ сладостнымъ миромъ, неизъяснимою отрадою, всеобъемлющимъ Богоблаженствомъ. Миръ Божій, превосходящій всякій умъ, осѣнялъ ихъ (Фил. 4, 7). Въ этомъ состояніи они получали непреодолимое воодушевленіе на дѣла богоугодныя. Апостолъ Павелъ дороже всего почиталъ свидѣтельство своей совѣсти и ради его шелъ на всѣ скорьби. Тоже чувствовали и другіе (Іов. 27, 6). Это—отрадная манна, укрѣпительная пища небесная, приносимая ангелами съ неба. Это и есть радость о Духѣ Святѣ, или сила, по коей можно, слѣдуя апостолу, непрестанно радоваться.»

«Плоды такого состоянія совѣсти суть: прежде всего—дерзновеніе предъ Богомъ, по которому несмущенно и несумнѣнно обращаются къ Богу, какъ невинныя дѣти къ отцу: потомъ—живая, сильная и скорая дѣятельность, ибо чистая совѣсть привлекаетъ силу Божественную, которая, преисполняя собою всю душу, сообщаетъ ей неутомимость, непрестаемость труда, непреодолимость препятствіями, въ чемъ собственно и состоитъ *свобода духа,* свойственная человѣку; наконецъ и воля сливается съ совѣстію и прекращается всякое внутри возстаніе: человѣкъ вступаетъ въ то состояніе, когда ему законъ не лежитъ, потому что онъ самъ весь преисполняется закономъ.» *)

Приведенные взгляды преосвящ. Ѳеофана на устройство человѣческой природы находятся въ тѣсной, внутренней связи и опредѣляются общимъ нравственно-философскимъ міровоззрѣніемъ его, а потому для возможно полнаго выясненія и обоснованія первыхъ необходимо указать второе. Свои воззрѣнія на міръ и человѣка святитель выразилъ въ письмѣ къ одному ученому естествовѣду—химику, искавшему истинной, христіанской жизни. Содержаніе письма представляетъ собою рѣдкій въ духовной литературѣ опытъ примиренія выводовъ свѣтской науки съ началами христіанскаго богословія въ ученіи о природѣ и про-

*) Начертаніе христіан. нравоученія. Стр. 259—271.

исхожденіи важнѣйшихъ явленій ея. Оно, между прочимъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ и о томъ, какою громадною и многостороннею эрудиціею обладалъ покойный владыка. На ряду съ обширными свѣдѣніями о богословскихъ истинахъ ему были доступны глубокія и основательныя знанія въ области естествовѣдѣнія и философскаго изъясненія его. Существенное содержаніе письма выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ. Основу міра составляютъ атомы. Сами по себѣ они мертвы и получаютъ жизнь только отъ присущихъ имъ нѣкоторыхъ невещественныхъ силъ. Послѣднія имѣютъ различныя степени жизнедѣятельности соотвѣтственно тремъ главнымъ царствамъ природы. Низшія силы свойственны неодушевленной, такъ называемой, неорганической природѣ, и производятъ такія явленія, какъ химическое соединеніе, кристаллизація и др. Слѣдующую ступень составляютъ силы, дѣйствующія въ царствѣ растительномъ. Наконецъ, высшія обнаруживаются въ животномъ мірѣ. Вмѣстилище стихій и силъ природы есть Душа міра, созданная Богомъ еще до творенія всего настоящаго множества и разнообразія предметовъ и явленій. Это былъ именно тотъ хаосъ, о которомъ говорится на первой страницѣ библіи. Цѣлыя царства и отдѣльные предметы видимой природы постепенно выдѣлялись изъ Души міра въ теченіи шести дней по творческому глаголу Божію. Вѣнецъ творенія—человѣкъ однѣ стороны своего существа получилъ отъ Души міра, напр., тѣло и душу, а другія, именно— высшія способности духа непосредственно отъ Бога, который Самъ благоволилъ вдохнуть въ него Свое дыханіе. Такъ было въ началѣ. Такъ есть и теперь. Тѣло и душу ребенокъ получаетъ отъ родителей, а духъ вдыхается въ него Богомъ, который вездѣ есть. Своими низшими душевно—чувственными способностями и силами человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ въ предѣлахъ и по законамъ природы, духъ же значительно поднимаетъ его надъ природою и переноситъ въ иной, высшій, совершенно отрѣшенный отъ нея міръ. Правда, при настоящемъ нравственномъ поврежденіи человѣка послѣднее явленіе не всегда замѣтно—и ясно наблюдается, но первоначальное его назначеніе и состояніе было именно таково.

«О мірѣ я такъ думаю. Основа міра вещественнаго—атомы. Но атомы не всѣ одинаковы,—они ни движенія, ни соединенія взаимнаго имѣть не могутъ. Все производятъ дѣйствующія въ нихъ силы. Какія это силы? Я допускаю лѣствицу невещественныхъ силъ душевнаго свойства. Взаимное

притяженіе, химическое сродство, кристаллизація, растенія, животныя,—производятся соотвѣтствующими невещественными силами, которыя идутъ, возвышаясь постепенно. Субстратъ всѣхъ силъ сихъ—Душа міра. Богъ, создавъ сію Душу невещественную, вложилъ въ нее идеи всѣхъ тварей, и она инстинктивно, какъ говорится, выдѣлываетъ ихъ, по мановенію и возбужденію Божію.»

«Душа создана вмѣстѣ съ словомъ: *да будетъ свѣтъ!* Свѣтъ сей—эфиръ, есть оболочка Души. Словами: *да будетъ*—творилось нѣчто новое... Во второй день—твердь. Когда Богъ говорилъ: *да изведетъ земля...*, то Ему внимала Душа міра и исполняла повелѣнное. Она выдѣляла изъ себя всякаго рода растительныя души, которыя и дали разнородныя растенія и потомъ стали воспроизводить ихъ по роду своему. Тоже, по слову Божію: *да изведетъ земля душу живу всякую,* Душа выдѣлила души животныхъ, которыя и произвели разные роды животныхъ. Когда надлежало сотворить человѣка, то не землѣ дается повелѣніе: да изведетъ, а въ тайнѣ Пресвятой Троицы произносится: «Сотворимъ». Когда Богъ творилъ человѣка, то образовалъ прежде тѣло изъ персти. Это тѣло что было? Оно было живое тѣло, было животное въ образѣ человѣка, съ душею животною. Потомъ Богъ вдунулъ въ него духъ Свой,—и изъ животнаго сталъ человѣкъ—ангелъ въ образѣ человѣка. Какъ тогда было, такъ и теперь происходятъ люди. Души отраждаются отъ родителей, или влагаются путемъ естественнаго рожденія, а духъ вдыхается Богомъ, который вездѣ есть. Сей духъ, соединяясь съ душею животною, поднялъ ее надъ душею животныхъ на цѣлую стадію, и видимъ въ человѣкѣ, что до извѣстной степени у него все идетъ, какъ у животныхъ... до смышленности, а далѣе начинается рядъ силъ, хоть душевнаго свойства, но выше души..., разсудокъ, воля, вкусъ. Еще далѣе: страхъ Божій, совѣсть, недовольство тварнымъ, стремленіе къ Богу. Это совсѣмъ отрѣшенныя отъ души проявленія духовныя. Можно еще, между душею и духомъ, помѣстить душевно-духовность: идеальничающій умъ, перестроивающая все за ново воля и творчество (въ искусствахъ). Это геніальность, съ умовой, практической и художественной стороны. Духъ въ душѣ, или душа въ духѣ. Это все естественныя проявленія. Они очень не въ настоящемъ видѣ являются на опытѣ, по причинѣ разстройства силъ въ паденіи. Благодатныя дѣйствія являютъ духъ и духовность въ настоящемъ ихъ видѣ.»

«Души низшія духа и человѣка погружаются въ Душу міра. А душа человѣка не можетъ туда погрузиться, но духомъ увлекается горѣ,—это по смерти. Такъ вотъ гдѣ вашей химіи источникъ. Въ нѣкоей химической Душѣ. Въ этой Душѣ есть инстинктивно чуемый образъ того, что надо сдѣлать изъ стихій. Она ихъ забираетъ и строитъ свое. Въ мірѣ или его составѣ надо различать, кромѣ стихій еще систему силъ, расположенныхъ лѣстницею—отъ низшихъ къ высшимъ идущею. Низшая сила есть та, которая дѣйствуетъ въ мертвой природѣ, и которой высшія издѣлія суть явленія химическихъ сочетаній и кристаллизаціи—(напримѣръ, снѣжинки—разводы на окнахъ зимою и подоб.). Выше этой стоитъ сила растительности, которая въ своей власти держитъ и кристализующую силу и силу химическихъ сочетаній. Выше растительной силы стоитъ—животная, которая въ своей власти держитъ и растительную силу и кристализующую и силу химическихъ сочетаній.—Выше животно-душевной силы—силы человѣческаго естества, которое содержитъ всѣ силы низшія его въ своей власти, и ими дѣйствуетъ. Или такъ: душа животныхъ, умѣя дѣйствовать какъ животное, умѣетъ и то производить, что свойственно душѣ растительной и химической. Равно растительная душа, умѣя дѣлать свое, умѣетъ дѣлать и химическое.—Тутъ единство природы. Помнится мнѣ, что у Шуберта—исторія души—подробно раскрываются сіи положенія. Съ этимъ удобно мирится и паденіе и искупленіе.»

«Правду вы говорите, что мы о матеріальномъ мірѣ менѣе знаемъ, нежели о духовномъ. И не даетъ Богъ и не дастъ, потому что это не нужно для насъ. Мы всегда останемся въ семъ отношеніи на поверхности...

Владѣніе стихіями и силами дѣйствующими на землѣ будетъ раширяться; но это не вѣдѣніе, а только умѣнье пользоваться тѣмъ, что открывается само собою. Суть дѣла навсегда сокрыта для насъ.» *)

Таковы психологическія основы христіанской жизни. Ученіе объ этомъ предметѣ даетъ возможность преосв. Ѳеофану утвердить и развить основную мысль всего своего нравоученія о томъ, что настоящая ненормальная жизнь поврежденнаго грѣхомъ человѣчества представляетъ собою ничто иное, какъ обширную арену борьбы между идеальными стремленіями духа и низшими потребностями души и тѣла. Результатомъ этой борьбы

*) Собраніе писемъ вып. II, стр. 107—110.

опредѣляется цѣнность личности и дѣятельности каждаго человѣка. По степенямъ своего нравственнаго совершенства люди только и различаются между собою силою развитія и мѣрою жизнедѣятельности у нихъ духовныхъ началъ. Эта мысль неизмѣнно проходитъ, объединяя и обобщая всѣ многочисленные нравоучительные труды преосвященнаго Θеофана. Онъ неоднократно повторяетъ, развиваетъ и доказываетъ ее какъ въ общихъ основныхъ положеніяхъ, такъ и во многихъ частностяхъ и подробностяхъ. Наконецъ, онъ считаетъ необходимымъ установить и провѣрить ее исторически. Историческое изслѣдованіе, между прочимъ, дастъ писателю необходимый матеріалъ и основаніе указать и выяснить тѣ пути и средства, руководясь которыми, возможно было бы возстановить нарушенный грѣхопаденіемъ нормальный порядокъ нашей духовной жизни. «Богъ создалъ человѣка для блаженства и именно въ Немъ, чрезъ живое съ Нимъ общеніе. Для сего вдунулъ въ лице его дыханіе Своей жизни, что есть духъ... Человѣку даны въ духѣ сознаніе и свобода, но не затѣмъ, чтобъ онъ зазнавался и своевольничалъ, а затѣмъ, чтобъ сознавъ, что все имѣетъ отъ Бога и для того, чтобъ жить въ Богѣ, все свободно и сознательно направлялъ къ сей единой цѣли. Когда онъ такъ бываетъ настроенъ, то въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Богъ, пребывающій въ человѣкѣ, даетъ духу его силу властвовать надъ душею и тѣломъ, а далѣе и надъ всѣмъ, что внѣ его. Таково и было первоначальное состояніе человѣка. Богъ являлся прародителемъ и подтвердилъ все сіе Своимъ Божественнымъ словомъ, наказавъ имъ Его Единаго знать, Ему Единому служить, въ волѣ Его Единаго ходить. Чтобъ они не запутались въ соображеніяхъ, какъ все это выполнять, Онъ далъ имъ небольшую заповѣдь—не вкушать плодовъ отъ одного древа, названнаго Имъ древомъ познанія добра и зла. Такъ и начали жить наши прародители и блаженствовали въ раю. Позавидовалъ имъ падшій прежде того по гордости духъ и сбилъ ихъ съ пути, наустивъ ихъ преступить данную имъ небольшую заповѣдь тѣмъ, что обольстительно представилъ, будто со вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода они вкусятъ такого блага, котораго безъ того и вообразить не могутъ,—станутъ какъ боги. Они повѣрили и—вкусили. Дѣло вкушенія, можетъ быть, и не велико, но худо, что повѣрили, не зная кому. Можетъ быть, и это не такъ бы было важно, еслибъ не тѣ страшно-преступныя мысли и чувства къ Богу, какія,

какъ ядъ, влилъ въ нихъ злой духъ. Онъ наговорилъ имъ, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ древа затѣмъ, чтобъ и они не сдѣлались богами. Этому повѣрили. Но повѣривъ такъ, они не могли не принять хульныхъ о Богѣ помышленій, будто Онъ завидуетъ имъ и неблагожелательно къ нимъ относится, а принявъ такія помышленія, не могли миновать и нѣкоторыхъ недобрыхъ къ Нему чувствъ и своевольныхъ рѣшеній: такъ мы же сами возьмемъ то, до чего Ты не хочешь допустить насъ. Мы сами себя устроимъ наперекоръ Ему. Вотъ эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означаютъ явное отступленіе отъ Бога и враждебное возстаніе противъ Него. У нихъ внутри то же произошло, что приписывается злому духу: выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему,—и это не какъ летучая мысль, а какъ враждебное рѣшеніе.»

«Такъ сознаніе зазналось и свобода возсвоевольничала, принявъ на себя устроеніе своей участи. Отпаденіе отъ Бога совершилось полное съ отвращеніемъ нѣкіимъ и враждебнымъ возстаніемъ противъ Него. За это и Богъ отступилъ отъ такихъ преступниковъ,—и живой союзъ прерванъ. Богъ вездѣ есть и все содержитъ, но внутрь свободныхъ тварей входитъ, когда они Ему себя предаютъ. Когда же въ себѣ самихъ заключаются, тогда Онъ не нарушаетъ ихъ самовластія, но храня ихъ и содержа, внутрь не входитъ. Такъ и прародители наши оставлены одни. Еслибъ покаялись поскорѣе, можетъ-быть, Богъ возвратился къ нимъ, но они упорничали и—при явныхъ обличеніяхъ ни Адамъ, ни Ева не сознались, что виноваты. Послѣдовалъ судъ и наказаніе изгнаніемъ изъ рая. Тутъ опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказаніе, а за ними и всему роду нашему.»

«Духъ былъ властенъ надъ душою и тѣломъ, потому что состоялъ въ живомъ общеніи съ Богомъ и отъ Него получалъ Божескую силу. Когда пресѣклось живое общеніе съ Богомъ, то пресѣкся притокъ и божеской силы. Духъ, себѣ оставленный, не могъ уже быть властителенъ души и тѣла, но былъ увлеченъ и самъ завладѣнъ ими. Надъ человѣкомъ возобладала душевность, а черезъ душевность—тѣлесность, и сталъ онъ душевенъ и плотянъ. Духъ хоть тутъ же, но безъ власти. Онъ заявляетъ свое существованіе то страхомъ Божіимъ, то тревогами совѣсти, то недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ, но его предъявленій не берутъ во вниманіе, а принимаютъ только къ

свѣдѣнію, всю заботу обращая на устроеніе своего быта здѣшняго, къ чему и назначена душа,—и быта, болѣе вещественнаго, потому что здѣшняя жизнь посредствуется тѣломъ и что все тѣлесное осязательнѣе и кажется нужнѣе.»

«Когда произошло такое извращеніе порядка въ соотношеніяхъ частей естества нашего, человѣкъ не могъ уже видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, не могъ держать въ должномъ порядкѣ свои потребности, желанія и чувства. Они пришли въ смятеніе, и безпорядочность стала характеристическою ихъ чертою. Но это недоброе, конечно, состояніе было бы еще сносно, еслибъ не страсти, а то страсти привзошли и тиранятъ человѣка. Смотрите, какъ разсерчавшаго бьетъ гнѣвъ, какъ лихорадка? Какъ завистливаго источила зависть? что посинѣлъ, бѣдный? Какъ опечаленнаго изсушила скорбь, что онъ—кости и кожа.—Таковы и всѣ страсти. Вошли же они вмѣстѣ съ самостію. Какъ только произнеслось внутри праотца: *такъ—Я* самъ... такъ самость внѣдрилась въ него—сей ядъ и сіе сѣмя сатанинское. Изъ ней потомъ развилось все полчище страстей. Расплодившись внутри, онѣ еще болѣе возмущаютъ и безъ нихъ уже смятенное тамъ состояніе.»

«Такъ вотъ въ чемъ болѣзнь. Духъ зазнался и засвоевольничалъ. За это потерялъ власть и подпалъ подъ владычество души и тѣла и всего внѣшняго. Отсюда смятеніе душевно-тѣлесныхъ потребноотей и желаній,—и особенно ихъ безмѣрность. Эту безмѣрность сообщаетъ имъ отъ себя духъ, ими порабощенный. Сами по себѣ эти потребности мѣрны и небурливы. То, что онѣ мѣры не имѣютъ и бурлятъ, это отъ того, что духъ бушуетъ въ нихъ; ибо у него по природѣ энергія безгранична. Отсюда обжорство, пьянство, копленіе денегъ... и прочее многое, чему мѣры не думаетъ давать человѣкъ »

«Такъ что же нужно для того, чтобъ все въ насъ поставить въ прежній—первоначальный чинъ?»

«Какъ скатились мы подъ гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Какъ зашла болѣзнь, противоположно тому дѣйствуя, можно изгнать ее. Отпали отъ Бога, надобно возсоединиться съ Нимъ. Отпали, усомнившись въ словѣ Бога, надо возстановить полную вѣру сему слову. Потерявъ вѣру Богу и въ Бога, приняли мы пагубное рѣшеніе: *такъ я самъ*,—надо уничтожить это—*я самъ*. Когда образовалось это пагубное—*я самъ*, духъ нашъ потерялъ свойственную ему силу властвовать надъ душею и тѣломъ, и напротивъ самъ подпалъ

подъ иго рабства имъ; надо возстановить сію власть духа. Когда власть духа пресѣклась, потребности души и тѣла разбрелись въ разныя стороны и въ желаніяхъ нашихъ произошло смятеніе; надо всѣ эти потребности опять привесть къ единству и установить въ ихъ чинѣ взаимоподчиненіе. Вмѣстѣ съ пагубнымъ:—*я самъ*, втѣснилась въ кругъ жизни нашей стая страстей, подобно дикимъ звѣрямъ, терзающихъ насъ; надо изгнать сіи страсти.» *)

Послѣдними словами ярко начертана краткая по формѣ, но необъятно обширная по содержанію программа жизни и дѣятельности, нравственно-обязательной для каждаго истиннаго христіанина. Подробному указанію и всестороннему раскрытію путей и средствъ, ведущихъ къ выполненію этой программы, а вмѣстѣ и достиженію послѣдней цѣли христіанской жизни—соединенію съ Богомъ посвящено большинство правоучительныхъ трудовъ преосвящ. Ѳеофана. Съ однимъ изъ таковыхъ способовъ, при томъ самомъ важномъ и совершенномъ мы уже подробно познакомились по сочиненію «Путь ко спасенію.» Самъ авторъ относитъ послѣднее произведеніе къ числу аскетическихъ и оно дѣйствительно таково. Хотя изображенный въ книгѣ путь нравственнаго совершенства былъ жизненно пройденъ писателемъ ея, но тутъ же нельзя не видѣть и того, что подобный подвигъ далеко не всѣмъ по силамъ. Его могутъ проходить съ успѣхомъ только совершенные, особые избранники Божіи, находящіеся подъ чрезвычайнымъ руководствомъ спасающей благодати. Лучшею средою и удобнѣйшимъ средствомъ къ осуществленію нравственнаго христіанскаго идеала святитель признаетъ путь иночества. Но и пребываніе среди общества само по себѣ не можетъ служить существеннымъ препятствіемъ ко спасенію. Преосвящ. Ѳеофанъ далеко не былъ сухимъ и холоднымъ ригористомъ, отрицающимъ всякую мірскую жизнь и ея радости. Напротивъ, признавая семейство и гражданственность богоустановленными учрежденіями, онъ неоднократно и настойчиво свидѣтельствуетъ, что и среди обычныхъ условій человѣческій общежитія возможно вести богоугодную жизнь и противную мысль нужно считать заблужденіемъ. По ученію святителя, какъ мы уже видѣли, удалиться отъ міра не то значитъ, чтобы бѣжать отъ семейства, и общества, а оставить все, что опасно для нашей нравственности — порочные обычаи, привычки и требованія. Свои мысли и наблюденія

*) «Что есть духовная жизнь?» 76—82 стр.

о возможности и средствахъ спасенія среди мірской обстановки преосвящ. Θеофанъ изложилъ въ словахъ и бесѣдахъ, особенно во время епископскаго служенія въ Тамбовѣ и Владимірѣ, а также въ письмахъ къ лицамъ, искавшимъ его духовнаго руководства. Тутъ приходилось примѣнять на практикѣ выработанные имъ религіозно-нравственные идеалы. Желая дать руководственныя правила для своихъ пасомыхъ относительно духовной жизни, архипастырь иногда велъ съ ними цѣлый систематическій рядъ поученій о пути ко спасенію, а чаще всего касался этого предмета по частямъ, примѣнительно къ практическимъ нуждамъ и случаямъ. Разсмотрѣвъ содержаніе нравоучительныхъ бесѣдъ, мы находимъ, какъ было уже замѣчено, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проповѣдникъ устанавливаетъ понятіе объ истинной христіанской жизни, въ другихъ указываетъ средства и пути къ ней, а въ третьихъ, наконецъ, подробно изобразилъ ступени восхожденія по этому пути. Святитель придавалъ важное значеніе раскрытію понятія о существѣ христіанской жизни, не разъ ставилъ и обстоятельно выяснялъ вопросъ о томъ. По его ученію въ это понятіе непремѣнно входятъ три элемента—внѣшнія добрыя дѣла, внутреннія чувства и настроенія, служащія основаніемъ дѣлъ, и, наконецъ, посвященіе тѣхъ и другихъ Богу, какъ необходимое условіе нравственной цѣнности ихъ. Истинно богоугодная жизнь, говоритъ святитель, слагается изъ слѣдующихъ частей: «*Изъ добрыхъ дѣлъ*, видимо для всѣхъ тѣломъ совершаемыхъ, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Это вотъ что: проситъ кто милостыни, подай ему. Причинилъ кто обиду, прости ему. Пришелъ врагъ, ухлѣби его. Сѣлъ за столъ, вкушай пищу по уставу и воздержно. Настало время молитвы, молись благоговѣйно и какъ велѣно... Идешь на должность, трудись усердно, и такъ далѣе, и далѣе. Всякая минута и всякое мѣсто имѣютъ свои добрыя дѣла, которыя непремѣнно долженъ исполнять всякій, вступающій въ нихъ. Въ семъ отношеніи вся жизнь человѣка должна быть непрерывною цѣпью добрыхъ дѣлъ, съ той минуты, какъ онъ приходитъ въ сознаніе въ семъ мірѣ, и до той, какъ выйдетъ изъ него... Какъ тѣ, кои вышиваютъ картины бисеромъ, рядъ за рядомъ прикрѣпляютъ бисеринками къ своимъ мѣстамъ и именно такія, а не другія бисерники къ тому или другому мѣсту, и только тогда, какъ соблюдутъ все сіе, не спутаютъ бисерпокъ и не допустятъ перерывовъ и пропусковъ, картина получаетъ приличный ей видъ и свое имя; такъ и въ отно-

шеніи къ намъ, тогда только и сочтетъ Господь кого либо добродѣтельнымъ, когда онъ всю картину жизни своей будетъ развивать такъ, что не пропуститъ ни одного мѣста и ни одного момента времени безъ того, чтобъ не сдѣлать обязательнаго для него тогда дѣла.»

«Другую часть составляютъ *добрыя чувства и расположенія*, скрывающіяся подъ видимо совершаемыми дѣлами. Это суть любовь, миръ, терпѣніе, кротость, милосердіе, воздержаніе, смиреніе, благоговѣніе, отрѣшеніе отъ всего и проч., и проч. Добрыя дѣла, видимо совершаемыя, чтобъ быть добрыми истинно и служитъ ко спасенію, должны быть непремѣнно выраженіемъ какого либо изъ внутреннихъ добрыхъ чувствъ; такъ что, коль скоро въ основѣ ихъ нѣтъ добраго чувства, которымъ они должны быть воодушевляемы, то они негодны и богопротивны. Такъ, напримѣръ, благоговѣйное къ Богу обращеніе ума и сердца есть доброе, богоугодное внутреннее настроеніе. Когда оно есть на душѣ, то требуетъ неотложно и соотвѣтственныхъ себѣ дѣлъ, которыя и бываютъ, именно: домашняя молитва, долгіе поклоны, хожденіе въ храмъ Божій къ службамъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ, чествованіе иконъ, возженіе лампадъ и ѳиміама, и проч. Подобная же сумма видимыхъ дѣлъ есть и для выраженій каждаго внутренняго чувства; наприм., для выраженія милосердія есть семь дѣлъ тѣлеснаго и семь дѣлъ душевнаго милосердія. Но всегда надобно помнить, что послѣднія, т. е., дѣла видимыя, тогда только и имѣютъ цѣну, когда они служатъ выраженіемъ первыхъ, т. е., внутреннихъ чувствъ. Такъ, всѣ видимыя дѣла благочестія: поклоны, молитвословія, хожденіе въ храмъ, и проч., тогда только будутъ истинно добрыми дѣлами, когда служатъ выраженіемъ внутренняго благочестія, или благоговѣйнаго къ Богу обращенія нашего ума и сердца, а безъ сего послѣдняго они ничто. Тоже должно сказать и о всѣхъ дѣлахъ милосердія, что они тогда только и суть истинно добры, когда служатъ выраженіемъ искренней ко всѣмъ братской любви во славу Божію, а не какимъ-нибудь приспособленіемъ къ другимъ, желаніемъ выказаться или какъ нынѣ часто говорятъ, желаніемъ обнаружить гуманность; это—язычество въ христіанской одеждѣ. Тоже надо сказать и о всѣхъ другихъ внѣшнихъ дѣлахъ,—что истинная цѣна ихъ опредѣляется внутреннимъ расположеніемъ... Ибо иначе можно напр., тѣломъ быть въ храмѣ, а душею—въ блудилищѣ, языкомъ снисходительно извинять, а въ сердцѣ осуждать, положеніемъ

тѣла показывать почтительность, а внутри питать презрѣніе, глазами не смотрѣть будто на лица, а въ душѣ распаляться похотію, и проч., и проч. Внѣшне всѣ сіи дѣла и хороши, но цѣна ихъ предъ Богомъ уничтожается чувствами, кои питаютъ при совершеніи ихъ въ душѣ.»

«Третью часть составляетъ крѣпкая, какъ смерть, ревность о славѣ Божіей, воодушевленная пламенною любовію къ Богу и воодушевляющая всѣ добрыя чувства сердца и всѣ добрыя дѣла видимыя.»

«Когда въ сердцѣ есть добрыя расположенія, можно бы, кажется, и успокоиваться на счетъ своей участи. Но вотъ что возьмите во вниманіе! Мы созданы Богомъ, созданы по образу и подобію Божію, созданы для того, чтобъ славилось нами имя Божіе во вселенной, или для того, чтобъ всѣхъ себя всецѣло посвятили мы Богу... А между тѣмъ вотъ что можетъ быть! Иной сердоболенъ и сердоболіе свое обнаруживаетъ дѣлами, но и помышленія не имѣетъ о Богѣ, при всѣхъ дѣлахъ и чувствахъ сердобольныхъ. Сердоболіе таковаго не помянется предъ Богомъ, ибо оно не отъ Него принято, какъ заповѣдь, и не Ему посвящено, какъ служеніе и жертва. Иной кротокъ и безгнѣвенъ и сіе расположеніе обнаруживаетъ дѣлами, не позволяя себѣ увлекаться чувствами раздора и мщенія: но при семъ онъ слѣдуетъ какому-то инстинктивному расположенію къ уступчивости, образуемому сознаніемъ безсилія и робостію, а не заповѣди Господа, Который говоритъ: «Прости! Мнѣ отмщеніе—Азъ воздамъ!» Кротость такаго не имѣетъ цѣны предъ Богомъ. Иной воздержанъ и крайне воздержанъ: мало спитъ, почти не ѣстъ и не пьетъ, рѣдко видятъ его внѣ, онъ всегда дома и за дѣломъ; но не Богу посвящаетъ онъ труды свои, а или корысти, а или пустой славѣ человѣческой. Воздержанности и трудолюбія такого не признаетъ Господь достойными награды. Такъ и во всемъ прочемъ! Недостаточно имѣть добрыя чувства и расположенія (кои могутъ быть и естественныя—прирожденныя), надобно еще, чтобы они возглавлены были однимъ кореннымъ расположеніемъ—ревностію о славѣ Божіей, ею были проникнуты и служили ея выраженіемъ. Коль скоро сего нѣтъ, или нѣтъ въ должной степени и мѣрѣ, вся доброта наша ни во что вмѣнится предъ лицемъ Господа, Который скажетъ нѣкогда: отойдите отъ Мене, не вѣмъ васъ!.. Не вѣмъ васъ потому, что вы въ праздности жизни своей не давали Мнѣ знать о себѣ посвященіемъ Мнѣ вашихъ добрыхъ чувствъ и дѣлъ.» *)

*) Еп. Ѳеофанъ. Письма о христіанской жизни 2 книга стр. 165.

Нарисовавъ идеалъ истинно-христіанской жизни, преосв. Ѳеофанъ всѣми средствами располагалъ и возбуждалъ свою паству къ достиженію его, чтобы паства не осталась холоднымъ зрителемъ, но чтобы каждый членъ ея по мѣрѣ и степени своихъ силъ стремился къ духовному совершенству. Для этого проповѣдникъ избираетъ два пути—отрицательный чрезъ указаніе дѣйствительныхъ недостатковъ человѣка и несоотвѣтствія его жизни нравственному закону и положительный—напоминаніемъ о нѣкоторыхъ достоинствахъ и преимуществахъ, свойственныхъ каждому вѣрующему по самому его христіанскому званію. По глубокому убѣжденію святителя большинство нашихъ пороковъ суть грѣхи нашей духовной неразвитости и невѣдѣнія. Живемъ дурно потому, что ясно не сознаемъ размѣровъ порока и всего вреда его для нашей нравственности, не видимъ въ другихъ и сами никогда не думали о лучшихъ формахъ жизни. Но если бы человѣкъ съ одной стороны подлинно уяснилъ себѣ и усвоилъ христіанскій идеалъ, проникся имъ не только умомъ, но и чувствами сердца, а съ другой точно опредѣлилъ уровень своего настоящаго духовнаго состоянія и поставилъ первое зеркаломъ для второго, то онъ навѣрно не остался бы равнодушнымъ зрителемъ картины. Онъ тогда ясно понялъ бы совершенную неудовлетворительность и полное несоотвѣтствіе своей жизни евангельскому закону. Тогда бы онъ несомнѣнно ощутилъ крайнюю нужду въ новомъ, лучшемъ порядкѣ. Но при представленіи своихъ недостатковъ иной можетъ дойти до крайности, можетъ почувствовать свое полное безсиліе при достиженіи цѣли и впасть въ отчаяніе. Такого человѣка необходимо ободрить и поддержать, приведя къ убѣжденію, что вмѣстѣ съ недостатками онъ, какъ христіанинъ, обладаетъ нѣкоторыми важными преимуществами, напр., присущею ему съ момента духовнаго рожденія въ таинствѣ крещенія Божіею благодатію, которая при благопріятныхъ условіяхъ можетъ стать опорою его новой жизни.

Чтобы по истинному достоинству оцѣнить свое настоящее нравственное состояніе и вмѣстѣ почувствовать серьезную нужду въ новой лучшей жизни, самымъ надежнымъ средствомъ къ тому является путь самоуглубленія—войти внутрь себя и обстоятельно разсмотрѣть наличность своего духовнаго содержанія. Внутри себя человѣкъ найдетъ множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ и явленій, можно сказать, все кромѣ долженствующаго быть *единымъ на потребу,* кромѣ мысли о

спасеніи. Внимательно наблюдающему прежде всего бросается въ глаза полный хаосъ въ строѣ духовнаго міра, совершенное расхищеніе ума и отсутствіе сосредоточенія на чемъ-либо опредѣленномъ. Дальше, выдѣляется по своей силѣ многопопечительность и пристрастіе человѣка къ матаріальнымъ интересамъ, связывающія его игомъ житейскихъ заботъ, какъ плѣнника: наконецъ, въ глубинѣ всего лежитъ сердце, полное одной или нѣсколькихъ страстей, господствующихъ и дающихъ тонъ и окраску каждой личности. Святитель настойчиво рекомендуетъ этотъ путь самоуглубленія, какъ лучшее средство ознакомиться съ самимъ собою, почувствовать свою нравственную несостоятельность и возжелать лучшей жизни. «Смѣжите внѣшнія чувства ваши,—обратите око вниманія внутрь и смотрите, что тамъ.»

«На первый разъ вы ничего тамъ не увидите, не потому, чтобъ тамъ не было ничего, но потому что тамъ слишкомъ много всего,—и все сбито и бродитъ въ безпорядочномъ смятеніи. Вы будете испытывать то же, что испытываютъ въ густой туманъ. Какъ въ семъ случаѣ туманъ, какъ стѣною, заграждаетъ отъ насъ всѣ предметы и сокрываетъ ихъ въ себѣ: такъ кто въ первый разъ обращается внутрь себя, тотъ видитъ, что какъ мрачнымъ покровомъ закрыто все его внутреннее. Въ этомъ можно удостовѣриться теперь же.»

«Но не прекращайте труда самоуглубленія. Потерпите немного въ семъ трудѣ, и вы скоро начнете различать мало по малу происходящее внутрь васъ, подобно тому, какъ вошедшій снаружи въ слабоосвѣщенную комнату, постоявши немного, начинаетъ одинъ за другимъ различать находящіеся въ ней предметы.»

«Усугубите же вниманіе и смотрите: вотъ предметъ, который васъ занималъ, отошелъ,—его мѣсто заступилъ другой; этотъ тотчасъ замѣщенъ третьимъ; не успѣлъ этотъ показаться, какъ его тѣснитъ четвертый, гонимый въ свою очередь пятымъ и т. д. Одно помышленіе спѣшно смѣняется другимъ,— и это такъ быстро, что всегда почти нѣтъ возможности дать себѣ отчета въ томъ, что прошло чрезъ нашу голову. Эта подвижность помышленій не оставляетъ насъ не только въ промежуткахъ занятій, напр. при переходахъ съ одного мѣста на другое, но и во время ихъ, какъ бы важны они ни были:— и во время молитвы здѣсь въ храмѣ или дома,—и во время чтенія и даже размышленія углубленнаго и проч. Обычно называютъ это думаніемъ, въ существѣ же дѣла—это есть

расхищеніе ума, или разсѣянность и отсутствіе сосредоточеннаго вниманія, столько нужнаго въ дѣлѣ управленія самимъ собою. Вотъ это и поставьте первою чертою нашего внутренняго человѣка. Подобіе ему—смятеніе снѣжинокъ, падающихъ при вѣтрѣ, или толченіе насѣкомыхъ въ воздухѣ въ лѣтніе вечера. Противоположное ему состояніе у святыхъ есть вниманіе ума, по коему ничто самовольно не входитъ въ голову,—и не выходитъ изъ нея, все подчинено свободѣ и сознанію, въ коемъ обычно пребываетъ одинъ Богъ и лице Его созерцающее.»

«Присмотритесь еще внимательнѣе, и вы различите въ себѣ,—подъ этимъ смятеніемъ помышленій въ умѣ,—въ волѣ постоянную заботу объ устроеніи своего быта, которая непрестанно точитъ душу какъ червь, гонитъ человѣка труженника отъ одного дѣла къ другому, устремляя его все впередъ, по недовольству ни чѣмъ обладаемымъ, и при производствѣ одного всегда представляя сотни другихъ дѣлъ, будто неизбѣжныхъ. Съ перваго пробужденія нашего отъ сна осаждаетъ душу забота и не даетъ намъ—ни посидѣть на мѣстѣ, ни поговорить съ кѣмъ, какъ должно, ни даже поѣсть спокойно, пока не свалитъ утомленныхъ въ глубокую ночь на отдыхъ, въ свою очередь возмущаемый заботливыми сновидѣніями. Эта болѣзнь именуется *многозаботливостью,* которая снѣдаетъ душу, какъ ржа желѣзо. Ее и поставьте второю чертою бывающаго внутрь насъ. Противоположное ему свойство святыхъ есть безпечаліе, которое не есть беззаботность, а смиренный трудъ,—правильный,—въ преданіи себя и своей участи всепромыслительному попеченію Божію.» Смотрите еще глубже,—и вы должны увидѣть внутри плѣнника, связаннаго по рукамъ и ногамъ, противъ воли влекомаго туда и сюда, въ самопрельщеніи однакожъ мечтающаго о себѣ, что онъ наслаждается полною свободою. Узы сего плѣнника составляютъ пристрастія къ разнымъ лицамъ и вещамъ, окружающимъ его, отъ которыхъ больно намъ отстать самимъ и болѣзненно разстаться, когда другіе отнимаютъ ихъ у насъ. Какъ на удочку попавшаяся рыба плаваетъ еще, но никакъ не дальше, какъ позволяетъ нить, къ коей прикрѣплена удочка; или какъ птица въ клѣткѣ летаетъ и ходитъ, но никакъ не далѣе предѣловъ клѣтки: такъ пристрастія оставляютъ еще душѣ свободу дѣйствовать, какъ хочетъ, пока она не касается предметовъ ихъ. Коснись дѣло до сихъ предметовъ, душа никакъ не совладаетъ съ собою. И чѣмъ больше пристрастій, тѣмъ меньше кругъ свободы. А

бываетъ и такъ, что иной совсѣмъ связанъ, и не въ силахъ сдѣлать движенія въ одну сторону безъ того, чтобъ не причинить себѣ боли съ другой. Подобно тому, какъ идущій гдѣ либо въ лѣсу и запутавшійся тамъ и руками и ногами и платьемъ въ прилипчивую траву, какимъ бы членомъ ни двинулъ, чувствуетъ себя связаннымъ: такимъ точь-въ-точь чувствуетъ себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьею чертою нашего внутренняго состоянія—*пристрастность*. Противоположное ему свойство святыхъ есть отрѣшенность отъ всего, свобода сердца, внутренняя независимость.»

«Расхищеніе ума, многозаботливость и пристрастность—это еще не вся доля наша. Хоть онѣ качествуютъ внутри, но все еще витаютъ какъ бы на поверхности сердца. Приникнемъ глубже вниманіемъ къ сему сердцу и прислушаемся къ тому, что тамъ. Упрежду ваше соображеніе сравненіемъ. Путникъ въ горахъ,—видитъ пещеру, входъ въ которую прикрытъ разросшеюся травою,—внутри мракъ. Приложивъ ухо, онъ слышитъ тамъ шипѣніе змѣй, рычаніе и скрежетъ зубовъ дикихъ звѣрей: это образъ нашего сердца. Случалось ли вамъ когда наблюдать за движеніями его? Попробуйте сдѣлать это, хотя въ продолженіи небольшого времени, и вотъ смотрите, что вы можете тамъ увидѣть. Получили непріятность—разсерчали; встрѣтили неудачу—опечалились; врагъ попался—загорѣлись местію; увидѣли равнаго вамъ, занявшаго высшее мѣсто,—начинаете завидовать. Подумали о своихъ совершенствахъ—заболѣли гордостью и презорствомъ. А тутъ человѣкоугодіе, тщеславіе, похоть, сластолюбіе, лѣность, ненависть и проч.—одно за другимъ поражаютъ сердце. И это иногда въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Все это исходитъ изъ сердца и въ сердце же возвращается. Справедливо одинъ изъ подвижниковъ, внимательныхъ къ себѣ, созерцалъ сердце человѣческое полнымъ змій ядовитыхъ, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть—это то же, какъ бы змій выходилъ изъ сердца и, обращаясь на него, уязвлялъ его жаломъ своимъ. И когда выникаетъ змій—больно, и когда жалитъ больно... Ужаливая питается онъ кровію сердца и тучнѣетъ: тучнѣя, дѣлается болѣе ядовитыхъ и злымъ, и еще болѣе тиранитъ сердце, въ коемъ живетъ. Такъ бываетъ не съ одною только страстію, но со всѣми, а онѣ никогда не живутъ по одиночкѣ, а всегда всѣ въ совокупности, одна другую заслоняя, но не истребля.» *)

*) Еп. Ѳеофанъ. Слова къ Тамбовской паствѣ Книга 1-я стр. 201.

Внимательно наблюдая жизнь и движеніе страстей, мы несомнѣнно замѣтимъ, что самыя сильныя и злыя изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ въ своей основѣ самолюбіе и питаются имъ. Опѣ-то лежатъ въ самой глубинѣ сердца и оттуда властно опредѣляютъ и направляютъ нашу нравственную жизнь, характеризуютъ нашу личность. Самолюбіе, заключающее человѣческую жизнь въ узкій кругъ преслѣдованія однихъ личныхъ интересовъ, должно считать съ христіанской точки зрѣнія порокомъ болѣе другихъ противоестественныхъ, ибо человѣкъ созданъ для служенія Богу и ближнему. Во внѣшнемъ нашемъ поведеніи оно сказывается и обнаруживается въ трехъ главныхъ видахъ—*самовозношенія, своекорыстія* и *любви къ наслажденіямъ* или *чувственности*. Самовозношеніе яркое и болѣе другихъ замѣтное проявленіе самолюбія. Оно есть принадлежность всѣхъ возрастовъ и всѣхъ нравственныхъ состояній. Не только люди, обладающіе дѣйствительными достоинствами, но и не имѣющіе ихъ при первой возможности готовы показать себя. Зналъ врагъ человѣческаго рода эту всеобщую слабость и безъ затрудненія прельстилъ первыхъ людей именно внушеніемъ искусительной мысли, что будутъ *яко бози*. По видимому, нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что человѣкъ имѣетъ слабость полюбоваться собой. Но это только повидимому, ибо изъ превозношенія выростаетъ не мало другихъ пороковъ, какъ отъ своего корня. Превозносящійся всегда своеволенъ, потому что предпринимаетъ и ведетъ дѣла по одному своему личному, чаще всего случайному и мимолетному усмотрѣнію, даже иногда по капризу, а не по голосу разума и совѣсти или по совѣту другихъ людей, болѣе свѣдущихъ и опытныхъ. Онъ чрезмѣрно самонадѣянъ, ибо успѣха въ предпринятомъ ожидаетъ только отъ себя и своихъ личныхъ силъ. Занимая видное положеніе въ обществѣ, требуетъ, чтобы его воля безпрекословно исполнялась другими, а потому склоненъ къ властолюбію. При неисполненіи своихъ желаній становится мстителенъ и пр. и пр. Въ своекорыстіи особенно обнаруживается существо самолюбія. Своекорыстный исключительно живетъ своими личными интересами. Личная польза, выгода—основная пружина и высшее мѣрило его дѣятельности. Гдѣ онѣ есть, онъ на все готовъ, не исключая самыхъ тяжелыхъ трудовъ и лишеній. Когда же онѣ отсутствуютъ, и онъ пальцемъ не двинетъ. Особенно не красивъ и предосудителенъ этотъ порокъ, когда принимаетъ видъ крайней скупости. Наша чувственность

выражается главнымъ образомъ въ служеніи тѣлу. Чувственный только и занятъ своими физическими удовольствіями, въ удовлетвореніи ихъ только полагаетъ и находитъ цѣль жизни. О духовныхъ вещахъ и вопросахъ ему некогда и подумать, да они и не интересуютъ его. Изъ чувственности, какъ сѣмени, выростаетъ много пороковъ, служащихъ обнаруженіемъ ея и нерѣдко искажающихъ здоровую человѣческую природу. Такъ потребность въ питаніи влечетъ чувственнаго человѣка къ объяденію и пьянству; разнообразіе цвѣтовъ—къ щегольству; естественная склонность къ продолженію рода къ сладострастію и распутству и пр.

Такъ порочна человѣческая природа, между тѣмъ наша совѣсть въ большинствѣ спокойна и даже мы склонны думать, что у насъ все идетъ нормально и нѣтъ ничего особенно дурного и предосудительнаго. Въ чемъ же тутъ основная, коренная причина? Съ одной стороны въ нашей духовной неразвитости и невѣдѣніи, а съ другой—въ безпечности. Ясно не видимъ опасности для нравственной жизни. а потому и не ощущаемъ тяжести грѣха. Постоянное вниманіе и внутренній контроль надъ своими душевными состояніями для насъ совершенно не привычны. Подвигъ бдѣнія надъ самимъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и непріятныхъ. Еще горшіе плоды приноситъ безпечность. Отъ частыхъ нарушеній нравственнаго закона и паденій у насъ постепенно притупляется острое въ началѣ чувство различія добра и зла; наконецъ, мы становимся «постыдно» равнодушны къ тому и другому. «Сѣмя всего нравственнаго зла—самолюбіе. Оно лежитъ на самомъ днѣ сердца. Человѣкъ по назначенію своему долженъ бы забывать себя въ своей жизни и дѣятельности,—долженъ бы жить только для Бога и людей. Освящая свою дѣятельность возношеніемъ ея, какъ благодарственной жертвы къ Богу Спасителю, онъ долженъ бы всю ее простирать на пользу ближнихъ и на нихъ же изливать все, что ни получилъ отъ Щедродавца—Бога. Одно здѣсь не бываетъ безъ другаго: нельзя любить Бога, не любя ближнихъ и нельзя любить ближнихъ, не любя Бога,—равно какъ любя Бога и ближнихъ, нельзя не жертвовать собою славѣ Божіей и благу ближнихъ. Но когда человѣкъ мыслію, сердцемъ и желаніемъ отвращается отъ Бога, а вслѣдствіе того и отъ ближнихъ; то естественно останавливается на одномъ себѣ,—себя поставляетъ средоточіемъ, къ которому направляетъ все, не щадя ни Божественныхъ уставовъ, ни блага ближнихъ.»

«Вотъ корень грѣха! Вотъ сѣмя всего нравственнаго зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но разрастаясь и подаваясь ближе къ поверхности сердца, сѣмя сіе выходитъ изъ него уже въ трехъ видахъ, какъ бы въ трехъ стволахъ, проникнутыхъ его силою, преисполненныхъ его жизнію: въ самовозношеніи, своекорыстіи и любви къ наслажденіямъ. Первое заставляетъ человѣка говорить въ сердцѣ своемъ: кто какъ я; второе: всѣмъ хочу завладѣть; третье: хочу жить въ свое удовольствіе.

«*Кто какъ — я!*—Какая душа не ощущала въ себѣ подобнаго движенія? Не тѣ только, кои отъ природы одарены высокими совершенствами, или своими трудами успѣли сдѣлать что нибудь важное и общеполезное, могутъ мысленно возноситься надъ другими. Самовозношеніе проходитъ по всѣмъ возрастамъ, званіямъ и состояніямъ: слѣдуетъ за человѣкомъ чрезъ всѣ умственныя и нравственныя степени усовершенія; оно не подчиняется никакимъ внѣшнимъ отношеніямъ и хотя бы человѣкъ жилъ одинъ, въ безвѣстности и отдаленіи отъ всѣхъ, онъ всегда и вездѣ несвободенъ отъ искушенія превозношенія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ къ сердцу принялъ первую лесть змія: *будете яко бози,* съ тѣхъ поръ, онъ началъ возвышать себя надъ всѣми, какъ Богъ,—началъ ставить себя выше той черты, на которой поставленъ природою и обществомъ—это общая болѣзнь всѣхъ и каждаго. Кажется, что опаснаго полюбоваться мыслію, что я выше того, другаго, третьяго?—А между тѣмъ, смотрите сколько зла и сколько темныхъ порожденій проистекаетъ изъ сей незначительной, по нашему, мысли. Мыслію и сердцемъ возносящій себя надъ всѣми, если предпринимаетъ что, предпринимаетъ не по гласу разума и совѣсти, не по совѣтамъ мудрыхъ, и внушенію слова Божія, а по своимъ соображеніямъ, предпринимаетъ потому, что этого ему хочется: онъ своеволенъ;—если приводитъ въ исполненіе предпринятое,—всего ожидаетъ отъ одного себя: онъ самоувѣренъ, самонадѣянъ, когда исполнитъ, все относитъ къ себѣ, и оттого бываетъ высокомѣренъ, гордъ, притязателенъ, неблагодаренъ;—поставляя себя въ отношеніе къ другимъ, желаетъ, чтобы вездѣ и во всемъ исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановенію: онъ властолюбивъ и склоненъ къ насилію; поставляя другихъ въ отношеніе къ себѣ, не можетъ терпѣть ихъ вліянія, въ какомъ бы скромномъ видѣ оно ни являлось: онъ презрителенъ и непокорливъ: встрѣчая нарушеніе своей воли, выхо-

дитъ изъ себя: обиженный воспламеняется местію: онъ жаждетъ чести и славы, когда обладаетъ сильнымъ характеромъ: лицемѣренъ и тщеславенъ, когда слабъ душею: дерзокъ, своенравенъ, спѣсивъ, склоненъ къ пересудамъ, когда низокъ. Вотъ въ какихъ видахъ является самовозношеніе, вотъ сколько грѣховныхъ движеній одолжены ему своимъ происхожденіемъ!—Едвали кто можетъ не изобличитъ себя въ томъ или другомъ.

«*Хочу, чтобы все было мое,* замышляетъ своекорыстный—и вотъ вторая отрасль коренного нравственнаго зла. Замѣтнѣе всего раскрывается въ ней духъ самолюбія. Оно, какъ бы *само лично,* дѣйствуетъ здѣсь: своекорыстный не скажетъ слова, не сдѣлаетъ шага и движенія безъ того, чтобы отсюда не вытекла для него какая нибудь выгода. Такъ все у него разсчитано, такъ все упорядочено, всему данъ такой ходъ, что и время и мѣсто, и вещи, и лица—все, къ чему прикасается его рука и мысль несетъ въ его сокровищницу сродную себѣ дань. Личная польза, интересъ—это коренная пружина, вездѣ и всегда приводящая въ быстрое движеніе все его существо, и по ея возбужденію онъ готовъ все обратить въ средство для своихъ цѣлей: будетъ искать высшихъ степеней достоинства и чести, если это выгодно; возметъ самую трудную должность, если она прибыльнѣе другихъ; рѣшится на всѣ труды, не будетъ ни ѣсть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Онъ или корыстолюбивъ, или любостяжателенъ, или скупъ, и только подъ сильнымъ вліяніемъ тщеславія можетъ любить великолѣпіе и пышность. Его собственность дороже ему самаго себя, дороже людей и Божественныхъ постановленій. Душа его какъ бы поглащается вещами и живетъ даже не собою, а ими. Вотъ сила и область второй отрасли злаго сѣмени—самолюбія! И у кого нѣтъ какихъ нибудь вещей, съ которыми разстаться столь же больно, какъ потерять самое сердце,—разстаться съ счастіемъ?»

«*Хочу жить въ свое удовольствіе,* говоритъ порабощенный плоти,—и живетъ въ свое удовольствіе. Душа погрязаетъ у него въ тѣлѣ и чувствахъ. О небѣ, о духовныхъ нуждахъ, о требованіяхъ совѣсти и долга, онъ не помышляетъ, не хочетъ и даже не можетъ помышлять (Римл. 8, 7). Онъ извѣдалъ только разные роды наслажденій; съ ними только и умѣетъ обходиться, говорить объ нихъ и разсуждать. Сколько благъ на землѣ, сколько потребностей въ его тѣлѣ, столько полныхъ удовольствіями областей для преданнаго чувственности,

и для каждой изъ нихъ образуется въ немъ особенная наклонность. Отсюда—лакомство, многоядѣніе, изнѣженность, щегольство, лѣность, распутство—наклонности, сила которыхъ равняется силѣ закона природы, стѣсняющаго свободу. Станетъ ли онъ услаждать вкусъ, дѣлается сластолюбивымъ, игра цвѣтовъ научитъ его щегольству, разнообразіе звуковъ,—многословію; потребность питанія влечетъ его къ многоядѣнію, потребность самохраненія—къ лѣности; иныя потребности—къ распутству. Состоя въ живой связи съ природою чрезъ тѣло, душевно преданный тѣлу столькими каналами пьетъ изъ нея удовольствія, сколько въ тѣлѣ его отправленій и вмѣстѣ съ наслажденіями онъ впиваетъ въ себя и коренной духъ природы—духъ механическаго, непроизвольнаго дѣйствованія Потому чѣмъ у кого больше наслажденій, тѣмъ тѣснѣе кругъ его свободы, и кто преданъ всѣмъ наслажденіямъ, тотъ, можно сказать, совершенно связанъ узами плоти.»

«Вотъ какъ разрастается въ насъ зло отъ малаго, почти незамѣтнаго сѣмени. На днѣ сердца, какъ мы замѣтили, лежитъ сѣмя зла—самолюбіе; отъ него идутъ полныя его силою три отрасли зла—три его видоизмѣненія: самовозношеніе, своекорыстіе, чувственность, а сіи три рождаютъ уже безчисленное множество страстей и порочныхъ наклонностей: какъ въ древѣ главные стволы пускаютъ отъ себя множество вѣтвей и отростковъ, такъ образуется въ насъ цѣлое древо зла, которое, укоренившись въ сердцѣ, расходится потомъ по всему нашему существу, выходитъ вонѣ и покрываетъ все, что окружаетъ насъ. Подобное древо, можно сказать, есть у каждаго, чье сердце хоть сколько нибудь любитъ грѣхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у одного полнѣе раскрывается одна, а у другаго другая сторона его.»

«Что же за причина, что мы большею частію не замѣчаемъ его въ себѣ и нерѣдко держимъ на мысли и въ слухъ, не стыдясь, говоримъ: чтожъ такое я сдѣлалъ? Или чѣмъ я худъ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порожденіе живущаго въ насъ грѣха. Не замѣчаемъ потому, что не можемъ. Этого не позволяетъ намъ грѣхъ: онъ очень хитръ и предусмотрителенъ. Не покровенное древо зла, изображенное нами, съ перваго раза могло бы стать предъ взоромъ ума и оттолкнуть отъ себя каждаго; потому онъ спѣшитъ одѣть его листвіемъ, прикрыть его безобразіе, и прикрываетъ такъ, что не только корня и стволовъ, даже и вѣтвей не

можетъ различить душа, въ которой растетъ сіе древо. Этотъ покровъ слагается изъ невѣдѣнія, нечувствія и безпечности. Не знаемъ своей опасности, потому и не ощущаемъ ея; не ощущаемъ, потому и предаемся безпечности. Таково сердце человѣка грѣху работающаго, кто бы онъ ни былъ. Противоположенное сему сердце святыхъ свободно отъ страстей, или украшается безстрастіемъ.»)

Преосвящ. Ѳеофанъ возбуждаетъ человѣка ко вступленію на путь добродѣтельной жизни не только съ отрицательной стороны, какъ уже замѣчено выше, но и съ положительной— напоминаніемъ о нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему духовныхъ дарахъ Христіанинъ и въ своемъ настоящемъ, поврежденномъ и грѣховномъ состояніи не долженъ отчаяваться во спасеніи, ибо ему по самому существу христіанскаго званія присущи нѣкоторыя духовныя преимущества, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могутъ послужить основою и облегчить его нравственное возрожденіе. Прежде всего такой даръ онъ имѣетъ въ благодати, живущей въ немъ съ момента духовнаго рожденія въ таинствѣ крещенія. Многіе христіане, погруженные въ грѣховную жизнь, не замѣчаютъ въ себѣ этого дара, даже изумляются, когда имъ указываютъ на него. Это чаще всего происходитъ отъ того, что люди не имѣютъ яснаго представленія о дѣйствіяхъ и проявленіяхъ благодати Божіей. Многіе подъ послѣднимъ разумѣютъ какія-то особенныя, чуть не чудесныя знаменія. Между тѣмъ обнаруженіемъ благодати являются всѣ болѣе или менѣе усиленныя и повышенныя наши нравственно-религіозныя настроенія. Такъ, когда человѣкъ въ своемъ умѣ особенно ярко представитъ какой-либо теоретическій догматъ христіанства—промыслъ Божій, искупленіе и др., глубоко погрузится въ размышленіе и проникнется имъ до забвенія всего окружающаго; когда въ чувствахъ сердца настолько сильно напечатлѣется какая-либо практическая истина, напр., мысль о будущей загробной жизни, что вѣрующій какъ бы въ дѣйствительности переживаетъ явленія ея— испытываетъ мученія совѣсти, блаженство праведниковъ; когда, наконецъ, иному приходится пережить особенно восторженное духовно-нравственное настроеніе, при чемъ человѣкъ, отрѣшившись отъ окружающей дѣйствительности, ясно ощущаетъ свою полную внутреннюю неудовлетворенность и недовольство установившимся строемъ жизни; когда ему представляются крайне мелочными и сует-

*) Письма о христіан. жизни вып. I, стр. 137—146.

ными всѣ обычные жизненные интересы и онъ считаетъ себя способнымъ и готовымъ на подвиги добродѣтели—любви, самоотверженнаго служенія ближнему—все это несомнѣнныя обнаруженія благодати Божіей. Нѣтъ такого человѣка, который бы не переживалъ подобныхъ состояній и, слѣдовательно, всякій испытывалъ дѣйствія благодати. Все различіе между людьми въ этомъ отношеніи состоитъ только въ томъ, сколь часто встрѣчаются подобныя явленія въ ихъ жизни. У одного они обнаруживаются въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, у другого бываютъ чаще, а есть и такіе, у кого они выражаютъ постоянныя нравственныя настроенія. Итакъ драгоцѣнный даръ св. благодати несомнѣнно присущъ каждому вѣрующему, хотя при настоящемъ порядкѣ въ большинствѣ находится въ скрытомъ состояніи. При лучшихъ же нравственныхъ условіяхъ онъ можетъ ярко обнаружиться и сдѣлаться источникомъ и опорою новой духовной жизни. «Съ изумленіемъ иной вопроситъ: вотъ и я христіанинъ, и я вѣрующій,—неужели же и во мнѣ есть благодать Св. Духа?! Такъ и есть. И да не отметаетъ никто благодати Божіей. Мы изумляемся: неужели есть въ насъ благодать? А апостолъ изумляется нашему о семъ невѣдѣнію.—*Или не вѣсте*, говоритъ, *яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ*. Благодать Св. Духа несомнѣнно изливается на насъ въ св. таинствахъ и пребываетъ въ насъ съ того времени, какъ крещаемся и помазуемся мѵромъ; но являетъ себя различно, судя по различному отношенію нашему къ сей благодати. Въ иныхъ пребываетъ она сокровенною, неявляемою; въ иныхъ обнаруживаетъ себя въ свойственныхъ ей дѣйствіяхъ на насъ, но обнаруживаетъ не непрерывно, а съ перерывами; иныхъ, наконецъ, осѣняетъ вполнѣ и неотступно являетъ дѣйствіе свое,—и для нихъ и для другихъ замѣтно.»

«Кто принялъ таинства, въ томъ есть уже благодать, хотя она не являетъ еще своего присутствія сквозь дѣйствія человѣческія. Такъ сѣмя, брошенное въ землю, но еще не прозябшее и не проросшее изъ земли,—хотя есть, но его не видно. Въ иномъ мѣстѣ есть жила чистой и цѣлительной воды, но скрыта подъ землею. Люди ходятъ по тому мѣсту и нерѣдко пьютъ дурную воду, а чистая вода тутъ же есть, да скрыта. На иномъ полѣ лежитъ подъ землею какое-либо сокровище; хозяинъ трудится, обработываетъ землю и иногда мало добываетъ трудами... а сокровище тутъ же, да не видно.—Такимъ

же образомъ и въ сердцѣ нашемъ бываетъ сокрыта благодать, какъ сокровище, какъ родникъ, какъ сѣмя: но она въ иныхъ не видна, не являетъ плодовъ, не источаетъ воды, не обогащаетъ. Она есть, но не обнаруживаетъ своихъ дѣйствій. Въ притчѣ Спасителя получивший одинъ талантъ и скрывший его въ землю имѣлъ талантъ, но ни самъ не пользовался имъ, ни другой не видалъ его. Такъ и здѣсь. Крещенный и муропомазанный уже получилъ благодать возрожденія и даръ Св. Духа и имѣетъ его, но, обративъ заботы свои на иные предметы, онъ можетъ зарыть сіе сокровище въ землѣ сердца своего такъ, что ни ему, ни другимъ оно не видно. Онъ можетъ томиться жаждою духовною или пить гнилую воду земныхъ утѣхъ, а источникъ благодати, могущій утолить его жажду, тутъ же въ немъ, да заваленъ. Онъ можетъ голодать и быть бѣднымъ духовно; а сокровище духовное всеобогощающее и сѣмя древа плодоноснаго и всенасыщающаго—тутъ же въ немъ, да загромождены хламомъ земныхъ дѣлъ и заботъ. Поройся въ землѣ и, можетъ быть, откроешь сокровище, или родникъ чистой воды. Пройдетъ влага и тепло къ сѣмени, и оно прорастетъ и плодъ принесетъ. Такъ и здѣсь,—дай просторъ благодати дѣйствовать, и она воздѣйствуетъ и явитъ силу свою въ тебѣ и на тебѣ.»

«Подвиги самоотверженія, труды добродѣланія и благочестія даютъ просторъ дѣйствію въ насъ благодати Св. Духа, и она—сокровенная приходитъ тогда въ явь и дѣйствіе свое показываетъ—и самому благодать носящему и другимъ.»

«Но, и въявь пришедши, или воздѣйствовавъ уже въ сердцѣ, благодать не вдругъ являетъ всю силу свою, или всю полноту своихъ дѣйствій, а постепенно, по частямъ, перерывчато. То подѣйствуетъ на одну сторону естества нашего, то на другую, то на одну силу, то на другую,—то мысль просвѣтитъ, то сердце усладитъ, то силы укрѣпитъ. И ни одного нѣтъ изъ тѣхъ, кои не преданы какой-либо грѣховной страсти, и ни одного нѣтъ, кто не ощущалъ бы въ себѣ иногда дѣйствія благодати. Когда въ умѣ вообразится какая-либо св. истина, напр.: твореніе, промышленіе, искупленіе и проч., или какое событіе Евангельское—распятіе, воскресеніе, вознесеніе и проч.—вообразится такъ сильно, что окуетъ все вниманіе ума, и такъ ясно, что онъ созерцаетъ всѣ подробности и убѣждается и питается тѣмъ,—то это плодъ благодати Божіей. Когда сердце поражается страхомъ суда, или исполняется

надеждою благъ вѣчныхъ, или чувствуетъ сладость, умиленіе, сокрушеніе, отрѣшеніе отъ всего съ такою силою, что оно будто переносится совсѣмъ въ другую область—изъ окружающаго насъ, то это есть дѣйствіе благодати. Когда душа ликовствуетъ, благодушествуетъ, готово на всякое добро, на всякій трудъ, на всякое лишеніе и даже смерть, все терпитъ, не страшится никакихъ препятствій въ Богоугожденіи,—всѣ сіи и подобныя состоянія суть явленія дѣйствующаго въ насъ Духа Божія.»

«И недаромъ, когда побываетъ кто въ какомъ-либо изъ сихъ состояній, именуетъ его благодатнымъ состояніемъ. Въ немъ дается вкусить человѣку то, чего ничто земное дать не можетъ. Всякій бываетъ въ сихъ состояніяхъ, но не у всякаго они бываютъ постоянны: а приходятъ и отходятъ, даются и отъемлются подобно тому, какъ въ видимомъ мірѣ бываетъ то свѣтло, то облачно, то вѣтрено, то тепло, то холодно. Такъ судила спасительная благодать для нашего-жъ блага, чтобъ не связать свободы нашей, чтобъ постепенно воспитать насъ къ благодатному пребыванію и научить цѣнить благо, которое дается не вдругъ, а послѣ многихъ опытовъ даянія рукою, какъ бы сокращенною. Благодать, говоритъ св. Діодохъ, иногда неизъяснимымъ какимъ то ощущеніемъ открываетъ сердцу свое присутствіе, и потомъ опять скрывается, ожидаетъ, чтобъ душа ревностнѣе еще взыскала Господа, вкусивъ блага отъ стремленій къ Нему. Изъ вкусившихъ сего кто не пожелаетъ, чтобъ учащались сіи состоянія и, приходя, не скоро отходили, но продлялись и долѣе давали себя ощущать?— Трудись и ищи! Но вѣдай, что усугубить или умалить, продлить или сократить, зависитъ отъ Господа, устрояющаго спасеніе наше такъ, чтобъ все споспѣшествовало намъ во благо.—Сіе говорится не за тѣмъ, чтобъ кто руки опустилъ, а чтобъ усугубилъ трудъ, который, какъ вѣдомо, по милости Божіей, все преодолѣваетъ. Трудись и ищи.» *)

Рѣшившемуся отправиться въ путь, предварительно необходимо знать правильное направленіе его, встрѣчающіяся препятствія и запастись всѣми нужными средствами къ успѣшному прохожденію его. Такими необходимыми условіями на пути спасенія являются слѣдующія пособія: 1) знаніе и содержаніе православнаго ученія о главныхъ истинахъ христіанскихъ для освѣщенія направленія пути, 2) принятіе благодатныхъ та-

*) Слова къ Владимир. паствѣ. Стр. 323—327.

инствъ церкви для стяжанія духовныхъ силъ, нужныхъ при движеніи, 3) участіе во всемъ христіанскомъ богослуженіи и труды добродѣланія, какъ лучшія упражненія для подкрѣпленія и возгрѣванія этихъ силъ и 4) наконецъ—необходимость ввѣрить себя руководству духовныхъ пастырей съ цѣлью получить указанія къ преодолѣнію препятствій и разъясненію сомнѣній и недоумѣній, могущихъ встрѣтиться по дорогѣ. Для всякаго христіанина, тѣмъ болѣе для вступающаго на путь доброй жизни существенно нужно знаніе главныхъ истинъ вѣры—о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, особенно необходимо уяснить и установить человѣку его истинныя отношенія и обязанности къ Верховному Существу и своему ближнему. Христіанство даетъ на это полные, опредѣленные и непререкаемо авторитетные отвѣты, не допускающіе никакихъ сомнѣній и колебаній. Богооткровенныя истины всѣмъ доступны и имъ можно научатся повсюду: въ храмѣ Божіемъ—во всемъ здѣсь читаемомъ, поемомъ и дѣйствуемомъ: въ словѣ Божіемъ или Св. Писаніи, въ твореніяхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви и, наконецъ, во множествѣ выходящихъ нынѣ религіозныхъ, назидательныхъ книгахъ и повременныхъ изданіяхъ. Но далеко не всѣ люди духовно питаются отъ этого благодатнаго источника. Нѣкоторые предпочитаютъ заниматься какою-либо свѣтскою наукою, а огромное большинство живетъ и довольствуется такъ называемымъ легкимъ чтеніемъ въ видѣ цѣлой массы издаваемыхъ теперь повѣстей, романовъ и произведеній періодической печати. Такъ какъ въ этой области мало истины, а гдѣ она и бываетъ, обычно въ изобили украшается и затемняется продуктами фантазіи, то потому душа человѣка, всегда въ существѣ своемъ стремящаяся къ обладанію истиною, по необходимости чувствуетъ себя неудовлетворенною и по истинѣ голодаетъ. Душа наша не можетъ жить и требуетъ здоровой духовной пищи, а ей взамѣнъ того даютъ камень. Оттого наше время по справедливости называется нервнымъ, потому то между нами такъ много настолько разочарованныхъ и нравственно разбитыхъ, разслабленныхъ, что при первой жизненной неудачѣ они готовы покончить съ собою и дѣйствительно кончаютъ. Для успѣшнаго и достойнаго прохожденія по пути добродѣтели вѣрующему необходимы духовныя силы, и онъ получаетъ ихъ въ таинствахъ православной церкви, которыя сопровождаютъ христіанина отъ колыбели до могилы, обильно подавая и сообщая ему свои благодатные дары для всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ жизни. Въ особенности необходимо святое

таинство тѣла и крови Господа, гдѣ вѣрующіе принимаютъ истинную духовную пищу и питіе. Изъ житій святыхъ угодниковъ Божіихъ мы видимъ, что великіе христіанскіе подвижники нравственно питались и подкрѣплялись имъ непрестанно, восходя до непрерывнаго, ежедневнаго причащенія. Но подаваемыя въ таинствахъ благодатныя силы для своего развитія и надлежащаго дѣйствія нуждаются въ соотвѣствующихъ благопріятныхъ условіяхъ жизни вѣрующаго Такою истинною атмосферою для христіанина съ одной стороны является церковность, а съ другой труды благочестиваго добродѣланія. Постоянное и неослабное участіе во всѣхъ богослужебныхъ чинахъ церковныхъ значительно развиваетъ и подкрѣпляетъ духовныя силы человѣка и создаетъ вокругъ него какъ бы неодолимую ограду для отраженія всякаго рода грѣховныхъ искушеній и нападеній, а практическія упражненія въ трудахъ добродѣтели претворяютъ духовныя начала въ плоть и кровь нашей нравственной жизни, закрѣпляя и дѣлая ихъ прочнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ нашего внутренняго міра. «Собирающемуся идти въ путь, чтобъ благополучно совершить свое путешествіе, надобно знать сей путь, знать направленіе его и долготу, равно какъ и все, могущее встрѣтиться на его протяженіи, а при самомъ шествіи надо видѣть и его, и то, чѣмъ онъ окруженъ. Такъ и христіанину, желающему достигнуть живота вѣчнаго, надобно знать и ведущій къ нему путь, и все ему соприкосновенное, все, что и выше его, и окрестъ, и впереди его, надобно освѣтить умственную атмосферу собраніемъ здравыхъ понятій о всемъ сущемъ и бывающемъ,—надобно знать: что есть Богъ, что міръ сей, какъ онъ стоитъ и куда ведется, что мы, зачѣмъ мы здѣсь, и что ожидаетъ насъ за гробомъ, какъ намъ должно держать себя въ отношеніи ко всему окружающему,—къ Верховному Существу—Богу, къ братіямъ нашимъ—человѣкамъ и къ міру невидимому,—ангеламъ и святымъ. Знающій все сіе шествуетъ при свѣтѣ; а незнающій сего сидитъ во тьмѣ, и, еслибъ вздумалъ идти, поткнется, потому что тьма ослѣпляетъ очи его. И только христіанство разгоняетъ тьму сію, давая на все сіе вѣрные отвѣты въ своемъ ученіи. Оно учитъ, что Богъ, въ Троицѣ покланяемый—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, сотворивъ все единымъ словомъ Своимъ, все содержитъ глаголомъ силы Своея, и все ведетъ къ Своему предназначенію, паче же блюдетъ человѣка, и падшаго—преестественно возстановляетъ во Христѣ Спасителѣ, вразумляя его откровеніями и

руководя заповѣдями, опредѣляющими всѣ его обязательныя отношенія и составляющими собственно путь, коимъ слѣдуетъ идти. Совокупность всѣхъ сихъ понятій и есть свѣтъ, указующій намъ путь и освѣщающій его. И такъ—узнай православное ученіе христіанское и содержи его всѣмъ сердцемъ, и будешь видѣть путь въ царствіе, и все окружающее сей путь, и все, могущее встрѣтиться въ продолженіе его —Это первое.»

«Гдѣ же незатруднительно можетъ найти всякій и поучиться истинѣ Божіей? Обильно предлагается она въ церкви Божіей всѣмъ, хотящимъ внимать; предлагается и въ чтеніи слова Божія, и въ проповѣдяхъ, и въ пѣсняхъ церковныхъ, и во всемъ устроеніи и чинопослѣдованіяхъ церкви, и въ писаніяхъ отеческихъ, и во многихъ—многихъ душеспасительныхъ книгахъ. Желающіе обильно черпаютъ здѣсь свѣтъ истины Божіей и веселятся подъ осіяніемъ ея. Но не всѣ такъ дѣлаютъ, и не все,—по виду кажущееся быть вмѣстилищемъ истины Божіей,—въ самомъ дѣлѣ вмѣщаетъ се. Есть люди, кои дни и ночи просиживаютъ надъ изученіемъ какой-нибудь науки—математики, физики, астрономіи, исторіи и проч., думая, что питаютъ душу истиною, а душа ихъ чахнетъ и томится. Отчего? Оттого, что нѣтъ истины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотятъ ее найти?! Не потому такъ говорю, чтобъ науки не могли вмѣщать истины... но что нерѣдко она бываетъ оттуда изгнана, и замѣщена—то мечтаніями, то предположеніями, противными истинѣ. А вѣдь души не обманешь,—какъ не обманешь голоднаго, давая ему камень вмѣсто хлѣба. Вотъ она и томится! Но это будто еще дѣльныя занятія—ученость. А что сказать о жадно читающихъ періодическую нашу письменность? Посмотрите, съ какимъ усиліемъ добивается молодой, а иногда и немолодой человѣкъ поскорѣе получить обычный мѣсячный выпускъ; съ какою неудержимостію бросается пожрать, какъ говорятъ, полученную добычу?! Тутъ и пища на умъ нейдетъ, и сна бываетъ мало... А какой плодъ?! Двѣ-три удачныя фразы, двѣ-три льстящія фантазіи, два-три обманчивыя предположенія,—и все тутъ... прочее никуда негоже. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все то-же... Душѣ больно!—Заводятся взаимныя бесѣды... все то-же, потому что и предметы бесѣдъ и образъ трактованія ихъ берутся изъ тѣхъ же книгъ... Приложите къ сему мелочность обыденныхъ занятій и соотношеній, и вы поймете, что, еслибъ открыть тотъ слухъ, которымъ слышится рѣчь души, вы услышали бы горькій въ

ней вопль: изведите меня изъ сей темницы... мнѣ тошно здѣсь. —Дайте мнѣ взглянуть на Божій свѣтъ! Такъ это и есть. — Но кто послушаетъ?! Видите, тутъ не въ тонѣ—питать душу истиною Божіею!.. и ее томятъ. И добро бы далеко было идти за сею истиною... Нѣтъ,—она тутъ же: но не хотятъ открыть очей, чтобы воспріять свѣтъ ея. Войди въ церковь, послушай, что здѣсь поется, читается и дѣйствуется, и узришь свѣтъ истины Божіей. Раскрой евангеліе или хоть въ рукахъ подержи сію Божественную книгу, и то отраднѣе будетъ душѣ твоей. А отеческихъ писаній развѣ мало у насъ теперь въ доступномъ для всѣхъ переводѣ? А другихъ духовныхъ книгъ и повременныхъ духовныхъ изданій сколько?! но всѣхъ сихъ сокровищницъ истины Божіей мы не знаемъ, даже и именъ ихъ не слыхали.»

«Но пусть и знаетъ кто путь, и путь сей освѣщенъ: что пользы въ семъ знаніи, если нѣтъ силъ идти по немъ? Больной, разслабленный, безногій, лежа при пути, по которому необходимо идти, и такъ необходимо, что, если не пойдетъ, погибнетъ, будетъ только больше сокрушаться отъ того, что знаетъ и видитъ сей путь. Въ такомъ бы положеніи были и мы, еслибъ Господь, просвѣтивъ насъ свѣтомъ вѣдѣнія, не далъ намъ силъ идти по указанію сего свѣта: ибо сами собою мы не можемъ идти, не имѣемъ силъ, мы разслаблены, разбиты. Но не смущайтесь! *Всѣ Божественныя силы, яже къ животу и благочестію,* заготовлены уже намъ Господомъ, призвавшимъ *насъ въ чудный Свой свѣтъ* (2 Петр. 1, 3), и всякому вѣрующему подаются въ святыхъ таинствахъ церкви, подаются независтно, въ такомъ обиліи, сколько кто желаетъ и можетъ вмѣстить. Крещеніе возраждаетъ, муропомазаніе укрѣпляетъ, св. причащеніе преискреннѣйше соединяетъ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, св. покаяніе возставляетъ падшаго, который падаетъ снова по крещеніи, и проч. Всякое таинство даетъ особую божественную силу, нужную человѣку на пути въ царство небесное... И такъ, зная содержимыя церковію таинства, бывай сколько можно чаще причастникомъ ихъ, съ вѣрою и по всему чину, установленному въ св. Божіей церкви,—и силы Божественныя, нужныя къ совершенію пути въ царство небесное, никогда не оскудѣютъ въ тебѣ.—Это второе.»

«Но на пути могутъ ослабѣвать и истощаться силы, могутъ встрѣчаться приманки и увлеченія. Отъ перваго должно прекра-

титься шествіе: отъ второго—принять ложное направленіе: конецъ же того и другого—пагуба. Какъ же быть? Надо обновлять силы, и отрѣвать приманки и увлеченія. Что нужно для этого? Одно: неуклонно исполнять всѣ поставленія церкви и всѣ чины ея—священнодѣйственные, молитвенные и освятительные. И вотъ почему! Въ св таинствахъ мы пріемлемъ благодать Св. Духа, какъ искру Божественную, низпадающую въ наше естество. Какъ для того, чтобъ искра, павшая въ вещество, превратилась въ пламень, необходимъ воздухъ и движеніе сего воздуха: такъ необходима своего рода атмосфера и движеніе сей атмосферы и для того, чтобъ искра Божественной благодати, принятая нами въ таинствахъ, проникла въ наше естество и превратилась въ пламень. Сію атмосферу и составляетъ наша церковность—всѣ чины священнодѣйствій, молитвъ и послѣдованій церкви, окружающихъ человѣка во всѣхъ положеніяхъ: а движеніе сей атмосферы есть непрестанное послѣдованіе священнодѣйствій церкви однихъ за другими и непрерывное участвованіе человѣка то въ одномъ, то въ другомъ. Здѣсь разумѣются дневныя службы: вечерня, утреня, литургія, праздники церковные, крестные ходы, молитвованія на разныя случаи —въ домахъ и церквахъ, путешествіе ко святымъ мѣстамъ, паче же всего св. посты съ говѣніемъ и причащеніемъ Св. Таинъ. Чѣмъ кто усерднѣе участвуетъ во всѣхъ сихъ чинопослѣдованіяхъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе будетъ разгораться въ немъ искра благодати, пока не превратится въ пламень, поглощающій весь составъ его—душевный и тѣлесный. Кто будетъ такъ дѣйствовать, у того никогда не истощатся силы, тотъ никогда не потеряетъ бодрости на пути и не впадетъ въ безпечность. Этотъ же способъ дарованъ намъ и для того, чтобъ отрѣвать отъ себя приманки и развлеченія міра. Кто живетъ по уставу церкви, тотъ, какъ за оградою спрятавшійся, не боится соблазновъ его. Церковность есть какъ бы отпѣваніе и отчитываніе отъ омраченія, производимаго дыханіемъ мірскаго духа. Коснется ли кого эта зараза,—бѣги въ церковь, и все отойдетъ,—или будь неуклонно вѣренъ указаніямъ церкви, и міръ не найдетъ случая приразиться къ тебѣ: ибо все, что есть въ мірѣ, есть и у насъ въ церкви, только въ чистѣйшемъ, Божественнѣйшемъ видѣ... Тамъ гулянья,—у насъ св. праздники: тамъ балы,—у насъ церковныя служенія: тамъ театры,—у насъ Божественныя священнодѣйствія. Сравнивай всякій, что лучше,—и не увлекайся пустою приманкою и не остав-

ляй ради ея существеннаго, плодотворнаго и питательнаго. Итакъ живи по церковному, и будешь жить какъ въ духовной атмосферѣ и оградѣ,—и силы твои никогда не ослабѣютъ въ тебѣ къ продолженію пути, и никакія приманки не увлекутъ тебя на распутствія—Это третіе.»

Истинная сердечная церковность не можетъ остаться однимъ внутреннимъ настроеніемъ подвизающагося, но неизбѣжно скажется вовнѣ и несомнѣнно обнаружится въ трудахъ и подвигахъ добродѣланія или исполненія заповѣдей Божіихъ. «Какъ для растенія нужна влажность—соки, которые пьетъ оно корнями, и, проводя въ стволъ, образуетъ себя передѣланною осадкою ихъ, такъ нужно своего рода передѣланіе и осадка духовныхъ соковъ и для души. Сіе совершается повседневнымъ добродѣланіемъ, или исполненіемъ заповѣдей, къ какимъ случаи представляетъ обыкновенное теченіе жизни нашей. Какъ соки въ растеніи или пища въ тѣлѣ нашемъ, оставаясь непередѣланными, обременяютъ только и тяготятъ, не принося пользы: такъ всѣ духовныя стихіи, какія пріемлетъ душа,—истина Божія, таинства и священнодѣйствія и проч., будутъ только тяготить ее—здѣсь и вѣчно—судомъ совѣсти и Божіимъ, если она не претворитъ всего того въ свою кровь духовную добродѣланіемъ. Вотъ отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены въ однѣ заботы житейскія, или одни дѣла служебныя и еще хуже въ дѣла страстныя; а о томъ, чтобъ сдѣлать какое добро, и помышленія не имѣютъ. Не пропускаютъ они ни одной частички питательной въ душу, и она сохнетъ—сохнетъ. Не потому такъ говорю, чтобъ дѣла службы и дѣла житейскія—хлопоты по семейству, торгъ, обороты разные и разныя предпріятія были пагубны для души... Нѣтъ. Не они сами по себѣ пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродѣтели, и если, совершая ихъ, совершаютъ не во славу Божію, а для какихъ-нибудь самолюбивыхъ цѣлей. Какъ соки въ нашемъ тѣлѣ обращаются въ живую кровь чрезъ соединеніе ихъ съ кислородомъ воздуха: такъ всѣ дѣла и служебныя и житейскія могутъ обращаться въ питательную для души стихію, если будемъ ихъ посвѣщать всѣ Богу! А когда сего нѣтъ,—нѣтъ притомъ и добрыхъ дѣлъ; то чѣмъ питаться душѣ?! Вотъ она томится тогда, и жалуется человѣку, и внятно говоритъ ему: пересади меня съ этой сухой или гнилой почвы—на ниву Божію, ниву добрыхъ дѣлъ, заповѣдями Христовыми требуемыхъ.»

«Коротко скажу вамъ четвертое. Могутъ на пути встрѣтиться препятствія, которыхъ не догадаешься, какъ преодолѣть: могутъ быть разставлены сѣти, которыхъ не сумѣемъ миновать; могутъ быть сочетанія стезей, при которыхъ не сообразишь, куда идти: можетъ набѣжать облако, которое скроетъ совсѣмъ путь, и устрашитъ громомъ и молніями: къ кому тогда обратиться? Какъ быть? Кто поможетъ во всѣхъ такихъ случаяхъ? Ангелы съ неба? Но они являются только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, оставляя обычное теченіе дѣлъ существующему у насъ порядку. Такъ кто же поможетъ? Пастыри—отцы духовные, которые и даны церкви, по апостолу, для того, чтобъ не допускать христіанъ *блаяться* недоумѣніями, —и вести всѣхъ неуклонно по пути въ животъ вѣчный, научая каждаго приходить въ мѣру возраста исполненія Христова. (Еф. 4, 11—15). Такъ, будь покоренъ руководству отцевъ духовныхъ, и избѣжишь распутій и преткновеній на пути въ царствіе небесное, и скоро и безбѣдно притечешь къ вратамъ рая.» *)

Вступившій на путь богоугодной жизни не сразу дѣлаетъ значительные успѣхи, а двигается очень медленно и постепенно восходитъ къ совершенству. На первой ступени онъ обращается отъ грѣха къ добродѣтели и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на совершеніи внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ. Во второмъ періодѣ переходитъ отъ внѣшнихъ явленій къ своему внутреннему міру и занятъ преимущественно очищеніемъ сердца чрезъ борьбу со страстьми и похотьми На третьей ступени обращается отъ себя къ Богу и предстоитъ въ своемъ сердцѣ предъ лицомъ Его. Высшую добродѣтель имѣютъ только совершенные, а первыя двѣ степени доступны всѣмъ. Хотя послѣднія служатъ только подготовительными путями къ высшей ступени, но и онѣ необходимы и имѣютъ большую нравственную цѣну. Кто на какой ступени бы не подвизался, не потеряетъ мзды своей, только пусть не стоитъ на одномъ мѣстѣ, ибо это опасно, а стремится впередъ по мѣрѣ своихъ силъ по заповѣди апостола, «задняя забывая и въ предняя простираясь.»

«Есть степени умнаго восхожденія къ Богу. Ихъ можно насчитать много. Укажу вамъ главнѣйшія:

Первая ступень есть обращеніе отъ грѣха къ добродѣтели. Человѣкъ грѣшникъ не помнитъ о Богѣ и о спасеніи души своей не заботится, а живетъ, какъ живется, удовлетворяя

*) Слова къ Тамбовской паствѣ. Книга 1-я стр. 63—65.

своимъ страстямъ и склонностямъ безъ всякихъ ограниченій, лишь бы только это не разстроивало его взаимныхъ къ другимъ отношеній. Очевидно, куда приведетъ человѣкъ такой путь! Но грѣшникъ въ безпечности и нерадѣніи не видитъ того. Господь же бдитъ надъ нимъ. И бываетъ, что или ангелъ хранитель въ сердцѣ, или слово Божіе—чрезъ слухъ,—открываютъ очамъ его бездну, въ которую онъ идетъ, смѣжившіи очи. Когда грѣшникъ воспріиметъ въ чувство опасность своего положенія и возжелаетъ избавиться отъ готовой ему пагубы, тогда полагаетъ въ сердцѣ своемъ твердое намѣреніе отстать отъ прежнихъ своихъ худыхъ дѣлъ и обычаевъ и начать жизнь по заповѣдямъ Божіимъ. Эта перемѣна жизни на лучшее, или, какъ я сказалъ, обращеніе отъ грѣха къ добродѣтели и есть,—первая ступень восхожденія къ Богу. Того, кто вступилъ на сію ступень, вы видите занятымъ съ напряженемъ силъ симъ однимъ добродѣланіемъ. Нѣтъ его ни на гуляньяхъ, ни въ театрѣ, ни на балахъ,—нигдѣ, гдѣ потѣшаютъ страсти, и чрезъ нихъ служатъ сатанѣ. Онъ всегда за дѣломъ,—или на должности, или въ трудахъ по семейству, или въ дѣлахъ благочестія и благотворенія. Ходитъ въ храмы на службы Божіи, какъ только есть возможность и соблюдаетъ всѣ уставы церкви, помогаетъ всячески нуждающимся, дѣло свое ведетъ добросовѣстно, терпитъ, когда нужно терпѣть,— и за себя и за другихъ, соблюдаетъ миръ и миритъ, отличается постоянствомъ и степенностію, не болтаетъ попусту, не бранится, мало спитъ, мало ѣсть и проч. Вотъ эта первая ступень!»

«Вторая ступень есть обращеніе отъ внѣшняго добродѣлания къ возбужденію и блюденію добрыхъ чувствъ и расположеній. Внѣшнія дѣла цѣнятся болѣе всего по чувствамъ и расположеніямъ, съ какими совершаются. Сіи чувства не всегда бываютъ исправны, при видимой исправности, и потому губятъ большую часть нашихъ добрыхъ дѣлъ. Напр. въ церкви быть богоугодное дѣло... но къ сему дѣлу можетъ привиться тщеславіе и сдѣлать его небогоугоднымъ. Можно съ удовольствіемъ стоять въ церкви, но для того, чтобы глазѣть на то или другое, или чесать слухъ, какъ охуждаетъ апостолъ. И это уничтожаетъ доброту пребыванія въ церкви. То же можетъ случиться и со всякимъ добрымъ дѣломъ. Можно милостыню подавать и поститься, да видимы будемъ; можно много трудиться для другихъ—изъ человѣкоугодія; можно уединяться и терпѣть—изъ презорства; можно быть усиленно дѣятельнымъ—изъ зависти,

— держаться на службѣ и исправно служить изъ корысти и неправедныхъ прибытковъ, такъ что, если прослѣдить всю сумму нашихъ добрыхъ дѣлъ, и строго обсудить чувства, съ какими они совершаемы были, можетъ оказаться, что онѣ всѣ — ничто, уничтожаются недобротою сокрытыхъ подъ ними чувствъ.— А вѣдь это жаль! Такъ вотъ и надобно намъ строго смотрѣть, чтобъ никакія худыя чувства и расположенія не осквернили нашихъ добрыхъ дѣлъ. Сначала, когда только обратится человѣкъ отъ грѣха къ добродѣланію, ему, можно сказать, еще некогда заняться своимъ внутреннимъ... Вся его забота обращена на то, чтобъ отвыкнуть отъ худыхъ дѣлъ и привыкнуть къ добрымъ. Напр. въ церковь онъ не ходилъ, а проводилъ это время въ какой либо утѣхѣ: надо отвыкнуть отъ сего обычая худаго и привыкнуть къ церкви. Милостыню не подавалъ и тратилъ деньги на другое что, расточалъ, прогуливалъ: надо отвыкнуть отъ гулянья и привыкнуть къ милостынѣ— подаянію; постовъ не соблюдалъ, а ѣлъ много, сладко и скоромно: надо и здѣсь отъ одного отвыкнуть, а къ другому привыкнуть. Такъ и во всемъ! Такъ говорю, на первыхъ порахъ, когда обратившійся отъ грѣха только еще отвыкаетъ отъ дѣлъ и обычаевъ грѣховныхъ и привыкаетъ къ добродѣланію, ему некогда слѣдить за своими чувствами, хоть и не невозможно и не необычно сіе. Тутъ борьба его съ собою даетъ высокую цѣну всякому его дѣлу, хотя бы и проскользнуло когда либо недоброе чувство. Но потомъ, когда онъ навыкнетъ добродѣланію и установится въ порядкѣ добродѣтельной и благочестивой жизни, непремѣнно должно ему войти въ путь своего сердца и строго смотрѣть за своими чувствами. Прежде врагъ старался отвлекать его отъ добрыхъ дѣлъ, когда были еще сильны привычки грѣховныя. Теперь же, когда онъ отвыкъ отъ сихъ послѣднихъ и установился въ добрѣ, врагъ начнетъ неправыми чувствами уничтожать доброту дѣлъ. Такъ и надобно обратиться внутрь и смотрѣть за своими чувствами. Вотъ то время, когда роботающій добру, дошедши до сознанія бѣды, опасности или безполезности труда, если при добрыхъ дѣлахъ не бываетъ добрыхъ чувствъ, положитъ твердое намѣреніе войти внутрь себя, строго смотрѣть за своимъ сердцемъ и не допускать ни въ какомъ случаѣ недобрыхъ чувствъ и расположеній, или этотъ поворотъ и обращеніе отъ внѣшняго добродѣланія къ удобренію внутреннихъ чувствъ и расположеній есть вторая ступень въ восхожденіи къ Богу. Называется это внутрь—

пребываніемъ, вниманіемъ ума, трезвеніемъ, различеніемъ помысловъ, или очищеніемъ сердца. Дѣло сіе состоитъ все въ томъ, чтобы отгонять недобрыя чувства и привлекать, возбуждать и укрѣплять добрыя... Съ самаго утра, говоритъ св. Діодохъ, стань у входа сердца, и посѣкай главы исходящихъ оттуда злыхъ помысловъ. Ибо какое бы дѣло ни пришлось намъ дѣлать, тотчасъ лѣзетъ изъ сердца худое помышленіе, чтобъ его осквернить. Нашъ долгъ—худое помышленіе отогнать, а доброе на мѣсто его воспроизвесть и съ симъ добрымъ помышленіемъ совершить дѣло. Напр. вы собираетесь въ церковь; и пойдутъ помыслы: нарядись получше, чтобъ на тебя смотрѣли, или иди,—иди, тамъ увидишь того-то или ту-то... или еще:—сходи; сходишь, скажутъ, что ты благочестивый и под. Все это надо прогнать, а на мѣсто того воспроизвесть въ сердцѣ чувство обязанности быть въ церкви во славу Божію, и съ симъ чувствомъ сходить въ церковь. Какъ въ этомъ, такъ надо поступить и въ прочихъ дѣлахъ. Чѣмъ бдительнѣе кто смотритъ за сердцемъ и чѣмъ безжалостѣе будетъ отсѣкать недобрыя помышленія и чувства, возникающія изъ него, тѣмъ скорѣе ослабитъ, заморитъ и истребитъ сіи страстные помыслы. Они будутъ показываться все меньше и меньше, а наконецъ и совсѣмъ улягутся и перестанутъ безпокоить, а на мѣсто ихъ укорянятся чувства добрыя и святыя. Въ сердцѣ водворится тогда миръ и невозмутимый покой. Это походитъ на то, какъ стаканъ мутной воды поставить такъ, чтобъ онъ не колебался. Нечистота все будетъ осѣдать внизъ: чѣмъ болѣе она спадаетъ, тѣмъ чище становится вода, а наконецъ и совсѣмъ очистится. Небо, солнце, луна и звѣзды въ немъ будутъ видимы! Вотъ это вторая ступень—очищеніе и чистота сердца чрезъ борьбу съ помыслами и страстями!»

«Третья ступень—есть *обращеніе отъ себя къ Богу*, которая состоитъ въ томъ, чтобъ стоять умомъ въ сердцѣ предъ лицемъ Бога, что собственно и есть вхожденіе во внутреннѣйшее—за завѣсу—путемъ новымъ и живымъ. Первыя двѣ ступени суть только приготовленіе къ сему, но такія, что безъ нихъ ему быть нельзя. Какъ наоборотъ тѣ двѣ безъ сего послѣдняго не приводятъ къ цѣли. Начало сего состоитъ въ томъ, чтобы утвердиться въ помышленіи о присутствіи Божіемъ. Гдѣ бы кто ни былъ, чтобы ни дѣлалъ, сознавай, что всевидящее око Божіе утверждено надъ твоимъ сердцемъ и все проникаетъ его. Какъ солнце на небѣ свѣтитъ и освѣщаетъ всю вселен-

ную, и всѣ твари движутся и дѣйствуютъ подъ его освѣщеніемъ: такъ да творимъ и мы всѣ свои духовныя дѣла,—на умственной тверди своей имѣя утвержденнымъ умное Солнце—Бога всевидящаго. Сіе настроеніе внутрь насъ само собою приходитъ по умиротвореніи помысловъ на второй степени,—и очищеніи сердца отъ страстей Ибо такъ говоритъ Господь: *блажени чисти сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Но не въ одномъ зрѣніи существо сей степени, какъ бы холоднымъ Богу предстояніи. Это только преддверіе. Дѣло же самое въ томъ, чтобы сердцемъ къ Богу устремляться, забывъ все—и въ себѣ и окрестъ себя, въ Богѣ исчезать, или къ Нему восхищаться. Святые отцы называютъ его изступленіемъ, т. е. выступленіемъ изъ обычнаго порядка жизни и погруженіемъ въ Бога, по гречески *екстасисъ.* Чтобъ сдѣлать это понятнѣе для васъ, скажу вамъ—одинъ—другой примѣръ: объ одномъ старцѣ говорили, что онъ помнилъ себя только до первой *славы,* т. е., на три псалма, а потомъ погружался въ Богосозерцаніе и такъ умно—безъ словъ молился Господу, стоя неподвижно. О другомъ старцѣ говорили, что онъ вечеромъ становился на молитву, обращаясь лицемъ на востокъ, воздѣвалъ руки свои, былъ восхищенъ къ Богу, и такъ пребывалъ неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока солнце взошедши ударами лучей своихъ не низводило его съ блаженнѣйшей высоты. Вотъ это и есть восхищеніе, или самое вступленіе во внутреннѣйшее—предъ лице Бога. Это высшее его состояніе. Но обычное его проявленіе сей степени—въ начаткахъ—есть горѣніе сердца,—или возбужденіе чувствъ при чтеніи, молитвѣ, добродѣланіи, дома и въ церкви, за дѣломъ и на пути. Плодъ сего—молитва. Вспадетъ чувство на сердцѣ, человѣкъ входитъ сознаніемъ внутрь; и ничего не хочетъ имѣть въ мысли кромѣ Бога. Если въ семъ состояніи онъ молится, то сытости не знаетъ поклоновъ и молитвенныхъ воздыханій къ Богу. Горѣніе сердца ублажаетъ его, и ему всегда хотѣлось бы быть въ семъ состояніи, какъ увѣряетъ Макарій Египетскій, еслибъ можно. Вотъ, кто началъ приходить въ такія состоянія, тотъ вступилъ на третью ступень, т. е., сталъ восходить отъ себя къ Богу! Это предѣлъ восхожденій, но такой, которому конца нѣтъ, ибо Богъ безконеченъ!» *)

Теперь вѣрующій переживаетъ такое нравственное состояніе, когда во внутренней его жизни раскрывается царство Божіе,

*) Слова къ Тамбов пастыр кн. 1, стр. 289—294

когда наступаетъ моментъ исполненія слова евангелія—*царствіе Божіе внутрь васъ есть* Святитель Θеофанъ, несомнѣнно лично пережившій подобное неземное состояніе, все теченіе его наглядно изображаетъ слѣдующими чертами. «Отличительная черта состоянія, когда раскрывается царствіе Божіе внутрь, есть *внутрь—пребываніе*. Сознаніе все сосредоточивается въ сердцѣ и стоитъ предъ лицемъ Господа, изливая предъ Нимъ свои чувства, болѣе же всего болѣзненно припадая къ Нему въ смиренныхъ чувствахъ покаянія, съ сопричастною готовностію весь животъ свой посвящать на служеніе Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, съ минуты пробужденія отъ сна, держится весь день, при всѣхъ трудахъ и занятіяхъ, и не отходитъ, пока сонъ не смежитъ очи. Вмѣстѣ съ образованіемъ такого строя, прекращается все настроеніе, которое качествовало внутрн до этого момента, въ періодъ исканія, въ это переходное состояніе томленія. Неудержимое броженіе мыслей прекращается; атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоитъ одна мысль и память о Господѣ. Отсюда *свѣтлость* во всемъ внутреннемъ. Все такъ ясно; всякое движеніе замѣчается и достойно оцѣнивается, при умномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ лица Господа созерцаемаго. Вслѣдствіе сего всякій недобрый помыслъ и недоброе чувство, прирастающіеся къ сердцу, въ самомъ зародышѣ встрѣчаетъ сопротивленіе, и прогоняется. Тутъ исполняется то, что совѣтуетъ Филофей Синайскій: «отъ утра стань у входа сердца и именемъ Іисусовымъ поражай подступающихъ враговъ.» Это прогнаніе недобраго можетъ быть мгновенно, но можетъ длиться часы, дни, мѣсяцы и годы; между тѣмъ существо дѣла всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается въ сердце, а встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ съ минуты сознанія недоброты его, и гнаніе его не прекращается, пока совершенно не упразднится отъ него сердце. Вслѣдъ за симъ, что ни думается, что ни чувствуется, что ни желается, что ни говорится и ни дѣлается, думается, чувствуется, желается, говорится и дѣлается, по точному сознанію, что все такое не оскорбляетъ неотступно созерцаемаго Господа, благоугодно ему Ему и сообразно съ Его волею. Если же противъ воли и проскользнетъ что либо противное, тотчасъ смиренно исповѣдуется Господу и очищается внутреннимъ покаяніемъ или внѣшнимъ исповѣданіемъ, такъ что совѣсть всегда хранится чистотою предъ Господомъ. Въ награду за весь такой внутренній трудъ подается дерзно-

веніе къ Богу въ молитвѣ, которая и теплится непрестанно въ сердцѣ. Теплота молитвы непрестанная есть духъ этой жизни, такъ что, съ прекращеніемъ сего тепльнія, прекращается и движеніе духовной жизни, какъ съ прекращеніемъ дыханія прекращается жизнь тѣлесная.»)

Преосвященный Θеофанъ стремился дать не только общее руководство и установить основной строй духовной жизни ввѣренныхъ и ввѣрившихся его водительству лицъ, но примѣнительно къ дѣйствительнымъ потребности послѣднихъ нерѣдко удовлетворялъ частныя нужды, входилъ въ личные интересы, можно сказать, благоустроялъ каждый ихъ день и каждый шагъ. Тутъ приходилось примѣнять на дѣлѣ выработанныя имъ и вышеизложенныя начала. Такъ одной корреспонденткѣ, искавшей совѣта и указанія относительно порядка своей ежедневной жизни, святитель пишетъ: «Ваше время только то, когда вы у себя въ комнатѣ. Его потрудитесь распредѣлить такъ, чтобъ оно все принадлежало Господу,—утренніе часы особенно... отъ просонокъ до 12 час. Тутъ помѣстите вашу утреннюю молитву. Лишь проснетесь, вставайте. Не жалѣйте тѣла. Если оно блажитъ хочетъ, разсердитесь и стоните себя съ кровати. Хорошо, еслибъ сей часъ же и на молитву, чтобъ всѣ думали, что вы еще спите. Вы уже знаете, что поклоны умиляютъ. Да поклоны весьма важное дѣло. Ими надо начинать—три, пять, десять... пока посогрѣется сердце: ибо съ просонокъ оно всегда бываетъ вяло и холодно. Потомъ прочтите утреннія молитвы не спѣшно, со вниманіемъ, зря Господа предъ собою, чтеніе сопровождайте поклонами поясными или земными, смотря по движенію сердца; но чѣмъ чаще, тѣмъ лучше... Заключите чтеніе опять поклонами, моля Господа о томъ, въ чемъ чувствуете нужду, пока насытится сердце. Число поклоновъ, ежели нужно, опредѣлите себѣ сами, а то такъ, сколько душѣ угодно... хоть сотню. По совершеніи молитвословія, хорошо нѣсколько времени провесть въ Богомысліи, или въ твореніи молитвы Іисусовой. Сядьте, или стоя и ходя и говорите: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя... говорите сію молитву побольше разъ... ужъ не менѣе сотни. Потомъ и днемъ, сколько можно чаще, творите сію молитву. И къ иконѣ днемъ—то хорошо почаще подходить и класть поклоны по усердію пять. десять, и болѣе, съ молитвою: Господи помилуй, Боже милостивъ буди... вотъ и все. И предъ сномъ такой же порядокъ,

*) Преосвящ. Θеофанъ. Письма о духовной жизни. Стр. 80—83.

т. е. нѣсколько поклоновъ вначалѣ, молитвы на сонъ грядущимъ, нѣсколько поклоновъ опять, и по крайней мѣрѣ сотню молитвъ Іисусовыхъ. Какъ хорошо ходить въ церковь для воспитанія духа молитвеннаго! Устройте же себя бывать чаще въ церкви за обѣднею, или вечернею, или какъ можете. Еслибъ всякій день и всѣ службы бывать въ церкви, то скорѣе бы разверзся источникъ молитвы сердечной .. Бывайте по крайней мѣрѣ по возможности. Къ сему молитвенному труду надобно приложить чтеніе Слова Божія и св отцевъ. Хорошо читать каждый день дневное евангеліе и дневной апостолъ. И сдѣлайте такъ—утромъ, послѣ молитвы Іисусовой. Но читайте съ размышленіемъ, углубляясь въ силу словъ и, сколько можно, доводя до сердца. Хорошо, когда-какое мѣсто займетъ всю душу. Съ нимъ можно ходить весь день, держа его въ памяти. Изъ св. отцевъ св. Исаака Сиріанина, Ефрема, Макарія Египетскаго, Достопамятныя сказанія, Лѣствицу, Варсонофія и Іоанна и друг. Изъ нихъ каждый день прочитывайте сколько нибудь. Много не надо читать...., Прочитавши что нибудь, жуйте его, пока дойдетъ до сердца. И довольно. Вотъ вамъ признакъ полезнаго чтенія! Когда какое мѣсто такъ займетъ, что всѣ мысли и вниманіе сосредоточатся въ немъ, это хорошо. Всякое другое чтеніе есть праздное.»

«По вечеру, или послѣ обѣда, хорошо читать житія святыхъ дневныхъ. Для того подъ руками имѣйте Четь-Минею. Есть ли у васъ какое рукодѣліе? Если нѣтъ, изобритите. Безъ рукодѣлія плохо. Читать и молиться (разумѣю молитву и вовнѣ выражаемую) нельзя непрестанно. А праздно сидѣть, мысли блуждать начнутъ; такъ и надобно въ помощь себѣ рукодѣліе изобрѣсть. Рукодѣліе продавайте и на милостыню раздавайте, прося Господа о помощи въ наукѣ молиться Ему. Какъ распредѣлить молитву, чтеніе, рукодѣліе, вамъ самимъ виднѣе. Только такъ распредѣлите, чтобъ не было празднаго времени ни минуты.» *)

Давши руководственныя правила нравственной жизни, преосвящ. Ѳеофанъ считалъ необходимымъ разъяснить своей паствѣ и вопросъ о томъ, какъ сподобиться человѣку мирной христіанской кончины. По ученію святителя препятствіемъ къ установленію правильнаго понятія о смерти и переходѣ въ загробный міръ являются слѣдующія причины— излишнее пристрастіе къ земнымъ вещамъ, недостаточно ясное представленіе

*) Письма о христ. жизни. Преосв. Ѳеофана. Вып. 1 и 2 стр. 34—36.

о силѣ и важности благъ будущей жизни и, наконецъ, страхъ предъ будущимъ судомъ. Желающій умереть похристіански и достойно вступить въ новой міръ долженъ въ теченіи своей земной жизни устранить всѣ эти препятствія. Будучи самъ великимъ аскетомъ, преосв. Ѳеофанъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ далеко не склоненъ насиловать чужія убѣжденія и совсѣмъ не требуетъ отъ каждаго христіанина полнаго отрѣшенія отъ міра и неизбѣжныхъ его принадлежностей. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что намъ нельзя обойтись безъ многихъ матеріальныхъ вещей: только настаиваетъ, чтобы мы имѣли правильное понятіе и установили надлежащее отношеніе къ нимъ, какъ не имѣющимъ сами по себѣ никакой нравственной цѣны, а служащимъ только средствомъ для поддержанія жизни нашего духа и необходимою обстановкою для его дѣятельности. Слѣдуетъ такъ расположить къ матеріальнымъ предметамъ свое сердце, чтобы съ ними во всякое время можно было такъ же легко растаться, какъ напр., скинуть ненужную одежду. Конечно, сдѣлать этого сразу нельзя; но возможно достигать подобнаго состоянія чрезъ внимательное, неослабное наблюденіе за своимъ внутреннимъ міромъ, путемъ медленной и настойчивой борьбы съ самимъ собою и упражненія въ добродѣтели, постепенно отсѣкая одно пристрастіе за другимъ, начиная съ меньшихъ и слабо развитыхъ. Одновременно со стремленіемъ отрѣшиться отъ излишней привязанности ко всему матеріальному, мы должны возбуждать и воспитывать въ себѣ вкусъ и любовь къ духовнымъ благамъ загробной жизни, возгрѣвать желаніе ея по образу и примѣру апостола, который *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти.* Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ тому служитъ размышленіе о скудости и ничтожности благъ земныхъ, о высотѣ и величіи благъ небесныхъ, а вѣрнѣе всего ведетъ—ощущеніе горечи всего земного и вкушеніе сладости небеснаго, что дается только путемъ продолжительныхъ и усиленныхъ подвиговъ вѣры и благочестія... Всякаго человѣка въ концѣ жизни смущаетъ страхъ предстать предъ грознаго судію. Такъ какъ основаніемъ этого страха являются наши грѣхи, то самымъ естественнымъ и надежнымъ средствомъ избавиться отъ него, конечно, было бы—не дѣлать ихъ. Но человѣкъ не только рождается и живетъ, но и зачинается во грѣхахъ, а потому онъ долженъ всю свою нравственную дѣятельность сосредоточить на принятіи и употребленіи духовныхъ мѣръ и способовъ къ ослабленію и

уничтоженію ихъ, каковыхъ мѣръ нѣтъ нужды изобрѣтать и отыскивать, ибо онѣ обильно предлагаются церковію уже давно готовыми и—лучшими изъ нихъ являются покаяніе за прошлое и твердое намѣреніе не грѣшить въ будущемъ. Покаявшійся и рѣшившійся оставить прежнюю грѣховную жизнь можетъ смѣло явиться на судъ, хотя бы онъ и не успѣлъ еще совершить важныхъ подвиговъ добродѣтели, такъ какъ имѣетъ за себя великаго ходатая предъ Отцемъ—Судіей Его Единороднаго Сына, пзлившаго пречистую и безцѣнную кровь Свою за доставленіе средствъ и возможности спасенія падшаго человѣчества. Если на землѣ преступникъ увѣренъ, что за него заступится наслѣдникъ престола, то безъ боязни пойдетъ къ царю, какое-бы преступленіе ни совершилъ. То же бываетъ и на небѣ.

«Смерть не есть уничтоженіе, а переходъ изъ сего земного жилища въ другое. Но когда—возмемте примѣръ изъ обычной жизни,— когда изъ одного мѣста въ другое переходятъ не только съ душею покойною и мирною, но и радостно? Тогда, когда не бываютъ ни къ чему привязаны въ томъ мѣстѣ, изъ котораго выходятъ,—и того мѣста, въ которое переходятъ не только не страшатся, но и всячески желаютъ, ради чаемыхъ въ немъ утѣшеній и пріятностей. Расположимся же подобно сему и относительно смерти—и мы встрѣтимъ ее не только безъ скорби и страха, но и съ радостнымъ желаніемъ... Именно—

1) Погасимъ въ себѣ всякое пристрастіе къ тѣлу и всему тѣлесному, къ землѣ и всему земному. Ибо, когда ничто не привязываетъ на землѣ, откуда будетъ скорбь при оставленіи ея? Какъ свободно и легко отдѣляются одна вещь отъ другой, когда онѣ не связаны и не склеены, а только приложены другъ ко другу: такъ легко будетъ отдѣленіе души отъ тѣла, когда въ ней не будетъ привязанности къ тѣлу и когда она пребывая въ тѣлѣ, не по тѣлу жительствуетъ. Странникъ, идущій къ своему назначенію, спокойно и охотно оставляетъ мѣста, гдѣ останавливается. Почему? Потому, что не успѣваетъ къ нимъ привязаться, что они для него чужія. Такъ и когда сердце наше будетъ считать чужимъ себѣ все земное, намъ не будетъ затрудненія перейти въ другую жизнь.»

«Конечно, намъ нельзя быть безъ нѣкоторыхъ вещей, или даже многихъ вещей. Но можно такъ расположить къ нимъ свое сердце, что съ ними такъ же легко будетъ разстаться, какъ скинуть ненужную намъ одежду. Объ этомъ и позаботимся. Трудновато сіе? Да... но можно сдѣлать сіе не вдругъ, а мало по-

малу. Какъ врагъ опутываетъ душу пристрастіями земными?— Навязывая ихъ одно за другимъ, подобно тому, какъ паукъ опутываетъ попавшіяся въ сѣти насѣкомыя, набрасывая на нихъ паутинку за паутинкою. Наоборотъ—кто хочетъ выпутаться изъ сихъ сѣтей, пусть ухитряется дѣйствовать противоположно тому—отсѣкать одни пристрастія за другими, начиная съ меньшихъ и доходя до большихъ. Какъ завязшій въ тину выдергиваетъ членъ за членомъ, пока совсѣмъ освободится: такъ станемъ отсѣкать пристрастіе за пристрастіемъ, пока станемъ совершенно свободными. Если употребимъ такой трудъ, то къ часу смертному можемъ быть совсѣмъ уже отрѣшены отъ всего и готовы безъ скорби оставить землю и все земное, ожидая только мановенія Божія.»

2) «Но не одни пристрастія земныя могутъ возмущать покой души въ часъ смерти. Не менѣе тревожитъ и страхъ,—какъ явиться на тотъ свѣтъ, гдѣ надо стать предъ лице Бога—Судіи праведнаго, очи Котораго свѣтлѣе солнца—все проникаютъ, и все видятъ, а у насъ много грѣховъ. Какъ тому, кто знаетъ, что за собою, страшно идти къ начальнику, и тѣмъ болѣе къ царю: такъ страшно грѣшникамъ предстать предъ Бога, такъ страшно, что, по слову Божію, они бываютъ въ необходимости кричать: горы, падите на ны! Причина сему—грѣхи, оскорбляющіе Бога. Потому, желаетъ ли кто безъ страха встрѣтить смерть и покойно перейти на тотъ свѣтъ, пусть позаботится о томъ, чтобы быть безгрѣшнымъ, или если уже погрѣшилъ, пусть сдѣластъ, чтобы грѣхи сіи не послужили ему въ осужденіе. Какъ это сдѣлать? Искреннимъ покаяніемъ и рѣшимостью—не нарушать болѣе заповѣдей Господнихъ. Кто грѣшилъ—впередъ не грѣши, а о прежнихъ грѣхахъ принеси покаяніе. Покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ съ исповѣдію и обѣщаніемъ не грѣшить болѣе—изглаждаютъ грѣхи отвсюду, гдѣ они печатлѣются—изъ существа нашего, изъ всего окружающаго,—и даже изъ памяти Божіей и дѣлаютъ кающагося грѣшника неповиннымъ предъ лицемъ Бога праведнаго, облекая его одеждою оправданія, заемлемою отъ ризы Господа, ради насъ пострадавшаго... Разрѣшеніе священническое раздираетъ рукописаніе грѣховъ, а раздранное рукописаніе теряетъ всю свою силу, по волѣ самаго Судіи, Который сказалъ: *елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесахъ* (Мѳ. 18, 18). Увѣренность въ семъ исполняетъ сердце грѣшника благонадежіемъ, и хотя онъ знаетъ, что грѣшилъ, но идетъ

предъ Судію безъ трепета, зная, что его приходъ туда предварило уже оправданіе, или что тамъ при Судіи есть и Ходатай, готовый заступиться за него .. Ибо *аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу Іисуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2, 1). Еслибъ какой преступникъ увѣренъ былъ, что за него заступится наслѣдникъ престола, голосъ коего силенъ у царя, то безъ боязни шелъ бы къ царю, какое бы преступленіе ни сдѣлалъ. Такъ безъ страха и смущенія можетъ являться предъ Судію Бога и грѣшникъ,—покаявшійся· ибо тамъ за него заступится единородный Сынъ Божій, грѣхи наши взявшій на Себя и вознесшій на древо, и сказавшій *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененные* грѣхами, *и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Такъ, кто хочетъ покойно умереть, покайся и впредь не грѣши.»

3) «Если за тѣмъ къ симъ двумъ расположеніямъ, т. е., отрѣшенію отъ всего земного и покаянію, присоединимъ еще возжеланіе благъ будущихъ, то смерть нами встрѣчена будетъ не только безъ скорби и страха, но и съ охотою. Охотно иной оставляетъ домъ, когда въ немъ сыро, или печи дымятъ, или кровля худа... Иной, хотя и не встрѣчаетъ въ домѣ какихъ непріятностей, охотно переходитъ въ другой домъ ради того, что предполагаетъ въ немъ найти болѣе удобствъ и выгодъ житейскихъ. Такъ, когда мы умомъ постигнемъ и сердцемъ ощутимъ съ одной стороны скудость и ничтожность благъ здѣшнихъ, съ другой—высоту и необъятность благъ, ожидающихъ насъ въ другомъ мірѣ, то не только съ охотою, но съ сильнымъ устремленіемъ будемъ желать перехода изъ сего мира въ другой, подобно Ап. Павлу, который говорилъ о себѣ, что сильно желалъ разрѣшиться и со Христомъ быть, и Пречистой Владычицѣ, которая каждое утро ходила на гору Елеонскую, (гдѣ потомъ на краткій срокъ положено было и тѣло Ея), и молила Божественнаго Сына своего, чтобъ поскорѣе взялъ Ее отсюда и далъ возможность зрѣть красоту лица Его... въ селеніяхъ небесныхъ. Душа, постигшая что значитъ жизнь здѣшняя и жизнь въ другомъ мірѣ, будетъ воздыхать о сей послѣдней, какъ плѣнный воздыхаетъ объ отечествѣ, странникъ о родномъ домѣ и сидящій въ темницѣ о свободѣ... и съ немалымъ желаніемъ призывать себѣ смерть, какъ избавительницу, благодѣтельницу и утѣшительницу. Спросите,—какъ возвесть душу къ таковому настроенію?—Можно размышленіемъ о ничтожествѣ благъ земныхъ и величіи благъ небесныхъ, а вѣрнѣе

всего—ощущеніемъ горечи всего земнаго и вкушеніемъ сладости небеснаго. Ибо тогда выйдетъ то, что вкусивъ сладкаго, не захотятъ горькаго—отвратятся отъ послѣдняго и возжелаютъ перваго. Или еще лучше: тогда душа будетъ бѣжать изъ сей жизни въ другую, какъ бѣгутъ изъ душной комнаты на свѣжій воздухъ.»

«Вотъ и все, что нужно намъ, чтобъ умереть спокойно.—Не имѣть пристрастія къ здѣшнему, совѣсть очистивъ—жить добродѣтельно,—воспитать въ себѣ сильное желаніе благъ вѣчныхъ. Первое и послѣднее придутъ сами собою, когда будетъ главное, т. е., чистая совѣсть и добрыя дѣла».)

VII.

ПРОПОВѢДИ.

Въ главѣ о епископскомъ служеніи преосв. Ѳеофана мы разсмотрѣли его практическую дѣятельность, какъ проповѣдника, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о его литературныхъ гомилетическихъ трудахъ. Проповѣди святителя находятся въ ближайшей и тѣсной связи съ нравоучительными сочиненіями и стоятъ, какъ часть и особый отдѣлъ послѣднихъ. Преосв. Ѳеофанъ принадлежитъ къ числу очень плодовитыхъ проповѣдниковъ, ибо отъ него осталось четыре тома поученій, изъ которыхъ одни были произнесены по должности ректора академіи въ С.-Петербургѣ, а другія—въ званіи епископа къ Тамбовской и Владимірской паствамъ. Особенно была обширна и производительна его учительная дѣятельность во Владимірѣ. Менѣе чѣмъ за три года общественнаго служенія здѣсь онъ произнесъ 138 словъ и бесѣдъ, при чемъ въ теченіи одного 1864 года сказалъ 74 проповѣди, изъ которыхъ на мѣсяцъ мартъ подаетъ 9, а на августъ даже 11. Такое обиліе поученій объясняется взглядомъ архипастыря на значеніе проповѣдничества въ пастырскомъ служеніи. Епархіальныя дѣла онъ называлъ «пустенькими,» только проповѣдованіе Слова Божія считалъ дѣломъ существенно важнымъ, «обязательствомъ, свыше ему предопредѣленнымъ.» Для него проповѣдь «священнодѣйствіе слова.» «Слово есть могущественное средство помогать ближнему. Въ немъ душа выходитъ и, сочетаваясь съ другою, силы ему придаетъ.» «Проповѣдь единственный истинный садовый

*) Слова къ Тамбов. паствѣ. Книга 1-я стр. 28.

ножъ въ рукахъ дѣлателей вертограда Божія.» Вотъ почему святитель такъ дорожилъ учительнымъ правомъ; ради сохраненія его онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми другими. «Пусть возьмутъ всѣ права, замѣчаетъ онъ, а оставятъ одну свободу, не стѣсняясь говорить по--пастырски.»

Каково же содержаніе, въ чемъ существенный характеръ и основное направленіе церковно-учительныхъ трудовъ преосв. Ѳеофана и къ какому роду проповѣдниковъ принадлежитъ ихъ авторъ? Въ русской православной гомилетической литературѣ сложилось два рода произведеній. У однихъ проповѣдниковъ исходнымъ пунктомъ ихъ учительнаго слова служатъ явленія наблюдаемой ими современной дѣйствительности, историческая жизнь современнаго общества. У другихъ же церковныхъ учителей началомъ и точкою отправленія являются главнымъ образомъ ихъ собственныя душевныя состоянія, потребность подѣлиться со слушателями благочестивыми чувствами своей религіозно-настроенной души. Они рѣдко затрогиваютъ тѣ или другія явленія современной общественной жизни. Характеръ и содержаніе ихъ проповѣди почти исключительно опредѣляется ихъ личнымъ душевнымъ настроеніемъ. Лучшими и выдающимися представителями перваго направленія у насъ признаются преосвященные—Іоаннъ Смоленскій, положившій начало ему, Никаноръ Херсонскій и въ послѣднее время Амвросій Харьковскій; а выразителями второго направленія являются—приснопамятный Московскій святитель Филаретъ, Иннокентій, Димитрій Херсонскіе и др. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и преосвящ. Ѳеофанъ. Основную задачу и главный предметъ своихъ проповѣдническихъ трудовъ самъ святитель ясно и опредѣленно выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Лучшее употребленіе дара писать и говорить есть обращеніе на вразумленіе и пробужденіе грѣшниковъ отъ усыпленія и такою должна быть всякая церковная проповѣдь и всякая бесѣда.» Т. е., по убѣжденію преосв. Ѳеофана церковно-учительное слово должно быть ни чѣмъ инымъ, какъ непрестаннымъ благовѣстіемъ о путяхъ духовнаго совершенства. И дѣйствительно, хотя между поученіями его встрѣчаются бесѣды догматическаго, литургическаго и историческаго содержанія, но огромное большинство ихъ нравоучительнаго характера. Въ своей проповѣднической дѣятельности архипастырь широко и особенно настойчиво стремился выполнить основную задачу всей своей жизни—указаніе пути ко спасенію. Изъ предыдущихъ отдѣловъ книги мы видили, какое видное мѣсто занимаютъ нравст-

венные вопросы въ поученіяхъ преосв. Θеофана. По проповѣдямъ его мы уже знаемъ ученіе объ идеалѣ истинно-христіанской жизни, о путяхъ и ступеняхъ восхожденія къ нему, о мирной христіанской кончинѣ, о молитвѣ и пр. Здѣсь намъ хотѣлось бы привести нѣсколько хронологическихъ данныхъ о томъ, что мысль о спасеніи всегда была господствующею и занимала вниманіе проповѣдника, начиная съ самыхъ первыхъ опытовъ его учительной дѣятельности. Еще на школьной академической скамьѣ юный студентъ уже глубоко размышлялъ о предметахъ христіанской нравственности и въ своей первой проповѣди на вознесеніе Господне онъ уже задается вопросомъ объ отношеніи и плодахъ этого славнаго священно-историческаго событія ко спасенію человѣка и таковыми считаетъ: «возвышеніе, примиреніе, освященіе и укрѣпленіе ищущихъ спасенія людей.» Чрезъ два года по окончаніи академическаго курса—въ 1843 году, произнося слово на воздвиженіе въ храмѣ Новгородской семинаріи, проповѣдникъ для того и разсуждаетъ о тайнѣ креста Господня, чтобы показать какъ течетъ изъ него, какъ изъ источника, истинно-христіанская жизнь.» Чтобы возстановить и воскресить нашу настоящую жизнь по паденіи, говоритъ онъ, надлежитъ умертвить того чуждаго человѣка, который всѣмъ завладѣлъ въ насъ, сталъ душею всей нашей дѣятельности. Желающій спастись долженъ погубить свою душу, по заповѣди Спасителя. И дѣйствительно, всѣ губящіе ее чрезъ внутреннее распятіе со страстьми и похотьми и только они одни и начинаютъ жить истинно по духу.» Въ слѣдующемъ 1844 году іеромонахъ Θеофанъ говоритъ о спасеніи въ словѣ на св. Пасху; въ 1845 г. касается того же вопроса въ проповѣди на Благовѣщеніе и т. д. Еще шире и обстоятельнѣе ту же мысль сталъ развивать и раскрывать проповѣдникъ со вступленіемъ на святительскую каѳедру. Тутъ уже вопросы нравственнаго совершенства по временамъ занимали цѣлый рядъ непрерывныхъ церковныхъ бесѣдъ, напр. въ Тамбовѣ было произнесено пять словъ о спасеніи, съ полнымъ и всестороннимъ раскрытіемъ предмета, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности.

Указанною задачею и важнѣйшимъ предметомъ учительнаго слова преосв. Θеофана опредѣляется истинный характеръ и внутреннія достоинства его (слов.). Главная особенность святителя, какъ проповѣдника, и вмѣстѣ высшее достоинство въ томъ, что онъ по истинѣ и наиболѣе полнымъ образомъ въ новое

время осуществилъ идеальное требованіе христіанской проповѣди, указанное апостоломъ и состоящее не въ діалектикѣ и риторикѣ, а въ явленіи духа и силы, религіознаго вѣрованія и убѣжденія. Проповѣдническіе труды его характеризуетъ то исключительной важности свойство, точное понятіе о коемъ нельзя выразить никакимъ словомъ человѣческимъ и которое въ гомилетикахъ носитъ названіе *помазанія*. Эта истинная искра божественнаго огня, всегда присущая и проникающая поученія преосв. Ѳеофана, дѣлаетъ ихъ единственными и несравненными, близко напоминающими проникновенныя бесѣды древнихъ христіанскихъ подвижниковъ — пустынножителей Его слово есть проповѣдь жизни единственно для Бога и въ Богѣ, проповѣдь аскетическаго идеала и для жизни въ самомъ гражданскомъ обществѣ. Во всякомъ церковномъ поученіи преосвящ. Ѳеофана ярко обнаруживаются, какъ типическія два явленія. Съ одной стороны внутреннему сознанію проповѣдника всегда предносятся, какъ живые, образъ Господа и Спасителя нашего Христа, Его пречистой матери, апостоловъ и всѣхъ святыхъ. Мысль его всецѣло занята ихъ ученіемъ и заповѣдями, памятованіемъ смерти, суда, вѣчнаго блаженства праведниковъ и вѣчныхъ мученій грѣшниковъ. Съ другой стороны слово святителя вращается главнымъ образомъ въ области внутренней, сокровенной жизни людей, въ сферѣ ихъ духовно-нравственныхъ состояній и сердечныхъ движеній. Оно всегда исходитъ изъ глубины его любвеобильнаго сердца, прочувствовано и пережито имъ самимъ. Въ немъ проповѣдникъ износитъ наружу сокровище внутренней христіанской жизни и все богатство своей личной нравственной силы, при чемъ глубина и широта психологическаго анализа нерѣдко являются просто изумительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникъ постоянно обращается съ призывомъ къ вѣрующей душѣ слушателей, чтобы она въ глубинѣ и тайнѣ своего сердца искала и созидала то тихое и безмятежное царство Христово, о которомъ говорится въ Писаніи: *„царствіе Божіе внутрь васъ есть.“* При этомъ онъ не столько доказываетъ, сколько высказываетъ свои идеи, столько же поучаетъ своихъ слушателей, сколько трогаетъ ихъ, воодушевляетъ религіознымъ чувствомъ, наполняетъ сердце то раскаяніемъ и сокрушеніемъ, то отрадой и надеждой, то умиленіемъ и благодарностью къ Богу. Отсюда учительное слово полно того огня внутренняго убѣжденія и вдохновенія, которое, дѣйствуя съ неотразимымъ вліяніемъ на духовный міръ слушателей, приво-

дить въ возбужденіе всѣ силы души, способно такъ захватить сердце человѣка и подвинуть его на высокія дѣла добродѣтели.

И такъ по своему содержанію и основному направленію проповѣдническіе труды преосв. Ѳеофана по преимуществу и главнымъ образомъ имѣютъ характеръ нравоучительный и назидательный. Между его поученіями рѣзко бросается въ глаза незначительное число произведеній, такъ называемаго, публицистическаго содержанія—на современные проповѣднику темы и злобы дня, и еще меньше всего два—три слова обличительныхъ. Тому и другому явленію были основательныя причины. Поученій перваго рода мало говорилъ святитель совсѣмъ не потому, что мало интересовался и наблюдалъ современную ему общественную жизнь. Напротивъ, онъ всегда зорко слѣдилъ за всѣми важнѣйшими проявленіями ея и, когда настояла нужда, смѣло обсуждалъ ихъ съ церковной каѳедры. Когда въ половинѣ прошлаго 19 столѣтія русское образованное общество увлеклось заимствованными съ запада новыми идеями, большею частію матеріалистическаго направленія, тогдашній ректоръ столичной академіи энергично возвысилъ свой авторитетный голосъ въ защиту христіанскаго мировоззрѣнія противъ этихъ идей. Онъ произнесъ нѣсколько поученій о духѣ времени и въ частности свое замѣчательное слово о прогрессѣ, въ которыхъ глубоко и основательно раскрылъ весь вредъ и опасность новаго направленія для нравственной и религіозной жизни нашего общества и указывалъ средства къ предотвращенію зла. Считая современныя ему явленія общественной жизни преходящими и случайными, святитель не въ обсужденіи ихъ полагалъ важнѣйшую задачу церковнаго слова. Онъ прежде всего и главнымъ образомъ стремился насадить въ сердцахъ своихъ слушателей истинное понятіе о духѣ христіанской нравственности, въ томъ справедливомъ предположеніи, что частные случаи жизни тогда опредѣлятся уже сами собою, безъ его руководства. Такъ же не безъ основанія воздерживался проповѣдникъ и отъ обличительныхъ поученій. Онъ избѣгалъ грозныхъ укоровъ и рѣзкихъ обличеній въ томъ убѣжденіи, что путемъ мягкаго положительнаго разъясненія истины скорѣе можно привлечь къ ней слушателей, чѣмъ обиліемъ порицаній и угрозъ. Впрочемъ тутъ важную роль играло и любвеобильное сердце святителя и его замѣчательная снисходительность къ чужимъ немощамъ. Опытъ показываетъ, что люди высокой нравственности и истинной добродѣтели бываютъ въ жизни людьми наиболѣе терпѣливыми

и снисходительными къ недостаткамъ ближнихъ. Они знаютъ, какъ труденъ путь добродѣтели, чтобы, ступая по нему, можно было бы поручиться, что не преткнешься.

Проповѣди преосв. Ѳеофана замѣчательны и по самому своему внѣшнему способу составленія; ибо онѣ не есть обычный продуктъ сухой головной работы, а представляютъ собою живое и непосредственное изліяніе глубоко чувствующаго сердца проповѣдника. О характерѣ составленія ихъ самъ авторъ пишетъ: «Особенность моихъ проповѣдей та, что онѣ не сочиняемы. Обычно бывало вечеромъ, послѣ всенощной выпью стаканъ чая, прочитаю евангеліе завтрашнее, потомъ апостолъ... и какая мысль впадетъ и займетъ вниманіе и сердце, ту беру въ тему и проповѣдь тамъ внутри ужъ сама собой строится. Часа полтора, много два... и проповѣдь готова... утромъ прочитаешь, немножко подладишь. Иногда тему даютъ внѣшнія обстоятельства, какъ бывало при посѣщеніяхъ монастырей..., но производство все то же. Это писаные экспромты: какъ они не изъ головы шли, то и представляютъ подслащенное нѣчто.» *) Этотъ основной тонъ по временамъ видоизмѣняется въ своемъ развитіи. Такъ поученія къ Владимірской паствѣ носятъ на себѣ слѣды болѣе продолжительной разсудочной работы, чѣмъ слова, произнесенные въ Тамбовѣ.

Что касается внѣшней формы изложенія проповѣдей преосв. Ѳеофана, то хотя онѣ въ печати и носятъ оглавленіе «слова, рѣчи и бесѣды,» но по своему общему характеру онѣ по преимуществу заслуживаютъ названія послѣднихъ. Большинство ихъ представляетъ сердечное собесѣдованіе пастыря со своею паствою, какъ отца съ дѣтьми. Это простая, задушевная рѣчь, въ которой проповѣдникъ съ одной стороны вполнѣ открываетъ слушателямъ свою душу, а съ другой входитъ во всѣ духовныя нужды ихъ, съ трогательною заботливостью и снисхожденіемъ приспособляется къ настоящему нравственному состоянію слушателей съ цѣлью возвысить ихъ до своего уровня. Чтобы успѣшно вести подобныя бесѣды, существенно необходимо для пастыря искренне и глубоко любить пасомыхъ. И преосвящ. Ѳеофанъ дѣйствительно сердечно любилъ свою паству и всегда глубоко интересовался жизнью, всегда шелъ на встрѣчу нуждамъ ея. Благодаря такимъ собесѣдованіямъ между епископомъ и вѣрующими создавались и устанавливались чисто семейныя отношенія. Подобно тому какъ бываетъ у домашняго очага, когда

*) Собраніе писемъ. Вып. 4, 50—51 стр.

послѣ дневнаго труда отецъ собираетъ около себя своихъ дѣтей и ведетъ съ ними рѣчь обо всемъ, интересующемъ ихъ, такъ и архипастырь бесѣдовалъ съ собравшеюся около него паствою, въ мирѣ и покоѣ воскреснаго дня, о всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ христіанской вѣры и жизни. Не смотря на свою поразительную простоту, по временамъ доходящую до народнаго говора, проповѣди преосв. Ѳеофана относятся къ числу краснорѣчивыхъ, ибо онѣ обладаютъ тѣмъ истиннымъ краснорѣчіемъ, которое состоитъ не въ громкихъ фразахъ и красивыхъ жестахъ, а въ томъ, когда слово оратора, выходя изъ глубины его сердца и живого убѣжденія, прямо направляется къ сердцу слушателя, проникаетъ въ душу и овладѣваетъ ею. «Слово, исходящее изъ духа благонастроеннаго, скажемъ словами самаго святителя, и безъ внѣшнихъ средствъ риторики будетъ назидательно. Или лучше въ немъ-то и есть источникъ исключительно истиннаго краснорѣчія, а не во внѣшнихъ пріемахъ.» Замѣчательно, что при своемъ выдающемся литературномъ талантѣ, преосв. Ѳеофанъ никогда не рѣшался говорить своихъ поученій безъ тетради. Съ одной стороны тутъ сказывалось его смиреніе и чрезвычайная скромность во мнѣніи о самомъ себѣ, какъ бы боязнь излишне довѣриться и положиться на свои силы, а съ другой подобная особенность вытекала изъ глубокаго благоговѣнія къ Слову Божію, изъ опасенія не сказать наизусть что-либо неточное, лишнее и особенно невѣрное и ложное. По мысли святителя, кто въ священномъ мѣстѣ во имя Божіе возвѣщаетъ Слово Божіе, тотъ отвѣчаетъ за каждое слово. О проповѣдникахъ, говорящихъ безъ надлежащаго приготовленія, легкомысленно и поверхностно нужно сказать, что они не имѣютъ достаточнаго уваженія ни къ вѣрующимъ душамъ, ни къ самому Богу, пославшему ихъ съ проповѣдью для душъ. Было бы недостойнымъ и оскорбительнымъ для божественной истины представить ее чадамъ Божіимъ въ несоотвѣтствующей ей оболочкѣ, безъ необходимой точности и серьезной важности.

По свидѣтельству современниковъ проповѣди преосв. Ѳеофана производили сильное впечатлѣніе и привлекали массу народа. Вниманіе молящихся было настолько велико, что и при слабомъ голосѣ проповѣдника рѣчь его достигала самаго отдаленнаго угла храма. Многіе, слышавшіе поученія лично, впослѣдствіи просили автора прислать ихъ на память для себя. Объ успѣхѣ церковнаго слова святителя мы имѣемъ нѣсколько

достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Такъ о проповѣдяхъ къ Владимірской паствѣ одинъ изъ слушателей писалъ: «Вскорѣ по пріѣздѣ, преосвященный Ѳеофанъ произвелъ впечатлѣніе на здѣшнее общество своими проповѣдями. Каждое служеніе свое онъ сопровождаетъ архипастырскою бесѣдою. Его слово овладѣваетъ вниманіемъ слушателей до того, что даже при слабости его голоса слышно послѣднему нищему у церковнаго порога; рѣчь такъ общепонятна, что привлекаетъ множество слушателей изъ простого народа.» *) Проповѣдническіе труды святителя высоко цѣнили и такіе авторитеты церкви, какъ покойный митроп. Макарій. Когда Тамбовская паства при прощаніи съ нимъ выражала свое глубое сожалѣніе, говоря, что его никто не можетъ замѣнить, и что она его никогда не забудетъ, владыка замѣтилъ: «вы скоро забудете меня, если я скажу, что на мое мѣсто назначенъ преосвященный Ѳеофанъ. Это замѣчательный человѣкъ, особенно, какъ проповѣдникъ. Проповѣди его лучше моихъ.» И въ настоящее время онѣ не потеряли своего значенія. Издаваемыя въ послѣдніе годы отдѣльными брошурами слова —о молитвѣ, о храмахъ, о покаяніи и причащеніи и др. нашли себѣ большой кругъ читателей и выдержали уже по нѣсколько изданій.

Наша рѣчь объ общественномъ церковно-учительномъ служеніи преосв. Ѳеофана была бы не полною, если бы мы не сказали о другой сторонѣ его (служ.)—усиленныхъ трудахъ съ цѣлью поднятія и развитія дѣла проповѣди среди самихъ проповѣдниковъ—пастырей и учителей церкви. Дѣятельность святителя въ этомъ отношеніи была очень широка и разнообразна. Онъ въ своихъ поученіяхъ весьма часто призываетъ подвѣдомственное ему духовенство къ неопустительному проповѣдыванію Слова Божія, издаетъ оффиціальныя распоряженія въ видѣ указовъ и инструкцій, посылаетъ частныя письма, составляетъ комитеты, пишетъ цѣлые гомилетическіе трактаты и, наконецъ, усердно молится о ниспосланіи пастырямъ учительнаго дара. Конечно, силы одного архипастыря далеко были недостаточны для успѣшнаго веденія по цѣлой обширной епархіи такого сложнаго дѣла, какъ церковное учительство. И вотъ епископъ привлекаетъ къ нему епархіальное духовенство, воздѣйствуя и располагая его всѣми возможными и зависящими отъ него мѣрами и средствами, какъ административными, такъ въ особенности нравственными. Преосв. Ѳеофанъ при всякомъ удобномъ случаѣ настойчиво убѣждалъ

*) Православ. Обозрѣніе. 1863 г. Т. XII 86—87 стр.

и внушалъ духовенству, что проповѣдничество есть первый, прямой и священный долгъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть и внутреннею потребностью, если только оно правильно и сознательно относится къ своему высокому служенію. По мысли святителя весь смыслъ и значеніе пастырства заключается не въ какихъ-либо внѣшнихъ преимуществахъ, а во внутреннемъ, нравственномъ вліяніи на душу паствы, для чего лучшимъ и единственно надежнымъ средствомъ является слово проповѣди. «Торжество пастырства не въ видимомъ блескѣ безъ силы, и не во внѣшнихъ преимуществахъ, а во внутренней силѣ ихъ слова надъ душами пасомыхъ, когда всякій пастырь можетъ сказать: овцы гласа моего слушаютъ, т. е. свой умъ и волю покоряютъ его слову, свои понятія слагаютъ по его ученію, свою жизнь устрояютъ по его совѣтамъ, и свои сомнѣнія рѣшаютъ его вразумленіями. А всего этого какъ достигнуть? Не иначе, какъ чрезъ проповѣдь слова; ибо у насъ одно это орудіе.» [1]) Для истиннаго служителя алтаря Господня проповѣдничество должно быть внутреннею, психологическою необходимостью. Какъ заботливый и попечительный отецъ, видя нужды своихъ дѣтей, не можетъ удержаться, чтобы не придти къ нимъ на помощь, такъ и пастырь церкви не долженъ оставаться равнодушнымъ къ удовлетворенію насущныхъ духовныхъ потребностей своихъ пасомыхъ. Къ тому же, какъ присущая человѣку жажда истины томитъ сердце вѣрующихъ, ищущихъ и не обрѣтающихъ ея, такъ и не высказанная истина должна томить и тяготить душу самого пастыря: «Проводники христіанской истины—уста іереевъ Божіихъ. Кто изъ нихъ затворяетъ уста свои, тотъ преграждаетъ путь истинѣ, просящейся въ души вѣрующихъ. Отъ того и души вѣрующихъ томятся, не получая истины и сами іереи должны ощущать томленіе отъ истины, которая не получая исхода, тяготитъ ихъ. Облегчись же, *іерей Божій,* отъ сей тяготы, испусти потоки божескихъ словесъ въ отраду себѣ и въ оживленіе ввѣренныхъ тебѣ душъ. Когда же увидишь, что и у тебя самого нѣтъ истины, возьми ее: она въ святыхъ писаніяхъ и, исполняясь ею, препровождай ее къ дѣтямъ твоимъ духовнымъ: только не молчи. Проповѣдуй, ибо на это ты призванъ.» [2])

Пастырь церкви, выступающій на учительную каѳедру, обязанъ внимательно и усиленно подготовиться къ своему высокому служенію и прежде всего долженъ обладать извѣстною

[1]) Слова ректора С.-Перербур. Академіи стр 25, [2]) Собраніе писемъ вып. II, стр. 75.

степенью нравственной благонастроенности. Кто хочетъ вести и руководить другихъ, тотъ самъ долженъ стоять на извѣстной высотѣ, дабы ясно видѣть, какъ направленіе самаго пути, такъ и идущихъ по нему. Нужно учить не только словомъ, но и главное дѣломъ жизни. Слово бываетъ дѣйственно только того, кто самъ пережилъ и перечувствовалъ его въ собственномъ опытѣ. Иначе оно будетъ, какъ мѣдь звенящая и кимвалъ брящающій. Пастырь, самъ не увречававшійся отъ недуговъ духовныхъ, подобенъ слѣпцу, рѣшившемуся вести другого подобнаго ему слѣпого. «Назидать или созидать другихъ можетъ только тотъ, кто самъ возсозданъ, чей умъ свѣтло созерцаетъ истины, чье сердце согрѣто теплою любовію къ симъ истинамъ.» «Того не сообщишь другимъ, чего самъ не знаешь.» «Истину можно сказать только по опыту, по вкушеніи только духовныхъ благъ самымъ дѣломъ.» «Проповѣднику нужно постоянно слышать голосъ Божій въ своей душѣ. Недостатокъ же такого настроенія ничѣмъ не можетъ быть замѣненъ. Проповѣдь умная, вооруженная всѣми способами риторики къ возбужденію страстей, къ пораженію воли, къ увлеченію сердца и всѣми граціями словесной эстетики останется проповѣдью холодною, безсильною, пустозвучащею. Это будетъ пустоцвѣтъ, не могущій дать плода.»

И самъ святитель, дававшій столь возвышенныя и мудрыя наставленія и указанія пастырямъ своей церкви, являлся для нихъ величайшимъ авторитетомъ и истиннымъ образцомъ, ибо онъ подлинно училъ не только словомъ, но великимъ подвигомъ своей жизни. Какъ будто объ немъ было сказано слово древняго историка объ одномъ изъ отцевъ церкви: «Ему немного нужно было словъ, ибо для наставленія и назиданія другихъ достаточно было его жизни.»

Располагая духовенство къ усиленной проповѣди, преосв. Ѳеофанъ совѣтуетъ ему не стѣсняться въ выборѣ темъ и предметовъ, такъ какъ слово Божіе и сама человѣческая жизнь даютъ обильный матеріалъ для того. Учительное слово онъ понималъ очень широко и разумѣлъ подъ нимъ всякое жизненное явленіе, способное возбудить и расположить къ религіозному настроенію. Слово Божіе можетъ доходить и доходитъ до нашего сердца самыми разнообразными путями. Оно постоянно слышится въ храмѣ Божіемъ, за всякимъ богослуженіемъ и внѣ храма, во всякомъ молитвословіи и пѣснопѣніи. Оно—въ пастырскихъ проповѣдяхъ, во всякой назидательной книгѣ и

душеспасительной бесѣдѣ. Оно въ школахъ, картинахъ и пр. Мы какъ будто объяты словомъ Божіимъ, оглашаемся имъ со всѣхъ сторонъ. «Если вы съиграете на фортепьяно или споете что-либое такое, пишетъ святитель одной своей корреспонденкѣ, что западетъ въ душу слушающихъ и заставитъ ихъ вздохнуть ко Господу, то вы тоже сдѣлаете, что дѣлаетъ хорошій проповѣдникъ въ церкви.» Вмѣстѣ съ тѣмъ преосв. Ѳеофанъ давалъ и практическіе совѣты относительно способа составленія церковныхъ поученій. По его мнѣнію у насъ чаще всего не говорятъ проповѣдей потому, что неправильно смотрятъ на приготовленіе ихъ. Думаютъ, что проповѣди писать то же самое, что и книгу составлять. Между тѣмъ это дѣло совсѣмъ иное. Тутъ никакъ нельзя ограничиться одною работою холоднаго ума, но необходимо призвать на помощь чувство и сердце. Что только когда-либо вспадетъ изъ религіозныхъ предметовъ на мысль и сердце, все то слѣдуетъ немедленно же и занести на бумагу. Про свой личный опытъ святитель разсказываетъ, что онъ, по вступленіи на Тамбовскую каѳедру въ началѣ сравнительно рѣдко говорилъ поученія потому, что затруднялся въ составленіи ихъ, смотря на дѣло, какъ на научную работу. Но Воронежскій преосв. Серафимъ навелъ его на мысль о томъ, что проповѣди слѣдуетъ писать подъ вліяніемъ минуты, по вдохновенію и за одинъ пріемъ. Святитель на первыхъ порахъ хотя и не довѣрчиво отнесся къ данному совѣту, но вскорѣ же сдѣлалъ первый опытъ послѣ всенощнаго бдѣнія подъ воскресный день. За литургіею произнесъ слово и въ началѣ чувствовалъ стѣсненіе и затруднялся, но дѣло обошлось вполнѣ благополучно, и этотъ удачный опытъ положилъ начало всей послѣдующей усиленной учительной дѣятельности святителя, въ концѣ развившейся до неумолкаемаго благовѣстія. На ряду съ частными и случайными мѣрами и совѣтами по веденію проповѣдническаго дѣла, преосв. Ѳеофанъ предпринималъ и цѣлый рядъ систематическихъ мѣропріятій по этому предмету. Свои взгляды на проповѣдничество святитель обычно проводилъ въ Еп. Вѣдомостяхъ. Такъ въ Тамбовѣ онъ самъ внимательно слѣдилъ за епархіальнымъ органомъ, помѣщая въ каждомъ номерѣ его большею частію не менѣе двухъ проповѣдей. Одна проповѣдь была святоотеческая, а другая, произнесенная или имъ самимъ или кѣмъ либо изъ выдающихся Тамбовскихъ пастырей. Здѣсь же помѣщались изреченія старцевъ подвижниковъ и нравоучительные случаи изъ ихъ жизни, служившіе темами

для поученія и располагавшіе читателя къ вѣрѣ и благочестію. Для пробужденія духа пастырской и проповѣднической попечительности о народѣ онъ печатаетъ извѣстное описаніе жизни св. Тихона Задонскаго, по запискамъ келейника послѣдняго Чеботарева. Наконецъ, въ Тамбовѣ онъ напечаталъ въ Вѣдомостяхъ свой гомилетическій трактатъ подъ названіемъ «Какъ составить проповѣдь,» а во Владимірѣ написалъ особую, обширную инструкцію по постановкѣ церковнаго учительства, въ которой точно опредѣляетъ: кто, когда, гдѣ и что долженъ проповѣдывать. Кромѣ того преосвящ. Ѳеофанъ принималъ и энергическія воздѣйствія епархіальной власти въ томъ же направленіи. Такъ способныхъ и ревностныхъ священниковъ онъ поощрялъ наградами, а небрежныхъ и лѣнивыхъ вразумлялъ совѣтами и исправлялъ разнаго рода взысканіями. Всегда добрый и крайне снисходительный, архипастырь въ этомъ отношеніи былъ строгъ и требователенъ. Въ другихъ случаяхъ обычно ключарь вмѣсто епископа дѣлалъ выговоры и замѣчанія неисправнымъ членамъ духовенства, но туть самъ святитель лично принималъ мѣры. Такъ въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (1861 г.) мы находимъ слѣдующее его распоряженіе: «священника Свѣтлова, безъ уважительныхъ причинъ не говорившаго ни одного поученія въ теченіи цѣлаго полугодія, оштрафовать на вдовъ и сиротъ духовнаго званія на 6 руб. серебромъ и пропечатать не говорившаго поученій въ Вѣдомостяхъ ко свѣдѣнію по епархіи.»

Достойно вниманія то обстоятельство, что преосв. Ѳеофанъ признавалъ дѣло церковнаго учительства настолько важнымъ и вмѣстѣ труднымъ, что для благоустроенія его считалъ недостаточнымъ однѣхъ человѣческихъ силъ и естественныхъ мѣръ и средствъ, а иногда прибѣгалъ и къ сверхъестественной помощи. Такъ въ твореніяхъ его сохранилась слѣдующая, составленная имъ на основаніи изреченій св. писанія молитва по этому предмету :«Господи Іисусе, *Свѣте міра, истина* небесная, возсіяй свѣтъ Твоего Богоразумія въ умахъ и сердцахъ *учениковъ* Твоихъ, *дѣлателей на жатвѣ* Твоей; да будутъ они умнымъ *свѣтомъ міра, творцами и учителями* словесъ Твоихъ, *учащими* пасомыхъ ими *блюсти вся, елика заповѣдалъ Ты имъ. Отверзи умы разумѣти писанія;* сотвори ихъ всѣхъ *пресвитерами, добрѣ прилежащими* своему званію и дѣлу, *тружениками въ словѣ и ученіи*, обучающими себе и пасомыхъ ко благочестію. *Слово* Твое *Божіе*, Господи, *жи-*

вое и дѣйственное, острѣйшее паче всякаго меча обоюдостра и проходящее до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ да будетъ имъ зерцаломъ духовнымъ, *свѣтильникомъ ногамъ ихъ и свѣтомъ стезямъ ихъ, поучаясь* въ коемъ *день и нощь* и творя повелѣнія Господни, да *спасутся сами и послушающіи ихъ.*» [1])

Чрезвычайный собственный примѣръ неустаннаго, ревностнаго проповѣданія Слова Божія и всѣ принятыя мѣры преосв. Ѳеофаномъ къ устроенію церковнаго учительства среди духовенства оказали самое благодѣтельное вліяніе и принесли обильные плоды. Дѣло проповѣди въ Тамбовѣ и во Владимирѣ за время служенія святителя сильно развилось количественно, окрѣпло и прочно установилось качественно. Проповѣдь всюду слышалась, а главное она такъ располагала и привлекала сердца вѣрующей паствы, что послѣдняя во дни праздниковъ во множествѣ направлялась въ храмъ Божій, оставляя какъ свои обычныя занятія, такъ и гулянія и увеселенія, о чемъ мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство: «Благодаря просвѣщенной заботливости нашего архипастыря у насъ въ Тамбовѣ началось съ недавняго времени нарочитое сженедѣльное проповѣдованіе слова Божія по субботнимъ (за всенощной) и воскреснымъ днямъ (за литургіею и вечернею). Поученія такъ понравились публикѣ, что она въ означенные дни съ усердіемъ спѣшитъ въ тѣ храмы, гдѣ они произносятся. Утѣшительно, что люди всѣхъ сословій, обоего пола съ великимъ сочувствіемъ встрѣтили новое доброе дѣло... При звукѣ вечерняго колокола, густая толпа гуляющаго народа вдругъ начинаетъ рѣдѣть, благовѣстъ церковный напоминаетъ о вечернемъ проповѣдникѣ, и вотъ многіе, даже весьма многіе, оставляютъ народное зрѣлище и спѣшатъ въ соборъ въ слѣдъ архипастыря, который каждый разъ самъ присутствуетъ при сказываніи поученій.» [2])

Чтобы имѣть возможно полное и опредѣленное представленіе о характерѣ церковно-учительной дѣятельности преосвящ. Ѳеофана, возмемъ еще на выдержку нѣсколько поученій кромѣ уже вышеприведенныхъ, именно—нѣкоторыя изъ его замѣчательныхъ словъ, произнесенныхъ въ недѣли говѣнія. Ревнуя о поддержаніи и развитіи духовной жизни своей паствы, святитель считалъ необходимымъ уяснить ей всѣ главнѣйшіе вопросы, связанные съ столь важнымъ періодомъ жизни каждаго христіанина, какъ время говѣнія. Онъ сообщилъ понятіе о го-

1) Собраніе писемъ вып. II стр. 75 и 76, 2) Собр. писемъ.

вѣніи и о достойномъ прохожденіи его, подробно разъяснилъ, какъ нужно готовиться и совершать исповѣдь, какъ слѣдуетъ проводить канунъ и самый день причащенія, наконецъ, раскрылъ плоды причащенія и указалъ, что потребно покаявшемуся и причастившемуся и пр. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ руководственныхъ поученій, существенно нужныхъ и полезныхъ для всякаго говѣющаго, съ необходимыми дополненіями изъ другихъ сочиненій святителя: 1) *Понятіе о говѣніи и о томъ, какъ слѣдуетъ проходить его.* «Говѣніе должно отличать отъ пощенія, или достойнаго, по уставу церкви, провожденія постовъ. Оно есть часть поста, но отличается отъ него большею строгостію касательно пищи и сна и тѣмъ, что всегда соединяется съ другими благочестивыми занятіями, каковы: прекращеніе житейскихъ заботъ и дѣлъ, сколько можно, чтеніе, кто можетъ, св. книгъ, неопустительное хожденіе въ церковь на положенныя службы и пр. Вообще это время исключительно посвящается благочестивымъ занятіямъ, кои всѣ направляются къ тому, чтобы достодолжно принесть покаяніе и исповѣдь и потомъ причаститься.»

«Такимъ образомъ очевидно, что во всемъ составѣ говѣніе есть перечистка всей жизни, возстановленіе всего ея строя, возочищеніе цѣлей, возобщеніе съ Господомъ, обновленіе духа и всего нашего существа. Это тоже, что измовеніе зачернѣвшаго платья, или омытіе въ банѣ послѣ дороги. Христіанинъ въ пути и, при всей осторожности, не укроется отъ пыли—помысловъ страстныхъ и пятенъ грѣхопаденій. Какъ бы ни было мала нечистота, но она тоже, что порошинка въ глазу, или песчинка въ часахъ; глазъ не смотритъ, часы не идутъ. Потому неизбѣжно отъ времени до времени перечищать себя. Какъ мудро потому у насъ устроено въ церкви и какъ спасительно повиноваться со смиреніемъ такому учрежденію!»

«Вотъ значеніе говѣнія! Оно—средство къ питанію, возгрѣванію и храненію въ насъ жизни; но, главное, оно—тщательный пересмотръ жизни, паденій, ихъ причинъ, и установленіе средствъ избѣгать ихъ. Когда грѣхи познаны, сокрушеніемъ и непріязнію извержены изъ сердца, исповѣдію съ обѣтомъ омыты, тогда сосудъ готовъ. Въ причащеніи приходитъ Господь и общится съ духомъ достойнаго, который чуствовать долженъ: *не убо есмь одинъ, но съ Тобою.*»

«Все, что вы загадываете, такъ и должно дѣлать всякому говѣющему. И попоститься, и въ церковь походить, и поуеди-

ниться и почитать, и подумать, и собою заняться, все нужно. Но всѣ эти дѣла надо направить къ одной цѣли—достойному причащенію святыхъ Христовыхъ Таинъ. Чтобы достойно причаститься, надо душу очистить покаяніемъ. Чтобы покаяніе совершить какъ должно, съ сокрушеніемъ искреннимъ и твердою рѣшимостью не оскорблять болѣе Господа: для этого назначаются всѣ другіе подвиги говѣнья,—и хожденіе въ церковь, и домашняя молитва, и пощеніе, и проч. все.»

«Первое въ производствѣ покаянія есть—войти въ себя. Не даютъ намъ войти въ себя и заняться собою житейскія дѣла и заботы и мыслей блужданіе по міру неудержимое. Потому говѣющій, на время говѣнія, сколько кому возможно, прекращаетъ свои хлопоты, и, вмѣсто хожденія по дѣламъ, домосѣдствуетъ. Это пресѣченіе хлопотъ есть дѣло крайней важности въ говѣніи. Кто его не сдѣлаетъ, тотъ навѣрное проговѣетъ кое какъ. Приступите же къ говѣнію, все отложше.»

«Положимъ, бросили все и сѣли въ своей комнатѣ. Что-же тутъ-то дѣлать? И наединѣ можно проспдѣть попусту. Надо взять занятія, идуція къ говѣнію. Какія-же? Молитву, чтеніе, размышленіе.»

«Молитва эта, кромѣ церковной. Та уже сама собою разумѣется. Какъ молиться въ церкви, знаете, конечно. Вотъ что однакожъ примите во вниманіе! ходить въ церковь охотно, какъ въ домъ Божій—родной, не морщась, и не скучая. Идти въ церковь не затѣмъ, чтобы только простоять службу, а затѣмъ, чтобъ отъ души помолиться, помолиться съ теплотою сердечною, съ изліяніемъ предъ Господомъ чувствъ сокрушенія, смиренія и благоговѣйнаго страха и съ возношеніемъ усердныхъ прошеній о своихъ кровныхъ духовныхъ нуждахъ. Какъ въ этомъ успѣть, напередъ надо сообразить, и въ церковь пришедши, на то себя напрягать. Не пустымъ считать только то простояніе на службѣ, въ продолженіе котораго сердце согрѣлось и тепло къ Богу взывало. Это главное. Слушать службу тоже надо, и въ слѣдъ за нею вести свои мысли и чувства. Вникать въ то, что поется и читается, паче въ эктеніи, ибо онѣ суть сокращенное изложеніе всѣхъ нашихъ нуждъ, съ прошеніемъ о конхъ непостыдно обращаться къ Богу. Дай, Господи, вамъ ощутить сладость пребыванія въ церкви, чтобы вы стремились туда, какъ стремятся въ теплую комнату съ холоду. Въ говѣніи главнѣйшій производитель дѣла, для котораго говѣютъ, есть пребываніе въ церкви достодолжное. Прочія дѣла суть подмоги и подспорья ему.»

«Говѣющій только и знаетъ, что церковь и домъ. Пришли домой: что тутъ? И тутъ надобно, сколько есть силъ, благоговѣйное къ Господу хранить обращеніе ума и сердце. Въ свою комнату прямо изъ церкви спѣшите, и привѣтъ ей дѣлайте нѣсколькими поклонами, прося Господа благоговѣйно, съ пользою душевною провести предлежащее время уединеннаго дома пребыванія. Затѣмъ отдохнуть немного надо, посидѣвши. Мыслямъ же все-таки блуждать не давайте, а говорите въ себѣ, ни о чемъ не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй! Отдохнувши, какое либо дѣло надо дѣлать: или молиться, или рукодѣльничать. А какое когда,—уже это сами себѣ опредѣляйте.»

«Какъ дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить противъ обыкновеннаго правила молитвеннаго. Надо—надо. Но лучше, если вы прибавите не лишнія чтенія молитвъ, а подольше будете молиться безъ молитвенника, сами своимъ словомъ, изъявляя предъ Господомъ свои кровныя нужды духовныя. Читайте и утромъ, и вечеромъ не болѣе того, какъ и въ обыкновенные дни; но предъ началомъ молитвословія вашего и послѣ него, сами своею молитвою молитесь, и въ промежутки читаемыхъ молитвъ вставляйте свою молитву, кладя поклоны поясные и земные, и на колѣна становясь. Докучайте Господу, Матери Божіей и Ангелу Хранителю, въ своемъ къ Нимъ словѣ испрашивая все, что чувствуете для себя крайне нужнымъ; молитесь, чтобы дали познать себя, а по познаніи, вложили желаніе и снабдили силою исправить все неисправное, а паче, чтобы исполнили сердце духомъ сокрушенія и смиренія, въ коихъ жертва Богу, самая Ему угодная. Но слишкомъ длиннымъ и долгимъ правиломъ себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны въ продолженіи дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умомъ же совсѣмъ не отступайте отъ Господа, на молитвѣ ли стоите, или другое, что дѣлаете.»

«Послѣ молитвы— чтеніе съ размышленіемъ. Читать надо не затѣмъ, чтобы память набивать разными свѣдѣніями и понятіями, а затѣмъ, чтобы получить назиданіе и уразумѣть, какъ исполнить получше то, что нужно для насъ въ эти дни говѣнія. Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положеніе доводить до чувства, посредствомъ долгаго къ нему вниманія.»

«Что читать? Ужъ, конечно,—только духовныя книги. Изъ нихъ ничего вамъ больше не посовѣтую, какъ писанія святителя Тихона. Есть книжка: *востани спяй*—выборка статей

изъ святителя Тихона, располагающихъ къ покаянію. Есть еще книжка о покаяніи и причащеніи, проповѣди на великій постъ и приготовительныя къ нему недѣли. Я слышалъ, что она очень бываетъ пригожа въ это время: въ ней все говорится только о покаяніи и причащеніи.» *)

«Неспѣшное чтеніе съ размышленіемъ подходящихъ книгъ болѣе всего сильно расшевелитъ душу. На него и налягайте. Утро, послѣ молитвы (утреня слушается съ вечера), все на него отрядите, до самыхъ часовъ. Оно и къ церковной молитвѣ подготовитъ. И послѣ часовъ можно продолжать тоже, когда охоты и вниманія достаетъ. Придетъ во время чтенія молитвенное движеніе, вставайте и молитесь. Читать вмѣстѣ съ кѣмъ, или въ одиночку? Въ одиночку лучше. Потому что при этомъ удобнѣе собою заняться и приложить читаемое къ себѣ. Размышленіе вставлять надо въ чтеніе, а то одно оно уйдетъ въ мечтаніе и не залучить его.»

«Все, что было сказано, есть рамка, въ которую вставляется говѣніе, или внѣшній чинъ и порядокъ, котораго держатся обычно добрые говѣльщики. Потрудитесь и вы его придержаться, если хотите быть доброю говѣльщицею. Только не принимайте пасмурнаго вида, не помрачайте лица своего. Все дѣлайте съ охотою, съ добрымъ и радостнымъ расположеніемъ духа. Такъ проводите время, какъ проводятъ его тѣ, которымъ предстоитъ быть на пиру у царя. У этихъ только о томъ и мысли, и рѣчи, какъ будетъ этотъ пиръ, какъ встрѣтиться съ царемъ: что сказать, какъ онъ привѣтитъ, какъ бы получше нарядиться и не ударить лицомъ въ грязь, и проч. Но вамъ предлежитъ несравненно лучшее и высшее—предлежитъ пиръ не у земного, но у небеснаго Царя. Если вы потрудитесь принарядиться и приготовиться такъ, что Царю понравитесь, то будете Имъ приласканы, получите то, чему цѣны нѣтъ и обрадованы несказанно.»

«Постъ представляется мрачнымъ, пока не вступаютъ въ поприще его; но начни,— и увидишь, что это свѣтъ послѣ ночи, свобода послѣ узъ, льгота послѣ тягостной жизни. Слышали, что въ нынѣшнемъ Апостолѣ говорилось: *нощь убо прейде, а день приближися.* (Рим. 13, 12). Нощь—это время до поста, а день—это постъ. Апостолъ хочетъ, чтобъ мы такъ же желательно встрѣтили постъ, какъ желательно встрѣчаемъ день

*) Преосвященный говорилъ о своемъ сборникѣ поученій о покаяніи и причащеніи

послѣ долгой ночи. Примите только къ сердцу то, чего требуетъ, что даетъ и что обѣщаетъ постъ,—и увидите, что иначе сему и быть нельзя. Ибо чего требуетъ постъ? Покаянія и исправленія жизни. Что даетъ? Всепрощеніе и возвращеніе всѣхъ милостей Божіихъ. Что обѣщаетъ? Радость о Духѣ Святѣ здѣсь, и вѣчное блаженство тамъ. Воспріими все сіе сердцемъ, и не возможешь не пожелать поста.»

«На постъ возстаетъ одна плоть, и неблаговолящіе къ посту плотскіе суть, хоть имъ не хочется ставить себя въ этотъ разрядъ и они нѣсколько благовиднѣе объясняютъ свое отчужденіе отъ поста: не хочется оставить жизнь, привольную для плоти, вотъ и поднимаютъ жалобы на постъ. Духовная же сторона наша любитъ постъ, жаждетъ поста, ей привольно въ немъ. И надо бы сказать: возбуди и развей въ себѣ духовную сторону, и будешь съ постомъ въ ладу, какъ съ другомъ своимъ; но для раскрытія сей-то стороны и узаконенъ Господомъ постъ. Вотъ и необходимо напередъ самопринужденіе; необходимъ напередъ трудъ несладкій, чтобъ потомъ вкусить плодовъ сладкихъ. Пусть разсужденіе плотское чуждается поста; ты подъ иго вѣры покорись и апостольскому ученію внемли: *мудрованіе плотское смерть есть, а мудрованіе духовное животъ и миръ: зане мудрованіе плотское вражда на Бога есть, закону бо Божію не покоряется, ниже бо можетъ.* Почему послѣдующіе мудрованію сему *Богу угодити не могутъ* (Рим. 8, 6—8).»

«Вотъ съ чѣмъ граничитъ отчужденіе отъ поста изъ угожденія плоти и подчиненія себя плотскому мудрованію: съ потерію возможности Богу угодить и даже со враждою на Бога! Почему, у кого есть хоть малая искра страха Божія, тотъ не станетъ чуждаться поста и самъ, при свѣтѣ сего страха, отразитъ всѣ лживые предлоги къ нарушенію его. Можно бы сказать: оживи въ себѣ страхъ Божій и охотно вступишь въ поприще поста, и безъ труда пройдешь его весь отъ начала до конца; но и опять, какъ оживить страхъ безъ поста? Суета, заботы, пустыя развлеченія, утѣхи, страстныя увлеченія, а то и просто, одна толкотня заведенныхъ отношеній не даютъ войти въ себя, опомниться и живо сознать свои обязательныя къ Богу отношенія! Надо исполнить всѣ его (поста) требованія. Тогда улягутся суетныя желанія, помыслы и страсти, внятно услышится голосъ совѣсти, и живо возстанетъ сознаніе Бога и отвѣтственности предъ Нимъ. А послѣ сего, можетъ быть,

даже недостаточными покажутся обычные постные труды; ибо страхъ Божій, оживший симъ путемъ, станетъ неодолимою, никакихъ преградъ не знающею силою, дѣйствіе которой прямо направляется противъ всякаго угодія плоти, поддерживаемаго саможалѣніемъ.» *)

2. Какъ нужно готовиться къ исповѣди и покаянію. «Исповѣданіе грѣховъ не представляетъ большихъ затрудненій, когда успѣетъ человѣкъ совладать собою и положить намѣреніе оставить грѣхъ; но онъ не совладаетъ собою, пока не раскается; не раскается, пока не осудитъ себя, и не осудитъ, пока не познаетъ грѣховъ своихъ. Такъ исходное дѣло въ покаяніи—познаніе грѣховъ своихъ.»

«Войди же теперь всякій въ себя, и займись прежде всего разсмотрѣніемъ жизни своей и всего, что въ ней было неисправнаго. Конечно, всякій готовъ говорить и говоритъ о себѣ, что онъ грѣшенъ, и не говоритъ только, а нерѣдко и чувствуетъ себя таковымъ; но сія грѣховность представляется намъ въ насъ въ видѣ смутномъ и неопредѣленномъ. Этого мало. Приступая къ исповѣди, надобно опредѣлительно разъяснить себѣ: что именно въ насъ нечисто и грѣшно, и въ какой мѣрѣ. Надобно знать свои грѣхи ясно и раздѣльно, какъ бы численно. Для сего вотъ что сдѣлай: поставь съ одной стороны законъ Божій, а съ другой собственную жизнь, —и смотри, въ чемъ они сходны и въ чемъ они несходны? Бери или свои дѣла и подводи ихъ подъ законъ, чтобъ видѣтъ, законны ли они, или бери законъ и смотри, исполнялся ли онъ какъ слѣдуетъ, въ жизни твоей, или нѣтъ? Напримѣръ ты былъ оскорбленъ и отмстилъ: такъ ли велитъ законъ христіанскій? Видѣлъ погрѣшности другихъ и осуждалъ: такъ ли слѣдуетъ по заповѣдямъ Христовымъ? Сдѣлалъ что доброе и высился, или трубилъ предъ собою: позволительно ли такъ дѣлать христіанину? Или законъ велитъ въ церковь Божію ходить нелѣностно и стоять въ ней благоговѣйно, во вниманіи и молитвѣ: исполнялъ ли это? Законъ велитъ не похотствовать, не гнѣваться, не завидовать, не присвоять чужого и проч.: сообразовалось ли поведеніе наше съ сими правилами?.. Такъ пройди и законъ весь, и свою жизнь всю. Но чтобъ ничего не опустить въ семъ важномъ дѣлѣ самоиспытанія, хорошо держаться въ немъ какого либо порядка. Вообрази себѣ яснѣе всѣ обязанности наши въ отношеніи къ Богу, ближнему и самимъ себѣ, и потомъ точнѣе и подробнѣе про-

*) Путь ко спасенію стр. 330 и «Что есть духовная жизнь» 126—145 стр.

смотри свою жизнь по всѣмъ симъ отношеніямъ. Или перебирай заповѣди десятисловія, одну за другою, со всѣми частными предписаніями, содержащимися въ нихъ, и смотри, исполнилъ ли ты все требуемое ими? Читай также, кто можетъ, нагорную бесѣду Спасителя, гдѣ Онъ изъясняетъ законъ древній, восполняя его духомъ христіанскимъ, или читай посланія апостольскія въ послѣднихъ главахъ, гдѣ излагаются обязательныя для христіанъ дѣла и расположенія въ общихъ обозрѣніяхъ: напримѣръ съ 12 гл. посланія къ Римлянамъ, или съ 4 посланія къ Ефесеямъ, посланія Апостола Іакова и св. Іоанна Богослова первое, и прочее. Смотрись во все это, какъ въ зеркало, и увидишь, гдѣ въ тебѣ какое есть пятно или безобразіе.»

«Вслѣдствіе такого пересмотра жизни, откроется въ числѣ нашихъ дѣлъ, словъ чувствъ, помышленій и желаній множество или прямо противозаконныхъ, или полузаконныхъ, такихъ, т. е. въ коихъ несовсѣмъ чисты были намѣренія, хоть они внѣшне и сообразны съ закономъ; соберется всего многое множество, и, можетъ быть, вся жизнь окажется составленною изъ однихъ дѣлъ недобрыхъ, какъ непрерывная цѣпь, или непрерывный рядъ издѣлій безобразныхъ и отвратительныхъ.»

«Но въ этомъ только начало самопознанія, и останавливаться на семъ не должно. Надобно проходить далѣе въ познаніи своей грѣховности, или глубже входить въ грѣховное сердце свое. Подъ дѣлами и словами, подъ частными мыслями, желаніями и чувствами постоянныя расположенія сердца, служащія для нихъ источниками; совокупность сихъ расположеній составляетъ личность человѣка и опредѣляетъ его характеръ: ихъ-то потому особенно и надо узнать. Труда тутъ немного: добросовѣстность наша предъ собою не позволитъ намъ скрыть— чѣмъ обладается сердце наше и какіе обитаютъ въ немъ властители. А то, и осязательнаго можно указать о томъ свидѣтеля, именно: какія дѣйствія недобрыя чаще вырываются, и притомъ съ такою силою, что мы совладать съ собою не можемъ, для тѣхъ надобно полагать въ сердцѣ соотвѣтственную склонность, или страсть, которая и служитъ постояннымъ ихъ производителемъ. Если, напр. кто, указывая на другого, въ одномъ случаѣ скажетъ: смотри, что онъ дѣлаетъ! въ другомъ съ досадою повторитъ: какая несообразность! а то—мину покажетъ насмѣшливую, и вообще охотнѣе и больше говоритъ о чужихъ дѣлахъ съ невыгодной стороны, тому нетрудно догадаться, что онъ недугуетъ богопротивною страстію къ осужденію.»

«Такое разсмотрѣніе приведетъ насъ къ познанію господствующихъ въ насъ страстей, или одной преобладающей надъ всѣми. Извѣстно вамъ, что корень всему злу въ насъ есть самолюбіе. Изъ самолюбія выходятъ гордость, корыстность и страсть къ наслажденіямъ, а отъ нихъ уже и всѣ прочія страсти. Онѣ всѣ есть у всякаго, кто грѣшитъ: но не у всѣхъ въ одинаковой степени: у одного гордость преобладаетъ, у другого корыстность, у третьяго страсть къ наслажденіямъ. И гордый не чуждъ корыстныхъ видовъ и наслажденій: но легко одолѣваетъ ихъ, когда удовлетвореніе ими можетъ унизить его; и своекорыстный готовъ поутѣшиться, если это ему ничего не стоитъ и проч. Такъ у всякаго одна какая либо страсть господствуетъ, а другія стоятъ какъ бы въ тѣни и въ подчиненіи ей. Эту-то господственную и надобно увидѣть и опредѣлить, чтобъ потомъ на нее рѣшительнѣе и дѣйствовать можно было. Одинъ св. отецъ говоритъ: Господь требуетъ отъ тебя возстановленія цѣломудрія; а ты богадѣльни, да часовни строишь: исправь прежде первое, и второе богопріятно будетъ.»

«Но и еще далѣе надобно итти въ познанія себя. Послѣ всего, надобно опредѣлить общій духъ жизни нашей, или отличительную черту ея, именно: кому мы служимъ? Господу, или себѣ и грѣху? Что имѣемъ въ виду? Себя, или Господа, Его славу и угожденіе Ему? За кого всегда стоимъ? За имя Божіе, или за свое? Эта черта опредѣляетъ: что мы такое сами въ себѣ и чего потому ожидать себѣ должны? Познаніемъ его возглавляется самопознаніе. Это--общій выводъ изъ предыдущаго, который самъ собою скажется въ совѣсти, ясно опредѣлится въ сознаніи, и исповѣдуется предъ лицемъ Господа всевѣдущаго.»

«Такъ, наконецъ, вообразится вся картина нашей грѣховности и вся исторія нашей грѣховной жизни: дѣла, чувства и расположенія и главный духъ жизни! Въ слѣдъ за симъ, надобно возболѣзновать о себѣ и оплакать грѣхи свои.»

«Познавши свою грѣховность, не будь холоднымъ ея зрителемъ. Не проходи ея мысленно съ такимъ же равнодушіемъ, какъ ходятъ по чужому, запущенному и заросшему дурною травою полю. Приблизь сіе познаніе къ совѣсти, и вмѣстѣ съ нею начни возбуждать въ сердцѣ спасительныя покаянныя чувства. Симъ чувствамъ, естественно самимъ собою слѣдовало бы происходить въ насъ, но не всегда бываетъ такъ.

Сердце огрубѣваетъ отъ грѣха. Какъ чернорабочій человѣкъ грубѣетъ отъ свойства своихъ работъ, такъ грубѣетъ сердце у человѣка, который самъ себя предаетъ на черную работу грѣху и страстямъ, копаетъ рожцы и питается ими. Потому нелегко оно умягчается, когда надо бываетъ возводить его къ раскаянію. Вотъ и еще трудъ, и трудъ болѣе значительный: ибо въ дѣлѣ покаянія—все отъ чувствъ сердца!»

«Приступая къ сему, прежде всего понудь себя дойти до самообличенія, напрягись возбудить въ себѣ чувство виновности, такъ чтобъ во глубинѣ сердца твоего сказалось: виноватъ! Тутъ будетъ борьба съ самооправданіемъ, или извиненіями своихъ паденій и грѣховъ. Чтобъ отогнать ихъ, устрани изъ вниманія все, оставь себя одно и Бога—Судію, и безъ укрывательства укори себя: зналъ ты, что непадобно грѣшить, и грѣшилъ; могъ воздержаться и избѣжать увлеченія, и не употребилъ во благо свое своего самовластія; и совѣсть претила тебѣ, а ты съ презорствомъ заглушалъ сей Божій въ тебѣ гласъ. Затѣмъ, сообрази мѣста, времена и обстоятельства грѣховныхъ дѣлъ своихъ, и изъ всего извлеки свѣдѣнія, которыя заставили бы сердце твое и совѣсть твою проникнуться чувствомъ виновности и воззвать: виноватъ! ничего не имѣю въ оправданіе! Такъ переходи отъ одного грѣха и отъ одного нечистаго расположенія къ другому, и ко всему, какъ подпись какую, прилагай: виноватъ!»

«Совершая добросовѣстно сіе дѣйствіе обличенія, ты сердечно утвердишь за собою всѣ грѣхи свои; сознаешься, что и въ томъ виноватъ, и въ другомъ и въ третьемъ,—во всемъ виноватъ; облечешься какъ бы во грѣхи свои и почувствуешь, что они лежатъ на тебѣ всею своею тяжестію; сознаешь себя безотвѣтнымъ въ нихъ и воззовешь: окаяненъ азъ! Послѣ же того, какъ произойдетъ сіе въ сердцѣ твоемъ, поспѣши возбуждать, или изводить изъ сердца, предрасположеннаго уже къ тому, болѣзненныя чувства, составляющія содержаніе истиннаго раскаянія; именно: печаль, что оскорбилъ Бога; стыдъ, что довелъ себя до такой неисправности: жалѣніе, что могъ воздержаться и не воздержался; досаду на свой грѣшный произволъ, не внимавшій никакимъ внушеніямъ разума и совѣсти. Чувства сіи сами собою готовы будутъ возраждаться изъ сердца, послѣ сознанія грѣховъ и своей виновности; но ты и самъ помогай имъ развиваться, и раздражай ихъ сильнѣе и сильнѣе. Пусть горитъ въ нихъ душа, какъ въ огнѣ: чѣмъ болѣе будетъ

горѣть, и чѣмъ сильнѣе будетъ горѣніе, тѣмъ спасительнѣе. Предѣлъ, до котораго надо довести сіе болѣзнованіе о грѣхахъ, есть омерзеніе къ грѣхамъ и отвращеніе отъ нихъ. Въ семъ отвращеніи опора рѣшимости не грѣшить и надежда самоисправленія. Кто отвращеніе возъимѣлъ ко грѣху, тотъ сталъ внѣ его, или извергъ его изъ себя и имѣетъ теперь полную свободу дѣйствовать, не чувствуя влеченій его. Вотъ минута, когда смѣло можешь приступить къ обѣту—не грѣшить, который провзнесется въ сердцѣ твоемъ предъ лицомъ Господа. Пади тогда предъ нимъ и скажи. не буду! Никогда не буду грѣшить, хотя бы умереть пришлось: только спаси и помилуй! Сей сердечный обѣтъ долженъ увѣнчать чувства раскаянія и засвидѣтельствовать ихъ искрепность. Онъ не въ словѣ, а въ чувствѣ, и составляетъ внутренній завѣтъ сердца съ Богомъ, возстановляетъ религію сердца.» *)

3. *Какъ слѣдуетъ проводить канунъ дня причащенія и съ какими мыслями и чувствами приступать къ таинству.* «Вотъ и сутокъ нѣтъ уже до той великой минуты, когда примете вы въ себя Господа. Радуйтесь и веселитесь; но вмѣстѣ не выпускайте изъ мысли и того, что, какъ минута сія есть самая драгоцѣнная и рѣшительная въ жизни вашей; то она требуетъ всего вашего вниманія и всесторонней осмотрительности. Господь хочетъ самъ датися вамъ и съ собою принесть всѣ дары свои! Сколько преступно не воспользоваться туне предлагаемою здѣсь милостію, столько же или еще болѣе преступно приступить къ принятію ея, не такъ, какъ достоитъ. *Ядый и піяй не достойнѣ, судъ себѣ ясть и піетъ, не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. 11, 23).»

«Сіе вѣдаете,—и конечно, всякій по силамъ своимъ, усердствуете явить себя достойнымъ принять грядущаго къ вамъ въ св. тайнахъ своихъ Господа. Полагая, что и теперь вы тѣмъ же заняты, и я хочу подойти къ мысли вашей съ словомъ своимъ и вмѣстѣ съ вами до подробности разъяснить, какъ должно намъ расположиться и дѣйствовать, чтобъ достойно приступить къ пречистымъ Христовымъ таинамъ.»

«Начнемте съ сей минуты, и будемъ итти шагъ за шагомъ, пока приблизимся къ самой чашѣ Господней, опредѣляя на всемъ протяженіи спасительный образъ настроенія и дѣйствованія.»

«При самомъ первомъ движеніи стрѣтаетъ насъ св. апостолъ Павелъ, съ своимъ кроткимъ, но строгимъ наставленіемъ:

*) Еп Ѳеофанъ. О покаяніи. Стр. 80—86.

да искушаетъ же человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ (1 Кор. 11, 28). *Да искушаетъ себе:* пусть испытаетъ, достоинъ ли, и въ сей увѣренности приступитъ къ св. тайнамъ, ибо, если приступитъ недостойнѣ, будетъ судъ себѣ ясти и пити. Ахъ, бр., страхъ наводитъ слово сіе на грѣшную душу! Ибо кто можетъ сказать, что онъ достоенъ приступить къ трапезѣ Господней? сколько грѣховъ! сколько нечистотъ, сколько явныхъ оскорбленій Господу! Страшно приступить. Но и не приступать небезопасно; ибо если не вкусимъ плоти Господа и не піемъ крови Его, живота не имѣемъ въ себѣ. Тѣсно намъ отъ обою, и что сотворимъ? Въ объятія самаго милосердаго Господа повергнемъ себя, вопія ему: милостивый Спасе! пощади насъ не достойныхъ!»

«Не слишкомъ однакожъ мятитесь и не тревожьте себя напрасными страхами! Господа оскорбляетъ не только то, если кто не готовый съ дерзостію приступаетъ къ чашѣ, но и то, если кто безъ разбора мучитъ себя безпорядочною боязливостію. Милосердый Господь не связываетъ насъ не выполнимыми условіями, и требуетъ отъ насъ немногаго,—что всякій въ силѣ выполнить, если хочетъ, безъ затрудненій. Кто, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, исповѣдалъ грѣхи свои совершенно, ничего неутаивши, кто жалѣетъ о нихъ, плачется и кается, кто имѣетъ волю и непремѣнное намѣреніе не возвращаться болѣе къ грѣху, но блюстись опасно отъ всякаго грѣхопаденія, кто постомъ и молитвою и другими подвигами благочестія, пріутрудилъ себя, умилостивляя Господа, кто со всѣми примирился, и ни съ кѣмъ не оставилъ у себя вражды, тотъ достойно готовъ. И *тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ.* Если все сіе выполнено вами, или выполнится, благодушно приступите къ Господу съ дѣтскимъ, смиреннымъ дерзновеніемъ. Мы грѣшны, кругомъ грѣшны. Но Господь и пришелъ грѣшныхъ спасти. Не грѣхи преграда, а упорство въ грѣхахъ и нераскаянность. Если это есть, не приступайте. Грѣхи же оплаканные, исповѣданные и разрѣшенные уже не въ васъ и не на васъ. Они тоже, что сучья отрубленные отъ дерева. Когда любили мы грѣхи, они были на деревѣ жизни нашей живыми вѣтвями и питались отъ него; когда же мы отвратились отъ грѣховъ; стали мерзить ими, раскаялись и исповѣдались, этимъ дѣйствіемъ мы отсѣкли ихъ отъ себя. Въ минуту разрѣшенія, они отпали отъ насъ. Теперь это сухія вѣтки. И Господь идетъ попалить въ насъ сіе терніе погрѣшеній.»

«Такъ преимущественная забота ваша да будетъ, чтобъ грѣхи свои сознать, оплакать, исповѣдать, и положить твердое намѣреніе отстать отъ нихъ. Сдѣлано ли ужъ сіе вами, или будетъ сдѣлано, благодарите Господа. Чрезъ разрѣшеніе грѣховъ Онъ самъ себѣ приготовляетъ въ насъ достойную себя обитель, очищенную и пометенную.»

«Къ сему главному дѣйствію останется только приложить потомъ еще одно—сохранить не развлеченнымъ вниманіе и сердце безмятежнымъ. Блюдитесь разсѣянія и смятенныхъ заботъ. Если всю недѣлю были оставлены дѣла, тѣмъ паче обязательно оставить ихъ теперь,—и отъ всего отстранившись, въ себя войти и тамъ пребыть съ единою мыслію о Господѣ, имѣющемъ притти къ вамъ. Всякое движеніе мысли устраните, и единаго Господа созерцая, молитесь къ Нему умною, немногословною молитвою, говоря: не отвержи мене, Господи, отъ лица твоего, не погнушайся мною, много оскорбившимъ Тебя, не отжени меня отъ трапезы твоей, какъ нечистаго. Живи мя, по слову Твоему, посѣти мя, по милости твоей, хоть и недостойнаго. Или просто одно слово твердите: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. Или, и безъ словъ, въ сердцѣ припадайте къ стопамъ Его, *милости чая.*»

«Этимъ однимъ можно бы ограничить все занятіе. Но бываетъ, что мысль не сильна пребыть въ семъ единомъ. Тогда дайте ей, въ занятіе, размышленіе о самомъ причащеніи, и, чтобъ она не блуждала много, связывайте ее словами Господа и св. апостоловъ о семъ таинствѣ. Пусть внимаетъ тому, что сказалъ Господь! Пусть поучается въ томъ, что изрекли апостолы,—и созидаетъ тѣмъ душу свою.»

«*Азъ есмъ хлѣбъ животный, говоритъ Господь, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки. И хлѣбъ, его же азъ дамъ, плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра. Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть и піяй кою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво... Ядый мою плоть и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ.* (Іоан. 6, 48—58). Размышляйте о семъ, и поучайтесь. Или возмите слова, кои на вечери говорилъ Господь: *пріимите—ядите, сіе есть тѣло мое. Пиите отъ нея вси,*

сія есть кровь моя. Или то, чему учитъ апостолъ: *аще кто ястъ хлѣбъ сей и піетъ чашу сію недостойно, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господней,* и проч. что я приводилъ уже въ началѣ бесѣды.»

«Дайте какое либо изъ сихъ изреченій уму своему и пусть разсуждаетъ, и извлекаетъ назиданіе себѣ, и къ сокрушенной молитвѣ себя располагаете. А когда придетъ молитва, падайте опять предъ Господомъ мысленно, или и тѣломъ, и не отступайте отъ молитвы, пока есть молитва.»

«Такъ позаботтесь провесть остатокъ нынѣшняго дня, особенно вечеромъ, пока не успокоитесь сномъ. Вотъ настанетъ утро. Какъ только откроете вы очи свои, поскорѣе возмитесь за свою мысль, поспѣшите первѣе всего воскресить сознаніе величія наступившаго для васъ дня, дня благословеннаго въ днехъ жизни вашей, говоря въ себѣ: сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь. Наступила пасха души вашей. Но не суетитесь и не развлекайтесь многимъ. Поспѣшите опять собраться съ мыслями, и установить вниманіе ваше на единомъ, на томъ, что имѣетъ быть съ вами и для васъ, и такъ готовьтесь во св. церковь къ божественной литургіи, поспѣшая къ коей, говорите въ себѣ: се женихъ грядетъ, изыдемъ въ срѣтеніе, и идите такъ, чтобъ не погасъ свѣтильникъ, возженный въ сердце вашемъ.»

«Блюдитесь. Врагъ всячески будетъ покушаться погасить свѣтильникъ сей. Это и успѣваетъ онъ сдѣлать, навѣявъ на душу какое либо недоброе состояніе, или разсѣяніе мыслей, или заботу о чемъ либо, или недовольство чѣмъ, или неудовольствіе на кого, или другое подобное. Всякое изъ сихъ движеній вноситъ смятеніе въ душу и разстроиваетъ ее. Сохраните вниманіе и обращеніе къ Господу ума и сердца, и избѣжите сего преткновенія.»

«Такъ блюдя такое настроеніе, войдете вы въ храмъ Господень. И здѣсь пребывая, такъ себя чувствуйте, какъ бы вы были въ Сіонской горницѣ, въ чредѣ апостоловъ, коихъ причащалъ самъ Господь: ибо и здѣсь, какъ и тамъ, Онъ есть дѣйствуяй. Онъ раздаваемый, Онъ же и раздаетъ. Онъ причащаетъ, Онъ же и то, чѣмъ причащаться имѣете. Священнодѣйствущій есть только органъ его. Священнодѣйствіе само будетъ приготовленіемъ трапезы, именно для васъ. Приготовляющій есть Господь и приготовляемое—Его пречистое тѣло и Его пречистая кровь. Какое въ семъ побужденіе ко вниманію!»

«Внимайте же, паче нежели когда всему читаемому и поемому, но все направляйте къ тому помышленію, что это для васъ готовитъ Господь спасительную вечерю, и соотвѣтственныя тому возгрѣвайте чувства и расположенія, принося ихъ, какъ жертву, въ сердцѣ Господу всевидящему.»

«Возгрѣвайте вѣру въ дѣйствительное присутствіе самаго Господа и Спасителя въ св. тайнахъ, который на небѣ во славѣ одесную Бога и Отца сѣдя, здѣсь на землѣ благоволитъ сокровенно подъ видомъ хлѣба и вина даватися вѣрнымъ для приготовленія ихъ къ небожительству. И отъ сей вѣры исходя, и мысленно созерцая Господа, грядущаго съ неба—посѣтить васъ, самоуничиженно взывайте, подобно праведной Елисаветѣ, посѣщенной Пресвятою Дѣвою: откуда мнѣ сіе, что самъ Господь хочетъ притти ко мнѣ, или взывайте словами пророка Давида: что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчъ, яко посѣщаеши его?! Или словами сотника: нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши. Отъ самоуничиженія переходите къ сыновнему страху, не отрѣвающему, а благовѣйную трезвенность приносящему, и поставляющему духъ нашъ въ состояніе безплотныхъ, въ страхѣ лице свое закрывающихъ, но не бѣгающихъ отъ престола Божія, а только сильнѣе взывающихъ: Святъ, Святъ, Святъ! Ибо воистину здѣсь Господь, и Господь внидетъ въ васъ. Какая душа не готова была бы воззвать съ ап. Петромъ: изыди, я грѣшенъ, еслибъ самая сія грѣшность, по заповѣди Господа, не обязывала и искать и чаять сего посѣщенія Господня. Сею волею Господа и воодушевляйтесь къ дерзновенному желанію и жажданію Господа, съ нѣкоторою стремительностію, не терпѣливостію, неудержимостію порывайтесь принять Его, какъ стремительно елень бѣжитъ на источники водныя, помня слово премудрости глашающей: жаждущіи идите на воды, идите, вкусите хлѣбъ, который я приготовила вамъ, и вино, каторое растворила вамъ, и слово самаго Господа приглашающаго: *жаждай, да грядетъ ко мнѣ.* Се жаждемъ, Господи! скажите въ сердцѣ своемъ, и благонадежно течемъ къ твоей щедродательности! Ущедри насъ, многомилостиве, и подаждь намъ здравіе, яко больнымъ, очищеніе, яко прокаженнымъ, свѣтъ, яко омраченнымъ, крѣпость, яко разслабленнымъ, утѣшеніе, яко скорбнымъ, миръ, яко смятеннымъ, оживленіе, яко умерщвленнымъ грѣхами! Чаемъ, Господи: что все сіе будетъ въ насъ вмѣстѣ съ пріятіемъ Тебя! ибо тогда со апостоломъ воззовемъ: аще ты Господь, сущій въ насъ, по

насъ, кто на ны? Отъ сего затѣмъ чаянія, которое не посрамитъ, опять переходите къ себѣ, и, свою готовность срѣтить и принять Господа свидѣтельствуя, снова сильнѣе возгрѣйте сердечное сокрушеніе и обѣщаніе отвращаться отъ грѣха, хоть бы того ради и умереть пришлось,—и оплакавъ прошедшее, самаго Господа молите—омыть и очистить васъ въ свѣтлое жилище Себѣ, вопія къ Нему: *наипаче омый мя отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти мя. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови въ утробѣ моей.*»

«Такъ переходя отъ одного чувства къ другому—отъ вѣры къ самоуничиженію, отъ самоуничиженія къ страху, отъ страха къ желанію, отъ желанія къ надеждамъ, отъ надеждъ къ сокрушенію, вы составите внутрь себя духовную пѣснь—затрапезную, которая Господа усладитъ и привлечетъ вниманіе небожителей.»

«Въ семъ то благодатномъ настроеніи и небесномъ осѣненіи приступите наконецъ къ чашѣ Господней, которую зря, воздайте поклоненіе приступающему къ вамъ самому Господу, съ апостоломъ Ѳомою воззвавъ: Господь мой и Богъ мой, и, отверзши уста и сердце, пріимите Господа, смиренно и благовѣйно, трезвенно мыслію моляся Ему словами св. Дмитрія: вниди, Свѣте мой, и просвѣти тьму мою; вниди, животе мой, и воскреси мертвость мою; вниди, Врачу мой, и исцѣли язвы мои; вниди, Огню Божественный, и попали терніе грѣховъ моихъ, и сердце мое пламенемъ любви Твоея разжи; вниди, Царю мой, сядь на престолѣ сердца моего и царствуй во мнѣ, Ты единъ Царь мой и Господь.»

«Приготовтесь такъ срѣтить Господа,—и Онъ снидетъ въ васъ несомнѣнно,—и возвечеряетъ съ вами въ сердцѣ вашемъ.»*)

4. *Съ достойно причищающимися Самъ Господь!*

«Великой милости Божіей сподобились вы нынѣ, причастившись св. Животворящихъ Христовыхъ Таинъ; потому что вмѣстѣ съ симъ причащеніемъ самъ Господь вошелъ въ васъ и сталъ обитать въ сердцахъ вашихъ. Какое это великое и неизрѣченное благо! И подумать о немъ не посмѣли бы мы, еслибъ Господь Самъ не сказалъ: *ядый Мою плоть и піяій Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 54). Т. е. кто вкушаетъ плоть Мою и піетъ кровь Мою, тотъ во Мнѣ и Я въ немъ. Такъ сіе и бываетъ, по слову Господню,

*) Преосв. Ѳеофанъ. Слова къ Владимірской паствѣ. Стр. 236—242

со всякимъ, кто, поговѣвши и исповѣдавшись, причащается св. Христовыхъ Таинъ. Такъ сіе есть и съ вами.»

«То, что вы приняли, есть тѣло и кровь Господня, а гдѣ тѣло и кровь Господа, тамъ и Самъ Онъ. По виду вы приняли хлѣбъ и вино; а самымъ дѣломъ это есть тѣло и кровь Господня. Когда Господь въ первый разъ причащалъ св. апостоловъ; то Онъ тоже подавалъ имъ хлѣбъ и вино; но подавая хлѣбъ и вино, къ хлѣбу сказалъ: *сіе есть тѣло Мое*, а къ винѣ—*сія есть кровь Моя*. И какъ Онъ есть Богъ, то, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалось,—хлѣбъ сталъ тѣломъ, а вино—кровію. По виду только казались они хлѣбомъ и виномъ. Но Господь Іисусъ Христосъ какъ тогда былъ, такъ и теперь есть тотъ же Господь. Какъ тогда Онъ причащалъ апостоловъ, такъ потомъ Онъ же причащалъ и причащаетъ всѣхъ вѣрующихъ. На литургіи—это Онъ приходитъ Самъ и совершаетъ таинство. Архіерейскія или священническія тутъ только руки и языкъ, а совершитель самъ Господь. Самъ Онъ здѣсь говоритъ хлѣбу, чтобъ онъ сталъ тѣломъ, и онъ становится тѣломъ, говоритъ винѣ, чтобы оно стало кровію, и оно становится кровію. Потомъ Онъ же Самъ и причащаетъ: наши только руки и лжица, а причащаетъ чрезъ нихъ Самъ Господь. И васъ Онъ Самъ причащалъ истиннымъ Своимъ тѣломъ и истинною Своею кровію. И вмѣстѣ съ симъ Самъ вселился въ васъ и сталъ обитать въ васъ.»

«Видите, какая великая милость Божія является къ намъ во святомъ причащеніи! О сей-то великой милости и разсуждайте теперь съ сердцемъ полнымъ благодарности и благоговѣнія.»

«Можетъ быть, вамъ робко думать, что Господь въ васъ, или вы затрудняетесь думать, какъ это Онъ въ васъ? Но такъ есть; ибо это Онъ Самъ сказалъ, а не люди придумали; почему и именуется сіе дивнымъ и предивнымъ таинствомъ.»

«И не это одно дивно, а еще и то: Господь есть въ каждомъ изъ васъ не частію какою, а весь, такъ однакожъ, что хотя Онъ есть въ каждомъ изъ васъ, все же Самъ не раздѣляется и не размножается, а цѣлъ и нераздѣленъ пребываетъ. Все одно, какъ теперь вотъ я говорю какое либо слово; каждый изъ васъ слышитъ сіе слово и принимаетъ его все. Слово мое одно, и одинъ разъ я говорю его; а входитъ въ каждаго изъ васъ оно, и входитъ все, не часть какая его, а цѣлое слово. И хоть бы тутъ тысяча народа стояло, всѣ услышали бы и приняли все мое слово, а не часть какую. Такъ и въ святомъ

причастіи; сколько бы ни причащалось людей, всѣ причащаются отъ единаго тѣла, и всѣ имѣютъ его все, а не часть какую и сами Господа имѣютъ они въ себѣ всего, а не часть какую. Господь же чрезъ сіе не раздѣляется, а цѣлъ и нераздѣленъ пребываетъ. Возмите вы, напримѣръ, нѣсколько зеркалъ и поставьте ихъ противъ солнца. Въ каждомъ зеркалѣ будетъ видно все солнце, а не часть его; и сколько ни поставь зеркалъ, хоть числа имъ не будь, въ каждомъ будетъ все солнце, а не часть его. Солнце же само не истратится чрезъ это, не пропадетъ, а останется цѣлое и нераздѣльное, и одно и тоже. Такъ во святомъ причастіи: сколько васъ ни есть, у всякаго есть весь Господь. И Самъ Онъ цѣлъ и нераздѣленъ; всюду есть и все исполняетъ. Такъ видите, чего сподобились вы: Господь въ васъ! Благодарите же Господа за сію милость, говоря въ сердцѣ своемъ: Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! И о томъ подумайте, какъ бы не обезпокоить Господа. Когда приходитъ какой гость большой, вы держите себя скромно, говорите чинно: вотъ Господь посѣтилъ васъ, а кто больше Господа? Смотрите же, не суетитесь и не развлекайтесь, а благоговѣйно и со страхомъ себя держите, особенно нынѣ. И не объ этомъ только думайте, но и о томъ, чтобъ пріятное что либо доставить Господу. Когда гость приходитъ, вы стараетесь успокоить его и предлагаете ему только то, о чемъ знаете, что оно пріятно ему: вотъ и Господу теперь предлагайте то, что Онъ любитъ. А что онъ любитъ? Любитъ все доброе и благословляетъ его, а отъ всего худого отвращается и поражаетъ его гнѣвомъ. Приносите же Ему, что каждый изъ васъ придумаетъ добраго. Одинъ приди и скажи: вотъ Господи, я перестану сердиться и браниться, но буду тихъ и кротокъ. Другой скажи: я, Господи, перестану лежать и лѣниться, а начну усердно работать и трудиться. Третій скажи: я, Господи, не стану гордиться и презирать другихъ, а буду смиряться и почитать себя хуже всѣхъ. Четвертый скажи: брошу, Господи, питье и гулянье, а стану жить воздержно и степенно; излишекъ же какой будетъ, стану отдавать на милостыню или на церковь. Такъ каждый свое добро принеси Господу и предложи Ему какъ даръ. Когда скажите такъ Господу въ сердцѣ своемъ, Господь будетъ радоваться тому и утѣшаться тѣмъ. Пріятно Ему будетъ быть у васъ, и Онъ благословитъ васъ и всякое вамъ благо подастъ и душевное и тѣлесное. Видите, какое у васъ въ рукахъ благо! Смотрите же—не потеряйте его какимъ нибудь неразумiемъ и дѣломъ

непотребнымъ. И день этотъ часто поминайте, что вотъ были вы на трапезѣ у Господа, и Онъ Самъ васъ напиталъ Своимъ пречистымъ тѣломъ и пречистою Своею кровію, и думайте— какъ это велико, какъ радостно, и самимъ дѣломъ радуйтесь, пока доживаете до другаго причащенія.» *)

5. *Что требуется покаявшемуся и причастившемуся? Се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да негорше ти, что будетъ,* сказалъ Господь разслабленному по исцѣленіи его (Іоан. 5, 14). Сей же утѣшительный и вразумительный гласъ и мы всѣ слышали, когда на исповѣди получили разрѣшеніе во грѣхахъ своихъ. Теперь всѣмъ покаявшимся и разрѣшеннымъ возвращено здравіе душевное, всѣ пришли въ свой порядокъ и чинъ. Что прочее требуется? Требуется блюстись, чтобъ опять не впасть въ ту же бѣду. Бросилъ грѣхъ: не возвращайся на него. Получилъ помилованіе: не подвергайся опять гнѣву и осужденію. Вступилъ на правый путь, не уклоняйся съ него. Снова будетъ врагъ влечь тебя въ свою область тьмы: не поддавайся. Будетъ онъ ухитрятся, чтобы отуманить тебя льстивыми обѣщаніями: не вдавайся въ обманъ. Знаешь, какъ золъ грѣхъ; знаешь, какъ трудно одолѣть его: не входи же снова въ содружество съ нимъ. Помогъ тебѣ Господь, всталъ ты: стой же и мужайся, и да крѣпится сердце твое.»

«Врагъ будетъ нашептывать тебѣ: падешь, возстанешь опять. А ты противопоставь ему свою рѣчь; всталъ я теперь, благодареніе Господу! но если снова паду, не могу сказать, встану ли. Въ рукахъ же паденія навсегда оставаться не хочу, не хочу быть рабомъ грѣха и жертвою геенскаго пламени. Такъ отражай лесть врага. И симъ страхомъ новаго паденія въ грѣхѣ отрезвляй душу свою и воодушевляй ее на шествіе путемъ начатаго самоисправленія.»

«Утверди ты себѣ то оченъ вѣроятное помышленіе, что если падешь снова, кто знаетъ—встанешь-ли? А останешься въ паденіи: погибнешь. Врагъ будетъ сбивать увѣреніемъ, что Господь милосердъ. Помиловалъ и опять помилуетъ. Точно милосердъ Господь; но сей милости Его къ намъ есть мѣра. Есть мѣра долготерпѣнію Божію. Прощаетъ—прощаетъ, а наконецъ видя, что грѣшникъ все снова отдается грѣху, совсѣмъ оставляетъ его въ рукахъ паденія его. Разверните книгу пророка Амоса, и начинайте читать. Въ 1 и 2 главахъ изображаются у него суды Божіи на Дамаскъ, Газу, Идумею,

*) Тамъ же. Стр. 571—574.

на Іудеевъ, Израильтянъ и другіе народы. Ко всѣмъ имъ одинаково слово Господне. Разъ, два и три согрѣшилъ Дамаскъ; прощалъ Я его. Когда же теперь и въ 4-й разъ онъ оказалъ свое нечестіе, не отвращусь ли его? Отвращался и полагалъ наказаніе. Разъ, два и три прощалъ Я Газу; въ 4-й не отвращусь ли ея? Отвращался и посылалъ казнь. Разъ, два и три щадилъ Я Іудеевъ и Израильтянъ, въ 4-й не отвращусь ли ихъ? Отвращался и наказывалъ. Такъ бываетъ и съ нами. Согрѣшитъ кто и покается; проститъ Господь. Еще согрѣшитъ и покается; еще проститъ. И еще проститъ. И еще проститъ. Наконецъ, видя, что у насъ все тоже и тоже, полагаетъ такое рѣшеніе: столько и столько прощалъ; если и еще начнетъ тоже дѣлать, отвращусь отъ него. Сей-то судъ и да напишетъ въ сердцѣ своемъ всякій, опять влекомый на грѣхъ. Прощалъ Господь доселѣ; а теперь, если падешь, страшись, не отвратился бы Онъ отъ тебя въ конецъ. Фараону сколько разъ прощалъ Богъ его упорство? Наконецъ бросилъ его и сдѣлалъ распоряженіе о выходѣ Израильтянъ, не дожидаясь его согласія. И хоть потомъ опомнился Фараонъ и поспѣшно приказывалъ: подите, скажите, чтобъ скорѣе выходили, это не помогло ему и суда о немъ Божія не отвратило. Такъ и ко всякому можетъ истощиться, наконецъ, Божіе милосердіе. И то наипаче страшно, что мы не можемъ сказать, когда именно ударитъ часъ сего истощанія. То отверженіе Божіе по 4-мъ преступленіи, что значится у пророка Амоса, и эта казнь Фараона послѣ десятикратнаго противленія Богу, не означаютъ, что можно спокойно предаваться въ узы грѣха, съ нарушеніемъ обѣта до 2 и 3 разъ; а показываютъ только, что есть предѣлъ милованію Божію; когда же Онъ застигнетъ кого, невѣдомо. Утверди лучше въ мысли твоей, что для тебя онъ послѣдуетъ тотчасъ послѣ паденія, которому готовъ ты предаться, и тѣмъ отрезвляй мысль свою и придавай мужества сердцу на сопротивленіе возникающимъ порывамъ. Приводи себѣ на память несчастіе Самсона. Однажды и дважды входила въ него сила разорвать узы, которыми опутывали его Филистимляне по предательству Далилы; но и въ послѣдній разъ, когда острижены были волосы его, онъ не ожидалъ, чтобъ не пришла къ нему та же сила, а вышло иначе. Отступилъ отъ него Господь и предалъ его въ руки враговъ его. Самъ же Самсонъ и не думалъ, что уже постигло его Божіе отступленіе; напротивъ, проснувшись говорилъ: *изыду, якоже и прежде, и отрясуся,*

т. е. стряхну эти узы—и *не разумѣ,* яко Господь отступи отъ него (Суд. 16, 20). Вотъ и народъ Іудейскій миловалъ, миловалъ Господь, а наконецъ что изрекъ? *Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23—28). Но ни первосвященники, ни старцы, ни книжники, и никто другой думать не думали, что уже постигло ихъ сіе грозное опредѣленіе.»

«Сего-то грознаго суда бойся, когда начнетъ тебя снова влечь грѣхъ. Бойся, чтобъ и о тебѣ не сказалъ наконецъ Господь: се оставляется домъ твой пустъ. Милостивъ Господь ко всѣмъ грѣшникамъ и съ клятвою увѣряетъ, что не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Но ты самъ частыми своими паденіями доведешь себя до того, что съ тобою ничего нельзя будетъ сдѣлать. Возстаніе отъ паденій есть тоже, что починка платья, или дома или другой какой вещи. Бываетъ же такъ, что иную вещь чинятъ, чинятъ, а наконецъ бросаютъ отъ того, что уже и чинить ее нельзя, не къ чему рукъ приложить. То же можетъ случиться и съ душею. Исправляетъ ее Господь, исправляетъ, а наконецъ совсѣмъ бросаетъ; отъ того, что своими частыми паденіями она наконецъ такъ разстраиваетъ себя, что ее и поправить нельзя. Ибо на чемъ основывается возможность возстанія нашего? На добрѣ, въ насъ остающемся, не смотря на то, что работаемъ мы грѣху. На сіе добро нисходитъ благодать, оживляетъ его и даетъ ему перевѣсъ надъ зломъ. И встаетъ человѣкъ. Но каждое новое паденіе все болѣе и болѣе снѣдаетъ наше добро, послѣ каждаго паденія все менѣе и менѣе остается его въ насъ, и слѣдовательно менѣе и менѣе остается мѣста, куда низойти можетъ благодать, чтобъ возставить насъ. Что дивнаго, если наконецъ и все свое добро истратимъ мы въ рабствѣ грѣху, и потеряемъ такимъ образомъ возможность возстанія. Не останется для насъ никакихъ къ тому средствъ.»

«Припомните, какъ опомнились вы въ послѣдній разъ и встали. Пришли спасительныя помышленія и отрезвили. Или страхъ смерти и суда, или пагубность грѣха, или стыдъ предъ Господомъ Спасителемъ, или другое что сильно подѣйствовали на душу, поразили ее. Душа пришла въ себя и, при помощи Божіей, бросила грѣхъ, покаялась и стоитъ теперь въ намѣреніи не оскорблять болѣе Бога грѣхопаденіями. Если же снова падете вы въ грѣхъ, то какими потомъ мыслями потрясете вы себя, когда уже всѣ, могущія потрясать, перепробованы и свою потрясающую для васъ силу истратили

на теперешнее ваше возстаніе? Для слѣдующаго возбужденія васъ силы въ нихъ не осталось. Со спасительными помышленіями бываетъ тоже, что съ лѣкарствомъ. Какъ отъ частаго употребленія лѣкарствъ въ тѣлѣ притупляется чувствительность къ нимъ, такъ и въ отношеніи къ потрясающимъ и возбуждающимъ истинамъ, душа теряетъ наконецъ всякое чувство. Ни угрозы, ни обѣщанія, ни смерть, ни адъ, ни рай, ни ядъ и горечь грѣха—ничто не поражаетъ и не приводитъ въ движеніе души. Она сдѣлается какъ камень. И что же тогда съ нею будетъ? То же, что присуждаетъ апостолъ землѣ, пившей множицею сходившій на нее дождь и износившей одни тернія и волчицы: *непотребна есть, клятвы близъ, ея же кончина въ пожженіи* (Евр. 6, 8).»

«Приложите къ сему, что частое паденіе въ грѣхъ образуетъ привычку грѣшить, которая вяжетъ бѣдную душу и тирански держитъ ее въ рабствѣ у себя. Пусть даже одинъ грѣхъ обратится въ привычку, онъ всю душу плѣняетъ, и во всей мучительски властвуетъ. Посмотрите, что дѣлаетъ паукъ съ своею добычею? Часть за частью отпутываетъ у нея тонкою паутиною, пока запутаетъ ее всю; послѣ чего она хотя дѣлаетъ еще нѣкоторыя движенія, но они безсильны освободить ее. Такъ и грѣхъ, къ коему частымъ паденіемъ привыкаетъ человѣкъ, сила за силою въ него проникаетъ, пока исполнитъ собою и душу и тѣло, и на всѣ отправленія ихъ наложитъ узы рабства себѣ. Хоть потомъ и приходитъ иногда человѣку на мысль бросить свой грѣхъ; но душа, видя какъ многоплетенно запуталась въ немъ, не рѣшается поднять руки, чтобъ распутаться, и предается совсѣмъ безнадежію одолѣть грѣхъ, какъ пишетъ апостолъ о язычникахъ, что они въ нечаяніе вложившеся, предаша себя студодѣянію, въ дѣланіе всякія нечистоты, въ лихоиманіи (Еф. 4, 19), и какъ Евреи, заморенные рабствомъ египетскимъ, даже тогда, какъ отъ лица Божія принесъ имъ Моисей обѣщаніе свободы, не вѣрили, чтобъ это могло совершиться.»

«И такъ, покаявшіеся и вступившіе въ добрый путь, бойтесь снова впасть въ грѣхъ. Увидьте сквозь прелесть грѣха, покушающагося снова увлечь васъ, рѣшительную свою пагубу. Не смотрите на него легко, а какъ на пропасть зіяющую, на адъ отверстый и готовый поглотить васъ безвозвратно. И опасеніемъ такой горькой участи, отрезвляйте свою мысль и чувства сердца отвращайте отъ грѣха. Борьба, конечно, не-

избѣжна. Но стоящему легче бороться, чѣмъ падшему, Встали? стойте же и боритесь. Господь будетъ вамъ помощникъ. День ото дня все легче будетъ становиться борьба. Наконецъ она и совсѣмъ стихнетъ. Добро возьметъ преобладающій верхъ, и потечетъ ваша жизнь мирно, путемъ богоугоднаго добродѣланія, и приведетъ васъ къ блаженному исходу отселѣ въ вѣчныя, райскія обители. А если снова падете, опять пойдетъ смятеніе мыслей и чувствъ, опять мракъ и томленіе, опять страхи и мученія совѣсти, опять туча и всякое нестроеніе. Начнете опять маяться въ рабствѣ грѣху и, можетъ быть, безъ конца; и промучившись здѣсь, ввержены будете въ нескончаемыя муки по смерти, въ грѣхахъ неоплаканныхъ и неисправленныхъ.» *)

VIII.

ПИСЬМА.

Особый видъ литературныхъ трудовъ преосв. Θеофана представляетъ его переписка, которая была громадна. Со всѣхъ концовъ Россіи летѣли въ Вышенскую пустынь письма. Нерѣдко почта приносила ихъ до 20—40. Въ настоящее время уже имѣется въ печати десять книгъ собранія писемъ, изъ которыхъ восемь въ самое послѣднее время изданы Афонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ. Но это далеко еще не полное собраніе переписки. Достовѣрно извѣстно, что только одна помѣщичья семья въ Тамбовѣ имѣла тысячу писемъ святителя. Такое, по истинѣ необычайное, количество корреспонденціи съ одной стороны объясняется массою лицъ, искавшихъ нравственнаго руководства преосв. Θеофана, множествомъ и разнообразіемъ ихъ духовныхъ нуждъ, а съ другой стороны характеромъ отношенія самого руководителя къ этому дѣлу. Преосвященный любилъ и придавалъ важное значеніе своей перепискѣ. Ни великіе научные труды, ни молитвенные и другіе аскетическіе подвиги не заслоняли отъ него нуждъ и скорбей грѣшной души. Онъ находилъ необходимымъ и возможнымъ ежедневно удѣлять по нѣскольку часовъ на переписку изъ столь дорогаго ему времени. Замѣчательно сердечное вниманіе и деликатность святителя въ отношеніи своихъ корреспондентовъ. Онъ признавалъ своимъ долгомъ отвѣчать на всякое письмо, какъ бы оно ни было мало и незначительно

*) Еп. Θеофанъ. О покаяніи. Стр. 147—153.

по своему содержанію, ибо отказъ считалъ оскорбительнымъ для писавшаго. Онъ никогда и никому не отказывалъ въ совѣтѣ и, если иногда замедлялъ отвѣтомъ, то только потому, что другіе находились еще въ худшемъ положеніи и нуждались въ болѣе скорой помощи, при чемъ всегда просилъ извиненія за промедленіе. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ слѣдующій фактъ. Масса богомольцевъ, посѣщавшихъ Вышенскую пустынь, особенно изъ среды женщинъ-простолюдинокъ, узнавъ о томъ, что преосв. Ѳеофанъ никому не отказываетъ въ своихъ отвѣтахъ, стала во множествѣ направлять къ нему свои письма и краткія записки, иногда по самымъ незначительнымъ, даже мелочнымъ вопросамъ. Не будучи знакомъ съ духовною жизнію корреспондентовъ, святитель пришелъ въ большое затрудненіе въ своихъ отвѣтахъ и въ началѣ имѣлъ намѣреніе молчать; но мысль о возможности оскорбить отказомъ писавшихъ остановила его. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ замѣчаетъ по этому поводу: «Не зная ихъ (богомолокъ), затрудняешься, что имъ отвѣтить,—и пишешь большею частію общія мысли... Пишутъ же онѣ иногда дѣло, а иногда пустошь. Я хотѣлъ не отвѣчать, но тутъ же и раздумалъ; потому что какой ни есть, все же отвѣтъ дается. Отказъ же всегда оскорбителенъ.» *)

Крайне разнообразно содержаніе писемъ, но основной тонъ ихъ нравоучительный. Они какъ и книги содержатъ отвѣты на одинъ и тотъ же великій вопросъ всей жизни преосв. Ѳеофана—вопросъ о путяхъ ко спасенію. Только книги представляютъ руководственныя указанія по общимъ предметамъ и нуждамъ, для всѣхъ равно необходимымъ, переписка же—отвѣты на частные случаи, на частныя, личныя духовныя потребности, сомнѣнія и недоразумѣнія. Но эта основная тема значительно видоизмѣняется въ своемъ развитіи примѣнительно къ большему разнообразію самихъ писавшихъ и ихъ духовныхъ запросовъ. Письма получались отъ самаго разнороднаго круга лицъ: по ихъ званію и общественному положенію—отъ собратій—архипастырей и высокопоставленныхъ свѣтскихъ сановниковъ съ титулами князей и графовъ до крестьянина въ деревнѣ и послушника въ монастырѣ; по степени просвѣщенія—отъ мужей науки и высшаго образованія до едва грамотнаго корреспондента; по своему нравственному состоянію—отъ тяжкаго грѣшника, кающагося и борющагося со страстьми до отшельника и схимонаха, погасившаго въ себѣ

*) Собраніе писемъ, вып. 8, стр. 129.

не только страсти, но и интересъ къ самой земной жизни и т. д. При подобномъ составѣ корреспондентовъ естественно крайне разнообразны были духовныя нужды и примѣнительно къ послѣднимъ приходилось давать отвѣты. Съ литераторомъ и общественнымъ дѣятелемъ шла переписка по важнымъ вопросамъ общественной жизни, съ ученымъ о научныхъ предметахъ, съ учителемъ и воспитателемъ по педагогикѣ, съ инокомъ о монашескихъ порядкахъ, съ свѣтскимъ человѣкомъ, ищущимъ духовнаго руководства, обсуждался вопросъ о томъ, какъ устроить христіанскую жизнь среди обычной мірской суеты и т. д. Не беря на себя задачи обстоятельнаго изложенія всей переписки, каковой сложный предметъ требуетъ цѣлаго самостоятельнаго изслѣдованія, мы полагаемъ, что достаточно указать важнѣйшіе предметы корреспонденціи, чтобы дать понятіе о громадности и значеніи ея.

Самая оживленная, самая большая по количеству и важная по содержанію была переписка у преосв. Ѳеофана съ извѣстнымъ писателемъ по церковнымъ вопросамъ Н. В. Елагинымъ. Послѣдній близко стоялъ къ высшимъ сферамъ духовнаго вѣдомства и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ отношеніе къ литературному и общественному движенію столицы. Отъ него преосв. Ѳеофанъ получалъ свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ въ гражданской и церковной жизни нашего отечества и чрезъ него же могъ оказать свое вліяніе въ потребныхъ случаяхъ въ желательномъ направленіи. Въ этой перепискѣ, занимающей цѣлую книгу (150 писемъ), затронуто столько важныхъ вопросовъ, что по истинѣ нужно удивляться, какъ могъ святитель, при своихъ усиленныхъ литературныхъ трудахъ и аскетическихъ подвигахъ, вести столь обширную корреспонденцію съ однимъ лицомъ. Самое значительное количество писемъ посвящено изображенію печальнаго нравственно-религіознаго состоянія русскаго общества второй половинѣ 19 столѣтія, особенно яркія обнаруженія котораго сказались въ видѣ сильно развившихся противоцерковныхъ сектъ—лорда Редстока, Пашкова, Л. Толстого, штунды и др. Въ письмахъ охарактеризовано существенное содержанія каждой изъ нихъ, даны важнѣйшія руководственныя указанія къ обличенію и отмѣчена степень распространенія. Съ этой стороны переписка представляетъ собою очень важный историческій памятникъ. Въ ней будущій историкъ найдетъ яркую картину важнѣйшихъ движеній нравственно-религіозной жизни и мысли тогдашняго русскаго общества, особенно среди

его образованнаго класса. Второе мѣсто по числу занимаютъ письма, направленныя противъ перевода библіи на русскій языкъ съ еврейскаго подлинника вмѣсто греческаго, гдѣ читатель, незнакомый съ вопросомъ, встрѣтитъ подробное и основательное изложеніе доводовъ противъ перевода. Далѣе, слѣдуетъ переписка въ защиту монашества, противъ тогдашнихъ нападокъ (въ 70 годахъ) на него, противъ проэкта новаго церковнаго судопроизводства, желавшаго подчинить духовныя дѣла свѣтскому суду, о необходимости лучшаго перевода богослужебныхъ книгъ въ видахъ облегченія пониманія ихъ и др. Есть нѣсколько корреспонденцій по поводу послѣдней нашей турецкой войны, которой очень сочувствовалъ святитель и заключеніе каковой въ видѣ Берлинскаго конгресса признавалъ крайне несправедливымъ и унизительнымъ для Россіи. Встрѣчается также не мало писемъ съ рѣшеніемъ вопросовъ относительно нѣкоторыхъ важныхъ отдѣльныхъ и частныхъ предметовъ, въ родѣ слѣдующихъ: 1) Изъясненіе догмата о св. Троицѣ по поводу неправильнаго толкованія его нѣмецкими богословскими писателями, при чемъ мимоходомъ авторитетно разъясняется и общій вопросъ о томъ, какъ православному богослову пользоваться протестанскими учеными трудами. 2) Откуда въ мірѣ зло? 3) Программа христіанской психологіи. 4) Взглядъ на еврейскій вопросъ въ Россіи, основная мысль котораго состоитъ въ томъ, что евреи своею страшною эксплоатаціею подаютъ основательные поводы къ ожесточенію противъ нихъ народныхъ массъ. *)

Въ перепискѣ съ однимъ ученымъ естествовѣдомъ—химикомъ, искавшимъ духовной жизни, преосв. Ѳеофанъ подробно раскрываетъ и убѣдительно доказываетъ полную несостоятельность однихъ матеріалистическихъ воззрѣній на міръ, отмѣчаетъ невозможность съ точки зрѣнія ихъ объяснить цѣлую обширную область нравственныхъ явленій, при чемъ при обстоятельномъ рѣшеніи вопроса развиваетъ свою, вышеизложенную философскую теорію о происхожденіи природы и ея важнѣйшихъ стихій и силъ.

Учителю церковной исторіи въ духовной семинаріи дается наставленіе о постановкѣ и преподаваніи этого предмета, при чемъ дѣлается предостереженіе — не увлекаться новыми модными историческими теоріями и подробно характеризуются основные взгляды извѣстнаго нѣмецкаго историка Неандера. Міровоззрѣніе послѣдняго, по мнѣнію преосв. Ѳеофана, существенно

*) Переписка съ Елагинымъ напечатано въ 7 вып. собр. писемъ.

неправильно и неправославно въ томъ отношеніи, что онъ отрицаетъ апостольское преданіе, какъ начало и источникъ христіанскаго ученія, происхожденіе всѣхъ догматовъ и самаго символа вѣры выводитъ, какъ результатъ литературной и жизненной борьбы разнообразныхъ общественныхъ партій христіанскихъ народовъ первыхъ вѣковъ нашей эры. [1])

Въ письмахъ о монашествѣ подробно излагаются правила иноческой жизни и вчастности дѣлаются наставленія о молитвѣ, поклонахъ, поведеніи въ церкви, размѣрѣ келейнаго правила, взаимномъ откровеніи помысловъ и исповѣди, чтеніи духовныхъ книгъ, старчествѣ и др. По вопросамъ монастырской жизни святителю приходилось много писать по просьбѣ и нуждамъ лицъ, по самому своему положенію заинтересованныхъ ею: настоятелю монастыря онъ даетъ указанія, какъ править обителью, духовнику—объ исповѣди и нравственномъ руководствѣ своихъ духовныхъ дѣтей, послушнику—о должномъ прохожденіи назначенныхъ ему послушаній и т. д.

Значительное большинство изъ общаго количества писемъ адресовано свѣтскимъ лицамъ, интересовавшимся духовными вопросами и затруднявшимися устроить свою жизнь похристіански среди обычной житейское обстановки, а также искавшихъ совѣта и утѣшенія въ тяжелыя минуты жизни. Тутъ святителемъ давались указанія какъ относительно общаго жизненнаго строя, такъ и частныхъ явленій, о чемъ въ нѣкоторой степени можно судить по слѣдующему оглавленію писемъ къ одной только семьѣ: 1) Какъ совмѣщать житейскія дѣла съ служеніемъ Богу, 2) Подражаніе монастырскимъ порядкамъ дома, 3) О храненіи чистоты совѣсти, 4) О воспитаніи дѣтей, 5) О преподаваніи Закона Божія малолѣтнимъ, 6) Совѣтъ о пользованіи болящей припадками, 7) Наставленіе о сынѣ, которому не дается наука и проч. [2])

Наконецъ, не мало представлялось и особенныхъ, исключительныхъ поводовъ, экстренныхъ случаевъ, когда люди, переживавшіе какіе-либо важные, критическіе моменты, требовали немедленной духовной помощи и руководства. Такъ одна молодая женщина, обратившаяся изъ сектанства въ православіе, долго не могла привыкнуть къ новой нравственной обстановкѣ. Много тутъ было для нея настолько необычайно и не похоже на прежнюю жизнь, что ея еще неокрѣпшая совѣсть глубоко смущалась и тревожилась; она тяжело страдала, колебалась и

[1]) Собр. писемъ вып. 8, стр. 184, [2]) Собран. писемъ вып. 8.

готова была возвратиться на старый путь. Прежде всего новообращенная не могла себѣ достаточно уяснить православнаго ученія о молитвенномъ призываніи святыхъ, близкаго, по ея мнѣнію, къ страшному грѣху идолопоклонства. Съ своею новою, острою духовною нуждою женщина устремилась къ Вышенскому подвижнику и тогда только успокоилась, когда получила слѣдующій отвѣтъ: «Васъ смущаетъ, какъ вы пишете—моленіе къ святымъ, и вы боитесь, какъ бы не подвергнуться осужденію въ идолопоклонствѣ. Нѣтъ, наше моленіе святымъ и ихъ чествованіе не имѣетъ ничего идолопоклоннического. Было бы идолопоклонство, если бы мы почитали ихъ богами; но мы чтемъ ихъ, какъ слугъ Божіихъ и ходатаевъ о насъ предъ Богомъ Внутреннее чувство должно говорить вамъ, что вы не почитаете ихъ Богомъ, и не считайте ихъ первою причиной просимыхъ благъ, а только орудіемъ подаянія ихъ. Взывая къ святому, мы говоримъ: «Святый Божій, помолись о насъ; умоли Господа дать намъ то и то.» Возьмите во вниманіе и вотъ что: мы, живущіе здѣсь на землѣ, чада церкви, просимъ другъ друга молиться о насъ... Всѣ это дѣлаютъ. И никто не думаетъ, чтобы тутъ было что идолопоклонническое. Вы пишите же ко мнѣ: «помолитесь о томъ то и о томъ то.» Опасаетесь ли при этомъ провиниться въ идолопоклонствѣ? Я думаю, что никого еще въ свѣтѣ не было, кто-бъ такъ думалъ. Какъ же это у васъ въ головѣ держится мысль, что когда святые были здѣсь на землѣ, можно было безопасно просить ихъ о молитвѣ, а когда они перешли туда—въ царство небесное, стало нельзя? Отошедшіе отцы и братія наши, не смотря на сіе отшествіе, пребываютъ въ церкви Божіей, такъ же, какъ и мы оставльшіеся здѣсь...

Отношенія наши взаимныя, какъ членовъ церкви, остаются тѣ же, въ силѣ... вотъ и молимъ ихъ, какъ молили прежде.»

«Существо идолопоклонства въ томъ, что твари присвояютъ божескія свойства, и въ силу сего чтутъ ихъ... мы же святымъ Божіимъ никакихъ божескихъ свойствъ не присвояемъ... а чтимъ ихъ какъ совершеннѣйшихъ изъ людей, въ мѣру возраста исполненія Христова достигшихъ... а чрезъ то приблизившихся къ Богу, пріискреннѣе другихъ. Войдите внутрь себя и разсмотрите: считаете ли вы святыхъ богами... чувство должно сказать вамъ это. Если окажется, что вы считаете ихъ такими, то перестаньте считать, а если не считаете, нечего и смущать себя помысломъ—не попасть бы въ идолопоклонницы.» [1])

[1]) Собр. писемъ. Вып. 3, стр. 127.

Переписка преосв. Θеофана представляетъ собою замѣчательное литературное явленіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Глубина и всегдашняя серьезность предмета рѣчи въ соединеніи съ художественною простотою внѣшняго выраженія, свойственныя другимъ произведеніямъ его, отличаютъ и переписку. Начавши читать послѣднюю, нескоро оторвешься отъ вдохновенныхъ страницъ. Письма несомнѣнно имѣли очень важное значеніе для получавшихъ ихъ и были истиннымъ руководствомъ нравственной жизни, а въ тяжкія минуты являлись великою отрадою и духовнымъ утѣшеніемъ для многихъ скорбныхъ душъ. Святитель чутко угадывалъ духовныя потребности писавшаго и не жалѣлъ своихъ силъ, обстоятельно и сердечно разъясняя всѣ вопросы и недоумѣнія. Онъ какъ-то особенно умѣлъ войти въ положеніе корреспондента и между ними на первыхъ же порахъ устанавливалась самая близкая, чисто родственная, внутренняя духовная связь, при которой жизненныя нужды высказывались съ полною искренностью и откровенностью. Послѣдней руководитель придавалъ важное значеніе и настойчиво располагалъ къ ней. «Обѣщаете быть откровенною. Добрѣ! пишетъ онъ одной молодой корреспонденткѣ, ищущей духовной жизни. Ужъ откровенность— первое дѣло въ перепискѣ: иначе нечего было ее и затѣвать. И пишите всегда сплеча—все, что есть на душѣ, и особенно пополнѣе излагайте вопросы, которые зашевелятся въ головѣ и станутъ настойчиво требовать рѣшенія. Тогда и рѣшенія будутъ приниматься, какъ земля жаждущая принимаетъ воду.»

«Какъ вы обрадовали меня отвѣтомъ! А я растерялся въ догадкахъ, чтобы такое было! А вотъ что! Бабушка немножко болѣла. Ну— бабушка побѣдоносное слово. Для внучекъ нѣтъ теплѣе мѣста, какъ у бабушекъ. Нѣтъ и для бабушекъ дороже лицъ, какъ хорошія внучки. И за это надо Бога благодарить. А вы чаще утѣшайте бабушку и повнимательнѣе слушайте, что она говоритъ. У старицъ—мудрость, опытами и трудами жизни пріобрѣтенная. И онѣ часто невзначай, въ простыхъ фразахъ, высказываютъ такіе мыдрые уроки, которыхъ и въ книгахъ поискать—не найдешь.» *)

Въ нашемъ православномъ отечествѣ было не мало лицъ разнаго званія и состоянія, для которыхъ письма преосв. Θеофана были единственнымъ и незамѣнимымъ нравственнымъ руководствомъ, безъ совѣта съ авторомъ которыхъ они не предпринимали ни одного важнаго дѣла. Были даже случаи, когда

*) Что есть духовная жизнь? Стр. 4.

подъ вліяніемъ его переписки и другихъ сочиненій люди оставляли нашъ грѣшный міръ и шли на суровые подвиги иночества. [1]) Особенно ярко сказалось значеніе руководства святителя послѣ его смерти, когда руководимые представлены были однѣмъ своимъ силамъ въ устройствѣ христіанской жизни. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо нѣкоего почтеннаго юриста, ниже приведенное въ нашей заключительной главѣ. Много дѣлалъ пресв. Θеофанъ для общаго духовнаго блага жизни. Но особенно онъ былъ незамѣнимъ, какъ совѣтникъ и утѣшитель въ моменты тяжкихъ испытаній ея. Уже одинъ тотъ фактъ очень характеренъ въ этомъ отношеніи, что кто хоть разъ обратился со своею нравственною нуждою къ подвижнику, тотъ уже никогда не оставлялъ наставника и рекомендовалъ его другимъ. Одинъ опытный и пожившій педагогъ, самъ начальникъ и руководитель цѣлаго учебнаго заведенія, неоднократно обращавшійся къ святителю съ своими житейскими скорбями пишетъ: «Въ это время (послѣ потери дѣтей) измученный житейскимъ горемъ и недоумѣніемъ, я—немощный—ринулся со своею глубоко скорбною докукою, которой и забыть не могу, къ сильнымъ людямъ—людямъ вѣры Христовой, и во первыхъ святителю Θеофану. Святитель Θеофанъ въ то время уже былъ внѣ міра, *въ затворѣ;* но онъ хорошо зналъ лютую скорбь житейскую и не замедлилъ мнѣ отвѣтить святительскимъ утѣшительнымъ словомъ...» «Скорби житейскія и потомъ по волѣ Божіей не оставляли меня, и я всегда обращался за утѣшеніемъ къ епископу Θеофану. То была *потреба* измученной души моей. Письма ко мнѣ святителя представляютъ высокій учительный интересъ для всякаго страждущаго и обремененнаго христіанина. Я привожу ихъ съ любовію къ почившему любвеобильному Архипастырю, утѣшившему меня силою святой дѣры во дни великаго моего горя, и радъ буду всѣмъ сердцемъ, если святительскія слова окажутъ наученіе и пользу не одному мнѣ.» [2])

Изъ всей массы эпистолярной литературы преосв. Θеофана мы приводимъ здѣсь только нѣсколько писемъ по предметамъ, имѣющимъ общее руководственное значеніе и наиболѣе разработаннымъ—именно о вѣчности мученій грѣшниковъ, о необходимости каждому христіанину быть въ живомъ союзѣ съ церковію и о значеніи церковной обрядности, о свободѣ человѣческой воли. Присоединяемъ одно письмо по вопросу о духовномъ утѣшеніи бывшаго

[1]) Корсунскій—стр. 278. [2]) Письмо директора Тамбовскаго учительскаго института И. Дубасова. Тамбов. Епарх. Вѣдомости 1897 г. № 43.

богача, неожиданно лишившагося всего своего состоянія, какъ образчикъ того, какъ умѣлъ святитель приходить на помощь къ человѣку въ самыя тяжелыя минуты его жизни.

1) Одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ преосв. Θеофана, недоумѣвавшій относительно христіанскаго ученія о вѣчности мученій грѣшниковъ, обратился къ нему за разъясненіемъ этого важнаго предмета, и святитель пишетъ цѣлый обстоятельный трактатъ, въ которомъ выясняетъ вопрошающему не только общій смыслъ и значеніе догмата, но и рѣшаетъ частныя недоумѣнія, напр. относительно примиренія и согласія его съ благостью Божіею. Существенное содержаніе этого замѣчательнаго письма слѣдующее: «Недоумѣніе ваше таково, *какъ можно, чтобы будущія мученія были вѣчны?! Никакъ нельзя. Это благости Божіей противно.*»

«Прежде всего спросите у своей дѣтской вѣры,—знаетъ ли она, что Богъ именно такъ опредѣлилъ.--И если не знаетъ, просвѣтите ее, указавъ ей прямыя Божескія о семъ опредѣленія. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкованія, говоритъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную.* Это говоритъ Господь, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія воплотившійся, пострадавшій, умершій, воскресшій, вознесшійся на небо и сѣдшій одесную Отца, чтобы и тамъ выну ходатайствовать тоже о спасеніи всѣхъ и каждаго. Если говоритъ такъ тотъ, кому столько стало спасеніе наше и кто ничего такъ не желаетъ, какъ чтобы всѣ спаслись; вѣрно иначе сему быть нельзя. Мы имѣемъ подлинныя новозавѣтныя писанія. Тамъ стоитъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную.* За тѣмъ, сколько ни есть переводовъ новаго завѣта, во всѣхъ стоитъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную.* И никакимъ переводчикамъ никакого повода не представилось и въ голову не пришло какъ нибудь иначе перевесть эти страшныя слова: *въ муку вѣчную.* Потому не можетъ подлежать сомнѣнію, что Господь именно такъ сказалъ. Истолковывать же тутъ нечего, слова ясны безъ толкованія. Пытались дать слову—*вѣчный* кривое толкованіе, не вѣрующіе, а невѣры, будто *вѣчный* означаетъ здѣсь относительную вѣчность: долго—долго, но не безъ конца; долго такъ, что эта длительность покажется вѣчностію, но все же и конецъ будетъ. Что такое толкованіе криво, обличаетъ тутъ же стоящее другое слово: *въ животъ вѣчный.* Животъ вѣчный и кривотолки разумѣютъ безъ конца. Такъ надо понимать и муку вѣчную. Оба изрѣченія стоятъ въ одинаковыхъ усло-

віяхъ. Что разумѣется объ одномъ, нельзя того отрицать у другого. Если животъ безъ конца, то и мука безъ конца.»

«Ты стоишь за благость и милосердіе Божіе. Но рѣчь твоя имѣла бы смыслъ, если бы вѣчность мукъ опредѣлили люди, безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить имъ: ваше положеніе не можетъ быть принято; потому что оно противно благости Божіей. Но когда такое опредѣленіе постановилъ самъ Господь, всеблагій и всемилостивый; то умѣстно ли какъ бы въ лице говорить Ему: быть не можетъ, это противно Твоей благости? Развѣ онъ переставалъ быть благимъ, когда изрекъ сіе? Конечно нѣтъ. А если не переставалъ быть благимъ, то нѣтъ сомнѣнія, что такое опредѣленіе совершенно согласно съ Его благостію. Ибо Богъ никогда ничего не дѣлаетъ и не говоритъ, что было бы противно Его свойствамъ. Для дѣтской вѣры этого объясненія совершенно достаточно. И я на немъ покоюсь болѣе, нежели на какихъ-либо другихъ разъясненіяхъ, что и вамъ совѣтую.»

«Говорите: Господь на крестѣ молился за распинателей; можно ли, чтобъ Онъ казнилъ кого либо изъ грѣшниковъ вѣчными муками?»

«Господь молился и молитва Его тотчасъ принесла плодъ. Разбойникъ покаялся, и, увѣровавъ въ Господа, открылъ себѣ входъ въ рай. Сотникъ исповѣдалъ Господа Сыномъ Божіимъ, и, освятившись вѣрою, имѣется въ числѣ святыхъ. Вѣрно и всѣ тѣ, которыя пошли съ Голгофы, бія себя въ перси, не лишились благой части. Такъ и всѣ, которые, нагрѣшивъ предъ Богомъ, обращаются къ Нему въ слезахъ покаянія, всегда получаютъ прощеніе, и предъ ними дверь рая не заперта. Еслибъ всѣ люди грѣхамъ повинные такъ поступали, всѣ бы вошли въ рай, и адъ остался бы занятымъ одними духами злобы—ожесточенными и не раскаянными. Вы опираетесь на милосердомъ прощеніи. Но прощеніе не безусловно: покайся, и прощеніе получишь. А нераскаяннаго какъ простить?»

«Господь милосердый всѣхъ готовъ простить, только покайся и прибѣгни къ Его милосердію. Еслибы и бѣсы покаялись, и тѣ были бы помилованы. Но какъ они закоснѣли въ упорномъ противленіи Богу, то и нѣтъ имъ помилованія. Тоже и въ отношеніи къ людямъ. Невозможно помилованіе тѣхъ, которые упорно противятся Богу. Что такіе есть, это думаю, вы знаете. Что многіе изъ такихъ и на тотъ свѣтъ отходятъ богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать

не станете. Что же ихъ тамъ ожидаетъ? Ужъ видно что! Какъ они Бога знать не хотѣли, то и Богъ скажетъ имъ: не вѣмъ васъ,—отойдите. А когда такое рѣшеніе отъ Бога изойдетъ, кто отмѣнитъ его? Вотъ и вѣчное отверженіе,—печать ада! Остается строить надежду, нѣтъ ли покаянія за гробомъ! О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегченіе намъ грѣшнымъ! Господь столько милосердъ, что только покайся, хоть бы то и за гробомъ, непремѣнно проститъ. Но то наше горе, что надежды-то такой не на чемъ основать. Законъ жизни таковъ, что коль скоро кто положитъ здѣсь сѣмя покаянія, хоть бы то при послѣднемъ издыханіи, то ужъ не погибнетъ. Сѣмя сіе возрастетъ и плодъ принесетъ—спасеніе вѣчное. А коль скоро кто здѣсь не положитъ сѣмени покаянія и перейдетъ туда съ духомъ нераскаяннаго упорства во грѣхахъ, то и тамъ на вѣки останется съ тѣмъ же духомъ, и плодъ отъ него во вѣки будетъ пожинать по роду его —Божіе вѣчное отверженіе.» *)

2) Мы уже видѣли, что преосв. Ѳеофанъ, и изъ своего затвора внимательно слѣдившій за всѣми выдающимися явленіями русской общественной жизни, отозвался цѣлымъ рядомъ писемъ по поводу появленія ереси извѣстнаго Пашкова, въ которыхъ на ряду съ обличеніемъ лжеученія какъ отрасли протестанства далъ сильную апологію православія, при чемъ особенно подробно раскрылъ откровенное ученіе о домостроительствѣ нашего спасенія чрезъ воплощеніе Сына Божія. При изложеніи этого догмата писатель долго останавливается на развитіи мысли о необходимости для христіанина имѣть живой союзъ съ церковію и значеніи церковной обрядности. Сущность его ученія по первому вопросу представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Каждый христіанинъ обязательно и неизмѣнно долженъ принадлежать и имѣть живой союзъ съ церковію потому, что въ ней единственно существуютъ всѣ необходимыя средства ко спасенію и внѣ общенія съ нею нѣтъ никакой надежды и возможности получить спасеніе. Послѣднее слагается изъ двухъ существенно-необходимыхъ элементовъ—духовныхъ сокровищъ, дарованныхъ намъ туне искупительными заслугами Спасителя и того, что мы сами должны совершить для нашего спасенія. Къ первому относятся истины евангельскаго ученія и благодатные дары св. таинствъ—и тѣ и другіе сокровенно хранятся

*) Преосвящ Ѳеофана. Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни стр. 3, 22.

только въ нѣдрахъ церкви. Ко второму принадлежатъ наши собственные труды и подвиги добродѣтели, и послѣдніе могутъ имѣть правильное теченіе только подъ руководствомъ церкви. Совершивъ дѣло спасенія падшаго человѣчества, Господь нашъ Іисусъ Христосъ вознесся на небеса, а духовныя блага, пріобрѣтенныя для насъ, Онъ оставилъ на землѣ, во святой церкви и помимо ея не даетъ ихъ. Прежде всего Господь преподалъ свое божественное ученіе св. апостоламъ, а послѣдніе передали его всѣмъ вѣрующимъ. Отсюда церковь стала вѣрною хранительницею Божественной мудрости, *столпомъ и утвержденіемъ* христіанской истины. Она есть сокровищница не только истины, но и благодати. Своею искупительною кровною жертвою Спаситель открылъ путь нисхожденію къ намъ Св. Духа, со всѣми Его благодатными силами, безъ которыхъ спасеніе наше невозможно. Но Духъ Святый непосредственно сошелъ только на апостоловъ; послѣ же нихъ благодать Его сообщается вѣрующимъ не иначе какъ только чрезъ таинства, учрежденныя Самимъ Іисусомъ Христомъ и ввѣренныя для храненія и совершенія только въ церкви. По принятіи благодатныхъ даровъ христіанину предлежитъ тяжелый и продолжительный, во всю жизнь, трудъ внѣшняго добродѣланія и внутренняго очищенія своей природы отъ худыхъ наклонностей и страстей, и водворенія на ихъ мѣсто добрыхъ мыслей, чувствъ и расположеній. Эти подвиги добродѣтели повидимому должны быть предоставлены свободѣ каждаго спасающагося. Но это только повидимому. Опытъ свидѣтельствуетъ, что человѣкъ въ своемъ настоящемъ поврежденномъ состояніи помрачилъ и исказилъ первоначальныя чистыя требованія своего внутренняго нравственнаго закона и уже не можетъ обойтись безъ внѣшняго, сторонняго руководства. Вотъ тутъ то и приходитъ на помощь къ нему церковь со своими многочисленными и многообразными освятительными средствами. Она, какъ чадолюбивая мать, установила цѣлый рядъ чиновъ, учрежденій и порядковъ, вѣрно и цѣлесообразно направленныхъ къ содѣлованію спасенія всякаго вѣрующаго. Такъ церковь назначила обазательно для всѣхъ святые посты однодневные и многодневные съ цѣлью усмиренія нашей плоти и угашенія похотей ея. Разнообразныя дѣла милосердія съ устройствомъ разнаго рода благотворительныхъ заведеній---богадѣленъ, больницъ, странноприимницъ и др. существуютъ для воспитанія въ насъ добрыхъ расположеній и чувствъ любви къ ближнему. Наконецъ, непрерывное послѣ-

дованіе божественныхъ службъ церковныхъ и домашнихъ обильно питаетъ высшія, молитвенныя проявленія человѣческаго духа и неизмѣнно возводитъ достойныхъ къ послѣдней цѣли христіанской жизни—богообщенію. Все это существенно необходимо въ дѣлѣ спасенія и все это возможно найти только въ церкви.

«Желающему спастись необходимо быть въ живомъ союзѣ съ истинною церковію Христовою. Почему?—Потому что Господу угодно было въ ней единой совмѣстить все, потребное для спасенія.»

«Въ одиночку никто не спасается. Господь изъ всѣхъ вѣрующихъ благоволилъ сочетать единое тѣло и Самъ сталъ Главой его. Спасается каждый не иначе, какъ въ церкви, т. е. въ живомъ союзѣ со всѣмъ сонмомъ вѣрующихъ, чрезъ церковь и съ Самимъ Господомъ, какъ Главою ея. Господь назвалъ церковь Свою виноградным деревомъ, въ коемъ Онъ Самъ—лоза или стволъ дерева, а всѣ вѣрующіе—вѣтви на лозѣ; посему церковь есть единое нераздѣльное цѣлое, живо сочетанное съ Господомъ и въ себѣ и во всѣхъ частяхъ. Какъ вѣтвь, отложившись отъ дерева, засыхаетъ и перестаетъ жить, такъ перестаетъ жить и всякій, кто какимъ-либо образомъ отдѣляется отъ церкви Божіей, а чрезъ то и отъ Господа. Святый Павелъ еще яснѣе представляетъ этотъ живой союзъ вѣрующихъ съ церковію и Господомъ, называя церковь тѣломъ Господа. Мы всѣ вѣрующіе—тѣло Христово, Христосъ же Господь есть Глава сего тѣла. Какъ въ тѣлѣ всякій членъ живетъ не своею, а общею всему тѣлу жизнію и если отдѣлится отъ тѣла, умираетъ и истлѣваетъ, такъ и каждый вѣрующій не живетъ особнякомъ, но живетъ общею всей церкви жизнію, и, если отдѣлится отъ нея, замираетъ духовно и погибаетъ (Іоан. 15; 1 кор. 12; Ефес. 4). Такъ доселѣ всѣ истинно вѣрующіе закономъ жизни, ведущей ко спасенію, полагаютъ союзъ съ церковію. Церковь есть матерь наша. И вѣрно слово: кому церковь не мать, тому Богъ не Отецъ.»

«Въ дѣлѣ спасенія надобно различать двѣ стороны: *то*, что Господь совершилъ нашего ради спасенія,—именно стяжанныя Господомъ чрезъ воплощенное домостроительство блага во спасеніе наше; и *то*, что мы должны дѣлать съ своей стороны для полученія спасенія,—наши въ содѣваніи спасенія труды. Изъ того и другого,—чрезъ сочетаніе ихъ въ лицѣ спасаемомъ,—спѣется дѣло спасенія. Всякому можно сказать: позаботься удостоиться пріятія сокровищъ спасенія, стяжан-

ныхъ Господомъ,—усвой ихъ себѣ и употребляй какъ должно, и спасешься. Но сіе двоякое дѣло совершаться достодолжно можетъ и совершается только въ св. православной церкви. Въ ней и благодатныя сокровища во спасеніе, и практика всего того, что отъ тебя требуется для твоего же спасенія, съ руководствомъ въ томъ, и словомъ и примѣромъ.»

«Слыша: позаботься удостоиться пріятія благодатныхъ сокровищъ спасенія, ты невольно можешь придти къ вопросу: гдѣ же ихъ взять? Гдѣ придти съ ними въ соприкосновеніе и какъ вкусить ихъ? Они всѣ въ Господѣ, а Господь, стяжавъ ихъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца. Какъ досягнуть до Него? И кто силенъ къ тому? На это скажу тебѣ: никакъ не досягнешь, и никто не силенъ къ тому; но не приходи отъ этого въ ужасъ. Господь вознесся на небо, а блага, Имъ для насъ стяжанныя, оставилъ на землѣ, ввѣривъ ихъ святой своей церкви.»

«Св. церковь православная есть сокровищница благъ спасенія. Что бы тебѣ ни нужно было для спасенія, все то найдешь въ ней, и только въ ней. Помимо ея и Самъ Господь не даетъ сихъ благъ. Такъ благоволилъ устроить Самъ Онъ. Ставъ Главою церкви, Онъ не иначе дѣйствуетъ во спасеніе наше, какъ чрезъ сіе тѣло свое. И не ищи къ Его сокровищамъ спасенія другаго доступа. Его нѣтъ.»

«Господь Спаситель, яко упостасная Премудрость, принесъ въ себѣ самомъ на землю, изъ таинницъ трипостаснаго Божества, всю спасительную премудрость. Но не удержалъ ее сокровенною въ Себѣ самомъ, а сначала преподалъ ее апостоламъ, заповѣдавъ имъ преподать ее и всѣмъ вѣрующимъ изъ всѣхъ языковъ. Апостолы предали ее всему сонму вѣрующихъ, заповѣдавъ преемникамъ своимъ блюсти ее. И стала церковь столпъ и утвержденіе истины, которая, водворившись въ ней, пребываетъ въ ней и будетъ пребывать до скончанія вѣка. Хочешь вѣдать сію премудрость? Иди въ церковь православную, вѣрную блюстительницу всего, преданнаго апостолами, и у ней поучайся ей.»

«Кромѣ *истины* Господомъ и *благодать бысть* (Іоан. 1, 17). Воплотившись нашего ради спасенія, Онъ принесъ Себя въ жертву искупленія насъ, и открылъ тѣмъ путь нисхожденію къ намъ Духа Святаго съ благодатными силами своими. Отсюда два существеннѣйшихъ блага воплощеннаго домостроительства въ спасеніе наше, оправданіе и освященіе.

И ихъ оставилъ Господь на землѣ и ввѣрилъ ихъ своей церкви.»

«Въ церкви Божіей стоитъ, непрерывно приносимая жертва тѣла и крови Господа, по заповѣди Его, и въ той силѣ, въ какой благоугодно было Господу установить сіе учрежденіе. Жертва сія приносится въ опредѣленное время, но какъ съ движеніемъ солнца и часъ сей движется по землѣ съ востока на западъ съ промежутками, едва, или совсѣмъ не замѣтными; то само собою очевидно, что жертва сія въ каждое мгновеніе приносится на землѣ, или вѣрнѣе—непрерывно стоитъ. Господь ходатайствуетъ о насъ на небѣ предъ лицемъ Бога и Отца. Но тамъ нѣтъ крови. Кровь свою благоволитъ Онъ таинственно источить въ св. церкви своей, яко глава ея, въ таинствѣ тѣла и крови. Сіе творите, заповѣдалъ Онъ, *въ мое воспоминаніе. Сіе,* т.-е., тѣло ломимое, и кровь изливаемую, во оставленіе грѣховъ. Такъ оправдательный и ходатайственный покровъ простертъ и стоитъ надъ церковію, привлекая и препровождая къ намъ всякія милости Божіи. Хочешь быть причастникомъ сихъ милостей? Бывай, сколько можешь чаще, на жертвѣ сей и общеніе съ ней держи, если не вкушеніемъ ея, то сокрушеніемъ и плачемъ.»

«Кровная жертва открыла путь нисхожденію къ намъ Святаго Духа, отъ коего всѣ благодатныя силы, яже къ животу и благочестію. Безъ сихъ силъ спасенію нашему содѣваему быть невозможно. Необходимо потому всякому стяжать благодать Свят. Духа. Но непосредственно Духъ Святый сошелъ только на апостоловъ; послѣ же нихъ благодать Св. Духа сообщается вѣрующимъ уже не иначе, какъ чрезъ особыя посредства, или таинства, по указанію Господа Духомъ Святымъ чрезъ апостоловъ учрежденныя. И таинства сіи ввѣрены св. православной церкви и суть въ ней единой. И стала церковь сокровищницею не истины только, но и благодати. Чувствуешь потребность благодати? Иди въ православную церковь, приступи къ таинствамъ, и получишь благодать, всякую, какую взыщешь. Возрожденія ищешь? Взыщи его въ св. православной церкви. Она, и только она, породитъ тебя водою и Духомъ, въ таинствѣ св. крещенія. Дара Духа Свят. ищешь? Взыщи его во св. православной церкви. Она, и только она, преподаетъ тебѣ его въ таинствѣ муропомазанія. Согрѣшилъ? Каешься и ищешь врачеванія душевныхъ ранъ и разрѣшенія узъ совѣстныхъ? Иди въ св. православную церковь. Она, и только она,

въ лицѣ пастырей своихъ пріявшая власть вязать и рѣшить, разрѣшитъ тебя отъ грѣховъ и исцѣлитъ раны души твоей врачевательными обязаніями. Нужду имѣешь и ищешь преискреннѣйшаго общенія съ Господомъ? Иди въ св. православную церковь. Она, и только она, давъ тебѣ вкусить тѣла и крови Господа отъ жертвы Его, ею всегда приносимой, сдѣлаетъ, что ты будешь въ Господѣ и Господь въ тебѣ, по неложному Его обѣтованію. Ищешь положить благодатную основу семейству своему? Иди въ св. православную церковь. Она доставитъ тебѣ сіе благо, запечатлѣвъ благодатію брачный союзъ твой въ таинствѣ брака. Немоществуешь тѣломъ и ищешь врачеванія? Обращайся къ церкви святой. Она доставитъ тебѣ сіе благо и съ отпущеніемъ грѣховъ, чрезъ таинство елеосвященія.»

«Столько благодатныхъ сокровищъ ввѣрено св. церкви! Приставниками же и раздаятелями ихъ поставлены сначала апостолы, а потомъ ихъ преемники, которые и сами получаютъ особую на то благодать чрезъ таинство священства, въ церкви же Божіей. Таинство священства—верхъ таинствъ благодатныхъ: ибо безъ него остались бы недѣйственными и всѣ другія таинства, и церковь превратилась бы въ безблагодатную.»

«Такъ упостасная Премудрость Божія, создавъ себѣ домъ св. церкви, утвердила въ немъ столповъ (отдѣленій) седмь, и всѣхъ приходящихъ къ ней, по ея призыванію, обильно питаетъ и напояетъ разнообразною своею благодатію. Семь источниковъ благодати. Но два изъ нихъ текутъ неразлучно съ теченіемъ всей жизни спасаемаго. Это таинства—покаянія и свят. причастія, дающія благодать оправданія и благодать освященія, благодати, источныя въ жизни спасительной. Они развиваютъ; укореняютъ, возвышаютъ въ духѣ человѣка все, потребное для спасенія. И чѣмъ кто чаще пользуется ими, тѣмъ успѣшнѣе зрѣетъ его духовная, спасительная жизнь. А безъ этого, она скоро засаривается, вянетъ и глохнетъ.»

«Вторую половину дѣла спасенія составляетъ собственный нашъ трудъ въ содѣваніи его. Казалось бы, что онъ долженъ быть совершенно предоставленъ свободѣ каждаго. Предоставленъ, правда, но не вполнѣ. Св. церковь и сюда привтекаетъ своимъ вліяніемъ и властію. Я разумѣю подъ симъ не указанія только и поощренія, но извѣстные порядки и труды, исполненіе которыхъ есть содѣваніе того, что содѣвать требуется отъ насъ нашего ради спасенія. Извѣстные труды во спасеніе возлагаетъ

св. церковь на вѣрующихъ, какъ долгъ, не стѣсняя однакожъ свободы къ самоохотнымъ въ томъ же родѣ начинаніямъ и дѣяніямъ, а напротивъ поощряя къ нимъ и давая въ отношеніи ихъ руководство словомъ и примѣрами. Сама церковь возлагаетъ извѣстные труды во спасеніе, и потому, что желаетъ, чтобъ всѣ были какъ одинъ въ содѣваніи спасенія, и потому, что, считая труды тѣ необходимыми въ дѣлѣ спасенія, не полагается на свободную охотность къ нимъ каждаго по немощамъ самоугодливости нашей; а руководство свое даетъ въ прочихъ свободныхъ сего рода дѣлахъ и начинаніяхъ потому, что по неумѣнію иное дѣло и трудъ можно сдѣлать такъ, что вмѣсто пользы отъ того будетъ вредъ дѣлу спасенія.»

«Рѣшившемуся содѣвать свое спасеніе и пріявшему на то благодать, предлежитъ, дѣйствіемъ облагодатствованнаго духа своего, очистить душу и тѣло отъ страстей и перенастроить ихъ на всякое добро, чтобъ сдѣлать храмомъ достойнымъ Бога, обѣтовавшаго вселяться въ вѣрующихъ и ходить въ нихъ.»

«Надо душу и тѣло очистить и перенастроить силою духа облагодатствованнаго. Что для сего потребно? Потребны подвиги—для тѣла тѣлесные, для души душевные, для духа духовные: ибо и его надобно оживлять и укрѣплять, чтобъ онъ постоянно чувствовалъ себя обладающимъ силою властно дѣйствовать на душу и тѣло.»

«Тѣлесные подвиги нужны потому, что тѣло служитъ сѣдалищемъ страстей. Не смиришь плоти, не будешь имѣть успѣха въ преодолѣніи страстей. Надо потому преутрудить плоть лишеніями пищи, сна, покоя и всякаго услажденія чувствъ. Но угодница страстей и страстолюбица есть душа. Ее потому еще больше, чѣмъ тѣло надлежитъ взять въ руки и трудить. Въ ней возникаютъ помыслы и пожеланія страстные и влекутъ къ страстнымъ дѣламъ, потому что въ ней живутъ самыя страсти. Дѣло спасающагося прогонятъ сіи страстныя движенія, и на мѣсто ихъ возстановлять и водружать добрыя мысли, чувства и расположенія. Это дѣйствованіе, и все другое, что для сего дѣлается, составляетъ предметъ душевныхъ подвиговъ. Наконецъ, подвиги духа—молитва и богомысліе, и все, что для сего предпріемлется, какъ вспомогательное средство.»

«На сіи подвиги указывалъ Спаситель въ нагорной бесѣдѣ, когда давалъ наставленіе, какъ поститься, творить милостыню и молиться. Подъ постомъ совмѣщены здѣсь всѣ подвиги тѣлесные, подъ милостынею—душевные, подъ молитвою—духовные.

У содѣвающихъ свое спасеніе дѣйствительно дѣло такъ и идетъ, что они проводятъ жизнь въ молитвѣ, добродѣланіи и постническомъ воздержаніи. И вотъ къ симъ-то дѣламъ св. церковь, обязывая вѣрующихъ къ трудамъ въ содѣваніи спасенія, и приноровляетъ нѣкоторыя свои законоположенія, порядки и учрежденія.»

«Какъ поприще для тѣлесныхъ подвиговъ, назначены въ ней св. посты,—однодневные въ среду и пятницу каждой недѣли, и въ нѣкоторые другіе дни года, и многодневные,—четыре большихъ поста.»

«Какъ поприще для душевныхъ подвиговъ, кромѣ тѣхъ-же постовъ, опредѣлены въ ней разныя благотворительныя учрежденія: больницы, богадѣльни, сиротопитательни, странноприимницы.»

«Какъ поприще для духовныхъ подвиговъ, есть въ ней непрерывное послѣдованіе молитвословій церковныхъ, съ наставительными на нихъ чтеніями и бесѣдами,—молитвословій, обнимающихъ всю жизнь человѣка, въ разнообразныхъ ея направленіяхъ и положеніяхъ.»

«Всѣ эти установленія св. церкви—молитвословія, посты, благотворенія занимаютъ и обязываютъ все тѣло церкви, какъ одно лицо (въ маломъ видѣ – это приходъ). Но это не стѣсняетъ свободы каждаго, кромѣ сихъ общихъ трудовъ, избирать и держать свои частные,—свои пощенія, свои молитвы, свои добродѣланія. Но св. церковь, какъ попечительная о спасаемыхъ матерь, и на эту часть трудовъ вѣрующихъ простираетъ свою заботу, заповѣдуя приступать къ нимъ съ совѣта и по указанію духовныхъ отцевъ, и предлагая примѣры къ подражанію въ прежде жившихъ отцахъ и братіяхъ, каждодневно воспоминаемыхъ.»

«Прохожденіе всѣхъ такихъ трудовъ по указанію и руководству церкви составляетъ поприще общехристіанскаго *подвижничества*. Но въ церкви Божіей есть особыя учрежденія, въ которыхъ подвижничество въ молитвахъ, пощеніяхъ и услуженіяхъ всѣмъ съ забвеніемъ себя составляетъ исключительную цѣль. Исходя изъ коренныхъ потребностей духа и существеннѣйшихъ стрмленій христіанскихъ, сія мироотрочная подвижническая жизнь, бывъ проводима, какъ слѣдуетъ, скоро любимцевъ своихъ возводитъ на высшія степени христіанскаго совершенства и обогащаетъ ихъ, а черезъ нихъ и христіанство, вѣдѣніемъ о духовныхъ вещахъ, недосязаемыхъ при прочихъ порядкахъ жизни.»)

*) Письма къ одному лицу въ С.-Петербургъ по поводу появленія тамъ новаго учитетя вѣры. Стр. 116—122.

Протестанты, а за ними и пашковцы упрекаютъ православную церковь въ томъ, что она оматерилизовала христіанство, напр.—въ богослуженіи дала слишкомъ важное значеніе внѣшней обрядности на ряду и даже иногда въ ущербъ духовному элементу, а съ другой стороны завела слишкомъ много обрядовъ, изъ которыхъ не мало совсѣмъ ненужныхъ и излишнихъ. Преосв. Θеофанъ обстоятельно разбираетъ и даетъ глубоко основательный отвѣтъ на эти кажущіяся многимъ сильными возраженія относительно церковной жизни, церковныхъ порядковъ. Христіанство, говоритъ онъ, въ высшей степени духовно, ибо благодатно, но не невидимо. И истинные христіане въ высшей степени духовны, ибо облагодатствованы, но не безплотны. Почему, при всей духовности, они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и къ Богу. Отсюда совершенно необходимо въ христіанской жизни присутствіе внѣшняго обряда, при чемъ существо его совсѣмъ не въ видимыхъ образахъ, а во внутреннемъ настроеніи сердца вѣрующаго и рядѣ молитвенныхъ послѣдованій. Внѣшнія же, видимыя дѣйствія и положенія совершающихъ обряды и участвующихъ въ нихъ—только обстановка, неизбѣжная потому, что мы сами пространственны и временны и всѣ дѣла и занятія наши совершаются непремѣнно въ извѣстномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время. Такъ, напр., прихожанинъ проситъ священно-служителей совершить какую-либо требу въ церкви или на дому. Духовенство облачается, отправляетъ службу, читаетъ молитвы, поетъ, совершаетъ кажденіе и пр. Вѣрующіе возжигаютъ свѣчи, творятъ крестное знаменіе, кладутъ поклоны, становятся на колѣна. Въ чемъ тутъ существо дѣла? Съ одной стороны въ рядѣ духовнѣйшихъ, умилительныхъ молитвословій и пѣснопѣній церковной службы, а съ другой въ томъ духѣ вѣры, съ которымъ христіанинъ пригласилъ священнослужителей, а священно-служители совершили богослужебное чинопослѣдованіе. Тоже самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ внѣшнихъ чинахъ и установленіяхъ церковныхъ. Такъ, существо плодотворнаго и спасительнаго поста не въ одномъ отказѣ отъ пищи и тѣлесномъ воздержаніи, а въ духѣ покаяннаго смиренія и сокрушенія, въ отрѣшеніи отъ самоугодія плоти. Истинный смыслъ и значеніе милостыни совсѣмъ не въ однихъ обѣдахъ для нищихъ или подачахъ по тюрьмамъ, богадѣльнямъ, на церковныхъ папертяхъ, а во внутреннемъ настроеніи милостивца, въ его искренней и сердечной любви къ

ближнему, въ его горячемъ стремленіи облегчить, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, горькую участь страждущаго и обремененнаго, по примѣру и заповѣди Спасителя и во славу Его святого имени. Что касается протестантскихъ упрековъ нашей церкви во множествѣ обрядовъ, то преосвящ. Θеофанъ замѣчастъ, что обиліе ихъ вполнѣ естественно и законно, такъ какъ у насъ и потребностей духовныхъ очень много. Церковь своими богослужебными чинами и другими учрежденіями обнимаетъ всего человѣка и всѣ его нужды. Она принимаетъ христіанина въ свои объятія тотчасъ по рожденіи, сопутствуетъ по всему теченію жизни и, наконецъ, провожаетъ въ загробный міръ, при чемъ заботливо установила освятительныя священнодѣйствія и молитвословія не только для общихъ всѣмъ людямъ, важнѣйшихъ моментовъ жизни, но и для многихъ частныхъ явленій ея, составивъ цѣлый рядъ богослужебныхъ послѣдованій на *всякую потребу*. Церковь щедро предлагаетъ вѣрующему все необходимое, что питаетъ духъ его и раститъ духовную жизнь. То она влечетъ насъ въ храмъ на молитву, то приглашаетъ къ таинствамъ, то постъ предлагаетъ, то мѣсто и образъ благотворенія указываетъ. Какъ наше тѣло растетъ и живетъ, принимая соки изъ разныхъ видовъ матеріальной пищи, такъ и духъ питается и живетъ, проходя многіе чины церковные и извлекая для себя сокрытыя въ нихъ духовныя стихіи. Какъ тѣлесное дыханіе освѣжаетъ и оживляетъ организмъ, такъ и хожденіе въ церковныхъ порядкахъ поддерживаетъ и оживляетъ весь составъ нашей нравственной природы. «Начинаю съ перваго укора, пишетъ преосв. Θеофанъ въ обличеніе протестантскаго ученія о православной обрядности, будто у насъ христіанство овеществлено, оплотянено, отѣлесено. Это, говорятъ они, (протестанты) смотря на наши церковные порядки, или нашу церковную жизнь, видимо и тѣлесно проявляемую и совершаемую. У васъ, говорятъ, все только обряды и обряды, и больше ничего. Исполнилъ обрядъ, и покоенъ, принимала ли въ томъ участіе душа, или нѣтъ.»

«Скажемъ имъ: христіанство въ высшей степени духовно, ибо благодатно; но не невидимо. И христіане истинные въ высшей степени духовны, ибо непремѣнно облагодатствованы; но не безплотны. Почему, при всей духовности—наивысшей, они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу, въ самыхъ духовнѣйшихъ движеніяхъ сердецъ своихъ. Отсюда слѣдуетъ, что смотря

на видимое, чѣмъ выражается христіанская жизнь въ церкви и христіанахъ, несправедливо все въ нихъ и ограничивать сею одною видимостію. Не справедливѣе ли, напротивъ, подъ этимъ видимымъ провидѣть невидимое и духовное, какъ въ словѣ мы осязательно встрѣчаемъ сокрытую мысль.»

«Иныхъ, можетъ быть, сбиваетъ въ семъ дѣлѣ съ толку слово—*обрядъ*. Пояснимъ значеніе сего слова. Возьмемъ богослужебную часть, потому что въ ней наиболѣе выражается церковная жизнь, или въ ней наиболѣе видна, прикрывая или и совсѣмъ закрывая собою другія части—подвиги и добротвореніе (постъ и милостыню). Что есть каждое священнослуженіе? *Рядъ* молитвъ читаемыхъ, поемыхъ и мысленно къ Богу возносимыхъ. Въ этомъ существо священнослуженія. Но какъ мы заключены въ пространство и время; то всякое такое служеніе требуетъ своего времени, своего мѣста и порядка, своей обстановки, *обряда*, того, что неизбѣжно обстоитъ рядъ молитвъ, хотя не составляетъ существа служенія. Священникъ въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ положено въ церкви, совершаетъ свое священнослуженіе, при чемъ и онъ, и причтъ, и христіане присущіе держатъ себя въ извѣстномъ положеніи. Все сіе есть *обрядъ*. Но существо дѣла не въ этомъ внѣшнемъ, а въ *рядѣ* молитвословій, совершаемыхъ при семъ. Это же все привходитъ, потому что мы пространственны и временны и что ни станемъ дѣлать, дѣлаемъ въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ. И кто бы сталъ въ этомъ полагать существо дѣла, сдѣлалъ бы большую ошибку. Возьмемъ простое дѣло—писаніе письма. Тутъ перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебѣ и своимъ положеніемъ приспособиться къ писанію. Но все это внѣшняя обстановка,—такая, что безъ нея не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо въ умѣ и сердцѣ образуется. Когда потомъ оно обычнымъ порядкомъ выразится на бумагѣ, совершится письмописаніе и явится письмо. Зародившееся въ душѣ вызвало соотвѣтственное дѣйствованіе тѣломъ, и явилось дѣло совершенное. Таково и всякое священнослуженіе и молитвословіе. Возбуждается въ духѣ потребность и желаніе вознестись къ Богу съ прошеніемъ или благодареніемъ. Это вызываетъ извѣстное молитвенное дѣйствованіе тѣломъ, которое, бывъ совершено, являетъ дѣло молитвы, или молитву совершенную,—въ коей внутреннее и духовное сочетано съ внѣшнимъ и тѣ-

лѣснымъ. Смотря на пишущаго письмо, ты не думаешь, что во внѣшнемъ положеніи пишущаго и въ порядкѣ его дѣйствованія всѣ дѣло письмописанія. Не думай и не говори тогоже и о молитвѣ и служеніи Богу, видимо тѣломъ совершаемыхъ. Вотъ примѣръ. Старушка проситъ священника отслужить панихиду на могилѣ сына или дочери, внука или внучки. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и идетъ на могилу; причетникъ несетъ кадило и свѣчу. Смотри издали, что тамъ дѣлается на могилѣ? Священникъ читаетъ и кадитъ, причетникъ постъ, старушка кладетъ поклоны, стоя на колѣняхъ. Затѣмъ почитали, попѣли, покадили и пошли назадъ. Дѣло поминовенія совершено. Но въ чемъ тутъ существо дѣла? Въ томъ духѣ вѣры, который подвигъ старушку пригласить священника совершить церковное поминовеніе; въ такомъ же или сильнѣйшемъ духѣ вѣры, съ которымъ священникъ началъ, продолжалъ и кончилъ *рядъ* положенныхъ молитвословій. А прочее все что есть? Прочее все есть обрядъ, обстановка, неизбѣжная по условіямъ нашего теперешняго существованія, не случайная однакожъ, но соотвѣтствующая какъ значенію сего служенія, такъ и настроенію совершающихъ и участвующихъ въ немъ. Тутъ сочетано внутреннее и внѣшнее, духовное и тѣлесное. И кто остановился бы вниманіемъ на одномъ внѣшнемъ, не проходя до внутренняго и все существо служенія сего постановилъ бы во внѣшнемъ, не думая о внутреннемъ, тотъ обнаружилъ бы грубое невѣдѣніе дѣла »

«Таковы всѣ наши церковные молитвенные обряды. Они всѣ совмѣщаютъ въ себѣ духовнѣйшія молитвословія, и кто совершаетъ ихъ, или участвуетъ въ совершеніи ихъ, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ духомъ ходитъ, выражая то и рядомъ внѣшнихъ дѣйствій. Стало быть, нельзя говорить, что у насъ въ церковной жизни оплотянено, отѣлесено христіанство, и мы--только внѣшніе христіане.»

«Такъ много слишкомъ у насъ обрядовъ, говорятъ ваши отступники, продолжаетъ преосв. Ѳеофанъ; мы себя облѣпили ими такъ, что за ними не видно никакой въ насъ духовности. А иные, можетъ быть, прибавляютъ: и все это безъ всякой нужды и пользы.»

«Много? Пусть много. Чтожъ? Досадовать ли и горевать отъ этого? Въ какомъ домѣ всего много, охаютъ тамъ отъ того? Церковь есть домъ Божій. Если въ ней много всего, по экономіи, какая въ ней ведется, т. е. по устроенію спасенія чадъ ея, и слава Богу! Когда видишь домъ всѣмъ полный,

духъ радуется; а когда въ какомъ домѣ дворъ пустъ и всюду хоть шаромъ покати, какое безотрадное оставляетъ это чувство.»

«Много у насъ церковности отъ того, что насъ много, и потребностей у насъ много. Попечительная матерь наша—церковь, Главою своимъ руководимая, и заготовила все благопотребное, хранитъ то и иждиваетъ щедро на насъ—чадъ своихъ, въ подобающее время и въ должной мѣрѣ. Перечислять ли все? Но вотъ общѣйшее!»

«Нужны тебѣ наставленія,—иди въ церковь, слушай и смотри. И чрезъ ухо, и чрезъ око польются въ тебя всякаго рода уроки. Слушай апостолъ, евангеліе, пророковъ, и поучайся: внимай пѣснопѣніямъ, и вразумляйся; смотри на священнодѣйствія, и возносись горѣ, вникая въ значеніе ихъ и смыслъ; видишь изображенія, помнинай славныя дѣла изображенныхъ и порывайся подражать имъ, если то лица, или прославляй Бога, дивнаго въ милости и правдѣ, если то событія. Въ церкви и неграмотные становятся не меньше грамотныхъ, вѣдцами Божіихъ таинъ спасенія, если внимаютъ. Чувствомъ долга понуждаешься жертву приносить Богу, Творцу своему, Промыслителю и Спасителю, иди въ церковь. Здѣсь каждодневно приносится безкровная жертва Богу,—тѣло и кровь Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умилостивлять Его. Но пріобщайся къ сему жертвоприношенію и самъ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, и приноси на олтарь Господень слезу, чтобъ она вмѣстѣ съ безкровною жертвою восходила предъ лице Бога и, напоминая Ему о тебѣ, низводила на тебя Его благоволеніе и благословеніе.»

«Желаешь ли навыкнуть молитвѣ и получить руководство въ ней? О! этимъ паче всего богата святая церковь. Она и готовыя молитвы дастъ тебѣ, и научитъ самого своими словами возноситься къ Богу въ молитвѣ. Въ ней все молитва, и всякій найдетъ тамъ молитвы всякаго рода и на всякій случай. Потребность молитвы во время обращенія, какъ искра, западаетъ въ сердце, дѣйствіемъ благодати, таинственно возвращаемой и возстановляемой. Въ пламень же сія искра разгорается вѣяніемъ воздуха церковнаго во время участія въ молитвенныхъ послѣдованіяхъ церковныхъ. Внимай молитвамъ читаемымъ и поемымъ въ церкви,—напрягайся и самъ составлять свои молитвы, когда приглашаемъ бываешь къ тому (ектеніями); и молитва твоя скоро придетъ въ движеніе, напряжется, окрѣпнетъ и начнетъ быть изъ сердца, какъ струя изъ неистощимаго родника.»

«Имѣешь ли нужду смирить плоть, врага самаго близкаго, безотвязнаго и льстиваго? Вотъ тебѣ въ пособіе и руководство постъ за постомъ. Се—середа; не успѣешь повернуться, какъ подошла и пятница; пройдетъ нѣсколько недѣль, настаетъ большой постъ, за нимъ опять чередованіе дневныхъ постовъ; а тамъ опять другой большой постъ. Такъ круглый годъ. Умѣй этимъ пользоваться, и будешь имѣть плоть смиренною, и въ ней, таковой, вмѣсто вреда самаго благопотребнаго помощника. Если палъ и имѣешь нужду очистить совѣсть свою, эти же посты даютъ тебѣ и сильное къ тому побужденіе и благопріятное время. Поговѣй, исповѣдуйся, причастись св. Христовыхъ таинъ, и, ставъ такимъ образомъ твердою ногою опять на должный путь, теки имъ бодренно.»

«Имѣешь ли какую частную потребность? На всякую, какая бы она ни была, найдешь въ церкви благопотребное удовлетвореніе. Помыслы ли смущаютъ, духи ли стужаютъ, скорбь ли тяготитъ, въ путь ли собираешься, или дома что начинаешь, на все это и другое многое найдешь въ церкви и молитву ходатайственную, и священнодѣйствіе освятительное, и руководство указательное.»

«Объ источникахъ благодати, св. таинствахъ, не говорю; не говорю и о постоянномъ руководствѣ въ духовной жизни и образцахъ для нея. Самъ знаешь, что этимъ богата св. церковь, и только церковь православная.»

«Видишь ли теперь, что нельзя не быть у насъ многому? Много у насъ потребностей, которыя не пресѣкаются, а требуютъ своего всю жизнь, начиная съ минуты рожденія до смерти. Св. церковь такъ и обнимаетъ своею церковностію всего человѣка и во всю жизнь; она принимаетъ его въ свои объятія тотчасъ по рожденіи, сопутствуетъ ему по всему теченію жизни и препровождаетъ его на тотъ свѣтъ. И какъ это благотворно! Міръ окружаетъ насъ со своими прелестями и духи злобы съ своими кознями. Св. церковь, всесторонне окружая насъ своею церковностію и совсѣмъ закрывая ею, и духъ міра отвѣваетъ отъ насъ и стрѣлы духовъ злобы отражаетъ. И выходитъ, что ходящій по всѣмъ уставамъ церковности есть какъ въ непроницаемую броню облеченный, или какъ подъ мощныя крылья укрывшійся, или какъ въ несокрушимую крѣпость запрятанный. Что это не пустыя слова, знаютъ тѣ, которые проводятъ дни свои въ смиренной покорности всему церковному, освящаемой и оживляемой искреннею вѣрою. Спроси, кто хочетъ ихъ, и

удостовѣришься, сколь великое сіе есть благодѣяніе. А отчуждившіеся отъ всего церковнаго что суть? Что раздѣтый на морозѣ, что безоружный среди враговъ, что безкровный, голый и голодный, не имѣющій гдѣ главу подклонить.»

«Такъ слава Богу, что въ церкви всего много. И тяготиться этимъ нечего; да и не приходится тяготиться. Ибо судя по тому, какъ каждому надо бываетъ участвовать въ церковныхъ чинахъ, можно сказать, что на каждаго приходится очень немного. Помолиться по уставу церкви, утромъ и вечеромъ, предъ столомъ и послѣ стола, предъ началомъ дѣла и по окончаніи его, вотъ и все въ иной день. Въ иной день, кромѣ того, надо бываетъ сходить еще въ храмъ, чтобъ или только помолиться обще со всѣми, или и частную какую свою исправить потребу. Много ли это? Въ семьѣ въ иной годъ и никакой не бываетъ потребы, ради коей слѣдовало бы приглашать церковь, въ иной одна какая. Такъ на всякаго вовсе немного падаетъ церковности. Церковь же многое содержитъ и блюдетъ на всякій случай, всегда готова бывая съ своею помощію.»

«Въ церкви Божіей ничто не заведено безъ нужды. Что ни учреждено ею, учреждено въ удовлетвореніи потребностей духовныхъ, потребностей не придуманныхъ, а живыхъ, жизнію вызванныхъ. Ктому же учреждаемое учреждалось по благоизволенію Господа, Главы церкви, въ духѣ Его, и сообразно съ обѣтованіями. Безъ Господа ничто не вошло въ церковь, ни большое, ни малое; ибо она воистинну есть живое тѣло Его, Имъ живущее. Въ нѣкоторомъ отношеніи можно различать только степени нужности и важности содержимаго церковію: необходимое, полезное, утѣшительное,—такъ какъ и потребности такихъ же родовъ бываютъ. Въ обычныхъ нашихъ житейскихъ домахъ иное таково, что безъ него домъ —не домъ, существенно необходимо; иное имѣется и держится, какъ полезное; иное служитъ только къ украшенію дома или къ удовольствію живущихъ; иное заведено и бережется на случай. И церковь есть домъ, Божій домъ, и все надобное, въ своемъ лишь родѣ, должно быть и въ ней. И есть. Есть въ ней существенно необходимое, безъ чего церковь—не церковь (священство, таинства, службы, посты, благотворительныя учрежденія), есть такое, что принято и держится, какъ спасительное и душеполезное—(иконы), есть такое, что утѣшаетъ и услаждаетъ чадъ ея—(пѣніе). Какой хозяинъ станетъ выбрасывать вещи изъ дома потому только, что и безъ нихъ домъ—все-же

домъ? Ибо для живущихъ въ домѣ и пріятное нужно, и безъ того, что служитъ только къ украшенію его, скучно жить; а полезное въ то время, какъ потребуется отъ него польза, становится необходимымъ. Такъ и сущаго въ церкви не слѣдуетъ касаться дерзкою рукою самочинія, а принимать все въ томъ качествѣ, какъ оно заведено и держится. Въ ней все назидательно и питаетъ духъ вѣрующихъ, имѣющихъ очи и умѣющихъ видѣть.»)

Въ связи съ рѣшеніемъ тогоже вопроса о церковной обрядности преосвящ. Θеофанъ разбираетъ неправильное протестантское ученіе о христіанскихъ праздникахъ и въ наше назиданіе даетъ слѣдующее разъясненіе необходимости и важнаго значенія ихъ: «Праздники установлены для воспоминанія благодѣяній Божіихъ и для воздаянія благодаренія за нихъ Всемилостивому Богу. Можно воспоминать сіи благодѣянія и благодарить за нихъ каждый день, какъ и дѣлаетъ св. церковь въ своихъ каждодневныхъ службахъ. Но Божіи благодѣянія столь велики, что заразъ обнять ихъ всѣ во всей силѣ нельзя; не объявши ихъ вполнѣ, нельзя вполнѣ и возчувствовать ихъ благотворности; не возчувствовавши благотворности, нельзя и благодаренія возъимѣть соотвѣтствующаго имъ. Посему-то, несмотря на всегдашнее воспоминаніе сихъ благодѣяній, св. церковь назначаетъ на воспоминаніе каждаго изъ нихъ особый день,—тотъ, въ какой оно явлено намъ, насколько сіе можно опредѣлить. Въ этотъ день ужъ всѣ мысли вѣрныхъ обращаются къ одному воспоминаемому благодѣянію, чтобъ полнѣе его уразумѣть, возчувствовать и благодарно прославить. Вотъ и праздникъ. Отсюда выходитъ, что сколько обязательно наисовершеннѣйше благодарить Бога за благодѣянія Его намъ, столько же обязательно и праздники имѣть; далѣе,—если неблагодарный Богу нечествуетъ, то нечествуетъ и праздниковъ непраздноющій».

«Кромѣ того, праздники, какъ и весь богослужебный чинъ нашей св. церкви, имѣютъ воспитательное значеніе. Они вѣру оживляютъ и углубляютъ, давая поводъ къ уясненію и большему уразумѣнію догматовъ. По теченію времени года, праздники, выдвигаясь одинъ за другимъ, представляютъ вниманію и размышленію христіанскому то одинъ, то другой догматъ. Церковныя пѣснопѣнія излагаютъ его благоукрашенно, чтенія изъ писанія въ церкви опредѣляютъ его словомъ Божіимъ, по-

*) Тамъ же стр. 125—141.

ученія пастырскія изъясняютъ его и прилагаютъ къ жизни, по опытамъ жизни. И все сіе слагается въ душу празднующаго. Такъ круглый годъ идетъ догматическое обученіе вѣрующаго.»

«Они воспитываютъ также духъ благочестія и жизнь по вѣрѣ. Ибо отрывая отъ житейскаго и къ духовному обращая вниманіе, возгрѣваютъ въ душѣ небесныя чувства или даютъ ей вкусить и питаться небесными благами. Для обремененнаго житейскимъ, желающаго однакожъ и небеснаго, это тоже. что изъ душной комнаты выходъ на освѣжительный чистый воздухъ. Это бываетъ вообще отъ впечатлѣнія, какое оставляетъ въ душѣ одно присутствіе въ церкви, видомъ своимъ представляющей небо, особенно же возбужденіемъ молитвенныхъ къ Богу восхожденій и благоговѣйнаго настроенія самою службою. Кто какъ слѣдуетъ совершитъ праздникъ въ церкви по церковному, тотъ едвали уклонится въ тотъ день и далѣе на что-либо небогоугодное. А иной праздникъ свѣтъ свой бросаетъ отъ себя иногда далеко впередъ. Во все это время, возгрѣтыя въ день его чувства не отходятъ,—и продолжаютъ держать благотворное въ душѣ настроеніе.»

«А безъ праздниковъ, нынѣ житейское, завтра житейское, и послѣ завтра тоже, и такъ безъ конца. Чего ожидать отъ такого порядка, кромѣ оземленія всѣхъ помышленій и чувствъ? Люди праздные, безъ трудовъ имѣющіе все вдоволь, могутъ и при этомъ почитать и помолиться, а рабочіе и трудящіеся не имѣютъ этой возможности. И слѣдствіемъ безпраздничности непремѣнно должно быть оскудѣніе благочестиваго духа. Ктому же работающему и отдохнуть надо, чтобъ собраться съ силами, а безъ праздника стыдно это позволять.—Такимъ образомъ безпраздничность и духъ подавляетъ, и тѣлесныя силы изможаетъ.» *)

3) Въ получавшихся преосв. Θеофаномъ письмахъ не разъ встрѣчались нападки на свободу человѣческаго духа и даже полное отрицаніе ея. Многихъ корреспондентовъ особенно смущалъ вопросъ объ отношеніи свободы ко всевѣдѣнію и предопредѣленію Божію. Въ отвѣтахъ на письма святитель подробно изложилъ свое ученіе объ этомъ важномъ предметѣ. Онъ является горячимъ поборникомъ человѣческой свободы, признаетъ ее самымъ существеннымъ свойствомъ нашей нравственной природы и настолько высокимъ и цѣннымъ, что, по его мысли, Самъ Господь не вмѣшивается и не стѣсняетъ ея. Отрицающіе свободу лишаютъ человѣка самаго важнаго преимущества. Это

*) Тамъ же—107 стр.

обычно люди или слабовольные или совершенно равнодушные и небрегущие о духовной жизни, отрицаніемъ свободы желающе прикрыться и оправдать свою нравственную безпечность и распущенность, слагая вину на другихъ и обстоятельства. Ученіе писателя иллюстрируется цѣлымъ рядомъ примѣровъ и доказательствъ изъ обычной, повседневной жизни, а также изъ исторіи библейской и церковной, особенно изъ эпохи гоненій, когда христіанская свобода ярко просіяла на весь міръ въ лицѣ мучениковъ и исповѣдниковъ, не смотря на принятыя со стороны гонителей страшныя усилія и по истинѣ безчеловѣчныя средства къ подавленію ея. Преосв. Ѳеофанъ вчастности рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи свободы воли ко всевѣдѣнію и предопредѣленію Божію. Сдѣлавъ предварительно замѣчаніе о томъ, что опредѣленія Бога о судьбѣ людей суть сокровенные совѣты Его, для насъ до ясности непостижимые, и упрекнувъ современное, слабое въ вѣрѣ человѣчество за то, что оно настойчиво стремится вездѣ и все подвергать разрушительному анализу своего ограниченнаго, но кичливаго разума, требуя осязательныхъ доказательствъ даже для таинъ царствія Божія, святитель подробно останавливается на разборѣ возраженій противъ совмѣстнаго существованія свободы и предопредѣленія. Возражающе обычно признаютъ предопредѣленіе Божіе причиною того или иного склада и уровня духовной жизни предопредѣленнаго, говорятъ, что оно стѣсняетъ и даже уничтожаетъ волю и потому дѣлаетъ людей нравственно-невмѣняемыми. Преосв. Ѳеофанъ находитъ подобное положеніе ложнымъ, обстоятельно развиваетъ и авторитетно доказываетъ совершенно противную мысль. По его убѣжденію предопредѣленіе не основаніе и причина, а прямой выводъ и естественное слѣдствіе изъ всей жизни предопредѣляемаго. Человѣкъ напередъ предназначается къ извѣстному нравственному состоянію потому, что такая именно, а не иная будетъ его жизнь, которую Богъ отъ вѣчности знаетъ и предвидитъ. О нарушеніи, а тѣмъ болѣе объ уничтоженіи свободы тутъ не должно быть и рѣчи. «Вы атакуете свободу, пишетъ преосвященный одному корреспонденту, обуреваемому религіозными сомнѣніями, будто все строится такъ, что хочешь не хочешь, а дѣлай.—Стоитъ только повнимательнѣе просмотрѣть дѣла свои, хоть въ одинъ день, или въ полдня, и увидишь, что все мы сами дѣлаемъ, и дѣлаемъ потому, что такъ хотимъ. Кто васъ привелъ на Вышу?—Связаннымъ приволокъ кто, или сами рѣшились и пріѣхали? То, что вы называете понужде-

ніемъ, есть побужденіе, безъ котораго свободныя дѣла не дѣлаются. Но побужденіе не есть необходимость дѣлать, а предложенье дѣла. Дѣло предлагается, душа обсуждаетъ—сдѣлать ли, и рѣшаетъ дѣлать или нѣтъ. Этого рѣшенія у души вынудить никто не можетъ. Сама рѣшаетъ. Сюда и Божеская сила не заходитъ, и никакимъ мановеніемъ свободы души не связываетъ.»

«Прародители пали. Почему? Нашли, что лучше будто не исполнять заповѣди и нарушили ее. Змій предлагалъ. Ева разсуждала и нашла, что онъ не худо предлагаетъ,—и по этому своему смышленію рѣшила сорвать плодъ и вкусить. Рѣшенія этого никто не вынуждалъ.»

«То же и духи пали, конечно, вслѣдствіи разсужденія и своеличнаго рѣшенья, что лучше не слушать Бога, а жить по своему смышленію. Разсудили такъ и отпали отъ Бога. Рѣшенія этого никто не вынуждалъ.»

«Такъ и всякая душа дѣйствуетъ. Побужденій можетъ быть много и самыхъ сильныхъ и понудительныхъ, а рѣшенье всегда отъ воли души зависитъ. Она можетъ рѣшить и наперекоръ всѣмъ понудительнымъ побужденіямъ. Возьмите мучениковъ. Предлежатъ орудія мученій, обѣщается покойная жизнь, иногда сбоку стоятъ мать и отецъ и уговариваютъ бросить нѣсколько ладону въ жаровню предъ идоломъ; иногда кромѣ этого и жена молодая и любимая и еще съ ребенкомъ. Сколько понужденій! А мученикъ рѣшаетъ совсѣмъ наперекоръ имъ. Не свободенъ ли онъ?! «Человѣкъ всегда свободенъ. Свобода дана ему вмѣстѣ съ самосознаніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ существо духа и норму человѣчности. Погасите самосознаніе и свободу, вы погасите духъ, и человѣкъ станетъ не человѣкъ. Утверждая, что человѣкъ имѣетъ свободу двигаться вверхъ и внизъ по степенямъ жизни своей, я не утверждаю вмѣстѣ съ симъ, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли внизъ идетъ онъ, или снизу вверхъ, или что эти движенія могутъ совершаться въ немъ также быстро и часто, какъ переходы изъ одной комнаты въ другую, бывающіе по нѣсколько разъ въ день. Я хочу этимъ только сказать, что человѣкъ, себя сознающій и свободный, есть виновникъ своего состоянія внутренняго, и что если онъ, попавъ въ такое состояніе, котораго одобрить нельзя, остается въ немъ, то самъ виноватъ въ томъ, и отвѣтенъ предъ Богомъ и людьми.» *)

«Сознавши такимъ образомъ что свободное рѣшенье всегда

*) Что есть духовная жизнь. Стр 45—46.

отъ насъ, вы должны положить, что всевѣдѣніе Божіе не имѣетъ на него опредѣляющаго вліяніе. Да этотъ вопросъ давно рѣшенъ, и очень удовлетворительно. Именно, Богъ предвидитъ, потому что видитъ свободныя рѣшенія ваши. Эти рѣшенія составляютъ предметъ всевѣдѣнія, и составляютъ его въ томъ видѣ, въ какомъ являются, именно, какъ свободныя рѣшенія. Не все, что предвидитъ Богъ, то и опредѣляетъ. Богословы различаютъ въ Богѣ опредѣленіе и попущеніе. Что опредѣляетъ Богъ, то такъ и бываетъ, какъ Онъ опредѣлятъ, а что попущаетъ, то можетъ и не быть такъ, какъ бываетъ, хотя Богъ и предвидитъ бываніе того.»

«Таково паденіе прародителей и духовъ. Они свободно пали, хотя Богъ предвидѣлъ то. Со стороны Божіей все сдѣлано, чтобы не пали. Ясно сказано прародителямъ: не ѣшьте. И послѣдствія указаны. Подобное сему надо предполагать и у духовъ падшихъ.»

«Не послушали, кто виноватъ? Зачѣмъ попустилъ Богъ? Затѣмъ, что иначе надлежало отнять свободу или уничтожить въ мірѣ свободную тварь. Но безъ этого міръ былъ бы гораздо ниже, чѣмъ теперь есть. И попустилъ Богъ пасть, устроивъ образъ возстанія отъ паденія. Мы идемъ къ возстанію путемъ борьбы съ противностями. Таковъ законъ! И всѣ, которые слѣдуютъ ему, вѣнчаются успѣхомъ.»

«Что у духовъ, не знаемъ. Но поелику свобода ихъ свободна, то до рѣшенія суда и ихъ возстаніе возможно, какъ возможно паденіе свѣтлыхъ силъ. Будетъ ли оно, или не будетъ, не намъ рѣшать. Но возможности сего отвергать нельзя.» *)

«Спрашиваете, говорится въ другомъ письмѣ, какъ такъ,— предуставленные увѣровали?... стало быть,—которые не увѣровали, не предуставлены. Чѣмъ же они виноваты? Недоумѣніе ваше стоитъ на мысли, что одни вѣруютъ, потому что предуставлены, а другіе не вѣруютъ, потому что не предуставлены. Мысль невѣрна: ибо дѣло бываетъ наоборотъ: предуставленіе отъ увѣрованія, а непредуставленіе отъ неувѣрованія. Видитъ Богъ напередъ жизнь человѣка въ цѣломъ... и рѣшаетъ сему быть въ числѣ вѣрующихъ и спасенныхъ, а сему не быть... Опредѣленіе Божіе есть выводъ изъ всей жизни человѣка; сама же жизнь течетъ и по склоненіямъ произволенія, и по воздѣйствію на нее Божескаго Промышленія и внутри и вовнѣ... Богъ все дѣлаетъ, чтобъ вразумить человѣка. Если послѣ всѣхъ попеченій о немъ, видитъ его нехотящимъ исправ-

*) Собр. писемъ вып. 8 стр. 213—215.

ляться, то оставляетъ его, какъ бы говоря: ну, дѣлать нечего, оставайся. Богъ не хочетъ смерти грѣшника; но и произволенія не насилуетъ, и только все дѣлаетъ для склоненія произволенія на добро. Все такое Онъ предвидитъ о каждомъ, и какъ предвидитъ, такъ и опредѣляетъ. Такимъ же образомъ рѣшается и то, какъ Богъ уши закрываетъ, чтобы не слышали и еще—какъ ожесточаетъ... Богъ все употребляетъ, чтобы образумить человѣка: одно не смиряетъ его, другое дѣлаетъ для него; другое безуспѣшно, третье употребляетъ... такъ до конца. Кто покоряется, тотъ спасается; и кто не слушается, начиная съ перваго вразумленія до послѣдняго, тотъ все болѣе и болѣе ожестѣваетъ, наконецъ дѣлается никуда негожимъ и неисправимымъ. Вотъ этотъ итогъ и означается словами: уши закрылъ Богъ, или ожесточилъ... Это образъ Божія опредѣленія такого: больше нечего Мнѣ для тебя сдѣлать, чтобъ ты услышалъ,—не услышишь больше ничего, оставайся, какъ глухой... То же и объ ожестѣніи...»

«Возьмите себѣ за правило—въ подобныхъ недоумѣніяхъ напомнить уму своему, что предопредѣленія Божіи, относительно ли отдѣльно каждаго человѣка, или относительно цѣлыхъ народовъ суть сокровенные совѣты Божіи, для насъ до ясности непостижимы. Въ томъ же, что непостижимо, тотчасъ надо заставлять умъ свой подклоняться подъ иго вѣры, или прибѣгать подъ кровъ вѣры. Нынѣ удержа нѣтъ отъ совопросничества. Все требуютъ доводить до яснаго разумѣнія. И слушать ничего не хотятъ... вынь да положь. Какъ Богъ единъ и троиченъ? Какъ Богъ Сынъ воплотился, будучи безпредѣленъ? Какъ Божія Матерь приснодѣва? Какъ хлѣбъ и вино—тѣло и кровь Господа?... Апостолъ говоритъ: велія благочестія *тайна—Богъ явися во плоти.* Зачѣмъ же сюда лѣзть со своимъ мудрованіемъ? То же и о всемъ надо смиренно подчиняться опредѣленіямъ вѣры, изшедшимъ изъ устъ Божіихъ, хотя то и непостижимо для ума. Въ чемъ поклоненіе ума Богу? Въ покорномъ принятіи глаголовъ Его, яко истиннѣйшихъ. Еслибъ вамъ кто сказалъ: упритесь-ка плечемъ въ домъ и сопхните его подъ гору. Стали бы вы это дѣлать? Конечно нѣтъ, зная, что это невозможно. А если бы стали, не имѣли-ль бы видящіе сіе права подумать, что у васъ голова не въ порядкѣ... Вотъ этого приговора заслуживаютъ всѣ, кои пытаются разгадать тайны Божіи, о которыхъ Самъ Богъ сказалъ, что онѣ непостижимы. Нынѣ мы *вѣрою* ходимъ, а не *видѣніемъ*. Ста-

раться приближать къ нашему пониманію тайны Божіи, съ покорностію вѣрѣ, нѣтъ грѣха; но блаженнѣе тѣ, кои не видя вѣруютъ». *)

4) Въ заключеніе приведемъ письмо по слѣдующему поводу. Одинъ бывшій богачъ пишетъ преосв. Ѳеофану, что онъ лишился всего имущества, самъ и семья остались безъ хлѣба, что онъ ропщетъ на Бога и готовъ наложить на себя руки. И съ Выши не замедлило послѣдовать пространное посланіе, полное духовной мудрости и глубокаго житейскаго опыта, съ сердечнымъ желаніемъ утѣшить и облегчить горе пишущаго, разъяснить значеніе его матеріальнаго и нравственнаго положенія. «Было, говоришь, состояніе, а теперь ничего нѣтъ, даже хлѣба насущнаго. Кто можетъ сказать, что это не горестно? Крайне горестно. Но помяни Іова—воодушевись. Ты, конечно, не столько потерялъ, сколько онъ. Тѣмъ легче тебѣ усвоить то, что онъ говорилъ и чувствовалъ: *Господь даде, Господь отъятъ. Якоже Господеви изволися, тако и бысть.* Въ отношеніи къ имуществу мы у Господа—приставники, а онъ—хозяинъ. Одного къ одному приставляетъ, другого къ другому, и перемѣняетъ приставниковъ, какъ находитъ лучшимъ. Былъ ты приставленъ къ немногому, а теперь отставленъ. Потерпи немного. Можетъ быть, Владыка всего приставитъ тебя къ другому чему. Іовъ и все потерялъ, и самъ сталъ ни къ чему не гожъ, а все не падалъ духомъ. Ты же еще на ногахъ и здоровъ, а растерялся и руки опустилъ. Легко, скажешь, говорить: потерпи, но какъ терпѣть-то?! Ѣсть надо, а нечего. Съ голоду умрешь. Ну, это ты немного увеличиваешь свою бѣду. Когда общій голодъ, тогда конечно умираютъ съ голоду, а когда кругомъ всѣ въ довольствѣ, какъ умереть съ голоду? Проси. Никто не откажетъ въ кускѣ хлѣба и въ другомъ, безъ чего жить нельзя. Стыдно? Что дѣлать? Смирись, когда смирилъ тебя Господь. Смиреніемъ расположишь другихъ еще къ большему состраданію. И кое-какъ устроишься. А тамъ Господь пошлетъ и лучшее что. Ты говоришь, что готовъ бы пойти въ услуги. И прекрасно. Иди, не стыдись. А если и жена можетъ тоже сдѣлать, еще лучше. Ни одного положенія нѣтъ низкаго. Низко одно—быть неисправнымъ и въ чемъ либо не вѣрнымъ, И водовозъ и дровосѣкъ—почтенны, и пользуются въ самомъ дѣлѣ почетомъ, когда, какъ слѣдуетъ, работаютъ. Господь никогда не оставляетъ, а только даетъ разныя поло-

*) Собраніе писемъ. Изданіе Душе-полезнаго Чтенія. Стр. 64—66.

женія и состоянія и перемѣняетъ ихъ для иныхъ. Если бы Господь тебя оставилъ, то тебя уже не было бы и на свѣтѣ. О томъ, будто лучше покончить съ собою, я и говорить не буду. Нелѣпость этого сама собою очевидна. Конечно ты вѣруешь въ будущую жизнь. Разсуди же! Ты самъ себя произвольно въ здоровомъ умѣ лишишь жизни, и совершишь смертный грѣхъ, съ которымъ перейдешь и въ другую жизнь, не покаявшись: ибо когда тутъ каяться? Почему прямо и будешь осужденъ въ адъ. Какое же это будетъ поправленіе своего положенія? Убьешь себя, чтобъ избыть отъ бѣды, и за то попадешь въ безмѣрно большую бѣду, вѣчную, неизмѣнную. Пока тутъ бѣдствуешь, можешь питать надежду на томъ свѣтѣ за это лучшей сподобиться участи; а на томъ свѣтѣ ужъ не будетъ такой надежды. Попадешь въ адъ, тамъ и останешься. Вотъ какую внушаетъ тебѣ врагъ поправку положенія твоего горькаго.—А если будешь благодушно терпѣть, то и здѣсь, можетъ быть, поправишься, и на томъ свѣтѣ милость встрѣтишь. Благодушествуй же и терпи, помня слово Господа, что претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ.» [1])

IX.

ИСТОЛКОВАТЕЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ жизненнаго подвига преосв. Ѳеофана являются его замѣчательные труды по изъясненію Слова Божія. Въ нихъ святитель настойчиво стремился къ тому, чтобы дать обстоятельное толкованіе всѣхъ библейскихъ книгъ, въ особенности Новаго Завѣта; но постоянно отвлекаемый многими другими серіозными занятіями и заботами не могъ привести въ исполненіе своего желанія и успѣлъ написать слѣдующія сочиненія: толкованія на всѣ посланія ап. Павла, кромѣ посланія къ Евреямъ, [2]) на псалмы 118 и 33 и евангельскую исторію о Богѣ Словѣ. Свои труды экзегетъ главнымъ образомъ сосредоточилъ на посланіяхъ св. ап. Павла потому, чтобы прежде всего удовлетворить неотложную нужду церкви. Другія новозавѣтныя писанія имѣли, хотя краткія, по его замѣчанію, толкованія покойнаго преосвящ. Михаила. Изъясненія же твореній великаго апостола языковъ совсѣмъ не было въ нашей духов-

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Стр. 288—295. [2]) По смерти преосв Ѳеофана была найдена рукопись только съ началомъ изъясненія посл. къ Евреямъ.

ной литературѣ. При обозрѣніи истолковательныхъ сочиненій прежде всего необходимо установить вопросъ о томъ, къ чему авторъ главнымъ образомъ стремился въ нихъ, какая была важнѣйшая задача и цѣль его. Самъ экзегетъ даетъ довольно ясный и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: «Богатство псалма сего, говорится во введеніи къ изъясненію 118 псалма, и расположило насъ посвятить размышленію о немъ достойное время и предложить то вниманію богобоязненныхъ и ревнующихъ о спасеніи своемъ христіанъ, въ той увѣренности, что это хоть какую-нибудь принесетъ имъ нравственную пользу.» Таже мысль еще опредѣленнѣе выражена при толкованіи 33 псалма: «Предлагаемыя замѣтки вызваны желаніемъ не столько дать ученое толкованіе псалма, сколько представить опытъ, какъ обращать въ созиданіе духовное столь употребительныя въ церкви Давидскія пѣсни, извлекая изъ нихъ уроки для упорядоченія своихъ мыслей и добраго настроенія своего сердца и всей жизни.» Слѣдовательно, важнѣйшая цѣль изъясненія Слова Божія по ученію преосв. Ѳеофана должна быть нравоучительная и назидательная. При толкованіи священнаго текста его главнымъ образомъ занимаютъ нравственные вопросы; онъ прежде всего стремится извлечь заключающіяся въ немъ практическія истины, которыя бы послужили дѣлу упорядоченія и созиданія нашей духовной жизни. Подобное направленіе истолковательныхъ трудовъ святителя опредѣляется съ одной стороны взглядомъ его на значеніе Св. Писанія для христіанской жизни, а съ другой стороны съ необходимою логическою послѣдовательностью вытекаетъ изъ общаго направленія его литературной дѣятельности и даже всего его личнаго жизненнаго подвига. Преосв. Ѳеофанъ смотритъ на Слово Божіе не только какъ на источникъ теоретическихъ религіозныхъ знаній, но и главнымъ образомъ какъ на живое и дѣйственное руководство въ нравственной жизни. Въ немъ не только божественное, откровенное ученіе, но и дѣйствительная благодатная сила, «яже къ животу и благочестію.» «Внимающій Слову Божію *собираетъ* свѣтлыя понятія о всемъ, что въ немъ и что около и что выше его; *выясняетъ* свои обязательныя отношенія во всѣхъ случаяхъ жизни, и святыя правила, какъ драгоцѣнные бисеры, нанизываетъ на нить совѣсти, которая потомъ точно и опредѣленно указываетъ, какъ когда поступить въ угодность Господу; *украшаетъ* страсти, на которыя чтеніе Слова Божія дѣйствуетъ всегда успокоительно. Какая бы ни

волновала тебя страсть, начни читать Слово Божіе, и страсть будетъ становится все тише и тише, а наконецъ и совсѣмъ угомонится. Богатящійся вѣдѣніемъ Слова Божія имѣетъ надъ собою столпъ облачный, руководившій Израилтянъ въ пустынѣ.» [1])

Нравственною важностью Св. Писанія опредѣляется характеръ чтенія и усвоенія его. Отъ читающаго требуется полное сосредоточеніе душевныхъ силъ, участіе не столько холоднаго ума, сколько глубоко чувствующаго сердца, при непремѣнномъ условіи воспользоваться и примѣнить прочитанное въ жизни. «Чтобъ питаться Словомъ Божіимъ и питать имъ въ себѣ духовную жизнь, надобно усвоять его вседушно. Для сего, приступая къ чтенію, поставь себя въ присутствіе Божіе и испроси у Господа просвѣщеніе разума; затѣмъ молитвенно открывъ сердце свое къ принятію истины, пойми размышленіемъ и уясни содержаніе прочитаннаго. Къ понятому потомъ возбуди сочувствіе, или проведи его до сердца и полюби его; излюбленнымъ восхоти воспользоваться въ жизни, или опредѣли, въ какихъ случаяхъ твоей жизни могутъ найти примѣненіе понятыя и возлюбленныя тобою истины и прилагай ихъ къ дѣлу. Это и будетъ уствоеніе писаній вседушное.» «Мало слышать и понять. Это интересъ знанія—безжизненный, холодный и надмѣвающій. Услышалъ, внялъ и понялъ; воспріими понятное сердцемъ или лучше всѣмъ существомъ, введи то въ себя и проникнись тѣмъ. Какъ это сдѣлать? Такъ же, напримѣръ, какъ на солнцѣ согрѣваемъ тѣло. Держимъ тѣло открыто къ солнцу. Лучи солнца, ударяя въ него, проникаютъ его и нагрѣваютъ. Истины Божіи суть лучи Божественнаго умнаго солнца. Держи подъ ними сердце. Онѣ сами силою своею проникнутъ его и согрѣютъ. Внявъ истинѣ, не отрывай отъ нея вниманія скоро, и она сама сдѣлаетъ свое дѣло. Употреблю другое сравненіе.—Сердцемъ воспріять истину есть то же, что вкусить ее. Какъ доходимъ мы до вкуса пищи?! Измельчивъ и умягчивъ ее въ устахъ. Такъ въ устахъ ума рѣзцемъ размышленія благоговѣйнаго умягчай въ себѣ истину Божію и дойдешь до вкушенія ея сердцемъ. А когда вкусишь истину, не отстанешь отъ ней, но съ апостоломъ воззовешь: кто ны разлучитъ?» [2])

Глубокое убѣжденіе въ жизненной силѣ откровеннаго ученія дало возможность преосв. Ѳеофану обосновать на немъ свои важнѣйшіе нравоучительные взгляды. Такъ какъ главнымъ дѣ-

[1]) Преосв. Ѳеофанъ. Мысли на каждый день года по церков. чтеніямъ изъ Слова Божія. Стр. 414—416; [2]) О православіи. Слова еп. Ѳеофана Стр 193.

ломъ жизни каждаго христіанина и собственной литературной дѣятельности онъ считалъ рѣшеніе вопроса о спасеніи, то и воспользовался Словомъ Божіимъ, какъ самою надежною опорою и высшимъ авторитетомъ при рѣшеніи этого вопроса, а потому и толкованія его представляютъ живую проповѣдь о путяхъ къ нравственному совершенству. Авторъ при выясненіи библейскаго текста по преимуществу имѣетъ въ виду, чтобы живое и дѣйственное Слово Божіе проникало до сердца читателя и возбуждало въ немъ искру священнной ревности служить Богу. Высокій прообразъ подобныхъ церковно-учительныхъ твореній мы находимъ только у древнихъ св. отцевъ, особенно во вдохновенныхъ толкованіяхъ св. Златоуста, каковые великіе экзегеты были постоянными и неизмѣнными руководителями святителя. По проникновенной глубинѣ пониманія священнаго текста, по полнотѣ и широтѣ его изъясненія, а равно и по простотѣ и общедоступности внѣшняго изложенія истолковательные труды преосв. Ѳеофана занимаютъ особое, исключительное мѣсто въ нашей духовной литературѣ. Они стяжали автору славу лучшаго, несравненнаго знатока и комментатора Св. Писанія и дали высшую ученую степень—доктора богословія, который его удостоилъ совѣтъ профессоровъ столичной академіи, сдѣлавъ при этомъ слѣдующую авторитетную характиристику толкованій: «Толкованія читаются съ глубокимъ назиданіемъ. Подобно своимъ неизмѣннымъ руководителямъ св. отцамъ и учителямъ церкви и по большей части ихъ же словами, авторъ постоянно преподаетъ читателю то одни, то другіе нравственные уроки, вводитъ его въ созерцаніе и оцѣнку, на основаніи сказаній Слова Божія, различныхъ положеній и состояній сокровенной внутреней духовной жизни человѣка—христіанина. Толкованіе 118 псалма ведется сплошь въ такомъ именно нравоучительномъ духѣ, какъ это вполнѣ отвѣчаетъ и самому содержанію этого высокопоучительнаго псалма; такимъ же характеромъ запечатлѣны и всѣ толкованія его на посланія апостола Павла.» *) И этотъ необычайный успѣхъ становится понятнымъ, когда мы знаемъ, что изъясненіе Слова Божія было излюбленнымъ дѣломъ жизни святителя, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы, которымъ по временамъ рѣшительно увлекался до забвенія всего остального. Глубоко погрузившись въ работу надъ посланіями ап. Павла къ Коринѳянамъ, онъ въ декабрѣ 1874 г. пишетъ

*) Преосвященный Ѳеофанъ. Изд. Русскаго Пантелеим. монастыря на Аѳонѣ. Стр. 165.

изъ своего затвора: «За то отъ всего отказался. Ничего не читаю. Только газеты посмотрю мелькомъ. Планъ-то мой великъ. Весь Новый Завѣтъ протолковать. А потомъ псалтирь, а далѣе—притчи и... умирать.» [1])

Въ особенности экзегетъ лелѣялъ мысль дать изъясненіе евангелія, достойное важности великаго предмета. Свою завѣтную думу онъ излилъ въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ идеально-возвышенный характеръ своихъ экзегетическихъ твореній. «На евангелія не толкованіе надобно писать, а размышленія, чтобы каждое слово и каждое движеніе Господа было торжественнымъ свидѣтельствомъ Его Божества. Когда Богъ дастъ начнемъ сію хвалебную пѣснь Господу, то ей конца не будетъ. О, когда бы хоть начало положить сему дѣлу?!...» [2])

По своему внѣшнему построенію толкованія представляются въ слѣдующемъ видѣ. Приступая къ изъясненію извѣстнаго мѣста священнаго текста, экзегетъ прежде всего останавливается на толкованіи буквальнаго смысла его—словъ и выраженій, при чемъ нерѣдко вдается въ филологическія подробности; затѣмъ обстоятельно раскрываетъ заключающіяся въ текстѣ догматическія и нравственныя истины, опредѣляетъ значеніе этихъ истинъ въ ряду другихъ, при чемъ всегда стремится передать не только внѣшній смыслъ откровеннаго ученія, но и даетъ понять и почувствовать читателю сокрытую для него божественную духовную силу и жизнь. Изъясненіе большею частью ведется словами св. отцевъ, лучшихъ экзегетовъ—св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Θеодорита и др., при чемъ святитель настолько глубоко проникается духомъ ихъ, что трудно отличить, гдѣ кончается рѣчь свято-отеческая и гдѣ начинается его собственная. По характеру своего внѣшняго изложенія толкованія не есть обычныя отвлеченныя разсужденія, но они по преимуществу представляютъ собою живую назидательную бесѣду умудреннаго въ духовной жизни автора съ читателемъ, бесѣду, полную живыхъ образовъ и сравненій, гдѣ писатель для уясненія высокихъ библейскихъ истинъ нерѣдко обращается къ внѣшней природѣ и душѣ человѣка, ссылается на подвиги древнихъ отцевъ и учителей церкви, а иногда на собственные опыты духовной жизни. Такъ какъ при изъясненіи извѣстныхъ христіанскихъ истинъ, встрѣчающихся въ текстѣ, преосвящ. Θеофанъ всегда поставляетъ ихъ въ связь съ другими, то сумма

[1]) Собраніе писемъ, вып. 7, стр. 50, [2]) Тамъ же, стр. 53.

его экзегическихъ трудовъ даетъ богатый и разнообразный матеріалъ для цѣлой системы христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Въ нихъ мы находимъ подробное и авторитетное изложеніе многихъ важнѣйшихъ догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ, нерѣдко на психологической почвѣ, при чемъ нравственные предметы значительно преобладаютъ. Изъ нравоучительныхъ истинъ обстоятельно раскрыты вопросы—о назначеніи человѣка, о первоначальномъ райскомъ состояніи и въ связи съ этимъ о добродѣтели и святости, о грѣхопаденіи и вмѣстѣ съ нимъ о грѣхѣ и порокѣ, всесторонне разъяснено ученіе о домостроительствѣ спасенія человѣка, опредѣленъ основной строй и нормы христіанской жизни, указаны какъ общія добродѣтели такъ и частные порядки—семейные, общественные, церковные и пр. словомъ, не осталось ни одного важнаго предмета христіанскаго нравоученія, котораго бы не коснулись толкованія. Изъ вопросовъ догматическаго характера болѣе подробно разъясняются—о св. преданіи и св. писаніи, о воплощеніи Спасителя и о второмъ пришествіи Его, воскресеніи мертвыхъ и послѣднемъ судѣ, о таинствахъ, о дарахъ св. Духа и пр. Догматическія истины чаще всего разсматриваются не только сами по себѣ, но и со стороны ихъ нравственнаго примѣненія, а нерѣдко, гдѣ необходимо, толкованіе ведется вмѣстѣ съ апологіею противъ пониманія ихъ инославными вѣроисповѣданіями.

Предметы христіанской психологіи также занимаютъ видное мѣсто въ толкованіяхъ. Въ нихъ сообщается ученіе о главныхъ духовныхъ силахъ и способностяхъ человѣка,—что такое духъ, душа, совѣсть, сердце и пр. и опредѣляется, какое значеніе каждой изъ нихъ принадлижитъ въ нашей внутренней жизни. Съ этой стороны экзегетическіе труды представляютъ собою сокращенное изложеніе истинъ, болѣе обстоятельно раскрытыхъ въ нравственномъ богословіи святителя.

Чтобы имѣть представленіе о характерѣ толкованій преосв. Ѳеофана, возмемъ на выдержку нѣсколько образцовъ ихъ въ указанныхъ направленіяхъ—догматическомъ, нравственномъ и психологическомъ. Объясняетъ толковникъ второе посланіе ап. Павла къ Солунянамъ и по порядку останавливаетъ вниманіе на извѣстномъ текстѣ: «*Тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имъ же научистеся словомъ или посланіемъ нашимъ.*» Послѣдній даетъ ему поводъ изложить свое ученіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ христіанскаго богословія—

о св. преданіи, какъ источникѣ божественнаго откровенія. Вопросъ раскрывается съ замѣчательною глубиною и всесторонностью. Экзегетъ даетъ истинное понятіе о преданіи, устанавливаетъ его самостоятельность и независимость по отношенію къ св. писанію, указываетъ способы сохраненія, опредѣляетъ важность для церкви и пр. По ученію святителя подъ преданіемъ нужно разумѣть не одно устно сообщенное ученіе, но и всѣ порядки, заведенные по наставленію и руководству апостоловъ въ жизни первенствующей церкви и переданные потомству самымъ дѣломъ и строемъ жизни. Устное преданіе несомнѣнно существовало и жило среди вѣрующихъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на ряду и параллельно съ священнымъ писаніемъ. Объ этомъ прежде всего ясно свидѣтельствуетъ само Слово Божіе, утверждая устами послѣдняго писателя жизни Спасителя евангелиста Іоанна, что многое и другое сотворилъ Господь, *яже не писана въ книгахъ сихъ (евангеліи)*. О томъ же говоритъ самый характеръ распространенія вѣры Христовой и основанія первыхъ церквей апостолами. Послѣдніе не только проповѣдывали евангельское ученіе, но и заводили жизненные порядки—устраивали молитвенныя собранія вѣрующихъ, назначали пастырей, какъ духовныхъ руководителей общества, сами совершали и учили другихъ совершать таинства, давали наставленія о томъ, какими добродѣтелями долженъ каждый украшаться въ жизни—семейной, общественной и пр. Столь сложныя и разнообразныя явленія новой жизни совершенно невозможно было на первыхъ же порахъ заключить въ какія-либо точныя письменныя формы и книжныя рамки. По необходимости многое приходилось устанавливать безъ письмени, словомъ и примѣромъ. Такъ апостолъ Павелъ ясно заповѣдуетъ епископу Тимоѳею, чтобы онъ «слышанное отъ него при многихъ свидѣтеляхъ передалъ другимъ вѣрующимъ, которые были бы способны другихъ научить». (2 Тимоѳ. 2 гл. 1 ст.). Наконецъ, по замѣчанію одного изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви (Кирилла Іерусалимскаго), о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры апостолы намѣренно не упоминали въ своихъ посланіяхъ, не желая обнаруживать ихъ предъ невѣрующими изъ опасенія оскорбленія и посмѣянія, напримѣръ, объ образѣ совершенія таинствъ. Но могло ли сохраниться преданіе неизмѣннымъ и есть ли ясныя достовѣрныя свидѣтельства того? Цѣлость и неповрежденность его не подлежитъ никакому сомнѣнію. Каждый изъ апостоловъ имѣлъ

ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ, непосредственныхъ свидѣтелей ихъ жизни и дѣятельности—апостолъ Іоаннъ святаго Поликрата Смирнскаго, апостолъ Павелъ Діонисія Ареопалита и пр. Это были такъ называемые мужи апостольскіе. Принявъ преданіе отъ апостоловъ, они въ свою очередь передали его своимъ ученикамъ, послѣдніе другимъ преемникамъ и т. д. Такъ св. Поликратъ, умершій въ половинѣ второго вѣка, имѣлъ ученикомъ св. Иринея Ліонскаго, дожившаго до начала третьяго столѣтія. Ученики послѣдняго могли передать преданія вѣрующимъ конца третьяго и начала четвертаго вѣка, когда все христіанское вѣроученіе и нравоученіе было записано въ книги и приняло ту именно форму, въ которой оно существуетъ и теперь. Другое теченіе преемства преданія шло путемъ самой жизни, въ заведенныхъ порядкахъ и строѣ христіанскаго общежитія, передаваясь отъ предковъ къ потомкамъ, какъ самое дорогое духовное наслѣдіе. Какъ сохранился на святой Руси, остроумно замѣчаетъ преосв. Θеофанъ, обычай плесть лапти? Конечно, только путемъ заимствованія и передачи изъ рода въ родъ. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о церковныхъ порядкахъ, которыми, конечно, вѣрующіе дорожили гораздо болѣе, чѣмъ обычными житейскими занятіями и ремеслами. Такъ могли сохраниться преданія и безъ письмени. Но ихъ очень рано стали записывать и ужъ во второмъ вѣкѣ существовало довольно значительное собраніе писанныхъ преданій подъ названіемъ «Правила апостольскія.» Такъ неизмѣнно шло и неповрежденно сохранялось преданіе на ряду съ св. писаніемъ и на ряду же съ послѣднимъ создало всѣ жизненные порядки первыхъ христіанъ, а вмѣстѣ съ ними и послѣдующую жизнь церкви. Настоящее содержаніе нашего православнаго вѣроученія и нравоученія было установлено и заведено въ своихъ основахъ и существенныхъ чертахъ св. апостолами и все послѣдующее развитіе христіанства совершалось на основаніи апостольскаго ученія, письменно изложеннаго и устно переданнаго, какъ раскрытіе частностей изъ общаго начала, въ качествѣ различнаго рода примѣненій и приложеній апостольскаго ученія ко времени и мѣсту церковной жизни. Такъ уже при апостолахъ все христіанское общество раздѣлялось на мірянъ —пасомыхъ и пастырей—епископовъ и пресвитеровъ съ ихъ помощниками въ лицѣ діаконовъ. Изъ послѣдняго учрежденія потомъ образовалась вся сложная церковная іерархія. Также еще при апостолахъ между вѣрующими явились люди, не довольствовавшіеся обычными добродѣтельми и искавшіе совершенства и под-

виговъ. Ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ даетъ краткое руководство для нихъ, а отсюда впослѣдствіи явились всѣ многообразные виды и чины христіанскаго аскетизма. Далѣе видимъ, что во времена апостольскія у христіанъ не всѣ дни были равны, но нѣкоторые назначались исключительно на молитву; не подъ рядъ было мясоястіе, а были дни, въ которые опредѣлялось соблюдать строгое воздержаніе; отсюда возникли всѣ наши многочисленные праздники и посты и пр. Не говоримъ уже о семи богоучрежденныхъ таинствахъ, ученіе о которыхъ находится во многихъ апостольскихъ писаніяхъ и преданіяхъ и употребленіе коихъ въ христіанскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ было полное и повсюдное. Послѣдующая исторія церкви привнесла къ нимъ только нѣкоторыя обрядовыя частности и подробности. Ископное убѣжденіе православной церкви въ несомнѣнномъ существованіи св. преданія отъ временъ апостольскихъ, въ его непрекаемой важности для церковной жизни, а также и полной исторической достовѣрности освятилъ своимъ авторитетомъ величайшій отецъ и христіанскій учитель св. Златоустъ, бывшій въ числѣ послѣднихъ свидѣтелей и хранителей живого устнаго преданія предъ окончательнымъ заключеніемъ его въ письмена. «Апостолы, говоритъ онъ, не все предали вѣрующимъ чрезъ посланіе; но многое сообщили безъ письмени. Между тѣмъ то и другое равно достовѣрно. Посему мы должны признавать достовѣрнымъ и церковное преданіе. *Есть преданіе, больше не ищи ничего.*»

«*Преданіе*... пишетъ преосв. Ѳеофанъ, въ нашей обычной рѣчи значитъ сказаніе, или обычай, или повѣріе, переходящее отъ предковъ къ потомкамъ съ незапамятныхъ временъ. Потому граничитъ съ неопредѣленною молвою, подлежащею обсужденію и критикѣ. Въ Словѣ Божіемъ, въ устахъ апостола Павла, оно означаетъ преподаніе Божественнаго ученія, равносильно Божественному Откровенію новозавѣтному, и обнимаетъ собою все, что внесено въ человѣчество вслѣдствіе заповѣди Господа: *шедше научите* (Мѳ. 28, 19), «*Слово или посланіе*, суть способы преподанія божественной христіанской вѣры. И писаніе есть такое же преданіе, какъ и слово. Но въ церковномъ употребленіи потомъ преданіемъ стало называться исключительно ученіе, устно апостолами преподанное и хранимое церковію. Такъ потребовалось теченіемъ церковной жизни. Когда апостольскія писанія стали общеизвѣстны и вошли въ одинъ составъ; тогда ту часть божественнаго откровенія, которая въ

нихъ заключалась, всѣ почерпали изъ сихъ писаній. Между тѣмъ многое вѣровалось и было совершаемо въ обществахъ христіанскихъ, чего нѣтъ въ этихъ писаніяхъ. На вопросъ: откуда же это? отвѣчалось: такъ устно научили и лично учредили и завели св. апостолы, или такъ предано апостолами, или просто: преданіе есть. И стали, такимъ образомъ, это не писанное апостольское ученіе, или божественное откровеніе называть преданіемъ, а какое заключалось въ писаніяхъ апостольскихъ, писаніемъ. Уважали же и то и другое одинаково; одинаково дорожили и тѣмъ и другимъ.»

«Многое изъ преподаннаго апостолами устно и заведеннаго ими лично, вошло потомъ въ писанія преемниковъ ихъ, пастырей церкви, а многое оставалось ими незаписаннымъ, а хранилось въ сердцахъ, или въ практикѣ, въ порядкахъ жизни христіанской. Иное намѣренно не предавалось письмени, какъ напримѣръ, образъ совершенія таинствъ, по замѣчанію Кирилла Іерусалимскаго, ради сокрытія того отъ невѣрующихъ, кои недостойны ни слышать, ни читать о томъ, пока не увѣруютъ. Отсюда само собою видно, какъ неосновательно инославные отвергаютъ ученія и чины церковные, не означенные въ писаніи. Не имѣетъ цѣны и тотъ ихъ извѣтъ, будто опасаются принять что не апостольское, потому отвергаютъ и все, несодержащееся въ писаніи. Золотопромышленники собираютъ не то только, что явно есть золото, но часто землю и песокъ и притомъ въ большомъ количествѣ, изъ опасенія не пропустить бы какого зернушка золота, хоть его и не видно. Такъ слѣдовало поступать и имъ. Многое конечно и послѣ апостоловъ введено; но на основаніи апостольскаго преданія, и въ томъ же духѣ. Въ этой же общей массѣ сокрыто и непосредственно апостольское. Дорого ли апостольское? Всякому дорого. Вотъ и слѣдуетъ содержать все, содержимое церковію, изъ серьезнаго опасенія, какъ бы опасаясь принять не апостольское, не попрать и апостольскаго. Попраніе апостольскаго есть уже дѣло пагубное; тогда какъ принятіе во уваженіе не апостольскаго (непосредственно), но согласнаго во всемъ съ апостольскимъ и проникнутаго духомъ его, никакого вреда причинить не можетъ. Опасеніе законное одно, какъ бы не принять чего противнаго апостольскому. Но за этимъ блюдетъ сама церковь, имѣя постояннымъ закономъ отвергать всякое преданіе, которое, являясь подъ именемъ апостольскаго, было бы противно апостольскому ученію».

«Апостолы, насаждая христіанство на землѣ, не теорію преподавали, а жизнь заводили. Пришедши въ какое-либо мѣсто, преподавали людямъ христіанское ученіе, здравыя о всемъ понятія, давали заповѣди, какими добродѣтелями слѣдуетъ украшать свое сердце, заводили порядки жизни, какъ держать себя вовнѣ, или опредѣляли христіанское поведеніе, предъ лицемъ вѣрующихъ и невѣровъ, установляли какъ слѣдуетъ Богу молиться въ общемъ собраніи и частно дома, какъ совершать таинства, какъ поддерживать принятое ученіе, и назначивъ лица, которыя за всѣмъ этимъ наблюдали бы, а иное и исполняли, и освятивъ ихъ, отходили въ другое мѣсто. Христіанская жизнь во всемъ своемъ объемѣ тотчасъ и начиналась. Такъ и въ другомъ, и въ третьемъ мѣстѣ и во всѣхъ: такъ одинъ апостолъ, такъ и другой, такъ и всѣ. И во всѣхъ концахъ земли, куда только достигли красныя ноги благовѣстниковъ, водворялись христіанскіе порядки жизни нравственно-религіозные, семейные, церковные, общественные, всѣ въ одномъ духѣ, и по одному чертежу, не на землѣ составленному, а начертанному на небеси, подобно чертежу скиніи. Отсюда— какою церковь вышла изъ рукъ апостольскихъ и явилась во всемъ мірѣ, такою она есть по волѣ и опредѣленію самаго Бога, и такою она должна быть, чтобъ содѣвать спасеніе гибнущаго человѣчества. Вотъ и видимъ повсюду, съ первыхъ временъ, въ церкви Божіей мірянъ и освященныя лица, діаконовъ, священниковъ, епископовъ, на которыхъ лежало проповѣдывать слово, освящать таинствами, благодать подающими, и руководить въ жизни; видимъ установленныя семь таинствъ и чины молитвъ и богослуженій: вечерню, утреню и обѣдню; видимъ, что у христіанъ не всѣ дни были равны, но иные отлагались исключительно на молитву и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, и что не подъ рядъ было мясоястіе, а были дни, и многіе, въ которые опредѣлено соблюдать строгое воздержаніе, и притомъ не одновременно, а на всѣ времена; видимъ, что среди христіанъ во всѣхъ частныхъ церквахъ были особые ревнители, которые все оставя, и отъ всего отрекшись, посвящали себя исключительно на молитву и богомысліе, съ строгимъ воздержаніемъ и изможденіемъ плоти, въ той неложной увѣренности, что этимъ путемъ скорѣе искоренятъ въ себѣ страсти, взойдутъ къ чистотѣ и сподобятся ощутительнаго богообщенія, всѣмъ христіанамъ обѣтованнаго, силою и дѣйствіемъ всеосвящающей благодати, которою и руководимы были въ семъ

претрудномъ пути. Таковымъ въ общемъ является строй христіанской жизни съ первыхъ временъ. Что привносилось послѣ, то привносилось въ этотъ же чинъ, не какъ новое учрежденіе, а какъ расширеніе, или лучшее приспособленіе къ мѣсту и времени заведеннаго апостолами. Быть постамъ обще всѣмъ христіанамъ въ одно опредѣленное время есть апостольскій законъ. Отъ апостоловъ несомнѣнно учреждены посты въ среду и пятницу, и постъ въ воспоминаніе страданій Господа. На этомъ основаніи потомъ въ церкви учреждены и всѣ другіе посты, и всѣ чины постническіе. Быть строгимъ подвижникомъ (аскетомъ) апостолами положено, и общій законъ имъ прописанъ даже въ писаніи (въ посл. къ Кор.); а потомъ изъ этого разрослись всѣ чины иноческіе. Собираться воедино на молитву и единными усты хвалить Бога и молитву Ему возносить, есть апостольское учрежденіе. При нихъ же введены и можетъ быть ими же даны и нѣкоторыя пѣсни церковныя. Но потомъ изъ этого начала развилась вся разнообразная пѣсненность церковная. Такъ и во всемъ. Весь строй христіанской жизни, въ общемъ, отъ апостоловъ. И послѣ къ сему общему строю ничего не прибавлено, а только развились частности обширнѣе и разнообразнѣе. Но тутъ же сокрыты и апостольскія частности. И все это и по времени приложенное, и апостолами преданное, хранится святою нашею православною церковію. Все намъ и дорого въ церкви. И всѣ, опасливые и благоговѣйные христіане строго соблюдаютъ молитвенные и освятительные порядки, характеризующіе нашу церковную жизнь, видя въ этомъ необходимую поддержку нравственно-религіозной, внутренней христіанской жизни.

О дальнѣйшемъ распространеніи и преемствѣ апостольскаго преданія въ исторіи и жизни христіанской церкви святитель въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «апостолы вполнѣ организовали церковь во всѣхъ частяхъ церковной, спасительной жизни. И все это введено ими въ жизнь христіанъ, и какъ жизнь и дѣло передавалось изъ рода въ родъ. Пастыри и учители послѣ апостоловъ суть только блюстители апостольскихъ преданій и учрежденій. У каждаго апостола было по нѣскольку ближайшихъ учениковъ, съ ними неразлучно бывшихъ и усвоившихъ во всѣхъ частяхъ апостольскую премудрость. Эти ближайшіе ученики были ихъ преемниками въ управленіи церквей и въ блюденіи всего апостолами преданнаго. Въ церквахъ Палестинскихъ, въ Антіохіи, въ Тарсѣ, въ Ефесѣ, Смирнѣ, въ Колоссахъ, въ Филиппахъ,

въ Солуни, въ Коринѳѣ, въ Аѳинахъ, въ Александріи, въ Римѣ, и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, гдѣ были апостолы, послѣ нихъ остались пастырями ихъ ближайшіе ученики.»

«*Это мужи апостольскіе.* Никому въ голову не придетъ подумать, чтобы кто нибудь изъ сихъ учениковъ позволилъ себѣ отступить отъ апостольскихъ постановленій. Они и на дѣлѣ оказывались вѣрны имъ.»

«Мужи апостольскіе, по примѣру и заповѣди апостольской, правя церковію, въ то-же время воспитывали при себѣ такихъ мужей, которые бы послѣ нихъ могли занять мѣсто ихъ, и продолжать блюсти апостольскія ученія и порядки.»

«Эти вторичные преемники въ свою очередь воспитывали третичныхъ и такъ далѣе.»

«Все апостольское такимъ образомъ переходило изъ рода въ родъ жизнію и дѣломъ. Апостолы все, что предали, ввели въ жизнь—умственную, нравственную, семейную... и во всѣ виды жизни. Жизнь отъ жизни загоралась... и жизнь апостолами заведенная блюлась...»

«Вотъ вамъ образчикъ... св. Поликарпъ Смирнскій былъ ученикъ св. Іоанна Богослова, св. Ириней ученикъ Поликарпа. Св. Поликарпъ мученически скончался около 60 годовъ втораго столѣтія. Св. Ириней прожилъ до начала третьяго столѣтія. Это не единственный, конечно, примѣръ. И можемъ положить, что вторичные преемники перенесли сохранно апостольское преданіе до 3 вѣка... А третичные до половины и конца его.»

«Симъ путемъ апостольское преданіе сохранилось-бы, если бы никто не писалъ изъ сихъ преемниковъ. Но писатели скоро явились и когда писали, преимущественно писали, какъ предано было. Оттого, читая писанія св. отцевъ второго вѣка, видимъ апостольскія слова и обороты рѣчи, апостольскія на все воззрѣнія, а цитатовъ почти нѣтъ.»

«Отъ чего? Оттого, что всѣ они были блюстители преданія... И умствовали, и писали, какъ предали апостолы каждой церкви.»

«Апостольскія писанія собраны въ книгу въ концѣ перваго вѣка, при св. Іоаннѣ Богословѣ. А списки ихъ распространились къ концу второго вѣка. Оба эти вѣка христіане питались преимущественно преданіями.»

«Вы понимаете преданіе—какъ передаваніе изъ устъ въ уста... А оно было переданіе изъ жизни въ жизнь, изъ дѣла въ дѣло.»

«Скажу простой примѣръ—какъ столько вѣковъ хранится одинаковый образъ плетенія лаптей, печенія хлѣбовъ... Дѣти дѣломъ перенимаютъ у отцевъ и матерей и передаютъ своимъ дѣтямъ.»

«Бываютъ школы, въ которыхъ вліятельный наставникъ передаетъ свои ученія особенно впечатлительно... И потомъ это ученіе засѣдаетъ въ школѣ и тянется вѣка... Тѣмъ паче это умѣстно въ христіанствѣ.»

«Потомъ всѣ порядки христіанскіе, и вѣровательные, и жизненные, и освятительные... вошли въ писанія отеческія... и закрѣпились.»

«Мы чтимъ отеческія писанія ради того, что въ нихъ блюдется апостольское преданіе, которое узнается *въ общемъ согласіи всѣхъ ихъ.*»

«Такимъ образомъ третій вѣкъ чрезъ третичныхъ преемниковъ могъ передать апостольское преданіе четвертому вѣку... Въ четвертомъ вѣкѣ мы видимъ вполнѣ все, что мы теперь имѣемъ въ писаніяхъ отцевъ, хотя все оно по частямъ есть и въ 3 и во 2 вѣкахъ. Извольте теперь общее имѣть наведеніе: Греческая церковь вѣрно соблюла апостольское преданіе и передала его намъ. Это апостольское наслѣдіе—у насъ.» *)

Въ качествѣ образцовъ толкованій правоучительнаго характера считаемъ необходимымъ привести слѣдующія мѣста: объясняя стихъ 118 псалма *„Отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ, яко да сохраню словеса Твоя,“* экзегетъ начертываетъ цѣлую программу нравственнаго исправленія слабаго духомъ человѣка, падкаго на разнаго рода соблазны и приманки. «Пророкъ указываетъ какъ исправилась неправость воли. Сталъ я возбранять ногамъ моимъ отъ всякаго пути лукаваго, и отъ судебъ Божіихъ не уклоняться, и воля моя исправилась, навыкла хранить словеса Божіи, и установилась въ томъ.»

«Совѣсть наша и всегда внушаетъ намъ бѣгать зла, но не достаетъ воли слѣдовать ей. Приманки самоугодія пересиливаютъ ее, и человѣкъ идетъ на злое. А сдѣлавъ злое однажды, не удержится и въ другой, а потомъ скоро образуется и привычка къ извѣстному роду самоугодія наперекоръ совѣсти. Такъ образуется одна привычка, потомъ другая, третья, десятки, сотни. Когда опомнится человѣкъ и задумаетъ шествовать право, угож-

*) Второе посланіе къ Солунянамъ. Стр. 485—489 и Собраніе писемъ книга 6 стр. 95.

дать Богу, тогда онъ находитъ себя со всѣхъ сторонъ связаннымъ и опутаннымъ. Какъ же быть?

«Блюди твердую рѣшимость хранить словеса Божіи, всячески подогрѣвай и поддерживай ее, содержа въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, память смерти и суда Божія и затѣмъ возбраняй ногамъ своимъ отъ всякаго пути лукаваго. Нельзя тебѣ вдругъ возлюбить доброе, чтобы по этой любви держаться его. Начинай съ недѣланія худаго, и хоть привычная воля будетъ порываться на худое, держи ее въ предѣлахъ должнаго силою рѣшимости твоей. Зло началось въ сердцѣ, а окрѣпло въ привычныхъ дѣлахъ. Къ уничтоженію его иди обратнымъ путемъ: прекрати дѣла, и чрезъ нихъ дойдешь до пресѣченія зла въ сердцѣ.»

«Не ходи туда, гдѣ привыкъ ты удовлетворять дурной привычкѣ; пресѣки сношенія съ товарищами грѣха и измѣни всѣ порядки жизни, питавшіе грѣхъ. Это значитъ возбранить ногамъ. Когда случай ко грѣху передъ глазами, какъ удержаться отъ него тому, кто привыкъ къ нему? А когда случаи отдалены, то хоть и придутъ мысли на грѣхъ, помутятъ—помутятъ въ головѣ, да и отойдутъ. И прогнать ихъ тогда удобнѣе, чѣмъ тогда, когда не мысли только, но и глаза, и уши, и осязаніе, и обоняніе будутъ обдавать тебя паромъ грѣховнымъ. Св. Отцы того, кто стоитъ предъ соблазномъ, уподобляютъ стоящему на краю пропасти: какъ только вздумается врагу, онъ даже легкимъ толчкомъ можетъ низринуть его туда. А того, кто удаляется отъ соблазновъ, уподобляютъ они находящемуся далеко отъ пропасти: когда врагъ повлечетъ его въ пропасть, онъ имѣетъ еще время отбиться отъ него, или воззвать о помощи и избавиться отъ бѣды.»

«Уклоненіе отъ путей лукавыхъ отставляетъ зло и возстановляетъ добро въ душѣ. Но это внѣшній трудъ; къ нему надо присоединить внутренній—возбраненіе мысленнымъ ногамъ отъ мысленныхъ же путей лукавыхъ. Мысленный путь лукавый таковъ: начинается злая мысль, привлекаетъ сочувствіе, возбуждаетъ желаніе и склоняетъ на дѣло. Когда кончится этотъ мысленный путь ко грѣху, тогда слѣдуетъ путь внѣшній къ совершенію грѣха дѣломъ. Прекратилъ ты эти внѣшнія хожденія ко грѣху,—доброе дѣло. Но не думай на этомъ остановиться, а старайся пресѣчь и внутренніе пути къ нему; ибо, не смотря на внѣшнія уклоненія отъ путей лукавыхъ, мысленныя странствованія не тотчасъ прекращаются, а часто заходятъ туда и блуждаютъ тамъ. И такъ, возбрани мысленнымъ ногамъ

отъ путей лукавыхъ, чтобъ они не повели туда и тѣлесныхъ ногъ. Прогоняй мысли худыя, уничтожай сочувствія, а болѣе всего берегись склоняться на зло. Пока этого нѣтъ,—ты все еще безопасенъ; но когда это появится,—ты уже въ опасности. Хотя и при этомъ можно еще миновать ее; но лучше не подвергаться тому, ибо предлежитъ борьба. Пропасть еще далеко; но врагъ уже уцѣпился и тащитъ туда. Главное въ этомъ дѣлѣ—уклоненіе отъ злыхъ помышленій: они, какъ комары, жужжатъ; гони и не ослабѣвай. Если поспѣшишь замѣнить злыя мысли добрыми, то дѣло твое во сто разъ успособится и облегчится.» *)

Въ подобномъ же широкомъ и глубоко назидательномъ тонѣ ведется изъясненіе содержанія большей части 118 псалма. Такъ при толкованіи краткаго стиха его «*Благъ еси Ты, Господи, благостію Твоею научи мя оправданіямъ Твоимъ*» подробно раскрываются тѣ многообразные пути, которыми Провидѣніе устрояетъ судьбу и нравственно воспитываетъ человѣка и при этомъ мимоходомъ рѣшается съ точки зрѣнія откровеннаго ученія одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ христіанской нравственности—провидѣнціальный вопросъ о причинахъ неравенства состоянія людей на землѣ. Преосв. Θеофанъ учитъ, что Господь, какъ чадолюбивый отецъ, направляетъ жизнь людей къ благимъ цѣлямъ самыми разнообразными путями и средствами, избирая ихъ соотвѣтственно природѣ и духовнымъ силамъ каждаго. Для одного полезно счастье и награды, а для другого болѣе вразумительны лишенія и наказанія. Какъ опытный врачъ назначаетъ то горькія, то сладкія лѣкарства, смотря по характеру болѣзни и свойствамъ натуры больного, тоже самое необходимо въ дѣлѣ уврачеванія духовныхъ немощей. Что касается часто смущающаго насъ вопроса о неравенствѣ распредѣленія земныхъ состояній, то одинъ ограниченный разумъ человѣческій никогда не можетъ рѣшить его удовлетворительно, ибо настоящая жизнь есть только краткая подготовка къ вѣчному загробному существованію, гдѣ будетъ разгадка всѣхъ нашихъ сомнѣній и недоумѣній. Въ откровенномъ же Словѣ Божіемъ дается прямое, ясное указаніе и руководство къ разрѣшенію этого вопроса. По библейскому ученію всѣ наши матеріальныя и нравственныя состоянія —богатство и бѣдность, слава и безчестіе и пр. въ рукахъ промысла Божія суть разнообразныя духовно-воспитательныя средства, назначаемыя каж-

*) Псаломъ 118. Стр. 373—375.

дому въ томъ видѣ и въ такой мѣрѣ, въ какой они болѣе всего полезны ему. Такъ Авраамъ былъ всегда доволенъ и счастливъ. Іову суждено было неоднократно пережить самыя рѣзкія перемѣны—то огромное богатство и полное семейное счастье, то совершенная нищета въ соединеніи съ лишеніемъ семьи и даже опасностью для собственной жизни, наконецъ, снова—полное изобиліе во всемъ. Саулъ бѣдственно кончаетъ личную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ конецъ своей династіи. И все это совершается не потому, что Господь имѣетъ власть и хочетъ того, а потому, что все это необходимо для достиженія послѣднихъ цѣлей, предназначенныхъ для каждой человѣческой жизни. «Для одного скорби вразумительны, а другаго онѣ могутъ ожесточить. Такого скорѣе образумитъ неожиданное счастіе, чѣмъ какія-либо потери. Вотъ такого-то человѣка и беретъ здѣсь пророкъ, и какъ бы опасаясь, чтобы скоро не послѣдовалъ ударъ свыше, молится: не наказывай, но, яко Благій, благостію Твоею научи меня!»

«И въ медицинѣ не всѣ лѣкарства горьки, и не всѣ пластыри рвутъ или жгутъ: есть лѣкарства сладкія, есть пластыри пріятно дѣйствующіе. Хорошій врачъ, когда видитъ, что, безъ ущерба лѣченію, можетъ пользовать безъ боли, всегда избираетъ послѣднее и самъ по себѣ, а тѣмъ болѣе, когда о томъ его просятъ. Не тѣмъ ли болѣе поступитъ такъ сердобольный Отецъ нашъ небесный, который лучше всѣхъ видитъ, что кому благопотребно? «Посмотри на врача, говоритъ св. Амвросій, то горькія употребляетъ онъ лѣкарства, рѣзанія и прижиганія, то пріятныя и не производящія ничего болѣзненнаго. Но когда больной, по своему темпераменту, не можетъ сносить болѣзненнаго лѣченія, то долгъ врача избѣгать горькихъ медикаментовъ, или такъ составлять ихъ, чтобы горькое было скрываемо въ пріятномъ. Такъ дѣйствуетъ и Господь на насъ, врачуя наши нравственныя немощи.»

«Насъ часто смущаетъ вопросъ: отчего неравна участь людей? Никто еще не умудрился объяснить этого до осязательной очевидности въ частностяхъ. Но общій законъ промышленія Божія въ этомъ отношеніи ясно открытъ въ Словѣ Божіемъ, и притомъ самый утѣшительный. Богатство и бѣдность, слава и безвѣстность, преобладающее господство и смиренное послушаніе, и все прочее, чѣмъ испещренъ бытъ человѣческій на землѣ, есть въ рукахъ Божіихъ нраво-образовательныя средства. Что кому лучше идетъ въ этомъ отношеніи,

то ему и подается. Лучше свѣтлый бытъ,—подается свѣтлый; низкій,—подается низкій; лучше средній,—и средній дается. И никакъ нельзя вступить въ споръ: вотъ—дескать тому какъ хорошо, а онъ между тѣмъ вовсе не такъ-то исправенъ. А почему ты знаешь,—можетъ быть, если умалить его благосостояніе, онъ станетъ еще хуже? Равно нельзя говорить: вотъ еслибъ тому-то посчастливилось, сколько бы было отъ него добра! А какъ ты знаешь, что, если улучшится его состояніе, онъ самъ станетъ лучше? Всякому дана такая участь, чтобы въ ней онъ дѣлалъ добра лишь столько, сколько можетъ. При другой участи онъ не можетъ столько дѣлать; а измѣнить ее на худшее или на лучшее, значитъ ввергнуть его въ зло существенное. Цѣль бытія нашего на землѣ—нравственное совершенство, для должнаго приготовленія себя къ вѣчности. Все сюда и направлено Господомъ. Полная разгадка разнообразія участей нашихъ будетъ тамъ. Тамъ всѣ увидятъ, какъ все хорошо было устроено; а здѣсь мы живемъ пока во тьмѣ. Разумнѣе всѣхъ тотъ, кто, всецѣло предавъ участь свою и всѣхъ людей въ руки Господу, держитъ себя спокойнымъ въ отношеніи ея неравностей.»

«Есть сказаніе, какъ одинъ жилъ трудами рукъ своихъ, и все, что вырабатывалъ, раздавалъ бѣднымъ, удерживая на свою долю лишь столько, сколько нужно на прожитіе; на утро ничего не сберегалось. Кто-то изъ богоугодныхъ людей, видя, какъ онъ благотворитъ, подумалъ: что еслибъ ему достатокъ, сколько бы надѣлалъ онъ добра!—и сталъ молиться, чтобы Богъ послалъ ему довольство. Послалъ Богъ; но тотъ, сдѣлавшись богатымъ, не только не сталъ помогать бѣднымъ, но и гналъ ихъ отъ себя съ ожесточеніемъ. Увидѣвъ это, онъ опять помолился, чтобы Господь лучше возвратилъ его въ прежнее труженическое житье. Господь и возвратилъ, и тотъ опять началъ жить по прежнему, дѣлясь тѣмъ, что добывалъ, съ бѣдными. Въ этомъ же родѣ были бы и всѣ другія поправки участей людскихъ, какія мы придумываемъ иногда съ нашимъ благоразуміемъ и правосудіемъ.»

«Тоже и относительно измѣненій въ участяхъ: иному лучше постоянно ровное состояніе, иному то повышеніе его, то пониженіе, а иному однократное измѣненіе изъ лучшаго въ худшее, или изъ худшаго въ лучшее. Іовъ то въ высшей степени счастливъ, то крайне несчастливъ, то опять счастливъ. Авраамъ всю жизнь живетъ въ полномъ довольствѣ; Іосифъ

изъ раба дѣлается правителемъ цѣлаго царства; Саулъ бѣдственно кончаетъ жизнь, и для всего рода своего полагаетъ конецъ царскому величію.»

«Такъ дѣйствуетъ Господь не пототу, что имѣетъ власть и силу измѣнять участи людей, а потому, что такъ дѣйствовать лучше всего для нихъ самихъ, для ихъ послѣднихъ цѣлей. А такъ какъ и счастіемъ ведетъ Господь къ добру, то очень умѣстна и молитва: *благостію Твоею, Господи, научи мя оправданіямъ Твоимъ.*» [*])

Иногда отдѣльныя слова или выраженія Св. Писанія поражаютъ и останавливаютъ вниманіе экзегета и даютъ ему поводъ указать и развить цѣлую область нравственныхъ понятій. Такъ изъясняя извѣстное евангельское изреченіе «*едино на потребу,*» онъ пишетъ: «Какъ только придется услышать намъ слово *о единомъ на потребу,* тотчасъ приходятъ на умъ потребности, необходимыя для поддержанія тѣла, и раждается вопросъ: да какъ же это? Но когда говорится, что надо избрать единое на потребу, то это не значитъ, что внушается ничего другого не дѣлать, а только соразмѣрять труды съ достоинствомъ дѣлъ: главному дѣлу посвящать главную заботу и преимущественный трудъ, а дѣламъ побочнымъ, придаточнымъ—заботу второстепенную и даже десятистепенную и таковой же трудъ. Положи на первомъ мѣстѣ богоугожденіе и спасеніе чрезъ исполненіе заповѣдей, а на второмъ, третьемъ и четвертомъ—все прочее, относящееся къ поддержанію жизни; и къ первому прилежи всѣмъ сердцемъ своимъ, а къ послѣднимъ относись внѣшне, касаясь ихъ какъ бы только концами пальцевъ, и будешь вѣрнымъ исполнителемъ того, что сказалъ Господь *о единомъ на потребу* и объ избранной части благой. То будетъ у тебя главное дѣло, а это все—придѣлки или подѣлія, какъ выражались древніе великіе подвижники. Нельзя не трудиться и не дѣлать въ житейскомъ и гражданскомъ быту, но надо вести эти дѣла въ подчиненіи главному, въ его духѣ, а не противно ему.»

«Припоминаю при этомъ бесѣду одного старца съ ученикомъ, который, на объясненіе старца о различіи дѣла и придѣлковъ, жаловался, что нынѣ (въ то время, то есть, когда это говорилось) порядокъ извратился, и придѣлки стали главнымъ дѣломъ, а главное дѣло—придѣлкомъ, и просилъ объяснить ему это примѣромъ. «Вотъ видишь ли, сказалъ старецъ, сидишь ты

*) Тамъ-же Стр. 285—288.

за рукодѣльемъ, а тутъ ударили въ било къ церковной молитвѣ; слѣдуетъ тотчасъ бросить работу и спѣшить въ церковь, положивъ нѣсколько поклоновъ въ келліи своей. Ты такъ и сдѣлаешь, если у тебя на сердцѣ главнымъ дѣломъ имѣется дѣло Божіе. Но если ты скажешь: «докончу, немного осталось, и просидишь сколько нибудь за работою, отнявъ это время у службы Божіей, то покажешь, что для тебя работа и пріобрѣтеніе работою дороже дѣла Божія, и строй твой душевный перевернулся головою внизъ, а ногами къ верху. Такъ разумѣй и о прочемъ.» «Прилагая это сказаніе къ себѣ и обобщая его, мы получимъ вотъ что: коль скоро у кого только и заботы, что о временныхъ потребностяхъ, дѣло же спасенія и богоугожденія всегда изъ-за нихъ отодвигается на задній планъ и относящееся къ нему исполняется лишь настолько, насколько допускаютъ тѣ заботы, и при томъ кое-какъ, наскоро, и то на половину; то у него главное стоитъ не тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, и придѣлье занимаетъ не свое мѣсто. Тамъ, гдѣ число такихъ лицъ разможается до того, что не похожихъ на нихъ уже не видно, все общество находится не въ настоящемъ строѣ; съ духовной точки зрѣнія, это будетъ общество ходящихъ вверхъ ногами. А такъ какъ это не въ порядкѣ вещей, то, естественно, что за этою непорядочностью развивается въ немъ и всякая другая непорядочность: отсюда смятеніе, разложеніе и пагуба.» *)

Не менѣе глубоки и назидательны толкованія священнаго текста по вопросамъ христіанской психологіи. Вотъ образчикъ ихъ. Читается 15 ст. 2 главы посланія къ Римлянамъ *„Иже являютъ* (язычники) *дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“*—и экзегетъ послѣ разъясненія внѣшняго смысла рѣчи входитъ въ подробное разсмотрѣніе взаимнаго отношенія духовныхъ способностей человѣка—совѣсти, сердца и сознанія, какъ производителей и совершителей нравственныхъ дѣлъ. И тутъ не знаешь, чему больше удивляться, вдохновенному ли проникновенію въ священный текстъ Слова Божія, или широтѣ психологическаго наблюденія и анализа явленій духовной жизни. По ученію преосв. Ѳеофана въ глубинѣ человѣческаго духа лежитъ совѣсть, какъ высшій руководитель и законодатель нравственной жизни. Требованія ея какъ бы перстомъ Божіимъ начертаны въ насъ и прежде всего отражаются въ сердцѣ, по самой своей природѣ

*) Тамъ же. Стр. 211—212

всегда сочувствующемъ всему доброму. Но чтобы законныя велѣнія совѣсти превратить въ актъ жизни, необходимо призвать на помощь сознаніе для опредѣленія степени ихъ обязательности. Сознанныя обязательными требованія переходятъ изъ высшей области духа въ низшую сферу души, съ ея установившимися потребностями и нажитыми привычками. Тутъ идеальныя стремленія совѣсти почти всегда встрѣчаютъ серьезныя препятствія, такъ какъ они обычно нарушаютъ любезный для насъ покой грѣховной жизни и требуютъ жертвъ. Тогда начинается сильная борьба, сосредоточенная главнымъ образомъ въ области мысли, *помысломъ между собою осуждающимъ и отвѣщающимъ*, когда мы стараемся съ одной стороны защитить и оправдать законныя требованія, а съ другой осудить и отвергнуть ихъ. Хотя совѣсть при содѣйствіи сочувствующаго сердца продолжаетъ настаивать на исполненіи своихъ предписаній, но никогда нельзя въ каждомъ случаѣ напередъ опредѣлить, чѣмъ кончится наша внутренняя борьба. Все зависитъ отъ свободной воли человѣка и установившагося строя его нравственной жизни. Въ значительномъ большинствѣ, конечно, онъ изнемогаетъ въ борьбѣ и падаетъ. Но бываютъ и обратные моменты, при этомъ иногда совершенно неожиданно и безъ всякой предварительной подготовки, когда идеальныя стремленія торжествуютъ и человѣкъ круто измѣняетъ, по крайней мѣрѣ на время, обычное теченіе жизни. «Могъ иной сказать: что язычники творятъ иногда законное, это бываетъ случайно; между множествомъ беззаконныхъ дѣлъ выпадаетъ иногда какъ-нибудь и законное. Апостолъ предотвращаетъ эту мысль, изображая, какъ естественно совершается производство нравственныхъ дѣяній. Язычники *являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ*. Ибо всегда первое внушеніе на добро исходитъ изъ сердца. Встрѣтился страждущій,—изъ сердца исходитъ состраданіе, располагающее облегчить его участь. Видитъ кто обижающаго,—изъ сердца исходитъ неудовольствіе на него съ понужденіемъ защитить обижаемаго. Получилъ кто благодѣяніе, сердце исполняется благодарностію къ благодѣтелю. Пришло помышленіе о Богѣ, въ сердцѣ чувствуется благоговѣйное Ему поклоненіе и преданность, хотя бы не имѣлъ кто правыхъ понятій о Божествѣ. Такъ всякое дѣло законное является написаннымъ въ сердцѣ и у язычника. Но въ сердцѣ откуда оно? Сердце—производитель законнаго внушенія, или только проводникъ? Само оно есть законное дѣло, или оно только являетъ, указываетъ

дѣло законное, принимая внушенія отъинуды и служа имъ только истолкователемъ? Глубже сердца въ духѣ лежитъ совѣсть, страхомъ Божіимъ оживляемая. Она перстомъ своимъ пишетъ въ сердцѣ при всякомъ случаѣ дѣло законное,—то, какъ слѣдуетъ поступить, иногда—помоги, иногда—защити, иногда—не тронь,—это чужое и подобное. Дѣло законное и является написаннымъ въ сердцѣ, и свидѣтельствуется чувствомъ, указывающимъ образъ дѣйствованія.»

«Но все ли здѣсь? Нѣтъ. Надо дойти до исполненія дѣломъ того, что внушено чрезъ сердце. И это идетъ такъ. Чувство сердца отражается въ сознаніи; лучъ сознанія опять низпадаетъ на совѣсть и вызываетъ обязательство—сдѣлать такъ или иначе. Сердце только сочувствуетъ законному дѣлу, какъ внушила ему совѣсть; совѣсть же, когда съ дѣломъ обратилось къ нему сознаніе, возлагаетъ теперь на него нравственную необходимость дѣйствованія такъ, а не иначе. Это и значитъ: *спослушествующей имъ совѣсти*. Спослушествующей—свидѣтельствующей. Кому? Чувствамъ сердца. Совѣсть говоритъ сознанію или лицу человѣка: да, да; такъ должно поступить, какъ внушаетъ сердце.»

«Этимъ внутреннее законоположеніе на всякій разъ и кончается. Дѣло законное указано и сознано обязательнымъ. Но такое рѣшеніе постановлено лишь во внутреннѣйшей, высшей палатѣ, гдѣ ничто законное не встрѣчаетъ препятствій. Чтобы перейти этому рѣшенію въ дѣло, ему надобно пройти чрезъ низшую палату—душу съ ея потребностями, привычками и принятыми въ правило внѣшними отношеніями. Сюда и поступаетъ всякое законное дѣло,—и какъ только поступаетъ, всегда встрѣчаетъ бурю противопомышленій... Совѣсть между тѣмъ защищаетъ свое дѣло. Происходитъ борьба внутри —*между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ. Отвѣщающимъ*—защищающимъ, исполняющимъ адвокатскую должность. Слышится съ одной стороны осужденіе, а съ другой—защита и оправданіе. Какая сторона одолѣетъ, по той и исполненіе слѣдуетъ,—дѣло законное, внутри законоположенное, на дѣлѣ или отвергается или исполняется. Кто рѣшитель? Свободное лице человѣка дѣйствующаго. И никто не можетъ рѣшить, почему это лицо склоняется на ту или другую сторону, и рѣшеній его никакимъ образомъ нельзя подвесть подъ какіе-либо законы, чтобы по нимъ можно было и предугадывать его рѣшенія. Ибо у него бываетъ сейчасъ одно, а черезъ часъ другое рѣшеніе, при совершенно равныхъ обстоятельствахъ.»

«Вотъ все производство нравственнаго дѣянія. Изъ него видно, что нравственный законъ написанъ въ сердцѣ человѣка и подкрѣпляется совѣстію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ всегда необходимо былъ исполняемъ: ибо встрѣчаетъ помыслы, въ борьбѣ съ которыми не всегда выходитъ побѣдителемъ. Виновникъ исполненія или неисполненія—свободный человѣкъ, который за дѣла свои и дастъ отчетъ въ день, когда будетъ Господь судить тайная человѣковъ: ибо рѣшенія человѣка на дѣла совершаются втайнѣ, а они— то собственно и подлежатъ суду и осужденію.»)

X.

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Переводные труды преосв. Θеофана прежде всего поражаютъ своею громадностію. Сочиненія эти слѣдующія: 1) пять томовъ «Добротолюбія,» каждый въ 600—800 страницъ большаго формата; 2) огромный томъ «Древнихъ иноческихъ уставовъ»—Пахомія Великаго, Василія Великаго, преп. Іоанна Кассіана и др.; 3) «Невидимая брань» старца святогорца Никодима; 4) Слова преп. Симеона Новаго Богослова и др. Вся эта масса святоотеческой литературы по своему содержанію и направленію главнымъ образомъ нравоучительнаго характера. Она подкрѣпляетъ основную мысль всѣхъ сочиненій преосв. Θеофана о пути ко спасенію глубоко назидательными примѣрами жизни и высоко авторитетными свидѣтельствами писаній древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Важнѣйшимъ изъ переводныхъ произведеній является «Добротолюбіе;» главный предметъ котораго составляетъ собраніе писаній о духовной жизни первоначальниковъ и великихъ учителей древняго аскетизма—Антонія В., Макарія В., Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Θеодора Студита, Максима Исповѣдника и многихъ другихъ. Хотя сочиненіе это есть въ общемъ переводное съ греческаго «Добротолюбія,» но въ немъ много и самостоятельной работы переводчика. Прежде всего русское «Добротолюбіе» гораздо полнѣе греческаго. Въ него вошли писанія многихъ отцевъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ. Не мало прибавлено новыхъ сочиненій тѣхъ аскетовъ, произведенія которыхъ уже имѣлись въ немъ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ

*) Посланіе къ Римлянамъ 146. стр.

святоотеческихъ твореній вмѣсто перевода сдѣлано извлеченіе и наоборотъ. Нѣсколько отдѣловъ, гдѣ было необходимо, переведено съ лучшаго латинскаго текста. Вообще же переводъ сдѣланъ свободный, вольный, и его по справедливости можно назвать перифразомъ подлинника. Наконецъ, твореніямъ предшествуетъ краткое жизнеописаніе каждаго автора, написанное переводчикомъ.

Добротолюбіе въ полномъ своемъ составѣ представляетъ собою широкое, всестороннее изображеніе и истолкованіе внутренней христіанской жизни. Въ немъ открывается яркая картина движенія нравственной жизни, начиная съ первыхъ признаковъ зарожденія и оканчивая высшимъ, возможнымъ для человѣка на землѣ совершенствомъ. Предъ умственнымъ взоромъ внимательнаго читателя поперемѣнно проходятъ слѣдующіе важнѣйшіе моменты ея: искушенія и нападенія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ подвижника, его борьба и одолѣніе, паденіе и возстаніе, начало и развитіе отдѣльныхъ проявленій духовной жизни, различныя ступени общаго преуспѣянія и свойственное каждой изъ нихъ состояніе ума и сердца подвизающагося, тягостное ощущеніе отдаленія и сладостное близости къ Богу и, наконецъ, полное и совершенное преданіе себя въ *руцѣ Божіи,* съ отложеніемъ всякаго житейскаго попеченія. Впечатлѣніе отъ созерцанія этой картины похоже на впечатлѣніе отъ чтенія увлекательнаго всемірнаго путешествія. Какъ путешественники пишутъ замѣтки о всемъ достойномъ вниманія на пути, такъ и христіанскіе подвижники, прослѣдившіе всѣ тропы духовной жизни въ разныхъ направленіяхъ, оставили намъ свои наблюденія и замѣчанія обо всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ ея. Только значеніе и способъ усвоенія тѣхъ и другихъ явленій не одинаковы. Плоды путешествій читатель безъ затрудненія можетъ усвоить, не двигаясь съ мѣста, такъ какъ общія формы жизни во всѣхъ странахъ міра приблизительно сходны. Не то бываетъ въ отношеніи къ духовнымъ опытамъ. Истинно понимать ихъ могутъ только идущіе путемъ этой жизни. Для невступившихъ же на него это совершенно невѣдомая наука. Даже и начавшіе подвизаться не все вдругъ усвояютъ. Только по мѣрѣ умноженія собственныхъ добродѣтелей становятся вполнѣ ясными и понятными указанія опытовъ, замѣченныхъ святыми отцами въ своихъ писаніяхъ.

Добротолюбіе имѣетъ очень важное значеніе для христіанской жизни. Самъ преосв. Ѳеофанъ, сродный по духу древнимъ

аскетомъ и глубоко проникшійся писаніями ихъ, высоко цѣнилъ Добротолюбіе и о достоинствѣ его даетъ слѣдующій отзывъ. «Это теплица духовная, въ которую вѣрующій, прочитывая указанія о явленіяхъ духовной жизни, входитъ сознаніемъ и сердцемъ, и подлежа тамъ ощутительнымъ вліяніямъ возбужденныхъ созерцаній, чувствуетъ, что онъ витаетъ въ сіи минуты въ иной нѣкоторой атмосферѣ, свѣтоносной и живоносной. Это отрадные моменты,—и въ продолженіе ихъ-то обычно зарождаются и зрѣютъ отпрыски на древѣ духовной жизни. И потому нѣтъ ничего дивнаго, что испытавшій это, какъ только улучаетъ свободную минуту, спѣшитъ къ опытнымъ описаніямъ духовной жизни, какъ любящій прибылъ спѣшитъ къ мѣстамъ, прибыль обѣщающимъ, и любящій удовольствія—къ мѣстамъ утѣхъ. Онъ часто при этомъ желаетъ подышать оживляющимъ и ободряющимъ воздухомъ духовнымъ. И однакожъ это не есть праздное любопытство. Нѣтъ, это есть дѣло существенной необходимости для преуспѣянія и благосостоянія нашего духа.» *)

Въ приведенныхъ словахъ заключается самая лучшая и правильная характеристика нравственнаго значенія всѣхъ вообще древне-отеческихъ и вчастности аскетическихъ писаній о духовной жизни. По истинѣ достойно глубокаго сожалѣнія то обстоятельство, что не всѣ раздѣляютъ этотъ взглядъ. Люди, поверхностно знакомые съ предметомъ, говорятъ, что сочиненія подобныя «Добротолюбію» нужны только аскетамъ да развѣ нашимъ простолюдинамъ. Что они мало пригодны для интеллигентнаго мірянина съ одной стороны по далекости и своей отрѣшенности отъ условій обычной человѣческой жизни, сухости и отвлеченности, а съ другой по безъискусственной простотѣ, несложности и односторонности своего содержанія. Мы вполнѣ согласны съ тою мыслію, что «Добротолюбіе» существенно необходимо для инока. Для вступившихъ на поприще истинно христіанской жизни и подвизающихся оно является дѣйствительнымъ, незамѣнимымъ руководствомъ, ибо здѣсь подвижники находятъ не только полное изображеніе идеала совершенной жизни, всѣхъ средствъ и путей, ведущихъ къ ней, но и частныя указанія и разъясненія, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, сомнительныхъ и недоумѣнныхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться на пути. Ни одинъ инокъ, сознательно живущій и серьезно относящійся къ своему долгу, не можетъ

*) Предисловіе къ Добротолюбію Т. 1. стр. 3.

обойтись безъ «Добротолюбія,» которое потому уже издавна сдѣлалось для него насущною потребностью и по истинѣ настольною книгою. «Добротолюбіе» также является избраннымъ и излюбленнымъ чтеніемъ и для нашего простолюдина. Жаль только, что сравнительно высокая цѣна изданія представляетъ значительныя затрудненія къ широкому распространенію его среди вѣрующей массы, хотя намъ лично приходилось встрѣчать его въ такихъ семьяхъ, гдѣ не было другихъ книгъ и которыя на пріобрѣтеніе книги отдѣлили часть изъ своихъ скудныхъ сбереженій. Намъ извѣстенъ даже такой трогательный фактъ: нѣсколько крестьянокъ—черничекъ, пришедшихъ на богомолье въ Саровскую пустынь, увидя «Добротолюбіе» въ книжной лавкѣ и не имѣя возможности купить его по одиночкѣ, пріобрѣли одинъ томъ въ складчину, буквально израсходовавъ на покупку послѣднія копѣйки. Возвратившись на родину, онѣ съ истиннымъ духовнымъ наслажденіемъ и утѣхою по очереди пользовались и хранили книгу, какъ сокровище и святыню. Но мы совершенно не раздѣляемъ взгляда о малопригодности «Добротолюбія» для интеллигентнаго мірянина, а напротивъ признаемъ его несомнѣнно существенно полезнымъ для каждаго христіанина. Внимательно читающій изображеніе высшихъ, идеальныхъ нравственныхъ состояній въ яркихъ и живыхъ образахъ жизни подвижника, невольно ощущаетъ неземную духовную красоту ихъ, незамѣтно проникается, увлекается ими и невольно лично переживаетъ лучшія, возвышеннѣйшія минуты. Часто повторяясь, подобныя состоянія могутъ сдѣлаться постоянными и устойчивыми настроеніями. То обстоятельство, что большинство нравоучительныхъ наставленій «Добротолюбія» писаны къ инокамъ, нисколько не препятствуетъ имъ быть общими христіанскими указаніями и руководствомъ. Они написаны въ евангельскомъ духѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и всеобъемлющаго значенія. Нѣсколько частныхъ правилъ, приспособленныхъ къ обстоятельствамъ, по духу всегда могутъ имѣть приложеніе также и въ жизни каждаго христіанина. Чтобы не быть голословными, возмемъ крайній примѣръ изъ аскетическихъ твореній великаго христіанскаго аскета и руководителя иночества св. Василія Великаго, именно изъ книги его: «Монастырскій Уставъ,» составляющей часть выше названнаго нами переводнаго труда преосв. Ѳеофана «Древніе иноческіе уставы.» Остановимся вниманіемъ и познакомимся со взглядомъ святителя на нашу мірскую, суетную жизнь.

«Ты говоришь мнѣ, пишетъ Василій Великій въ обличеніе соблазнительной мысли, искушающей инока оставить путь пустыннаго подвига, что въ мірѣ есть доброе. Знаю это и я: но знаю также и то, что тамъ это доброе перемѣшано со зломъ, и злое гораздо превышаетъ собою доброе. Не умѣя надлежащимъ образомъ пользоваться добромъ міра безъ поврежденія себя его зломъ, я оставилъ міръ и переселился сюда. И я, бывъ когда-то на духовныхъ празднествахъ, встрѣтилъ едва одного брата, который, по видимому, боялся Господа, но и тотъ одержимъ былъ діаволомъ гордости и тщеславія, и я услышалъ отъ него пышныя рѣчи и басни, сложенныя на обольщеніе съ нимъ встрѣчающихся, а послѣ него встрѣтилъ я многихъ воровъ, хищниковъ, притѣснителей; видѣлъ безобразную наружность упившихся и кровь угнетенныхъ видѣлъ и красоту женъ, которая подвергала искушенію мое цѣломудріе: и хотя избѣгъ я самаго блуда, однако же осквернилъ дѣвство свое сердечнымъ помышленіемъ. Много, правда, слышалъ я и душеполезныхъ рѣчей; впрочемъ ни въ одномъ изъ учителей не нашелъ добродѣтели, соотвѣтствующей рѣчамъ. А послѣ этого услышалъ еще тысячи плачевныхъ разсказовъ, которые своими скорбными звуками надрывали душу. Еще слышалъ пріятно звучащія гусли, рукоплесканія скачущихъ, голосъ смѣхотворовъ, слышалъ много глупостей и шутокъ, крикъ безчисленнаго многолюдства; видѣлъ слезы оскорбленныхъ, мученіе отводимыхъ въ неволю, рыданіе подвергаемыхъ пыткѣ. Все это видѣлъ я: и не духовное тутъ было собраніе, но море, обуреваемое и возмущаемое вѣтрами, которое стремилось всѣхъ за одинъ разъ покрыть своими волнами. Скажи мнѣ, злая мысль, какая польза видѣть и слышать сіе мнѣ, который не въ силахъ помочь обиженнымъ, не имѣю возможности защитить безсильныхъ, исправить погрѣшившихъ, а скорѣе могу погубить самъ себя? Какъ малое количество чистой воды исчезаетъ при сильномъ возвѣваніи вѣтра и пыли; такъ и то, что мы сдѣлаемъ въ мірѣ добраго, помрачается множествомъ худыхъ дѣлъ. Посему какъ птица переселяюсь я въ горы, чтобъ избавиться отъ сѣти ловящихъ.» *)

Кто рѣшится отрицать глубокую правду и широту проникновеннаго жизненнаго наблюденія автора подобнаго взгляда! Его вполнѣ раздѣляютъ величайшіе поэты всѣхъ временъ и народовъ, возмущавшіеся и возмущающіеся ненормальностями

*) Древніе иноческіе уставы. Стр. 212.

жизни и бичующіе въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ людскую неправду, жизненную грязь и «пошлость,» а также истинные мужи науки, ученые, которые никогда не могутъ примирить высокаго настроеніе своего духа, съ мелочными и низменными интересами толпы и потому для удовлетворенія своей духовной жажды убѣгаютъ и скрываются отъ гнетущей, заѣдающей житейской суеты въ свои тѣсные кабинеты. Необходимо только отмѣтить то существенное различіе между великимъ христіанскимъ подвижникомъ и сынами вѣка сего, что, не любя грѣшной жизни, онъ любилъ людей и ради ихъ только на время оставлялъ жизнь, дабы въ уединеніи пустыни лучше и безпрепятственнѣе подготовиться для борьбы и улучшенія ея. (жиз.). Когда потребовали людскія нужды, Св. Василій оставилъ любимую пустыню и вышелъ на упорную жизненную борьбу, посвятивъ ей цѣлыхъ 15 лѣтъ—шесть въ должности пресвитера и девять въ званіи епископа Кессаріи, руководя христіанскимъ обществомъ въ періодъ одного изъ самыхъ тяжкихъ испытаній его, когда вся область Кессарійская была раздираема аріанскими смутами и нестроеніями.

Настолько же глубоко поучительны для каждаго вѣрующаго взгляды великаго христіанскаго аскета и на отдѣльныя явленія жизни. Повидимому, что можетъ быть общаго между скромными трудами смиреннаго настоятеля обители и широкою общественною дѣятельностью самаго крупнаго начальника, въ самомъ большомъ вѣдомствѣ и сложномъ управленіи, а между тѣмъ идеалъ игумена и правила, данныя ему въ руководство, вполнѣ примѣнимы ко всякому начальству, въ лучшемъ смыслѣ и высокомъ значеніи. «Въ наставники другимъ., пишетъ Св. Василій, надо поставить отличающагося предъ всѣми благоразуміемъ, постоянствомъ и строгостію жизни, чтобъ доброе въ немъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ ему подражающихъ. Если многіе живописцы будутъ списывать черты одного лица, то всѣ изображенія будутъ сходны между собою; потому что сходны съ однимъ лицомъ. Такъ, если многіе нравы будутъ устремлены къ подражанію нравамъ одного, во всѣхъ равно будетъ сіять добрый образъ жизни. Поэтому съ избраніемъ одного останутся въ бездѣйствіи всѣ частныя произволенія, и съ превосходнѣйшимъ будутъ сообразоваться всѣ послѣдующіе, повинуясь апостольской заповѣди, которая повелѣваетъ, чтобы всяка душа властемъ предержащимъ повиновалась; потому что противляющійся себѣ грѣхъ пріемлетъ. (Рим. 13, 1, 2).»

«Надобно, чтобы настоятель, помня заповѣдь апостола, который говоритъ: *образъ буди вѣрнымъ* (1 Тим. 4, 12), представлялъ въ жизни своей ясный примѣръ всякой заповѣди Господней такъ, чтобы поучаемымъ не оставлялъ никакого повода почитать заповѣдь Господню невозможною для исполненія, или удобно пренебрегаемою.»

«Начальникъ долженъ, какъ отецъ, пекущійся о своихъ законныхъ дѣтяхъ, обращать вниманіе на нужды каждаго, и, по возможности, употреблять приличное врачеваніе и попеченіе, и поддерживать съ любовію и свойственнымъ отцу доброжелательствомъ каждый членъ, дѣйствительно немоществующій по душѣ и по тѣлу.»

«Тотъ, кому поручено заботиться о всѣхъ, будучи обязанъ дать отчетъ за каждаго, такъ и долженъ располагать себя, зная, что если одинъ изъ братій впадетъ въ грѣхъ потому, что онъ не сказалъ ему предварительно оправданій Божіихъ, или впадши въ грѣхъ, пребываетъ въ немъ не наученный, какъ исправиться; то кровь брата, по написанному, отъ рукъ его взыщется (Іезек. 3, 20), и особенно, если не по невѣдѣнію оставитъ онъ безъ вниманія что либо угодное Богу, но изъ ласкательства, потворствуя порокамъ каждаго, ослабитъ строгія правила жизни.»

«Настоятеля да не надмеваетъ санъ, чтобы самому ему не лишиться блаженства, обѣщаннаго смиренномудрію (Мѳ. 5, 3), или разгордѣвся, въ судъ не впасть діаволь (1 Тим. 3, 6). А напротивъ да убѣдится въ томъ, что попеченіе о многихъ есть служеніе многимъ. Какъ тотъ, кто прислуживаетъ многимъ раненымъ, очищаетъ гной у каждаго съ раны и оказываетъ имъ пособія по качеству поврежденія, такое свое служеніе обращаетъ въ поводъ не къ превозношенію, но болѣе къ смиренію, безпокойству и усердію; такъ или еще болѣе, и тотъ, кому поручено врачевать недуги братства, какъ общій всѣхъ слуга и о всѣхъ обязанный дать отчетъ, долженъ много думать и безпокоиться. Такимъ образомъ достигнетъ онъ цѣли, потому что Господь сказалъ: аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга (Мар. 9, 35).»

«Сверхъ того онъ долженъ быть мягкосердъ, великодушно переносить, если кто, по неопытности, не выполняетъ какой-либо своей обязанности, не молчать о грѣхахъ, но съ кротостью терпѣть до времени нерадивыхъ и непослушныхъ, и со всѣмъ мягкосердіемъ и съ умѣренностію давать имъ вра-

чевства, быть способнымъ отыскивать способъ врачеванія, свойственный немощи; выговоры долженъ дѣлать согрѣшившимъ безъ страсти; потому что обличать брата съ раздраженіемъ и гнѣвомъ значить не его освобождать отъ грѣха, но самого себя ввергать въ погрѣшности. Потому сказано: *съ кротостію наказующе противныя* (2 Тим. 2, 25).» [1])

Какое современное общество или учрежденіе не подпишется подъ этою мудрою рѣчью при выраженіи своего желанія или мнѣнія о личности начальника! И оно будетъ вполнѣ право, ибо именно такой, а не иной долженъ быть типъ идеальнаго общественнаго руководителя, какого бы вѣдомства онъ ни былъ и какую бы службу онъ ни отправлялъ. Различіе можетъ быть только въ подробностяхъ исполняемыхъ обязанностей, въ спеціальныхъ занятіяхъ, но духъ долженъ быть неизмѣнно одинъ.

Мы могли бы привести цѣлый рядъ мыслей и взглядовъ подобнаго же широкаго жизненнаго значенія и примѣненія изъ того же «Монастырскаго Устава.» Но для нашей цѣли достаточно и сказаннаго. Люди, глубоко проникшіе въ духъ твореній древнихъ отцевъ и учителей церкви, признаютъ ихъ поучительными для каждаго христіанина не только въ отношеніи содержанія и вліянія на жизнь, но даже со стороны внѣшняго способа построенія мыслей и теченія рѣчи. Такъ знаменитый греческій ученый, ораторъ и философъ IX вѣка Фотій, сначала бывшій свѣтскимъ сановникомъ, профессоромъ философіи высшей Константинопольской школы и воспитателемъ императора Михаила, а впослѣдствіи занявшій престолъ вселенскаго патріарха, пишетъ, что изученіе твореній Св. Василія Великаго есть лучшая школа для выработки рѣчи и стиля для каждаго свѣтскаго писателя, даже оратора. «Кто хочетъ быть, говоритъ онъ, отличнымъ гражданскимъ ораторомъ, не нуженъ ему ни Димосѳенъ, ни Платонъ, если онъ принялъ себѣ за образецъ и изучаетъ слова Василія Великаго. Во всѣхъ словахъ своихъ Св. Василій превосходенъ. Если кто другой, то онъ особенно владѣетъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ и силѣ мыслей за нимъ первое мѣсто; убѣдительность соединяетъ онъ съ пріятностью и ясностью. Рѣчь его такъ плавна, какъ потокъ свободно вышедшій изъ своего источника.» [2])

Всѣмъ сказаннымъ мы хотѣли выразить ту мысль, что въ твореніяхъ св. отцевъ, даже аскетическаго содержанія имѣется

[1]) Тамъ-же. Стр. 277—279; [2]) Филаретъ, архіеп. Черниговскій. Историческое ученіе объ отцахъ церкви т. 2, стр. 101.

много назидательнаго и существенно полезнаго для духовной жизни каждаго христіанина. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о «Добротолюбіи.» Въ немъ духовная жизнь изображена въ такой полнотѣ и широтѣ, что трудно и представить, не будучи знакомымъ съ содержаніемъ книги, при чемъ это изображеніе крайне разнообразно по своей внѣшней формѣ, ибо начинается отъ самыхъ простыхъ и безъискусственныхъ наблюденій и описаній и восходитъ до высочайшихъ, вдохновенныхъ созерцаній, запечатлѣнныхъ необыкновенною глубиною психологическаго проникновенія во внутренній міръ человѣка. Нѣкоторые отцы—подвижники какъ бы нарочито избирали преимущественнымъ а иногда даже исключительнымъ дѣломъ своей жизни—наблюденіе самыхъ тонкихъ и сокровенныхъ движеній человѣческаго духа и достигали въ этомъ отношеніи поразительныхъ успѣховъ и плодовъ. Объ одномъ изъ нихъ замѣчательный знатокъ святоотеческой литературы преосв. Филаретъ Черниг. пишетъ: «св. Исаакъ (Сиріанинъ) всю жизнь свою посвятилъ уединенному изученію души своей, и ничьи поученія не исполнены такихъ глубокихъ психологическихъ свѣдѣній, какъ поученія св. Исаака. Прошедъ самъ всѣ степени духовной созерцательной жизни, св. Исаакъ представляетъ наставленія о созерцаніяхъ возвышенныя и основанныя на твердыхъ опытахъ. Духовная жизнь изображена въ его поученіяхъ въ приложеніи къ самымъ неуловимымъ состояніямъ души.» *)

Не имѣя возможности познакомить читателя со всѣмъ духовнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія «Добротолюбія» мы по необходимости должны ограничиться только нѣкоторыми предметами. Чтобы дать понятіе о характерѣ «Добротолюбія» мы воспользуемся ученіемъ подвижниковъ о различныхъ ступеняхъ духовной жизни, о нѣкоторыхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ и наконецъ о смерти.

Приведемъ прежде всего самыя простыя и вмѣстѣ мудрыя наставленія св. отца VI вѣка, игумена одного изъ палестинскихъ монастырей аввы Дорофея о томъ, что и какъ долженъ дѣлать христіанинъ, чтобы благоустроить свою внутреннюю, духовную жизнь. Указанія эти настолько естественны и жизненны, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ доступны силамъ каждаго человѣка и вполнѣ примѣнимы къ всякому его общественному званію и личному нравственному состоянію, что по истинѣ нужно удивляться, какъ могъ св. авва, живя вдали отъ общенія съ

*) Тамъ же. Кн. 3, стр. 134.

людьми, такъ близко изучить и хорошо узнать обычную людскую жизнь и ея нужды. «Какъ должно созидать домъ душевный, пишетъ преп. Дорофей, сему можно научиться изъ построенія дома житейскаго. Строящій домъ возводитъ стѣны со всѣхъ четырехъ сторонъ, а не объ одной только стѣнѣ заботится; иначе понапрасну будетъ онъ тратить издержки и трудъ. Такъ и человѣкъ, желающій создать душевный домъ, не долженъ не радѣтъ ни объ одной сторонѣ своего зданія, но ровно и согласно возводить оное. Сіе-то значитъ сказанное Аввою Іоанномъ: «я хочу, чтобъ человѣкъ каждый день пріобрѣталъ по немногу отъ всякой добродѣтели,» а не такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, кои, держась одной добродѣтели и пребывая въ ней, только ее одну и исполняютъ, а о прочихъ не заботятся. Возводится же душевный домъ ровно и стройно со всѣхъ сторонъ такимъ образомъ. Сперва надлежитъ положить основаніе, которое есть вѣра: ибо *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 5). И потомъ на семъ основаніи строить зданіе равномѣрно, именно: случилось ли послушаніе, должно положить камень послушанія; встрѣтилось ли огорченіе отъ брата, должно положить камень долготерпѣнія; представился ли случай къ воздержанію, должно положить камень воздержанія. Такъ отъ всякой добродѣтели, для которой представляется случай, должно полагать въ зданіе по камню, и такимъ образомъ возводить оное со всѣхъ сторонъ, полагая въ зданіе то камень состраданія, то камень отсѣченія своей воли, то камень кротости и т. д. Но при всемъ томъ должно позаботиться о терпѣніи и мужествѣ: ибо онѣ суть краеугольные камни, ими связуется зданіе и соединяется стѣна со стѣною, не давая имъ наклоняться и отдѣляться одной отъ другой. Безъ терпѣнія и мужества никто не можетъ совершить ни одной добродѣтели. Почему и сказано: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19). Строющій домъ на каждый камень кладетъ извесь; ибо если онъ положитъ камень на камень безъ извести, то камни выпадутъ и домъ обрушится. Известь (въ душевномъ созиданіи) есть смиреніе, потому что она берется изъ земли и находится у всѣхъ подъ ногами. А всякая добродѣтель, совершаемая безъ смиренія, не есть добродѣтель. О семъ сказано и въ отечникѣ: «какъ корабля нельзя построить безъ гвоздей, такъ и спастись нельзя безъ смиренномудрія.» Въ домѣ обычномъ есть кровля. Кровля дома душевнаго есть любовь, которая составляетъ совершенство добродѣтелей, также какъ и кровля

дома есть завершеніе дома. Кругомъ кровли идутъ перила, чтобъ, какъ говоритъ законъ (Второз. 22, 8), дѣти не падали съ кровли. Перила въ зданіи душевномъ суть—трезвеніе, вниманіе и молитва а дѣти—помышленія, бывающія въ душѣ, которыя хранитъ трезвеніе и молитва.»

«Но въ дѣлѣ сего созиданія нужно и еще одно,—именно, чтобъ строитель былъ искусенъ. Ибо если онъ не искусенъ, то можетъ покривить стѣну, и домъ когда-либо обрушится. Искусенъ тотъ, кто разумно совершаетъ добродѣтели; ибо случается, что иной и подъемлетъ трудъ добродѣланія, но отъ того, что неразумно совершаетъ трудъ сей, губитъ его самъ, или постоянно портитъ дѣло; и такимъ образомъ зданія не доводитъ до конца, но только строитъ и разрушаетъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Если кто постится или по тщеславію, или думая въ себѣ, что совершаетъ особенную нѣкую добродѣтель, то таковый постится неразумно, и потому начинаетъ послѣ укорять брата своего, почитая себя чѣмъ-то великимъ; и оказывается, что онъ не только, положивъ одинъ камень, снялъ два, но находится въ опасности разрушить и всю стѣну чрезъ осужденіе ближняго. А кто разумно постится, тотъ не думаетъ, что совершаетъ особенную добродѣтель, и не хочетъ, чтобы его хвалили, какъ постника; но думаетъ, что чрезъ воздержаніе пріобрѣтетъ цѣломудріе, и посредствомъ сего придетъ въ смиреніе, какъ говорятъ отцы: «путь къ смиренію суть труды тѣлесные, совершаемые разумно.»

«При видѣ другихъ больше всего должно избѣгать подозрительности, отъ которой происходитъ пагубное осужденіе. Имѣю множество опытовъ, подтверждающихъ ту истину, что всякій судитъ о другихъ по своему устроенію. Положимъ, что кому-либо случилось стоять ночью въ извѣстномъ мѣстѣ,—и мимо его идутъ три человѣка. Увидѣвъ его, одинъ изъ нихъ думаетъ: онъ ждетъ такую-то, чтобъ пойти на грѣховное свиданіе; другой: это должно быть воръ; третій: онъ сговорился съ кѣмъ-либо изъ ближайшаго дома вмѣстѣ пойти куда-либо на молитву,—и ждетъ его. Вотъ трое видѣли одного и того же человѣка, на одномъ и томъ же мѣстѣ, однакожъ не одно и тоже возъимѣли о немъ мнѣніе, но одинъ—одно, другой—другое, третій еще иное, и очевидно каждый сообразно съ своимъ душевнымъ состояніемъ. Какъ тѣла черножелчныя и худосочныя каждую пищу, которую принимаютъ, претворяютъ въ худые соки, хотя бы пища была и полезная; такъ и душа, имѣющая

худой нравъ, получаетъ вредъ отъ всякой вещи, хотя бы встрѣчаемыя вещи и хороши были. А имѣющій добрый нравъ подобенъ тому, кто имѣетъ тѣло добросочное, при которомъ, если онъ и съѣстъ что-либо вредноватое, то оно образуется у него въ хорошіе соки. Такъ и мы, если имѣемъ добрый нравъ, и находимся въ хорошемъ душевномъ настроеніи, то можемъ отъ каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь сія и не была полезна. Слышалъ я о нѣкоемъ братѣ, что когда онъ приходилъ къ кому-либо изъ братіи и видѣлъ келлію его не выметенною и не убранною, то говорилъ себѣ: блаженъ сей братъ, что отложилъ заботу обо всемъ земномъ и такъ весь умъ свой устремилъ горѣ что не находитъ времени и келлію свою привести въ порядокъ. Также если приходилъ къ другому, и видѣлъ келлію его убранною и выметенною и чистою то опять говорилъ себѣ: какъ чиста душа сего брата, такъ и келлія его чиста, и состояніе келліи согласно съ состояніемъ души его. И никогда не говорилъ онъ ни о комъ: сей нерадивъ, или гордъ, но по своему доброму настроенію всѣхъ видѣлъ добрыми, и отъ всѣхъ получалъ пользу.»

«Апостолъ заповѣдалъ *искушать, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 2), чтобъ потомъ и дѣйствовать по ней. Какая же есть воля Божія благая? Та, чтобъ любить другъ друга, быть сострадательными, творить милостыню и потому подобное; вотъ *воля Божія благая*. А какая есть *воля Божія благоугодная?* Не всякій, дѣлающій что-либо благое, дѣлаетъ это благоугодно Богу. Случается, напримѣръ, что кто-нибудь находитъ сироту убогую и красивую собою; она нравится ему по красотѣ своей,—и онъ беретъ ее и воспитываетъ, хотя какъ сироту убогую, но вмѣстѣ и какъ красивую собою. Вотъ это воля Божія и *благая*, но не *благоугодная*. А *благоугодная* та, когда кто дѣлаетъ дѣло милосердія, не по какому-либо побужденію человѣческому, но ради Бога, заповѣдавшаго сіе, ради самаго добра, изъ одного состраданія: сіе благоугодно Богу. *Совершенная* наконецъ воля Божія есть та, когда кто творитъ дѣло милосердія, не со скупостію, не съ лѣностію, не съ презрѣніемъ, но всею силою и всѣмъ произволеніемъ, творя милость такъ, какъ будто бы принималъ самъ, и такъ благодѣтельствуя, какъ будто бы самъ принималъ благодѣянія: тогда исполняется совершенная воля Божія.»

«Не увлекайся помыслами, будто добродѣтель превышаетъ твои силы и неисполнима для тебя; но, воодушевясь вѣрою,

дерзновенно положи начало, яви предъ Богомъ доброе произволеніе и стараніе, и увидишь помощь, которую Онъ подастъ тебѣ для совершенія добродѣтели. Представь себѣ двѣ лѣстницы, —одна возводитъ на небо, а другая низводитъ въ адъ, ты же стоишь на землѣ посреди обѣихъ лѣстницъ. Не думай и не говори: какъ могу я возлетѣть отъ земли и очутиться вдругъ на высотѣ неба, т. е. на верху лѣстницы. Ты только берегись спуститься внизъ, дѣлая худо; вверхъ же напрягайся подниматься по немногу, дѣлая добро, какое встрѣчается. Каждое дѣло будетъ шагъ вверхъ. Такъ, поднимаясь съ помощію Божіею съ одной ступени на другую, достигнешь наконецъ и верха лѣстницы.» *)

Теперь ознакомимся съ явленіями слѣдующей ступени духовной жизни, когда вѣрующій почувствовалъ тяжесть грѣха и вступилъ на путь добродѣтели, когда благодать Божія коснулась его сердца, но еще не овладѣла всѣмъ существомъ его. Внутреннее настроеніе подвизающагося тогда характеризуется недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ и усиленнымъ стремленіемъ къ Богу, тогда внутри его водворяется полная нравственная устойчивость, совершенное равнодушіе и безпопеченіе въ отношеніи ко всѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, при чемъ даже совершаемыя добрыя дѣла большія и важныя считаются ничтожными, а единственно высоко цѣнится и исключительно господствуетъ въ духѣ одно страстное желаніе достиженія истинно-христіанскаго идеала. Ученіе объ этой ступени мы находимъ въ бесѣдахъ и наставленіяхъ славнаго египетскаго пустынножителя и наставника иночества IV вѣка—св. Макарія Великаго, главнымъ предметомъ наблюденій котораго является внутренняя духовная жизнь и преимущественно въ томъ ея видѣ, какъ она выражается и течетъ на пути созерцательнаго уединенія. Не смотря на глубокій и мало-доступный предметъ, бесѣды и наставленія опытнаго учителя ясны и вразумительны. Сокровенныя духовныя явленія, столь мало извѣстныя для многихъ христіанъ, въ устахъ преподнаго Макарія становятся близкими сердцу и уму каждаго. То, что было бы темно по своей духовной возвышенности, у подвижника приближается къ нашему пониманію сравненіями и образами, которые всегда просты и глубоко поучительны. Мысли его въ той или другой бесѣдѣ не всегда располагаются по закону строгаго логическаго порядка, но онѣ чаще всего слѣдуютъ естественному ходу ис-

*) Добротолюбіе. Т. 2. Стр. 677—682.

кренняго чувства Нерѣдко теченіе размышленій прерывается вопросами, которые, какъ полагаютъ, предлагаемы были учениками или во время самихъ бесѣдъ, или же прежде ихъ. «Люди, на которыхъ уканула роса Духа божественной истины, пишетъ преподобный Макарій, и уязвила сердце божественной любовію къ небесному Царю—Христу, привязуются къ оной красотѣ, къ неизглаголанной славѣ, къ нетлѣнному благолѣпію, къ недомыслимому богатству истиннаго и вѣчнаго Царя—Христа. Они отдаются въ плѣнъ вожделѣнію и любви, всецѣло устремляясь ко Христу, и вожделѣваютъ улучить тѣ неизглаголанныя блага, какія созерцаютъ духомъ, и ради сего ни во что вмѣняютъ всякую на землѣ красоту, и славу, и благолѣпіе, и честь, и богатство царей и князей; потому что уязвились они божественною красотою и въ души ихъ уканула жизнь небеснаго безсмертія. Посему и желаютъ единой любви небеснаго Царя, съ великимъ вожделѣніемъ Его Единаго имѣя предъ очами, ради него отрѣшаются отъ всякой мірской любви и удаляются отъ всякихъ земныхъ узъ, чтобы возможно имъ было сіе одно желаніе имѣть всегда въ сердцахъ, и не примѣшивать къ нему ничего иного. Тѣ христіане, которые дѣйствительно вкусили благодати, одни могутъ разумѣть, что весь земной міръ и царскія сокровища, и богатство, и слава, и словеса мудрости,—все это какая то мечта, что то не имѣющее твердаго основанія, но преходящее; и ежели есть что подъ небомъ, то для нихъ достойно это всякаго препебреженія. Почему же это? Потому что чудно и дивно то, что превыше небесъ, чего нѣтъ ни въ сокровищахъ царскихъ, ни въ словесахъ мудрости, ни въ славѣ мірской. И достоинство, или богатство, какое пріобрѣли себѣ они—во внутреннѣйшемъ человѣкѣ, имѣющіе Господа и Творца всяческихъ, есть стяжаніе не преходящее, но вѣчно пребывающее. Умъ и разумѣніе христіанъ, по общенію и причастію Святаго Духа, достигаютъ постоянства, твердости, безмятежія и покоя, не разсѣяваются и не повинуются уже непостояннымъ и суетнымъ помысламъ; но пребываютъ въ мирѣ Христовомъ и въ любви Духа, какъ и Господь разсуждая о таковыхъ сказалъ, что прешли они отъ смерти въ животъ. Обновленіемъ ума, умиреніемъ помысловъ, любовію и небесною приверженностію ко Господу отъ всѣхъ людей въ мірѣ отличается новая тварь христіанинъ.»

«Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведныхъ дѣлъ, но ненасытимому стрем-

ленію своему ко Господу, думаетъ о себѣ, будто бы ничего еще она не сдѣлала; хотя бы изнурила тѣло свое постами и бдѣніями, при такихъ остается чувствованіяхъ, будто бы не начинала еще трудиться для добродѣтелей; хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій, или откровеній и небесныхъ таинъ, по безмѣрной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не пріобрѣла, а напротивъ того ежедневно алкая и жаждая, съ вѣрою и любовію пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными тайнами и благоустроеніемъ себя во всякой добродѣтели. Она уязвлена любовію небеснаго Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждаетъ въ себѣ пламенное стремленіе къ небесному Жениху, вожделѣваетъ совершенно сподобиться таинственнаго и неизреченнаго общенія съ Нимъ въ святынѣ Духа, съ великимъ вожделѣніемъ непрестанно ожидаетъ смерти за Христа, несомнѣнно вѣруетъ, что чрезъ Духа пріиметъ совершенное избавленіе отъ грѣха и тьмы страстей, и очистившись Духомъ, освятившись душевно и тѣлесно, сподобится стать чистымъ сосудомъ для пріятія въ себѣ небеснаго міра и обителію небеснаго и истиннаго Царя Христа. И тогда то содѣлывается она достойною небесной жизни, ставъ еще здѣсь чистымъ жилищемъ Святаго Духа. Но придти въ такую мѣру возможно душѣ не вдругъ и не безъ испытаній. Когда дѣйствіе божественной благодати пріосѣняетъ душу, по мѣрѣ вѣры каждаго, и душа пріемлетъ помощь свыше; тогда благодать пріосѣняетъ ее только еще отчасти. И не думай, чтобы въ комъ-нибудь озарялась вся душа; внутри ея остается еще великая пажить пороку, и человѣку потребны великій трудъ и усиліе, соглашенные съ дѣйствующею въ немъ благодатію. Посему то, божественная благодать, которая въ одно мгновеніе можетъ человѣка очистить и сдѣлать совершеннымъ, начинаетъ посѣщать душу постепенно, чтобы испытать человѣческое произволеніе, сохраняетъ ли оно всецѣло любовь къ Богу, ни въ чемъ не сдружаясь съ лукавымъ, но всецѣло предавая себя благодати. И благодать Божія овладѣваетъ пажитію въ душѣ, по мѣрѣ того, какъ душа многіе годы оказывается богоискусною и согласною съ благодатію, до глубочайшихъ ея составовъ и помышленій пускаетъ корни, пока вся душа не будетъ объята небесною благодатію, царствующею уже въ этомъ сосудѣ.»

«Такъ многіе вводимы были въ заблужденіе самымъ дѣйствіемъ въ нихъ благодати: они подумали, что достигли совер-

ществa, и сказали: «довольно съ насъ, не имѣемъ ни въ чемъ нужды.» Но Господь безконеченъ и непостижимъ. И христіане не смѣютъ сказать, что постигли, но смиряются день и ночь. У души много членовъ и глубина ея велика, и привзошедшій въ нее грѣхъ овладѣлъ уже всѣми ея пажитіями и составами сердца. Потомъ, когда человѣкъ взыщетъ благодати, она приходитъ къ нему и овладѣваетъ двумя, можетъ быть, составами души. А неопытный, утѣшаемый благодатію думаетъ, что пришедшая благодать овладѣла всѣми составами души, и грѣхъ искорененъ. Но большая часть души во власти грѣха, одна же часть подъ благодатію. И человѣкъ обманывается и не знаетъ сего. И у того, кто одержимъ недугомъ, нѣкоторые члены бываютъ здоровы, напримѣръ, орудіе зрѣнія—глазъ, или другой какой членъ, между тѣмъ, какъ прочіе члены повреждены. Тоже бываетъ и въ разсужденіи духовнаго. Иному можно имѣть здравыми три духовные члена, но поэтому человѣкъ не есть еще совершенъ. Только многими трудами и подвигами, съ продолженіемъ времени, при рачительности, послѣ испытаній и различныхъ искушеній, пріемлетъ душа духовное возрастаніе и преспѣяніе даже до совершенной мѣры безстрастія; и тогда уже съ готовностію и мужественно выдержавъ всякое искушеніе отъ грѣха, сподобится великихъ почестей, духовныхъ дарованій небеспаго богатства, и такимъ образомъ содѣлается наслѣдницею небеснаго царствія о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.» *)

Высшій моментъ сокровенной христіанской жизни по ученію св. отцевъ характеризуется съ одной стороны прекращеніемъ всякой личной дѣятельности человѣка, по собственной волѣ и стремленію, даже оставленіемъ молитвы, а съ другой стороны совершеннымъ преданіемъ себя въ руцѣ Божіи и дѣйствіями по руководству божественной благодати. Отрѣшенный отъ всего земного, даже измѣнившійся въ своемъ наружномъ видѣ, человѣкъ тогда живетъ какъ бы внѣ міра и для сторонняго наблюдателя кажется изступленнымъ. Онъ дѣлается нечувствительнымъ, какъ бы не замѣчаетъ теченія своей внѣшней жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ становится способнымъ, и готовымъ на величайшіе подвиги, даже тяжкія мученія и смерть, и чѣмъ ни больше страданій, тѣмъ сильнѣе онъ жаждетъ ихъ. Его духъ въ то время всецѣло наполняетъ и овладѣваетъ совершенная любовь къ Богу, этотъ истинный вѣнецъ христіан-

*) Добротолюбіе Т. 1. Стр. 190—204.

скихъ добродѣтелей. Подобный моментъ внутренней жизни есть состояніе вдохновенія, которое испытывали св. пророки, апостолы и мученики, когда удостоивались созерцать видѣнія и получали божественныя откровенія. Такое состояніе изображается у нѣсколькихъ св. отцевъ, но лучше другихъ его знали о описали св. Макарій Египетскій и въ особенности Исаакъ Сиріанинъ. «Прошу тебя, отче, говорилъ св. Григорій Синаитъ своему учителю, преподобному Максиму, скажи мнѣ, въ тотъ часъ, какъ умъ твой восхищаемъ бываетъ къ Богу, что видитъ онъ умными очами своими? И можетъ ли тогда умъ вмѣстѣ съ сердцемъ возводить молитву? Святый Максимъ отвѣтилъ ему: нѣтъ, не можетъ. Ибо когда благодать Святаго Духа придетъ въ человѣка посредствомъ молитвы, тогда молитва прекращается, такъ какъ умъ тогда весь овладѣвается благодатію Святаго Духа и не можетъ болѣе дѣйствовать собственными своими силами, но пребываетъ бездѣйственъ и повинуется только Духу Святому, и куда хощетъ Духъ Святый, туда и ведетъ его, или въ невещественный воздухъ свѣта Божественнаго, или въ другое какое созерцаніе несказанное, или, какъ часто бываетъ, въ божественную бесѣду, и кратко сказать, какъ хощетъ Утѣшитель, Духъ Святый, такъ и утѣшаетъ рабовъ Своихъ; какая потребна каждому изъ нихъ, ту и подаетъ имъ благодать Свою. Сіе, что говорю я, можетъ всякій явно видѣть въ пророкахъ и апостолахъ, которые сподоблялись видѣть всякаго рода видѣнія, хотя люди насмѣхались надъ ними, почитали ихъ прельщенными и упившимися. Такъ пророкъ Исаія видѣлъ Господа, на престолѣ высокомъ превознесеннаго и окруженнаго Серафимами. Первомученикъ Стефанъ видѣлъ отверстыя небеса и Господа Іисуса одесную Отца, и проч. Такимъ же образомъ и нынѣ рабы Христовы сподобляются видѣть разныя видѣнія, которымъ нѣкіе не вѣрятъ и никакъ не признаютъ ихъ истинными, но считаютъ прелестями и тѣхъ, которые видятъ ихъ, называютъ состоящими въ прелести. Дивлюсь я такимъ много, и недоумѣваю, что это за люди, и какъ ослѣпились они, что, будто слѣпые, не видятъ и не вѣруютъ тому, что обѣтовалъ неложный Богъ устами пророка Іоиля, именно, что это самое дастъ Онъ вѣрующимъ, говоря: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть и прорекутъ* (Іоил. 2, 28),—каковую благодать Господь ниспослалъ на учениковъ Своихъ, и нынѣ подаетъ ее, и будетъ подавать до скончанія вѣка, по обѣтованію Своему, всѣмъ вѣрнымъ ра-

бамъ Своимъ. Итакъ, когда сія благодать Духа Святаго сойдетъ на кого-либо, то не что либо обычное показываетъ ему изъ вещей чувственнаго міра сего, но показываетъ то, чего тотъ никогда не видѣлъ и не воображалъ. Тогда умъ такого человѣка научается отъ Святаго Духа высшимъ и сокровеннымъ тайнамъ, которыхъ, по божественному Павлу ни око человѣческое не можетъ видѣть, ни умъ уразумѣть самъ собою никогда (1 Кор. 2, 9). И чтобъ тебѣ понять, какъ умъ нашъ видитъ ихъ, вникни въ то, что я скажу тебѣ. Воскъ, когда далеко отъ огня находится, бываетъ твердъ, и можно взять его и держать; но какъ только ввергнешь его въ огонь, тотчасъ растаяваетъ, и тамъ въ огнѣ возгарается и горитъ, и бываетъ весь свѣтомъ, и такимъ образомъ кончается весь среди огня. Такъ и умъ человѣческій, когда одинъ самъ по себѣ бываетъ, не срѣтясь съ Богомъ, тогда уразумѣваетъ, какъ обычно, окружающее его по силѣ своей,—когда же приблизится къ огню Божества и къ Духу Святому, тогда весь всецѣло овладѣвается онымъ огнемъ Божескимъ, и бываетъ весь свѣтъ, и тамъ въ пламени Духа Святаго возгарается, и разливается въ божескихъ помышленіяхъ, и никакъ невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своемъ и о томъ, о чемъ хочетъ.»

Тогда всецѣло овладѣваетъ душою человѣка совершенная любовь къ Богу. «Глубоко уязвившійся любовью къ Богу не имѣетъ достаточныхъ къ удовлетворенію сего расположенія силъ тѣла; ибо въ трудахъ и потахъ подвижничества нѣтъ насыщенія сему его расположенію. Находясь въ состояніи, подобномъ тому, въ какомъ находится томимый крайнею жаждою, ничѣмъ не можетъ онъ до насыщенія удовлетворить внутренней жгучей его жажды; день и ночь готовъ онъ быть въ трудахъ, но силы тѣла оставляютъ его.» «Любовь къ Богу естественно горяча, и когда нападетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту изступленною. Почему сердце ощутившаго ее не можетъ вмѣстить ее и стерпѣть, но по мѣрѣ качества (своего) и нашедшей на него любви, видится въ немъ измѣненіе необычное. И вотъ каковы знаменія ея чувственныя: лице человѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаютъ отъ него стыдъ и страхъ, и бываетъ какъ бы изступленнымъ; сила, собирающая умъ, бѣжитъ изъ него, и бываетъ онъ какъ бы изумленъ. Страшную смерть почитаетъ радостію, и созерцаніе ума его никогда не испытываетъ пресѣченія какого-либо въ помышленіи о небесномъ. Вѣдѣніе и

зрѣніе его естественно переходитъ, и чувственно не ощущаетъ онъ движенія своего, коимъ движется между вещами. Ибо хотя онъ и дѣлаетъ что, но совершенно того не чувствуетъ, такъ какъ умъ его высится въ созерцаніи, и мысль его всегда какъ бы бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ. Симъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда апостолы и мученики; и одни весь міръ обошли, трудясь и терпя поношеніе, а другіе будучи разсѣкаемы на уды, пролили кровь свою, какъ воду, и претерпѣвая ужаснѣйшія страданія, не впадали въ малодушіе, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ, въ нестроеніяхъ благоустроенными пребывая.» *)

На ряду съ изображеніемъ полной христіанской жизни и частныхъ моментовъ ея мы находимъ въ святоотеческихъ твореніяхъ не мало повѣтствованій и наставленій о многихъ отдѣльныхъ добродѣтеляхъ. Разсмотримъ ученіе о страхѣ Божіемъ того же выше названнаго подвижника—св. Аввы Дорофея, въ которомъ онъ различаетъ два вида добродѣтели —первоначальный страхъ въ смыслѣ совершенія добрыхъ дѣлъ человѣкомъ по причинѣ опасенія и боязни мукъ загробной жизни и совершенный страхъ при мысли оскорбить Бога допущеніемъ зла, или что тоже по чувству любви къ Богу. Обратившись отъ грѣха на путь добродѣтели, вѣрующій на первыхъ порахъ дѣйствуетъ и руководится въ жизни начальнымъ страхомъ, со внутреннею тревогою и безпокойствомъ за успѣхъ добра, но постепенно совершенствуясь, онъ приходитъ въ равновѣсіе и уже наслаждается полнымъ душевнымъ миромъ, когда страхъ переходитъ въ любовь къ Богу. Вотъ это воспроизведеніе глубокаго и тонкаго наблюденія духовной жизни въ отношеніи обнаруженій главнѣйшей христіанской добродѣтели, служащей *началомъ премудрости* при созиданіи и благоустроеніи нашего внутренняго міра. «Св. Іоаннъ говоритъ: *совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). Какъ же св. пророкъ Давидъ говоритъ: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Пс. 33, 10)? Симъ показывается, что есть два страха: одинъ первоначальный, а другой совершенный,—одинъ свойственъ начинающимъ, а другой свойственъ совершеннымъ Святымъ, достигшимъ въ мѣру совершенной любви. Кто исполняетъ волю Божію по страху мукъ, тотъ есть еще новоначальный;

*) Добротолюбіе т 5, стр. 441, 512 и 513.

а кто исполняетъ волю Божію изъ любви къ Богу, для того чтобъ угодить Богу, того сія любовь приводитъ въ совершенный страхъ, по коему онъ, вкусивъ сладости пребыванія съ Богомъ, боится отпасть, боится лишиться ея. И сей-то совершенный страхъ, раждающійся отъ любви, вонъ изгоняетъ страхъ первоначальный. Страха совершеннаго невозможно достигнуть, если кто прежде не пріобрѣтетъ первоначальнаго страха. Премудрый Сирахъ говоритъ: *страхъ Божій есть начало* и конецъ (—1, 15.) 8). Началомъ названъ первоначальный страхъ, за которымъ слѣдуетъ совершенный страхъ Святыхъ. Первоначальный страхъ свойственно душевному (а не духовному) состоянію. Онъ охраняетъ душу отъ всякаго паденія; ибо сказано: страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла (Прит. 15, 24). Но кто уклоняется отъ зла, по страху наказанія, какъ рабъ, боящійся господина, тотъ постепенно приходитъ къ тому, чтобъ дѣлать благое добровольно, сначала, какъ наемникъ, надѣяся нѣкоего воздаянія за свое благое дѣланіе. Если же онъ такимъ образомъ будетъ постоянно избѣгать зла, изъ страха, подобно рабу, и дѣлать благое, въ надеждѣ награды, подобно наемнику; то пребывая, по благодати Божіей, во благомъ и соразмѣрно сему соединяясь съ Богомъ, получаетъ онъ наконецъ вкусъ ко благому, приходитъ въ нѣкоторое ощущеніе истинно благаго, и уже не хочетъ разлучиться съ нимъ. Тогда достигаетъ онъ въ достоинство сына и любитъ добро ради самого добра. Сей то есть великій и совершенный страхъ. Сію постепенность изображаетъ и св. Пророкъ Давидъ въ слѣдующихъ словахъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15). *Уклонися*, говоритъ, отъ *зла*, т. е. избѣгай всякаго вообще зла, уклоняйся отъ всякаго дѣла, ведущаго къ грѣху. Но сказавъ это, онъ не остановился на семъ, но прибавилъ: *и сотвори благо.* Ибо случается, что иной не дѣлаетъ зла, но и добра не творитъ; и, напримѣръ, не обижаетъ, но и милосердія не оказываетъ, или не ненавидитъ, но и не любитъ. Сказавъ же и о семъ, онъ послѣдовательно продолжаетъ: *взыщи мира и пожени и.* Не сказалъ только—*взыщи,* но усильно стремись за нимъ, чтобъ достигнуть его. Слѣдите внимательно умомъ своимъ за сею рѣчью, и примѣчайте тонкость, наблюдаемую Святымъ. Когда кто сподобится уклониться отъ зла, и потомъ, съ помощью Божіею, будетъ старательно дѣлать благое; тотчасъ возстанутъ на него брани вражескія,—и онъ подвизается,

трудится, сокрушается, то боясь возвратиться опять на злое, какъ рабъ, то надѣясь награды за благое, какъ наемникъ. Но терпя нападенія отъ врага, борясь съ нимъ и сопротивляясь ему по симъ побужденіямъ, онъ, хотя дѣлаетъ благое, однакожъ съ большою скорбію, съ великимъ трудомъ. Когда же получивъ помощь отъ Бога и пріобрѣтетъ нѣкоторый навыкъ въ добрѣ, тогда видитъ онъ покой, тогда вкушаетъ миръ, тогда ощущаетъ, что значитъ прискорбная брань и что—радость и веселіе мира. И начинаетъ уже потомъ искать мира, усиленно стремится къ нему, чтобъ достигнуть его, пріобрѣсти совершенно и водворить его въ себѣ. Достигшій же въ мѣру сію, вкушаетъ наконецъ блаженство миротворцевъ (Мѳ. 5, 9). И отселѣ кто можетъ побудить душу сію дѣлать добро ради чего либо иного, кромѣ наслажденія тѣмъ самымъ добромъ? Тогда-то таковый познаетъ и совершенный страхъ. Отцы сказали, что человѣкъ пріобрѣтаетъ страхъ Божій, если имѣетъ память смерти и память мученій, если каждый вечеръ испытываетъ себя, какъ провелъ день, и каждое утро, какъ прошла ночь, если не будетъ дерзокъ, и наконецъ, если будетъ находится въ близкомъ общеніи съ человѣкомъ, боящимся Бога. Ибо говорятъ, что одинъ братъ спросилъ нѣкоего старца: «что мнѣ дѣлать, отче, чтобы бояться Бога?» Старецъ отвѣчалъ ему: «иди, живи съ человѣкомъ боящимся Бога,—и онъ тѣмъ самымъ, что боится Бога, научитъ и тебя бояться Бога.» Отгоняемъ же страхъ Божій отъ себя тѣмъ, что дѣлаемъ все противное сказанному: не имѣемъ ни памяти смертной, ни памяти мученій; не внимаемъ самимъ себѣ и не испытываемъ себя, какъ проводимъ время; но живемъ нерадиво и обращаемся съ людьми, не имѣющими страха Божія, и бываемъ дерзки. И сіе послѣднее хуже всего. это совершенная пагуба; ибо ничто такъ не отгоняетъ страха Божія отъ души, какъ дерзость. Спросили о ней нѣкогда Авву Агаѳона, и онъ сказалъ: «дерзость подобна сильному жгучему вѣтру, отъ котораго, когда онъ подуетъ, всѣ бѣгутъ, и который портитъ всякій плодъ на деревьяхъ.» *)

Рѣдкій изъ святыхъ отцевъ—подвижниковъ не писалъ о смерти. О явленіяхъ ея большею частью повѣствуется въ связи съ покаяніемъ и главнымъ образомъ съ цѣлью возбужденія покаянныхъ чувствъ. Въ особенности нужно сказать это о преимущественномъ проповѣдникѣ христіанскаго покаянія св. Ефремѣ Сиріанинѣ, который всю жизнь провелъ въ глубокомъ

*) Добротолюбіе Т. 2, стр. 651—653.

сокрушеніи о несовершенствахъ человѣческой природы, «плакать для котораго было тоже, по замѣчанію св. Григорія Нисскаго, что для другихъ дышать воздухомъ, —день и ночь лились у него слезы,» и который самъ говоритъ о себѣ: «Когда ложусь я для отдыха, любовь Твоя къ людямъ, Господи, приходитъ мнѣ на мысль, и я встаю среди ночи, чтобы благодарить Тебя. Но воспоминаніе о грѣхахъ устрашаетъ миня и я начинаю изливаться въ слезахъ, готовъ даже, упасть духомъ, если бы не поспѣшили укрѣпить меня полумертваго разбойникъ, мытарь, грѣшница, хананеянка, кровоточивая самарянка.» *) Желая живымъ изображеніемъ смерти пробудить въ человѣкѣ чувства сознанія своей грѣховнисти и раскаянія, св. Ефремъ пользуется для того и прибѣгаетъ къ разнообразнымъ средствамъ. То онъ входитъ во внутренній міръ умирающаго и ярко описываетъ потрясающія его чувства ужаса и оцѣпенѣнія при видѣ лица смерти. То отъ имени больного выражаетъ глубокое сожалѣніе, что человѣкъ совершенно неправильно и ненормально устроилъ и провелъ свою жизнь, что послѣдняя была сплошною роковою ошибкою и недоразумѣніемъ. То влагаетъ въ уста мертвеца рѣчь къ живымъ о томъ, чтобы послѣдніе во время опомнились и убѣдились, что человѣческое тѣло, которымъ они только услаждаются и служатъ въ жизни по смерти представляетъ собою ничто иное, какъ издающій зловоніе прахъ и жалкую добычу червей, которое даже своимъ внѣшнимъ видомъ способно возбудить и дѣйствительно возбуждаетъ только чувство отвращенія: наконецъ, представляетъ человѣческія добродѣтели въ лицѣ добрыхъ ангеловъ, а грѣхи въ видѣ злыхъ духовъ, которые борятся у постели умирающаго изъ-за обладанія жертвою и по смерти влекутъ ее каждый въ свое, ранѣе уготованное мѣсто. « *Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его,* пишетъ св. Ефремъ, но *смерть грѣшниковъ люта.* Придетъ день, непремѣнно придетъ, и не минуетъ насъ, день, въ который человѣкъ оставитъ все и всѣхъ, и пойдетъ одинъ, всѣми оставленный, обнаженный и безпомощный, не имѣя ни заступника, ни сопутника, неготовый, безотвѣтный, если день сей застигнетъ въ нерадѣніи,—*въ день, въ оньже не вѣсть,* и *въ часъ, въ оньже не чаетъ* (Мѳ. 24, 50),—тогда какъ веселится, собираетъ сокровища, роскошествуетъ, предается разгулу. Внезапно придетъ часъ тотъ, и всему конецъ. Да не вводитъ насъ въ обманъ льстивый помыслъ обѣщающемъ долгой жизни.

*) Филаретъ Черн. Историческ. ученіе объ отцахъ церкви Т. 2. стр. 83.

Многіе, замысливъ многое, не дожили и до утра, но внезапно похищены смертію, какъ птичка ястребомъ, или агнецъ волкомъ. Одни, съ вечера заснувъ здоровыми, не проснулись: другіе, сидя за трапезою, испустили дыханіе: иные внезапно умерли во время прогулки и забавъ: иные, умирая въ банѣ, нашли себѣ въ ней и погребальное омовеніе: иные внезапно похищены смертію во время брака, въ самомъ брачномъ чертогѣ и стали брачныя ихъ одежды погребальными, и играющихъ на свирѣли на бракѣ заняли мѣсто сѣтующіе и мѣсто пляшущихъ плачущіе. Когда приближается послѣдній часъ, посылаются ангелы изъятели душъ, чтобъ взять отходящую душу и представить ее судилищу Божію. Увидѣвъ ихъ приближающихся, бѣдный человѣкъ, хотя бы былъ царь, или властелинъ, или мародержецъ, весь приходитъ въ смятеніе, какъ отъ землетрясенія, весь трепещетъ, какъ листъ, колеблемый вѣтромъ, бьется, какъ птичка въ рукахъ ловца: весь оцѣпенѣваетъ и изумѣваетъ, видя страшныя силы, видя новые для себя и великіе зраки, видя грозныя и суровыя лица, видя чинъ вещей, какого не видалъ прежде. Все это видитъ тогда одинъ поемлемый отъ насъ, и на насъ уже не обращаетъ вниманія. Только самъ въ себѣ творитъ онъ молитвы, сколько позволяютъ силы. Изъ положенія его мы заключаемъ, что онъ видитъ вышнія силы, и помовая другъ другу говоримъ: молчите и не тревожьте болѣе лежащаго, чтобъ приводить его въ смятеніе. Будемъ лучше молиться, чтобъ съ миромъ отошла душа его, и онъ обрѣлъ Судію снисходительнымъ. Иной изъ кончающихся говоритъ: прощайте, братія, прощайте. Въ дальній иду я путь, въ путь, которымъ еще не ходилъ, въ новую для меня страну, изъ которой никто не возвращался, въ землю темную, гдѣ, не знаю, что встрѣтитъ меня. Се отхожу, и не возвращусь уже къ вамъ. Тѣсенъ для меня часъ сей, потому что поемлюсь неготовый: мрачна для меня ночь сія, потому что посѣкаюсь, какъ безплодное дерево: тяжелъ для меня предстоящій путь, потому что не имѣю добраго напуствія. Теперь вижу, какъ обманывалъ я самъ себя, говоря: молодъ я, наслаждусь пока жизнію, а тамъ покаюсь. Богъ человѣколюбивъ и проститъ меня конечно. Такъ разсуждая каждый день, худо ждивалъ я жизнь свою. Меня учили, а я не внималъ, дѣлали мнѣ наставленія, а я смѣялся: слушалъ Писанія, и кончаю жизнь, какъ не слыхавшій: слышалъ о судѣ, и издѣвался, слышалъ о смерти, и жилъ, какъ безсмертный. И вотъ поемлюсь теперь совсѣмъ неготовый, и

нѣтъ у меня помощника; застигнутъ не покаявшимся, и нѣтъ избавляющаго; подвергаюсь осужденію, и нѣтъ спасающаго. Сколько разъ рѣшался я покаятся, и опять дѣлалъ худшее! Сколько припадалъ къ Богу, и опять отступалъ отъ Него! Сколько разъ миловалъ Онъ меня, а я опять преогорчалъ Его! И теперь отхожу въ безнадежномъ положеніи. Воздохните, братіе, и пролейте о мнѣ слезу!!» Се скончался; не стало его; отжилъ свой вѣкъ, и лежитъ недвижимъ, бездыханенъ и безмолвенъ. Что же есть человѣкъ? Сонное видѣніе и тѣнь. Страшное и великое совершается тогда таинство! Къ душѣ приступаютъ добрые ангелы и множество небеснаго воинства, а также всѣ сопротивныя силы и князь тьмы; тѣ и другіе хотятъ поять душу въ свое имъ мѣсто. При семъ, если душа пріобрѣла здѣсь добрыя качества, вела жизнь честную, и была добродѣтельна; то въ день ея исшествія, добродѣтели, какія пріобрѣла она здѣсь, дѣлаются добрыми ангелами, окружаютъ ее, и не попускаютъ прикасаться къ ней какой-либо сопротивной силѣ. Если же душа въ этомъ мірѣ жила срамно, предаваясь страстямъ безчестія, и увлекаясь плотскими удовольствіями и суетою міра сего; то въ день изшествія ея изъ этой жизни, тѣ страсти и удовольствія, какія пріобрѣла она въ жизни сей, дѣлаются лукавыми демонами, и окружаютъ бѣдную душу, и не позволяютъ приблизиться къ ней ангеламъ Божіимъ. Такъ ангелы, взявъ душу, отводятъ ее по пути, имъ однимъ вѣдомому. Мы же, опрятавъ тѣло, выносимъ его на кладбище, и здѣсь встрѣчаемъ новое страшное таинство. Малые и великіе, цари и простолюдины, господа и рабы, всѣ стали одинъ прахъ, одна персть, одинъ пепелъ, одно зловоніе, одна гнилость: каковъ эѳіопъ, таковъ же и благообразный нѣкогда; каковъ юноша, таковъ же и старецъ; каковъ разслабленный, таковъ же и крѣпкій тѣломъ; всѣ стали, какъ опредѣлено въ началѣ, земля и пепелъ (Быт. 3, 19). И ничего не различишь. Великое подлинно и страшное таинство предъ нами! Видимъ, что всякій возрастъ тамъ изглажденъ, всякое тѣлесное благообразіе измѣнилось, всякая красота лица исчезла, всякое пріятное око угасло, всякія доброрѣчивыя уста запечатлѣны, всякое плетеніе волосъ сгнило, все кончилось. Говоримъ, и никто не слушаетъ, плачемъ, и никто не внемлетъ. Спросить бы лежащихъ: куда отошли вы, братіе наши? Гдѣ обитаете? Гдѣ мѣсто вашего пребыванія? Подайте намъ голосъ, побесѣдуйте съ нами, какъ бесѣдовали нѣкогда. А имъ поучительно было бы отвѣтить намъ: «мы, отшедшіе отъ васъ, прибывающихъ еще

въ жизни на землѣ, мы, т. е. душа каждаго изъ насъ, находимся въ мѣстѣ, подобающемъ каждой душѣ по достоинству ея. А этотъ прахъ, лежащій предъ вами, этотъ пепелъ, который видите, это зловонія, эти согнившія кости тѣла тѣхъ юношей и отроковицъ, которыя были нѣкогда для васъ вождѣленны. Этотъ пепелъ та самая плоть, которую заключали вы въ свои объятія и ненасытнолобы зали. Эти оскаленныя зубы—тѣ самыя уста, которыя день и ночь покрывали вы несчетными поцѣлуями. Знайте, что, когда лобзаете члены любезнаго тѣла, лобзаете вы смрадъ и гной. Вразумитесь, что когда возгараетесь къ нимъ любовію, предметъ вожделѣнія вашего черви, пепелъ, смрадъ. Не предавайтесь заблужденію, неразумные юноши и дѣвы! Не обольщайтесь суетною красотою юности; потому что и мы, лежащіе предъ вашими глазами, согнившіе мертвецы, нѣкогда во время жизни своей, какъ и вы теперь, были видны, величавы, умащались благовоніями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вотъ, какъ видите, все это стало бреніемъ, прахомъ, пепломъ, зловоніемъ. Не обманывайте больше себя; но у насъ, которые предварили васъ, и теперь въ могилѣ, научитесь, и уцѣломудритесь, и увѣрьтесь, что есть судъ, есть нескончаемое мученіе, есть непроницаемая тьма и безотрадная геенна, есть неусыпающій червь, немолчный плачъ, непрестанный скрежетъ, неисцѣльная скорбь.» *)

XI.

Послѣднее время жизни, смерть и погребеніе преосв. Θеофана. Необычайныя знаменія памяти о немъ въ православномъ мірѣ.

„Жизнь не имѣла бы никакой цѣны, если бы не было безсмертія.“

„Кому страшна смерть? Тому, у кого она отнимаетъ все и провожаетъ на тотъ свѣтъ ни съ чѣмъ. Кто же успѣлъ запастись нетлѣннымъ богатствомъ, того надежда утѣшаетъ въ часъ исхода.“

„Въ часъ смерти въ сознаніи чередой проходятъ дѣянія жизни, отражая въ очахъ и лицѣ умирающаго или утѣшеніе или сокрушеніе, соотвѣтственно представляющимся дѣламъ.“ *Преосв. Θеофанъ.*

6 Января 1894 г. Вышенскаго подвижника не стало. Смерть не была для него неожиданностью какъ въ нравствен-

*) Добротолюбіе Т. 2, стр. 358—362.

номъ отношеніи, такъ и съ физической стороны. Преосв. Θеофанъ ждалъ ее какъ желанную гостью, какъ единственный путь къ переходу въ лучшій міръ и всегда готовился достойно встрѣтить. Онъ желалъ умереть о Господѣ, по слову апостола «желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти.» «Умирать? говорится въ одномъ письмѣ, это не особенность какая. И ждать надо. Какъ бодрствующій днемъ ждетъ почи, чтобъ соснуть, такъ живущимъ надо впереди видѣть конецъ, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господѣ, чтобъ съ Господомъ быть всегда.» [1]) Святитель чуждъ былъ и не испытывалъ обычнаго человѣческаго страха смерти, ибо по его ученію смерть страшна только тому, «у кого она отнимаетъ все и провожаетъ на тотъ свѣтъ ни съ чѣмъ. Кто же успѣлъ запастись нетлѣннымъ богатствомъ, того надежда утѣшаетъ въ часъ исхода.» [2]) Послѣднія слова по преимуществу нужно отнести къ самому автору ихъ, ибо отъ него осталось въ наше назиданіе великое нетлѣнное богатство въ образѣ его истинно подвижнической жизни, въ его добродѣтеляхъ и особенно въ душеспасительныхъ писаніяхъ.

Преосвящ. Θеофанъ хотя отъ природы не отличался особенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но здоровьемъ пользовался хорошимъ, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ жизни. Только по временамъ онъ подвергался случайнымъ заболѣваніямъ, большею частью связаннымъ съ его усиленными литературными трудами и сидячею жизнію. На Вышѣ, при полной свободѣ отъ срочныхъ служебныхъ обязанностей, при душевномъ спокойствіи отъ жизненныхъ треволненій и подъ вліяніемъ благорастворенаго воздуха святитель въ началѣ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и вполнѣ готовымъ на тѣ великіе труды, которые онъ здѣсь предпринялъ и съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ совершилъ. Но чрезмѣрно напряженныя умственныя занятія, строгая подвижническая жизнь, наконецъ, лѣта старости постепенно истощили организмъ. Ревматизмъ, невралгія, выражающаяся въ подергиваніи рукъ и ногъ, перемежающійся пульсъ и головокруженія явились нерѣдкими посѣтителями послѣднихъ лѣтъ и начали безпокоить всѣхъ тѣхъ, кому дорога была жизнь затворника. Въ многочисленныхъ письмахъ послѣдніе съ тревогою справлялись о здоровьи его. Святитель благодушно переносилъ немощи и старался успокоить своихъ друзей и по-

1) Воскресное Чтеніе, 1894 г. № 32. 2) Краткіе мысли на каждый день года Стр. 85.

читателей. Его самаго особенно тяготило только постепенное ослѣпленіе (катарракть), потому что съ нимъ соединялось величайшее лишеніе—мысль о невозможности предаваться дорогимъ учено-литературнымъ занятіямъ. Ради снятія катарракта праваго глаза, преосв. Ѳеофанъ два раза рѣшался на большую для него жертву оставить любимое уединеніе пустыни. Въ 1878 г. онъ ѣздилъ въ Тамбовъ, а на слѣдующій годъ въ Москву для совѣта съ врачами. Не снявши катарракта ни въ тотъ, ни въ другой разъ по незрѣлости его, онъ уж болѣе не выѣзжалъ съ Выши и лѣчился домашними средствами изъ аптекъ гомеопатіи и аллопатіи. Въ 1888 г. подвижникъ лишился праваго глаза вслѣдствіе потемнѣнія его хрусталика и послѣдніе пять лѣтъ продолжалъ неустанно работать однимъ глазомъ, не покладая рукъ до самой смерти. Онъ скончался, какъ истинный воинъ Христовъ, на духовномъ ратномъ полѣ съ перомъ въ рукахъ и молитвою на устахъ. У затворника, какъ мы видѣли, былъ заведенъ строгій порядокъ жизни и онъ не измѣнялъ ему до конца. Только за пять дней до смерти, именно съ 1 января 1894 г. обычный режимъ нѣсколько разстроился. Не всегда въ опредѣленный часъ давался условный знакъ о времени чая или обѣда. Наканунѣ кончины, 5 января, чувствуя слабость, преосвященный попросилъ помочь ему пройтись. Келейникъ провелъ его нѣсколько разъ по комнатѣ; но владыка, скоро утомившись, отослалъ его и легъ въ постель. Въ самый день кончины, не слыша условнаго знака, слуга въ часъ дня заглянулъ въ рабочій кабинетъ. Святитель спдѣлъ и что-то писалъ... Черезъ полчаса послѣдовалъ легкій стукъ. За обѣдомъ было съѣдена половина яйца и полстакана молока. Не слыша знака къ чаю, келейникъ въ половинѣ пятаго снова заглянулъ въ комнату: святитель лежалъ на кровати. Любящее сердце почуяло бѣду. Подойдя съ тревогою къ постели, слуга нашелъ своего владыку уже скончавшимся. Лѣвая рука лежала на груди, правая была сложена какъ для архіерейскаго благословенія. При облаченіи въ святительскія одежды, на лицѣ почившаго явно для всѣхъ просіяла улыбка. И исполнилось тогда мудрое, глубоко правдивое наблюденіе подвижника надъ послѣдними моментами земной жизни человѣка. «Въ часъ смерти въ сознаніи чередой проходятъ дѣянія жизни, отражая въ очахъ и лицѣ умирающаго или утѣшеніе или сокрушеніе, соотвѣтственно представляющимся дѣламъ.» Очевидно, что затворникъ, вся жизнь котораго была непрестаннымъ хожденіемъ предъ

Богомъ, имѣлъ утѣшеніе скончаться въ надеждѣ наслѣдія блаженной жизни. Три дня стояло тѣло въ домовой церкви и три дня въ монастырскомъ соборѣ, и тлѣніе не коснулось его: почившій имѣлъ видъ спокойно спящаго человѣка. Преосв. Ѳеофанъ скончался 79 лѣтнимъ старцемъ, не доживъ четырехъ дней до 80 лѣтняго дня своего рожденія. Почившій погребенъ въ склепѣ, въ правомъ придѣлѣ Казанскаго холоднаго собора Вышинской пустыни. Усердіемъ ревностнаго почитателя святителя, настоятеля обители архимандрита Аркадія и братіи въ настоящее время надъ могилою его воздвигнутъ прекрасный мраморный памятникъ гробница. И земное жилище подвижника заботою того же о. архимандрита сохраняется для потомства со своею обстановкою и вчастности съ домашнею святынею—церковію. Не достаетъ только одной существенной принадлежности—библіотеки. Послѣдняя пріобрѣтена у наслѣдниковъ святителя однимъ москвичемъ (Лосевымъ) и принесена въ даръ церкви св. Николая въ Толмачахъ. Нельзя сердечно не пожалѣть о томъ, что библіотека не осталась на Вышѣ. Если и теперь являются сюда почитатели подвижника поклониться гробу и подышать воздухомъ его жилища, то при библіотекѣ подобныхъ посѣтителей несомнѣнно было бы гораздо больше. Нѣкоторые могли бы пріѣхать со спеціальною цѣлью заняться и воспользоваться сокровищами ея, тѣмъ болѣе, что на страницахъ многихъ изданій они нашли бы драгоцѣнныя указанія самого святителя въ видѣ надписей и замѣтокъ на поляхъ. При недавнемъ личномъ свиданіи съ почтеннымъ о. архимандр. Аркадіемъ намъ пришлось услышать отъ него выраженіе глубокаго сожалѣнія по этому предмету. Онъ былъ увѣренъ, что библіотека преосв. Ѳеофана поступитъ въ Москов. дух. академію, которая начинала дѣло о покупкѣ и такимъ образомъ станетъ достояніемъ науки и ея представителей. Въ противномъ случаѣ Вышенская пустынь употребила бы всѣ средства къ оставленію драгоцѣннаго памятника на мѣстѣ.

Уже десять лѣтъ протекло, какъ угасъ великій свѣтильникъ Церкви Христовой. Пишущему эти строки, удостоившемуся счастья принять участіе въ погребеніи святителя, трудно вѣрится тому. У насъ это знаменательное погребеніе и сейчасъ какъ бы предъ глазами. Такъ сильно и живо впечатлѣніе отъ него! Обширный монастырскій соборъ былъ до послѣдней возможности переполненъ молящимися. Присутствовали родственники и почитатели почившаго, собралось очень много духовенства

Шацкаго и другихъ уѣздовъ Тамбов. епархіи, была депутація отъ духовной Академіи; но главная масса состояла изъ нашего простолюдина. И тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, сказалось замѣчательное отношеніе русскаго простаго человѣка къ крупнымъ явленіямъ нравственнаго міра. Не сознавая отчетливо умомъ, онъ умѣетъ опредѣлять истинный смыслъ ихъ сердцемъ. Много слыша о великихъ трудахъ и подвигахъ преосв. Ѳеофана въ таинственномъ затворѣ, нашъ простолюдинъ, конечно, ясно не представлялъ размѣровъ и значенія ихъ, но въ глубинѣ своего вѣрующаго сердца чувствовалъ, что тутъ созидается великое духовное дѣло во славу Божію и во благо христіанскаго міра. Въ своей простотѣ онъ еще при жизни святителя причислилъ его къ сонму праведниковъ, ставя имя его рядомъ съ всенародно-непрославленнымъ еще тогда подвижникомъ сосѣдней съ Вышею Саровской обители преп. старцемъ Серафимомъ и называя задушевнымъ «батюшка, о. Ѳеофанъ.» Оттого то народъ устремился на Вышу при первой вѣсти о смерти святителя, во множествѣ пришелъ и пріѣхалъ съ разныхъ странъ (были случаи за 200 верстъ), занялъ всѣ свободныя помѣщенія обители и при недостаткѣ ихъ живописно раскинулся съ своимъ незатѣйливыми экипажами на площади, на открытомъ воздухѣ, не смотря на крещенскую стужу. Для него это было истинное духовное торжество, особенно въ томъ видѣ, какъ оно совершалось тогда. Замѣчательное, по истинѣ церковно-художественное служеніе Тамбовскаго преосвящ. Іеронима, особенно его чудный голосъ, прекрасное пѣніе славившагося тогда архіерейскаго хора—все это придавало погребальному богослуженію необычайно благолѣпіе и невольно располагало къ молитвѣ. Въ обычное время за литургіею, тогдашнимъ ректоромъ Тамбовской семинаріи протоіереемъ П. И. Соколовымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившаго владыки. Проповѣдникъ, избравъ своею темою раскрытіе текста св. апостола Павла: *мнѣ еже жити Христосъ и еже умрети пріобрѣтеніе,* съ точки зрѣнія его охарактеризовалъ личность покойнаго, какъ великаго христіанскаго подвижника и опредѣлилъ общественное значеніе его жизни и дѣятельности. Рѣчь оратора звучала сердечною, неподдѣльною скорбію и произвела глубокое впечатлѣніе. Видно было, что говорившій душевно переживалъ то, что говорилъ, что предметъ рѣчи слишкомъ дорогъ и близокъ ему. И это было понятно. И проповѣднику въ числѣ многихъ другихъ Господь судилъ пріобщиться и

почерпнуть отъ богатой сокровищницы духовныхъ даровъ почившаго святителя. Въ минуту тяжелаго жизненнаго испытанія, потерявъ жену въ молодыхъ лѣтахъ, онъ обратился къ Вышенскому учителю за духовнымъ утѣшеніемъ и получилъ его. Заупокойному слову почтеннаго о. протоіерея суждено было сдѣлаться историческимъ. Оно явилось первымъ драгоцѣннымъ камнемъ, вплетеннымъ въ вѣнокъ, съ такою любовію возложенный на могилу подвижника его безчисленными учениками и почитателями. Оно положило начало всѣмъ послѣдующимъ литературнымъ трудамъ о жизни и дѣятельности святителя— некрологамъ въ газетахъ, статьямъ въ журналахъ и, наконецъ, цѣлымъ книгамъ. Вотъ существенное содержаніе этого назидательнаго слова характеристики. «Почившій нынѣ святитель Божій преосвященный епископъ Ѳеофанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ избранниковъ Божіихъ, которые не иначе проводятъ жизнь на землѣ, какъ во Христѣ и для Христа. Привыкши съ раннихъ лѣтъ смотрѣть на служеніе Христу, какъ на задачу жизни, владыка всю свою жизнь посвятилъ этому служенію. Для него, этого служенія Христу, онъ отрекся отъ міра, принявъ иноческій чинъ; въ видахъ того же служенія онъ оставилъ общественную службу и, подобно древнимъ пустынножителямъ, удалился въ пустынную обитель, чтобы здѣсь вдали отъ міра и мірскихъ суетъ, въ уединеніи, путемъ молитвеннаго умосозерцанія Бога и самоуглубленія въ себя содѣлать въ себѣ *мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13). Мы не посвящены въ уединенную жизнь почившаго святителя, хотя и можемъ представить, какъ она трудна для человѣка. Принявъ на себя самый тяжелый обѣтъ затворничества, владыка на цѣлые десятки лѣтъ удалилъ себя отъ людей. За немногими исключеніями онъ во все это время не зналъ иного общенія, кромѣ молитвеннаго со Христомъ и Его святыми угодниками. Каждый день онъ отправлялъ всѣ церковныя службы, каждый день пріобщалъ себя великихъ тайнъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Всегдашнимъ любимымъ его занятіемъ, кромѣ усердной молитвы, было изученіе Слова Божія, ему посвящалъ онъ весь свой досугъ еще тогда, когда служилъ на поприщѣ духовно-учебномъ и епархіальномъ; ему отдалъ онъ себя на все время своего уединенія въ сей святой обители. Плодомъ усиленныхъ трудовъ, при необыкновенныхъ дарованіяхъ и многосторонней учености, явились многочисленные печатные труды почившаго святителя по

истолкованію Слова Божія и по ученію о христіанской нравственности. Такихъ печатныхъ трудовъ почившаго архипастыря весьма много и они составляютъ великое пріобрѣтеніе въ христіанской наукѣ. По широтѣ и глубинѣ мысли, обилію знанія, точности и ясности изложенія, теплотѣ и чистотѣ чувствъ, печатные труды почившаго святителя не имѣютъ себѣ равныхъ въ нашемъ отечествѣ, такъ что не только теперь, но и надолго въ будущемъ будутъ служить какъ источникомъ, такъ и путеводной звѣздой для всѣхъ тружениковъ богословской науки и истинно-христіанской жизни. Особенно великое пріобрѣтеніе представляютъ для церкви Христовой и науки печатные труды почившаго по христіанской нравственности. Въ нихъ онъ явилъ себя не только великимъ мыслителемъ, но и необыкновеннымъ подвижникомъ. Онъ не преподавалъ только наставленія для нравственной жизни, а переживалъ ихъ сначала и уже потомъ предлагалъ для руководства другимъ Отъ этого сочиненія почившаго святителя по христіанской нравственности отличаются особенною обаятельностію; въ нихъ представляется цѣлостный образъ христіанина-подвижника въ полномъ примѣненіи къ его силамъ и жизни.»

«Удалившись отъ міра и его суетъ, порвавъ видимое, непосредственное общеніе съ людьми, почившій святитель сдѣлалъ это не по недостатку любви къ людямъ, какъ могли бы подумать нѣкоторые, а единственно изъ желанія оградить себя отъ всего, что могло отвлекать его отъ молитвеннаго служенія Христу. Но любя Господа, онъ любилъ и Его слугъ, людей, и эта любовь къ ближнимъ была у почившаго святителя самая возвышенная, чистая и святая. По причинѣ необыкновеннаго смиренія почившій святитель мало и рѣдко пользовался служеніемъ другихъ, но самъ охотно и весьма много помогалъ людямъ. Будучи всегда безсребренникомъ, онъ весь свой пенсіонный окладъ ежегодно раздавалъ бѣднымъ, оставляя для себя только незначительную часть на пріобрѣтеніе книгъ, нужныхъ для научныхъ трудовъ. Но особенно много послужилъ благу ближнихъ почившій святитель нравственно. Кому неизвѣстно, какая громадная переписка существовала у почившаго архипастыря. Къ нему обращались за совѣтомъ, за разрѣшеніемъ недоумѣній, въ немъ искали утѣшенія въ скорби, облегченія въ бѣдахъ всѣ, начиная съ сановниковъ и кончая самымъ послѣднимъ изъ простолюдиновъ. Всѣмъ онъ отвѣчалъ съ любовію: однимъ подавалъ мудрый и цѣлесообразный совѣтъ, другихъ

наставлялъ, иныхъ утѣшалъ, многихъ спасалъ отъ сомнѣній, словомъ—всѣмъ былъ для всѣхъ, чтобы, какъ выражается св. апостолъ, всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ спасти (1 Кор. 9, 22). А какой теплоты, любви, неподдѣльнаго участія и мудрой предусмотрительности были полны письма почившаго святителя, объ этомъ знаютъ тѣ, коимъ пришлось получать отъ него таковыя. Въ минуты Божьяго испытанія и моя немощь удостоена была получить отъ почившаго богомудраго учителя слово утѣшенія, и потому на основаніи собственнаго опыта могу свидѣтельствовать, что почившій святитель обладалъ особымъ, чрезвычайнымъ даромъ утѣшать и наставлять.»)

По окончаніи погребальнаго чина, за которымъ сказалъ одушевленное и глубоко прочувствованное слово представитель Московской духовной академіи студентъ священникъ С. Никольскій, началось продолжительное прощаніе съ прахомъ почившаго. Все тутъ было трогательно и умилительно, но одинъ моментъ явился по истинѣ необычайнымъ. Маститый старецъ, настоятель обители о. архимандритъ Аркадій, много видѣвшій и переживший на своемъ вѣку, былъ настолько потрясенъ мыслію о разлукѣ со святителемъ, что при прощаніи, въ буквальномъ смыслѣ, трудно было оторвать его отъ дорогого праха. Въ глубокой сердечной мукѣ припавъ къ гробу, онъ какъ бы не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Потребовалось немало времени и усилій, дабы прервать это послѣднее земное общеніе скромнаго и смиреннаго ученика съ дорогими останками своего великаго учителя. Подобный внѣшній фактъ ярко свидѣтельствуетъ о томъ необычайномъ нравственномъ обаяніи, какое производилъ почившій владыка на всѣхъ, соприкасавшихся съ его личностью. О. архимандритъ, проживъ въ общеніи съ святителемъ 28 лѣтъ, имѣлъ его своимъ руководителемъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ личной жизни и общественной службы, безъ его совѣта и благословенія не предпринималъ ни одного серьезнаго дѣла. Ему Господь судилъ почти 30 лѣтъ наслаждаться созерцаніемъ идеальной красоты духовнаго, нравственнаго міра святителя. И вотъ теперь этотъ дивный образъ изчезалъ и навсегда скрывался. По истинѣ было надъ чѣмъ глубоко задуматься и о чемъ съ душевной мукою скорбѣть. Другой фактъ въ этомъ же родѣ. Келейникъ о. Евлампій, проведшій со святителемъ цѣлую жизнь, не могъ прожить безъ него и краткаго времени. Со дня блаженной кончины подвижника, онъ

*) Тамбовск. Епарх. Вѣдомости. 1894 г. № 5.

глубоко заскорбѣлъ и затосковалъ, не принималъ пищи, лишился сна, а черезъ двѣ недѣли его не стало.

Въ чемъ же истинная, ближайшая и непосредственная причина подобнаго обаянія личности? Гдѣ та магическая сила, которая такъ властно покоряетъ и влечетъ къ себѣ сердца людей? Пламенная вѣра въ Бога при явномъ осѣненіи божественною благодатью и беззавѣтная, самоотверженная любовь къ людямъ, проникавшая все существо преосвящ. Ѳеофана и заставлявшая его совершенно забывать свое «я»—была та особенная нравственная сила, которая въ соединеніи съ другими высокими качествами его духа невольно и неотразимо влекла къ нему. Люди особенно цѣнятъ въ другихъ тѣ достоинства, которыхъ они сами лишены и которыя бы такъ желали имѣть. Святитель въ своемъ подвигѣ уже тѣмъ однимъ существенно отличался отъ окружающаго грѣшнаго міра, что совсѣмъ не имѣлъ своей личной, частной жизни. Онъ весь принадлежалъ тому, что считалъ своимъ долгомъ и жребіемъ общественнаго служенія. *Все для Бога и для людей и рѣшительно ничего для себя*—этотъ великій, идеальный принципъ, бывшій не только главнымъ правиломъ, но и основною стихіею жизни подвижника, вмѣстѣ съ тѣмъ явился всепобѣждающей и притягательною къ нему нравственною силою. «Существованіе въ мірѣ подобныхъ лицъ, скажемъ о святителѣ его же словами о человѣкѣ, находящемся подъ особымъ воздѣйствіемъ божественной благодати, есть великая милость Божія. Они замѣняютъ апостольскія мрежи. Какъ около сильнаго магнита собирается множество опилковъ или какъ сильный характеръ увлекаетъ слабыхъ, такъ обитающая въ нихъ сила Духа влечетъ къ себѣ всѣхъ, особенно же тѣхъ, у коихъ есть начатки духа.» *)

Великій святитель Божій скрылся отъ насъ тѣломъ, но духъ его живетъ и всегда будетъ жить въ православномъ мірѣ. Мы говоримъ не о памяти о немъ въ наукѣ и между образованною частью русскаго общества, хоть сколько нибудь интересующагося вопросами религіозной и церковной жизни нашего отечества. Безспорно, что тутъ уже и теперь имя преосвящ. Ѳеофана настолько извѣстно и пользуется такимъ высокимъ авторитетомъ, что никогда не можетъ быть забыто. Своими многочисленными литературными трудами онъ по истинѣ воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворенный, къ которому не зарастетъ тропа русской православной мысли и жизни. Но мы

*) Путь ко спасенію. Стр. 27.

разумѣемъ здѣсь память о почившемъ подвижникѣ въ глубинѣ сердца массы вѣрующихъ русскихъ людей всякаго званія и состоянія, не исключая и нашего простолюдина. Очень характеренъ уже одинъ тотъ фактъ, что имя преосвящ. Ѳеофана неизмѣнно значится записаннымъ въ поминальныхъ книжкахъ крестьянъ селеній и деревень, прилегающихъ къ Вышѣ уѣздовъ Шацкаго, Спасскаго, Моршанскаго и др., при чемъ до послѣдняго времени всегда стояло рядомъ и непосредственно за именемъ великаго Саровскаго подвижника, теперь прославленнаго всероссійскаго Чудотворца преп. Серафима. Замѣчательно также и то обстоятельство, что вскорѣ же послѣ смерти святителя стали поступать къ о. архимандриту Аркадію письма отъ лицъ, знавшихъ покойнаго, съ вопросами о томъ, не было ли какихъ-либо особенныхъ явленій и знаменій, связанныхъ съ именемъ его. Нѣкоторые же, болѣе простые сердцемъ, корреспонденты какъ бы не сомнѣвались и прямо спрашивали, какія были чудеса послѣ смерти преосвящ. Ѳеофана. Маститый старецъ въ началѣ пришелъ въ смущеніе отъ подобнаго явленія. Ему, прожившему почти тридцать лѣтъ вблизи почившаго владыки, среди обычной житейской обстановки, трудно было отрѣшиться отъ земныхъ образовъ и представленій и стать на иную, сверхъестественную точку зрѣнія. Но онъ скоро успокоился въ глубинѣ своего вѣрующаго сердца за память дорогого учителя, видя въ названныхъ запросахъ православныхъ людей особенное знаменіе милости Божіей къ покойному святителю. И не напрасно. Вотъ что мы лично слышали по этому предмету отъ лѣтописца Вышенской обители, іеромонаха о. Н-ра, глубоко чтущаго память преосвящ. Ѳеофана и интересующагося всѣмъ относящимся къ ней. Въ маѣ настоящаго года (1904), разсказалъ о. Н-дръ, на Вышу пришла крестьянка с. Салтыковыхъ Бутъ, Спасскаго уѣзд., сильно больная глазами, почти слѣпая и послѣ обѣдни отыскивала священника, чтобы отслужить панихиду на могилѣ преосвящ. Ѳеофана. Я оказался очереднымъ іеромонахомъ и совершилъ службу. Заинтересованный этимъ случаемъ, я спросилъ женщину, почему она знаетъ имя преосвящ. Ѳеофана и по какому поводу служила панихиду. Крестьянка разсказала, что она уже давно страдаетъ тяжкою болѣзнею глазъ, лечилась у доктора, но не получила помощи. Тогда я начала по ночамъ молиться Богу объ исцѣленіи. Въ одну изъ такихъ ночныхъ молитвъ мнѣ явился инокъ и сказалъ, чтобы я пошла въ Вышинскую пустынь и отслужила пани-

хиду на могилѣ преосв. Θеофана. Въ началѣ я не послушалась. Видѣніе повторилось во второй и третій разъ, и вотъ я теперь на Вышѣ. Проведя нѣсколько дней въ горячей молитвѣ за богослуженіями въ храмахъ обители, крестьянка возвратилась на родину. Въ заключеніе своего разсказа о Н-ръ выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ теченіи болѣзни женщины. Какіе бы ни были послѣдствія настоящаго случая, для насъ очень важенъ уже одинъ самый фактъ существованія среди русскаго простолюдина живой памяти о почившемъ святителѣ, съ глубокою вѣрою въ возможность получить отъ него духовную, благодатную помощь въ трудныя минуты жизни.

Въ іюнѣ текущаго же года посѣтила Вышенскую пустынь настоятельница одного изъ Костромскихъ монастырей Ф-та. Разговорившись съ паломницею, тотъ же о. Н-ръ узналъ, что она великая почитательница памяти преосв. Θеофана. При жизни подвижника она получила онъ него нѣсколько писемъ съ рѣшеніемъ сомнительныхъ и недоумѣнныхъ вопросовъ и теперь во всѣхъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, во время молитвы, обращается къ нему за помощью и совѣтомъ. Недавно, въ одно изъ такихъ обращеній святитель явился ей и велѣлъ усиленно молиться и вчастности помолиться на Вышѣ.

Наконецъ, слѣдующій фактъ хорошо извѣстенъ намъ лично и тщательно провѣренъ. Въ нашемъ городѣ недавно овдовѣла одна интеллигентная дама, жена виднаго чиновника министерства финансовъ г-жа К-на. По своему происхожденію она дочь предводителя дворянства сосѣдняго уѣзда, бывшаго лично знакомымъ съ покойнымъ преосв. Θеофаномъ, а потому о жизни послѣдняго она много слыхала еще въ дѣтствѣ, въ своей семьѣ. Страшно потрясенная смертію горячо любимаго мужа вдова всюду искала облегченія своего тяжелаго горя и нигдѣ не находила. Наконецъ, она обратилась за духовнымъ утѣшеніемъ къ почившему святителю и получила его. Столь знаменательное явленіе сначала сдѣлалось извѣстнымъ намъ только по слуху. Желая удостовѣриться въ немъ, мы обратились непосредственно къ г-жѣ К-ной съ просьбою разъяснить и подробно изложить обстоятельства дѣла и получили въ отвѣтъ письмо отъ 20 октября 1904 года слѣдующаго содержанія: «Проживъ съ мужемъ почти 30 лѣтъ душа въ душу, мнѣ было тяжело потерять его. Первые дни послѣ его кончины, я какъ будто не сознавала постигшаго меня горя. Всѣ чувства во мнѣ притупились и нуж-

ныя распоряженія по перевозкѣ тѣла въ Ш-къ и по погребенію, я дѣлала какъ то инстинктивно, машинально. По прошествіи же нѣкотораго времени вся сила горя сознательно охватила меня и я всецѣло подпала подъ гнетъ его, самое ужасное было то, что молитва не только мало облегчала мои страданія, но по временамъ я совсѣмъ не могла молиться. Я впала въ тоску, вслѣдствіе которой появлялись нервныя сжатія горла, душившія меня. Самая жизнь казалась мнѣ въ тягость, я положительно изнемогла душею и тѣломъ подъ тяжестью этихъ страданій. Многихъ просила я молиться за меня и вѣрно чья нибудь молитва дошла до Господа, ибо въ одну благодатную минуту я подошла къ Царицѣ Небесной, горячо молилась и, наклонивъ голову подъ свят. иконой, долго оставалась такъ, чувствуя, что мнѣ хорошо Я благодарила Заступницу и молила Ее вразумить меня о томъ, что должна я дѣлать, чтобы избѣжать тоски, облегчить свою душу отъ чрезмѣрной печали. Какъ бы въ отвѣтъ на эту мольбу, я услышала тихій голосъ, какъ бы полушепотъ, *ясно* произнесшій слѣдующія слова: «надо отслужить панихиду на могилѣ Епископа Затворника.» Въ тотъ моментъ я не могла понять, о какомъ епископѣ упоминается и начала перебирать въ памяти тѣхъ, о которыхъ знала какъ о св. подвижникахъ, но почему то о преосв. Θеофанѣ не вспомнила и, желая уяснить себѣ этотъ вопросъ, я стала просить Царицу Небесную помочь мнѣ въ его разъясненіи. Почти тотчасъ я вспомнила о преосв. Θеофанѣ и едва лишь промелькнула въ умѣ моемъ мысль «о немъ ли?» какъ я услышала голосъ уже надъ самымъ моимъ ухомъ твердо, съ особымъ удареніемъ произнесшій слово: «да!!»

«Рѣшивъ исполнить повелѣніе Господне при первой возможности, я стала чувствовать себя гораздо лучше; просила молитвъ преосв. Θеофана и обо мнѣ и о душѣ усопшаго и по немногу стала приниматься за обычныя свои занятія. Дождливая весна препятствовала мнѣ ѣхать тотчасъ въ Вышенскую пустынь, но съ первымъ яснымъ днемъ я была тамъ и съ великою радостью исполнила указанное мнѣ, и могу сказать какъ предъ Богомъ, что съ тѣхъ поръ ни разу не нападала на меня тоска, а также съ тѣхъ поръ я вновь могу молиться спокойно, находя въ молитвѣ великое утѣшеніе и поддержку въ жизни. Ко всему вышесказанному считаю необходимымъ прибавить, что, подходя къ мѣсту упокоенія преосв. Θеофана, я ощущала такой странный, необыкновенный трепетъ, что не сразу могла

подойти къ гробницѣ, а только сперва помолившись издали, рѣшилась и подошла. Послѣ панихиды мнѣ не хотѣлось уходить съ этого мѣста. Я чувствовала, что здѣсь, около этого св. мѣста царитъ та благодать, которая уврачевала мой тяжелый, душевный недугъ.»

Приведенными свидѣтельствами мы, конечно, не имѣемъ и мысли предрѣшать преждевременнаго вопроса о сверхъестественномъ значеніи самаго историческаго явленія, о которомъ они говорятъ. Намъ хотѣлось только установить тотъ несомнѣнный фактъ, что память о преосв. Θеофанѣ ярко сохранилась и живетъ въ сердцахъ вѣрующихъ людей. Опытъ свидѣтельствуетъ, что лица, пользовавшіяся нравственнымъ руководствомъ святителя при его жизни, находятъ необходимымъ и возможнымъ въ глубинѣ своего вѣрующаго духа обращаться за тѣмъ же руководствомъ и послѣ его смерти. Будучи на землѣ истиннымъ утѣшителемъ многихъ христіанскихъ душъ *скорбящихъ и озлобленныхъ*, подвижникъ продолжаетъ пребывать таковымъ же и въ загробномъ мірѣ.

XII.

Общественно-историческое значеніе жизненнаго подвига преосвящ. Θеофана.

«Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія: не токможе мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его.» Посл. къ Тимофею.

По обозрѣніи жизни и трудовъ преосв. Θеофана естественъ вопросъ о значеніи ихъ. Общественная дѣятельность его представляетъ собою крупное историческое явленіе. Чтобы понять и по достоинству цѣнить жизненный подвигъ святителя, необходимо обратить вниманіе на ту среду и время, въ которое онъ жилъ и отмѣтить значеніе его дѣятельности для своего вѣка и потомства.

Современное человѣчество по справедливости гордится громадными успѣхами въ области науки и умственномъ развитіи, но оно слишкомъ мало сдѣлало для своего нравственнаго пре-

успѣянія. И въ наукѣ и въ жизни оно односторонне увлеклось матеріальными, практическими интересами и совершенно пренебрегло жизнью духа. Подобное ненормальное явленіе не могло не отозваться на нравственномъ состояніи общества. Неудовлетворенныя духовныя потребности громко заявляютъ о себѣ и коренной недугъ нашего времени есть именно недугъ духовный. Существенныя черты его ярко охарактеризовалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ (Тютчевъ).

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тиши
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ
Невыносимое онъ днесь выноситъ
И сознаетъ свою погибель онъ
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.»

Еще опредѣленнѣе и яснѣе нарисована картина печальнаго нравственнаго состоянія современнаго общества въ одномъ изъ словъ нашего знаменитаго церковнаго витіи послѣдняго времени преосвящ. Амвросія Харьковскаго. «Безотрадно зрѣлище жизни нашего времени. Для всѣхъ очевидно глубокое и всеобщее растлѣніе и развращеніе современныхъ христіанскихъ народовъ, особенно въ высшихъ и образованныхъ сословіяхъ ихъ, стоящихъ во главѣ народовъ и своими ложными воззрѣніями, убѣжденіями и примѣрами увлекающихъ ихъ на путь невѣрія и пороковъ. Нужно ли говорить о нихъ? Всѣ заблужденія и пороки нашего вѣка такъ намъ извѣстны изъ современной жизни христіанскихъ народовъ и у насъ передъ глазами въ отечествѣ нашемъ, усердно перенимающемъ все дурное у иноземцевъ. Всюду съ необычайною быстротою распространяется въ народахъ невѣріе и отрицаніе бытія Божія, души человѣческой и вѣчной ея жизни, а вѣра въ Бога истиннаго замѣняется боготвореніемъ матеріи и служеніемъ плоти. Въ нравственной жизни успѣваются отрицаніе власти родительской и правительственной, цареубійства, бунты, возмущенія противъ богатыхъ, стремленіе уничтожить право собственности, нарушеніе супружескихъ союзовъ и необузданное сладострастіе, страсть къ роскоши и плотскимъ наслажденіямъ, и ради ихъ подлоги, кражи, убійства и пр. Нѣтъ во всемірной исторіи такого вѣка, въ которомъ бы мы нашли между христіанами такое открытое пренебреженіе къ добродѣтели и такое безстраніе по отношенію къ по-

рокамъ и прегрѣшеніямъ. И все это видимъ во время, не только называемое христіанскимъ, но и просвѣщеннѣйшимъ, гордящимся процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ.» [1])

Одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей задался вопросомъ объ источникѣ столь печальнаго нравственнаго явленія и пришелъ къ убѣжденію, что все зло лежитъ въ превратномъ, матеріалистическомъ направленіи современной европейской, а за нею, и нашей русской науки, которая въ самой своей основѣ отрицаетъ религію съ живымъ Богомъ и свободнымъ человѣческимъ духомъ, а вмѣсто того вводитъ поклоненіе мертвой матеріи и ея механическимъ силамъ. «Въ основаніи, въ глубинѣ современныхъ ученій запада, говоритъ И. С. Аксаковъ, не только революціонныхъ, но и философскихъ, вообще его послѣдняго слова лежитъ отверженіе Бога, слѣдовательно отверженіе всего, что святитъ человѣка и съ нимъ всю природу, отрицаніе свободнаго духа и всякаго духовнаго въ человѣкѣ начала, слѣдовательно обездушеніе человѣка и порабощеніе его плоти; отрицаніе высшей, независимой отъ человѣка правды, высшаго нравственнаго, обязательнаго для нравственной человѣческой природы закона, всей нравственной въ человѣкѣ стихіи и затѣмъ поклоненіе обездушенной матеріи и обездушенному человѣку, какъ Богу.»

Всѣ просвѣщенные и благомыслящіе люди ясно сознаютъ всю нашу настоящую нравственную ненормальность. Также совершенно очевидно и то, что тутъ далеко недостаточно одной перемѣны теоретическихъ и умственныхъ взглядовъ и убѣжденій, а необходимо коренное духовно-нравственное перерожденіе. Какимъ же путемъ возможно возрожденіе современнаго общества къ новой жизни? Кто или что можетъ совершить его? Въ послѣднее время у насъ слишкомъ положились на науку, на ученіе; мы сосредоточили все просвѣщеніе на образованіи ума: его признали источникомъ не только познаній, но и всякаго человѣческаго совершенства. Многіе изъ нашихъ мыслителей и писателей доселѣ на его развитіи и обогащеніи познаніями основываютъ всѣ надежды преуспѣянія народа какъ въ нравственномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи. Но, во первыхъ, не мыслимо, чтобы полное научное развитіе ума и высшее образованіе когда нибудь могли быть доступны народнымъ массамъ; полуобразованіе же, соединенное съ ложною само-

[1]) «Странникъ» 1901 г. декабрь стр. 936.

увѣренностію, есть великое зло. Во вторыхъ, самый умъ есть частная сила духа, и его образованіе есть только часть человѣческаго совершенства. Много другихъ сторонъ и силъ въ человѣческомъ духѣ, которыя развиваются не наукою; много всякихъ благотворныхъ и вредныхъ вліяній проходитъ въ душу мимо ума и дѣйствуетъ на нее рѣшительно въ пользу, или во вредъ правильному развитію человѣка. Кромѣ того, раннее дѣтство есть возрастъ недоступный для науки, но въ этомъ возрастѣ многое закладывается въ нашъ внутренній міръ помимо сознанія и впослѣдствіи обнаруживаетъ вліяніе на всю жизнь и судьбу нашу. Наконецъ, цѣлыя народныя массы, по необходимости остающіяся чуждыми научнаго развитія, не могутъ быть и руководимы наукою, а между тѣмъ въ нихъ заключаются громадныя силы, которыя должны быть чѣмъ нибудь направляемы къ благимъ цѣлямъ своей личной и общественной жизни. Гдѣ же эти истины, которыя могутъ проникать во всякую душу? Гдѣ способы ученія, примѣнимые ко всякому возрасту и всякому развитію человѣка? Гдѣ, наконецъ, столь сильныя побужденія, которыя бы могли двигать цѣлыя племена и народы вѣрно и безостановочно по пути къ нравственному совершенству и благосостоянію? Только въ религіи и для насъ въ православной вѣрѣ. Чѣмъ ушиблись, по народному изрѣченію, тѣмъ и лечиться нужно. Если по мысли нашихъ выдающихся дѣятелей причина современной нравственной ненормальности лежитъ въ попраніи религіи и духовныхъ началъ, то возстановленіе ихъ будетъ источникомъ возрожденія. Что для улучшенія нашей жизни прежде всего существенно необходимо поднятіе значенія духовныхъ явленій въ сознаніи общества, въ этомъ глубоко убѣждены далеко не одни проповѣдники религіи. Подобное убѣжденіе вполнѣ раздѣляютъ и многіе лучшіе свѣтскіе люди, задумывающіеся надъ судьбами своего отечества и ищущіе выхода изъ настоящаго тягостнаго положенія его. «Выйдти изъ этой удушливой атмосферы, говоритъ объ одностороннемъ, матеріалистическомъ направленіи умственнаго просвѣщенія и тѣсно связаннымъ съ нимъ нравственномъ состояніи современнаго русскаго общества одинъ изъ нашихъ ученыхъ (Б. Чичеринъ), составляетъ существенную потребность всякаго, въ комъ еще живы интересы мысли, кто не довольствуется житейскою пошлостью. А выйдти изъ нея можно только однимъ способомъ: поднявши глаза къ верху, вмѣсто того, чтобы упорно держать ихъ прикованными къ низу, окинуть взоромъ все не-

объятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ, небесное и земное.» [1]) Еще опредѣленнѣе и со свойственнымъ ему увлеченіемъ высказался по тому же вопросу нашъ знаменитый писатель-художникъ Ѳ. М. Достоевскій. По его глубокому убѣжденію все зло и фальшь современной русской культуры лежитъ въ томъ, что передовые руководители ея сами не имѣютъ и ясно не понимаютъ огромной важности религіозно-нравственныхъ началъ въ народной жизни. Онъ считаетъ важнѣйшею, капитальною ошибкою нашей интеллигенціи, что она не видитъ и не придаетъ серьезнаго значенія православной вѣрѣ и церкви для народа. Оттого-то русская интеллигенція такъ оторвана отъ послѣдняго, рѣшительно безпочвенна, потому-то и народная духовно-просвѣтительная дѣятельность ея совершенно ничтожна и безплодна. «Народъ русскій, говоритъ Достоевскій, въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія, хотя и не разумѣетъ эту идею отчетливо и научно... Въ сущности въ народѣ нашемъ все изъ нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ народъ нашъ такъ хочетъ, чтобы что есть у него и что даютъ ему, изъ этой одной лишь идеи исходило, не смотря на то, что многое у самаго же народа является смраднаго, варварскаго и грѣховнаго... Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ церкви. Но кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его православія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойметъ и самаго народа нашего. Никогда и народъ не приметъ такого русскаго европейца за своего человѣка; «*полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту,* и тогда ты точно таковъ, какъ я, *мой братъ,* несмотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство.» [2]) И вотъ, когда повидимому среди нашего общества назрѣла настоятельная потребность въ напоминаніи о забытыхъ и попранныхъ интересахъ человѣческаго духа, промыслу Божію, воздвигающему во время благопотребное дѣлателей на дѣло свое, угодно было послать православной Россіи великаго носителя и руководителя духовной жизни, этого истиннаго богатыря духа, въ лицѣ покойнаго святителя Ѳеофана.

Не всякій учитель религіи можетъ быть дѣйствительнымъ руководителемъ духовной жизни. Только человѣкъ самъ причастный ея, самъ лично пережившій и перегорѣвшій въ горнилѣ внутрен-

[1]) Наука и религія. Б. Чичерина. Предисловіе. [2]) Дневникъ Достоевскаго 1881 г

няго опыта можетъ заговорить съ людьми о духовной жизни со всепобѣждающей силой, возбуждающей энергію и порождающей готовность на нравственные подвиги. Такъ именно смотрѣлъ на христіанскаго учителя преосв. Θеофанъ «Чтобы вести другихъ, говоритъ онъ, надобно видѣть всѣ распутія жизни, опытно знать ихъ и знать, какъ они отклоняются, а для этого надобно стоять на нѣкоторой высотѣ, съ коей можно бы обозрѣвать и всѣ пути и всѣхъ идущихъ и того между ними, кто ввѣрился. Дѣло все въ покореніи страстей: не побидивший страсти не можетъ дать надлежащаго правила на ихъ покореніе, потому что самъ страстенъ и судитъ страстно. Затѣмъ-то умный, но самъ не испытавший руководитель, никогда не поведетъ далеко, при всемъ своемъ желаніи. И самъ онъ и руководимый будутъ говорить, разсуждать о путяхъ Божихъ и все толочься на одномъ мѣстѣ.» *) И таковымъ именно руководителемъ былъ самъ авторъ этого ученія. Онъ училъ не только словомъ, но и подвигомъ своей жизни. Раскрывши въ своихъ богомудрыхъ писаніяхъ идеалъ истинной христіанской нравственности, святитель практически осуществилъ его. Всякое слово подвижника производитъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что оно запечатлѣно его жизнею. Когда онъ говоритъ: «Не тяготѣйте къ землѣ... Все тлѣнно, только одно счастье загробное вѣчно, неизмѣнно, вѣрно. И это счастье зависитъ отъ того, какъ мы проживемъ эту нашу жизнь,» тогда живымъ воплощеніемъ этого идеальнаго взгляда стоитъ его затворъ, его полное отреченіе отъ мра и его нежеланіе взять отъ жизни что-нибудь кромѣ духа. Преосв. Θеофанъ всю свою жизнь посвятилъ рѣшенію и выясненію важнѣйшихъ нравственныхъ вопросовъ. И исполнилъ эту задачу съ такою широтою и глубиною, какъ никто изъ нашихъ духовныхъ писателей. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ съ особенною настойчивостью и силою развиваетъ мысль о великомъ значеніи духовныхъ началъ для блага человѣческой жизни, личной и общественной. По его глубокому убѣжденію, современное общество потому и ненормально живетъ, такъ тежело нравственно страдаетъ, что забыло и пренебрегло потребностями духа. Оно односторонне увлеклось, погрязло въ матеріальныхъ интересахъ, а между тѣмъ несомнѣнна истина *«не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ,»* для дѣйствительнаго, не призрачнаго жизненнаго блага *«едино есть на потребу.»* Святитель

*) Преосв. Θеофанъ. Что потребно покаявшемуся и вступившему на путь доброй жизни.

неоднократно настойчиво повторяетъ, что потребности духа выше и дороже всего въ человѣкѣ; удовлетвори ихъ прежде всего и увидишь счастье на землѣ, ибо остальное все само собою приложится тебѣ. «Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онѣ удовлетворяются, то другія хоть и не будутъ удовлетворяемы, покой бываетъ; а когда онѣ не удовлетворяются, то будь всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и называется *единымъ на потребу*. Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онѣ научаютъ человѣка поставлять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочихъ потребностей, такъ что ни то, чѣмъ удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчитъ духовной жизни, а ей воспособствуетъ,—и въ человѣкѣ водворяется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруженій его жизни, гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. Напротивъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности разбѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего, и какъ ихъ куча, то голоса ихъ, какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго человѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ угорѣлый, за удовлетвореніемъ ихъ. Но покоя никогда не имѣетъ, потому что когда одна удовлетворяется, другія не удовольствуются тѣмъ, и, не считая себя чѣмъ-либо ниже той, которая почтена удовлетвореніемъ, настойчиво требуютъ своего, какъ у матери, когда она накормитъ одного ребенка, другіе пять кричатъ. Оттого внутри у такого шумъ, гамъ, разволока во всѣ стороны и во всемъ безпорядочность. Такой ничѣмъ недоволенъ, всегда въ тугѣ, то утомившись стоитъ выпуча глаза и неудомѣвая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушеніе духа!»)

Люди, поверхностно знакомые съ жизнію и твореніями преосвящ. Ѳеофана, возражаютъ, что его идеалы слишкомъ отвлечены и практически непримѣнимы, что многіе его взгляды носятъ чисто аскетическій характеръ. Остановимся на этомъ возраженіи и посмотримъ, насколько оно состоятельно. Да, святитель былъ дѣйствительно великій подвижникъ въ духѣ первыхъ временъ христіанства. Но его аскетическій подвигъ ничуть не заслонялъ собою явленій и нуждъ обычной человѣческой жизни. Съ высоты его онъ ясно видѣлъ эти нужды и всегда шолъ на встрѣчу имъ. Онъ былъ истиннымъ духовнымъ

*) Что есть духовная жизнь. Стр. 69—70.

учителемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ—для людей всякаго званія и состоянія. И это не могло быть иначе, ибо по глубокому убѣжденію святителя христіанство представляетъ собою не столько теоретическое ученіе, но главнымъ образомъ и дѣйствительную нравственную жизненную силу, каковую мысль онъ не разъ повторяетъ и основательно доказываетъ. «Христіанство не ученіе, а жизнь. И самое ученіе его входитъ въ жизнь, какъ опредѣленный образъ, воззрѣніе на все сущее и бывающее.» «Вѣра христіанская не система ученія, а образъ возстановленія падшаго въ силу смерти Богочеловѣка, благодатью Духа Святаго. Возьмите кого-либо изъ шедшихъ въ слѣдъ Господа, и увидите, какъ онъ мало-по-малу растетъ духомъ, и становится великимъ при всей невзрачности внѣшней. Вотъ о. Серафимъ. Простой, неученый до чего дошелъ? Невѣрамъ многоученымъ уста заграждалъ единымъ словомъ. Вотъ и сила. А жизнь его какова, а нравъ? Такъ и всѣхъ передѣлываетъ благодать, которые предаются ей.» *) Если таково жизненное значеніе христіанства, то само собою падаетъ возраженіе противъ практическаго примѣненія идей преосв. Θеофана. Онъ самъ зналъ о подобномъ возраженіи и по содержанію его даетъ слѣдующее разъясненіе: «Инымъ кажется очень строгимъ все творить во славу Божію, они потому и полагаютъ, что при дѣлахъ можно имѣть и другія цѣли, внѣ Бога, только бы сіи цѣли не исключали Бога, и вообще, говорятъ, можно ограничиваться тѣмъ, чтобы только чаще относить къ Богу дѣла. Всѣ же дѣла посвящать Богу есть удѣлъ совершеннѣйшихъ, что можно совѣтовать, но къ чему всѣхъ обязывать не должно. Какъ унижена тутъ свѣтлая христіанская жизнь! Какъ видимо тутъ нехотѣніе и лѣность сдѣлать напряженіе, чтобы возноситься къ Богу! Но, во первыхъ, все посвящать Богу не есть совѣтъ, а цѣль необходимая, обязательная: *Прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесахъ вашихъ; вся во славу Божію творите...* Что яснѣе и опредѣленнѣе сего? И зачѣмъ относить сію цѣль къ совершеннѣйшимъ только, когда такое направленіе дѣйствія не требуетъ особаго напряженія: кто творитъ уже добро, скажи ему только, чтобы онъ мысленно и сердечно посвятилъ его Богу. Какой здѣсь трудъ?» «Тутъ труднаго и громаднаго ничего нѣтъ. Все просто. Начните понемногу и успѣете все сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Но если и не успѣете все сдѣлать, какъ бы хотѣлось, сдѣлайте, какъ сможете.

*) Письма вып. 1. Стр. 148.

Господь не взыскателенъ на мелочи. Онъ цѣнитъ усердіе и намѣреніе.» *) Христіанское ученіе преосв. Θеофанъ признаетъ удобоисполнимымъ прежде всего потому, что находитъ его вполнѣ естественнымъ для духовной природы человѣка. Вездѣ указывая и выясняя въ своихъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ, какъ высокія истины Евангелія глубоко соотвѣтствуютъ истиннымъ и законнымъ стремленіямъ души человѣческой, онъ достигаетъ того, что читатель можетъ видѣть и понять, какъ представляющіяся на первый взглядъ трудными и по видимому неудобоисполнимыми требованія нравственнаго закона Христова оказываются на самомъ дѣлѣ удобопріемлемыми и осуществимыми въ жизни такими же подобострастными намъ людьми. По мнѣнію святителя мы настолько осуетились и обмірщились, что у насъ нерѣдко не является и самой мысли и вопроса о степени примѣнимости къ жизни христіанскихъ началъ. Если же человѣкъ серьезно попробуетъ осуществить ихъ въ своемъ поведеніи, то скоро же собственнымъ опытомъ дознаетъ и убѣдится, какъ по истинѣ и дѣйствительно *иго Христово благо и бремя Его легко есть*. Онъ не только не будетъ тяготиться этимъ игомъ, но, напротивъ, вкусивъ дрховную сладость несенія его, переживетъ высшее, неземное настроеніе, испытаетъ полное нравственое удовлетвореніе. Жизненное примѣненіе духовныхъ началъ въ значительной степени облегчается тѣмъ, что христіанство чуждо пустыхъ, формальныхъ требованій, мелочныхъ предписаній. Напротивъ, оно повсюду проповѣдуетъ полную свободу духа надъ буквою закона. Почему въ писаніяхъ святителя нерѣдкость встрѣтить, напр., наставленіе о томъ, что можно не связывать себя большимъ молитвеннымъ правиломъ, а лучше совершить только нѣсколько молитвъ, но доводя ихъ до сердца и чувства; можно не обременять себя продолжительнымъ и изнурительнымъ постомъ, полезнѣе малое пощеніе, но при истинно благочестивой внутренней настроенности и т. д.

Помимо общаго, теоретическаго разъясненія вопроса о жизненномъ приложеніи христіанскихъ истинъ преосв. Θеофану приходилось неоднократно рѣшать тотъ же вопросъ по требованію практическихъ нуждъ, по желанію и просьбѣ лицъ, искавшихъ его духовнаго руководства. И отвѣтъ получался всегда одинъ —приложеніе это вполнѣ возможно во всякомъ званіи и общественномъ положеніи христіанина. Вотъ поразительно простое, но глубоко жизненное, мудрое правило въ отвѣтъ на

*) Что есть духовная жизнь. Стр 152.

запросъ, какъ жить человѣку согласно своему высокому христіанскому назначенію среди обычной житейской суеты: «Дѣлайте, что подъ руку попадется, въ вашемъ кругу и въ вашей обстановкѣ, и вѣрьте, что это есть и будетъ ваше настоящее дѣло, больше котораго отъ васъ и не требуется. Большое заблужденіе въ томъ, когда думаютъ, будто для неба, или для того, чтобы сдѣлать и свой вкладъ въ нѣдра человѣчества, надо предпринимать большія и громкія дѣла. Совсѣмъ нѣтъ. Надобно только дѣлать все по заповѣдямъ Господнимъ. Что же именно? Ничего особеннаго, какъ только то, что всякому представляется по обстоятельствамъ его жизни, чего требуютъ частные случаи, съ каждымъ изъ насъ встрѣчающіеся. Это вотъ какъ. Участь каждаго Богъ устрояетъ, и все теченіе жизни каждаго тоже дѣло Его всеблагаго промышленія, слѣдовательно, и каждый моментъ и каждая встрѣча. Возьмемъ примѣръ: къ вамъ приходитъ бѣдный; это Богъ его привелъ. Что вамъ сдѣлать надо? Помочь. Богъ, приведшій къ вамъ бѣднаго, конечно, съ желаніемъ, чтобы вы поступили въ отношеніи къ сему бѣдному, какъ Ему угодно, смотритъ на васъ, какъ вы въ самомъ дѣлѣ поступите. Ему угодно, чтобы вы помогли. Поможете? Угодное Богу сдѣлаете, и сдѣлаете шагъ къ послѣдней цѣли—наслѣдію неба. Обобщите этотъ случай, выйдетъ: во всякомъ случаѣ и при всякой встрѣчѣ надобно дѣлать то, что хочетъ Богъ, чтобы мы сдѣлали, А чего Онъ хочетъ, это мы вѣрно знаемъ изъ предписанныхъ намъ заповѣдей.

Помощи кто ищетъ?—Помоги!

Обидѣлъ кто? —Прости!

Сами обидѣли кого?—Спѣшите испросить прощеніе и примириться! и проч. и проч. и проч.

«Надо выбросить изъ головы всѣ планы *о многополезной многообъятной, общечеловѣческой* дѣятельности, и жизнь ваша будетъ созерцаться вложенною въ покойныя рамки, и безъ шума ведущею къ главной цѣли. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданнаго томимому жаждою, не забываетъ. Благодареніе Господу, что Ему угодно было цѣнность дѣлъ нашихъ опредѣлять не ихъ широтою и великостію, а внутреннимъ нашимъ расположеніемъ при дѣланіи ихъ, окруживъ между тѣмъ насъ премножествомъ случаевъ къ дѣланію дѣлъ по волѣ Его, такъ что, если внимаемъ себѣ, можемъ поминутно дѣлать дѣла Богоугодныя. Для этого нѣтъ нужды ходить за море, а смотри около всякій день и часъ, на чемъ

видишь печать заповѣди, исполняй то неотложно, въ томъ убѣжденіи, что такого, а не другаго дѣла требуетъ отъ тебя въ этотъ часъ Самъ Богъ.» *)

Конечно, никто не долженъ сказать, что подобнымъ правиломъ возлагаются на христіанина *бремена неудобоносимыя*, а между тѣмъ съ точки зрѣнія его преосв. Ѳеофанъ изъясняетъ возможность осуществленія въ обычной жизненной обстановкѣ всѣхъ важнѣйшихъ требованій христіанскаго закона, не исключая даже самыхъ возвышенныхъ и идеальныхъ. По-видимому, что можетъ быть менѣе приложимо среди нашей повседневной житейской суеты, какъ мысль о непрестанной молитвѣ, а между тѣмъ по ученію святителя она вполнѣ возможна: «Что значитъ *непрестанно молиться?* Быть непрестанно въ молитвенномъ настроеніи. Молитвенное настроеніе есть—мысль о Богѣ и чувство къ Богу совмѣстно. Мысль о Богѣ мысль о Его вездѣсущіи, что Онъ вездѣ есть, все видитъ и все содержитъ. Чувство къ Богу страхъ Божій, любовь къ Богу, ревностное желаніе всѣмъ угождать Ему одному, съ такимъ же желаніемъ избѣгать Ему неугоднаго. Чувство къ Богу можетъ имѣть мѣсто при всѣхъ нашихъ дѣлахъ, занятіяхъ и обстоятельствахъ.»

«Мысль можетъ быть отвлекаема разными предметами но и тутъ возможенъ навыкъ не отступать отъ Бога, а всѣмъ заниматься при свѣтѣ памятованія о Богѣ. Вотъ объ этихъ-то двухъ—о мысли и чувствѣ къ Богу всю заботу и имѣть надо Когда они есть, есть молитва, хотя нѣтъ молитвенныхъ словъ.

«Утреннее молитвословіе на то и назначается, чтобы водрузить въ сознаніи и сердцѣ сіи двѣ вещи... И съ ними потомъ выходить на дѣло свое и на дѣланіе. Если вы утромъ возставите сіе въ душѣ, то вы помолились, какъ слѣдуетъ, хоть и не всѣ прочитаете молитвы...»

«Положимъ, что вы утромъ настроились такъ и вышли на дѣло. Съ перваго шага начнутся впечатлѣнія отъ дѣлъ и вещей и лицъ, отбивающія душу отъ Бога... Какъ быть? Надо поновлять мысль и чувство... внутреннимъ къ Богу обращеніемъ ума и сердца. А чтобъ это удобнѣе было, надо навыкнуть какой-либо коротенькой молитвѣ, и повторять ее какъ только возможно чаще. Всякая коротенькая молитовка идетъ къ сему. Но пригожѣе всѣхъ молитва ко Господу Спасителю: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!

*) Что есть духовная жизнь. Стр. 62—64.

Трудитесь навыкать ей, и не отставайте, пока навыкните... Она, укоренившись, будетъ непрестаннымъ двигателемъ и предстояніемъ Богу мыслію и чувствомъ къ нему. Вотъ вамъ вся программа молитвеннаго дѣла!» [1])

Что идеи и сочиненія преосв. Ѳеофана не были одною мертвою теоріею, а имѣли жизненное значеніе, объ этомъ особенно ясно свидѣтельствуетъ его обширная переписка. Изъ послѣдней видно, какая масса лицъ разнаго званія и общественнаго положенія искала его духовнаго руководства. Изъ многочисленныхъ доказательствъ того, на сколько были важны указанія и наставленія святителя для нравственной жизни нуждавшихся въ нихъ и чего послѣдніе лишались съ потерею своего наставника приведемъ слѣдующее. Одинъ почтенный юристъ, долго пользовавшійся духовными совѣтами преосв. Ѳеофана съ глубокою скорбью пишетъ по поводу смерти его: «Святитель съ кончиною своею унесъ съ собою въ могилу все, что было самаго драгоцѣннаго въ моей жизни: наставника, руководителя, печальника и молитвенника, вся забота котораго при жизни состояла въ томъ, чтобы вырывать изъ когтей веліара погибающія души и въ мѣстѣ съ ангелами радоваться о каждомъ кающемся грѣшникѣ. Хотя трудно примириться съ тою мыслію, что святитель покинулъ насъ на вѣки, но утѣшеніе имѣемъ въ томъ сознаніи, что какъ здѣсь на землѣ онъ любилъ своихъ ближнихъ, также точно и тамъ, въ горнихъ обителяхъ, предстоя престолу Всевышняго, возноситъ свои горячія молитвы за всѣхъ скорбныхъ, убогихъ и несчастныхъ» [2])

Таково нравственное вліяніе писемъ преосв. Ѳеофана. Таковоже значеніе и сочиненій его вообще, ибо содержаніе переписки представляетъ собою только приложеніе общихъ мыслей къ частнымъ случаямъ жизни. Жизненно-воспитательное вліяніе твореній преосвящ. Ѳеофана вполнѣ можно охарактеризовать слѣдующими словами, сказанными однимъ глубокимъ знатокомъ и почитателемъ митрополита Филарета о проповѣдяхъ послѣдняго: «Подобное чтеніе служитъ какъ бы предохранительнымъ врачевствомъ на весь день отъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, пособіемъ къ борьбѣ насущной съ порокомъ и страстію; западаетъ иногда благая мысль въ сердце и желается чистоты,

1) Письма преосв. Ѳеофана. Изд. «Душеполезнаго Чтенія» Стр. 31—32.
2) Письма вып. 1. Стр 243. Письмо присяжн. повѣреннаго Карякина изъ Задонска.

кротости, незлобія: послышится любовный призывъ къ покаянію и заговоритъ совѣсть въ смиреніи, и блеснетъ предъ очами духа свѣтъ истины, и исполнится душа рвенія къ молитвѣ,... и часто вспоминается, что человѣкъ есть храмъ Божій и проникнешься трепетомъ, какъ бы не осквернить въ себѣ храма Божія. Такимъ образомъ привыкнешь мало по малу къ осторожности и самонаблюденію, и удается порой иному воздержаться отъ неразумнаго или обиднаго слова, отъ нечестиваго взгляда, удается иному порой обуздать движеніе досады, подавить недоброе чувство, отогнать нехорошій помыслъ. *) Мы нарочно привели настоящую выписку потому, что почитаемъ преосв. Θеофана по духу писаній и характеру жизненнаго подвига прямымъ преемникомъ и продолжателемъ дѣла приснопамятнаго святителя Филарета. Промыслъ Божій воздвигъ этихъ великихъ столповъ Русской церкви на двухъ граняхъ пресловутаго 19 вѣка—одного въ началѣ, а другого въ концѣ съ тѣмъ, чтобы въ эпоху столь распространеннаго умственнаго броженія, во дни умноженія лжеученій отлить содержаніе православія въ твердыя, незыблемыя формы, дабы еще разъ установить неизмѣнное, непреложное ученіе, выяснить евангельскую высоту и чистоту православія, на которое дѣлались и дѣлаются дерзкія покушенія и посягательства. Оба великіе святителя, при существенной общности своего служенія православной церкви, выполнили его съ поразительною силою и успѣхомъ съ двухъ, внутренне связанныхъ и взаимно дополняющихъ одна другую сторонъ. Филаретъ, объявшій своимъ геніемъ всю широту христіанскаго міровоззрѣнія, сосредоточилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ на проповѣди вѣры Христовой, а Θеофанъ, проникшій въ самыя сокровенныя тайники внутренней духовной жизни, явился по преимуществу благовѣстникомъ евангельской нравственности. Не мало духовныхъ свѣтильниковъ освѣщало пути нашей грѣшной жизни, но только одинъ преосв. Θеофанъ отдалъ всю свою жизнь этому подвигу, и въ немъ существо его исторической заслуги, общественное значеніе которой будетъ расти съ духовнымъ развитіемъ нашего отечества.

Всякому, обозрѣвающему жизнь и труды преосв. Θеофана, невольно приходитъ убѣжденіе, что для подобнаго подвига далеко недостаточно однѣхъ обыкновенныхъ, естественныхъ силъ чело-

*) Записки о жизни митроп. Филарета Н. Сушкова стр. 99.

вѣка, а нужна сверхъестественная помощь. На святителѣ видимо почила благодать Божія и впечатлѣніе отъ его личности по справедливости можно обозначить слѣдующими словами самого же подвижника объ облагодатствованномъ человѣкѣ: «Подобно тому какъ огнь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза держится, но выходитъ наружу и огненную свою силу являетъ ощутительно для всѣхъ, такъ и благодать, проникнувъ все естество наше, становится потомъ осязательно видима для всѣхъ. Всѣ, приходящіе въ соприкосновеніе съ таковымъ облагодатствованнымъ, чувствуютъ присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся въ немъ разнообразно. Станетъ онъ говорить о чемъ-либо духовномъ, все у него выходитъ ясно, какъ среди дня; и слово его идетъ прямо въ душу, и тамъ властно слагаетъ соотвѣтственныя себѣ чувства и расположенія. Да хоть и не говоритъ, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согрѣвающая, и сила нѣкая исходитъ, возбуждающая нравственную энергію и раждающая готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги.» «Существованіе въ мірѣ подобныхъ лицъ есть великая благодать Божія. Они замѣняютъ апостольскія мрежи и невольно влекутъ къ себѣ.» *)

Заключимъ настоящій очеркъ авторитетной характеристикой общественнаго служенія преосв. Ѳеофана, сдѣланной однимъ изъ нашихъ архипастырей, глубокимъ почитателемъ его. «Въ Бозѣ почившій святитель, говоритъ высокопреосвящ. Никандръ (Виленскій), своею жизнью и своими трудами представляетъ то дивное, непонятное съ точки зрѣнія міра сего и сильнѣе всякихъ другихъ доказательствъ и соображеній обличающее мірскія лжемудрованія,—явленія, которое съ одной стороны служитъ къ прославленію Бога въ лицѣ почитающихъ Его, а съ другой—къ оправданію великаго значенія и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющагося въ духѣ строгаго аскетизма—затворничества. Въ лицѣ преосвященнаго Ѳеофана мы имѣемъ общаго христіанскаго учителя—при его безмолвіи; общественнаго дѣятеля—въ затворѣ; церковнаго проповѣдника, всюду слышимаго, хотя и не являвшагося въ послѣднее время на церковной каѳедрѣ; миссіонера—обличителя сектантскихъ заблужденій, хотя и не выступавшаго на поприщѣ открытой миссіонерской дѣятельности; яркаго свѣтильника ученія Христова для народа православнаго, хотя видимо для всѣхъ и не стоявшаго въ послѣднее время на

*) Преосв. Ѳеофанъ. Мысли на каждый день года

свѣщницѣ церковномъ, хотя и укрывавшагося отъ взоровъ народныхъ; никакого почти достатка матеріальнаго не имѣвшаго, но всѣхъ богатившаго и богатящаго доселѣ духовнымъ достояніемъ ученія своего; не искавшаго временной, земной славы, но прославляемаго теперь и людьми, и наукою, и цѣлыми учрежденіями, и самыми своими твореніями, въ которыхъ онъ поистинѣ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворенный... И исполняется надъ нимъ слово Христово въ евангеліи, вопреки ищущимъ мірской, земной славы: онъ работалъ Отцу небесному *втайнѣ*, — и вотъ мы какъ бы слышимъ Спасителя, говорящаго ему словами евангелія *„И Отецъ твой видя втайнѣ, воздастъ тебѣ явно!“* (Церковный Вѣстникъ 1894 г. № 8, стр. —120))

ФУНД[illegible]
Общественных наук
Академии Наук СССР

*) **Примѣчаніе.** Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что большинство значительныхъ по объему выдержекъ изъ сочиненій преосвящ. Ѳеофана предворено нашимъ сокращеннымъ изложеніемъ содержанія, съ указаніемъ общихъ мыслей отрывка, главнымъ образомъ во вниманіе къ нуждамъ и интересамъ лицъ, не получившихъ какого-бъ то ни было законченнаго образованія По мнѣнію послѣднихъ предварительное изложеніе общаго содержанія того или другого отдѣла книги облегчаетъ пониманіе и способствуетъ болѣе прочному усвоенію подробнаго послѣдовательнаго развитія мыслей автора.